ISSN 2220-2404 (печать)
ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 7
2026

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки

Humanities, social-economic and social sciences

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал

www.online-science.ru

№ 7
2026

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 7 от 24.07.2026

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 248-12/2025 от 03.12.2025 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Ображиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западносибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабкина Е.В., **Зотов А.Ю.**, **Плотников В.В.**
Социальные факторы криминализации Петербурга второй половины XIX века
(ретроспективный анализ управленческого коллапса в сфере миграции) 13

Галлямова Д.А.
Социальные эффекты научно-образовательных центров мирового уровня
в российских регионах 18

Дудочников А.И., **Латыпов Т.И.**
Репрезентация цифровых технологий в современных российских медиа 23

Жуланов А.В., **Плотников В.В.**, **Самойлов С.Ф.**
Девиантологический анализ скрытой телеологии пассивной агрессии
(критическое рассмотрение эксперимента «Ритм 0») 32

Касьянов В.В., **Манучарян А.К.**, **Самыгин П.С.**
Политическая апатия современной российской молодежи и способы ее преодоления 39

Лушников Д.А., **Долгополов К.А.**, **Кузнецова О.Н.**
Угрозы и риски влияния цифровых платформ на молодежь 47

Медведев С.В., **Лисничая М.А.**
Возможности и ограничения реализации гражданских инициатив
в цифровой среде: экспертная оценка 56

Парфенов К.Б.
Социальное время: концепция многоуровневого хронального поля социальных систем 62

Пчегатлук С.К., **Руденко Ю.Е.**
Социальное ускорение жизни в условиях современного общества:
социологический анализ 68

Романова О.Д., **Олесова А.П.**
Кредитное поведение молодежи: мотивы и поведенческие установки 74

Тамбиянц Ю.Г., **Лугинина А.Г.**, **Токарев К.К.**, **Мосьпан К.А.**
Традиционная маскулинность как феномен социального сознания россиян:
теоретико-методологическая проблематика (статья 1) 83

Тарасенко Л.В.
Сравнительный анализ социальных представлений о будущем в России и за рубежом:
от ретроутопии к технооптимизму 92

Ткачев А.А., **Хрипкова Д.В.**, **Хрипков К.А.**
Цифровой социальный капитал как основа резилиентности локальных сообществ
в условиях цифровизации городской среды 99

Турдимурадова Г.Р.
Брачные стратегии мигрантов в современном российском обществе:
теоретические подходы и факторы формирования 107

Фокин С.А.
Проектная деятельность в процессе образовательного перехода школа-вуз:
функции и дисфункции 113

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., **Понеделков А.В.**, **Хорольский Г.В.**, **Попова Е.А.**
Коррупционеры, имевшие особый правовой статус 123

Букреев В.В.
Признание сделок взаимосвязанными в контексте способов защиты гражданских прав 131

Игнатов А.Н.
Архитектура системы преступности: постановка вопроса 139

Калинина Е.А.
Эффективность декларативных норм права:
методологические подходы и критерии оценки 145

Коблева З.Х.
Незарегистрированный брак в молодежной среде: правовая неопределенность 151

Кузьменко В.И.
Концепция гражданской идентичности в политико-правовых учениях XVI–XVII вв. 157

Матюшенко К.Б.
К вопросу о структурной организации правового менталитета: функциональная модель 162

Мирова М.А.
Исторические аспекты развития принципа самоопределения народов 170

Сачков А.Н.
Уголовно-правовая характеристика NFT-токенов как предмета организации
деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества 178

Чимаров Н.С.
Современный политико-правовой контекст института иностранного
(международного) наблюдения за выборами 184

Чимаров С.Ю.
Теоретико-правовые основы политико-воспитательной работы
в органах внутренних дел России 190

Шилов Ю.М.
Система полномочий органов публичной власти
в области развития предпринимательства 196

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимов В.Н.
Этапы создания высокотехнологичных предприятий и типология барьеров локализации:
на примере производства микроприводов в условиях импортозамещения 205

Казибекова Н.А.
Отрасли экономики Дагестана, способствующие развитию
сельского туризма в регионе 213

Ниязова И.М.
Эмоциональный интеллект медицинских работников
как фактор экономической эффективности медицинской организации 220

Переседов А.М., **Харабадзе Н.В.**
Эмитенты стейблкоинов как новая категория держателей государственного долга США 230

Рекшня Д.А.
Оптимизация тарифного регулирования в сфере водоснабжения
и водоотведения с использованием метода нормирования затрат 240

Сулейманова К.А., **Сулейманов Р.Р.**
Анализ российского ликёро-водочного рынка после 2022 года 247

Хомутов О.В.
Оценка эффективности вертикальной интеграции: пример Костромской области 254

Чугаева Ю.А.
Реформирование налогообложения в системе обеспечения
устойчивого развития нефтяной промышленности 260

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Elena V. Babkina, **Alexey Yu. Zotov**, **Vladimir V. Plotnikov**
Social factors behind the criminalization of St. Petersburg in the second half of the 19th century (a retrospective analysis of administrative collapse in the sphere of migration) 13

Diana A. Gallyamova
Social effects of world-class research and education centers in russian regions 18

Alexey I. Dudochnikov, **Timur I. Latypov**
Representation of digital technologies in contemporary russian media 23

Aleksandr V. Zhulanov, **Vladimir V. Plotnikov**, **Sergey F. Samoilov**
A deviantological analysis of the hidden teleology of passive aggression (a critical examination of the «Rhythm 0» experiment) 32

Valery V. Kasyanov, **Artur K. Manucharyan**, **Peter S. Samygin**
The political apathy of modern Russian youth and ways to overcome it 39

Dmitry A. Lushnikov, **Kirill A. Dolgopolov**, **Oksana N. Kuznetsova**
Threats and risks of the impact of digital platforms on young people 47

Sergey V. Medvedev, **Margarita A. Lisnichaya**
Opportunities and limitations of implementing civic initiatives in the digital environment: an expert assessment 56

Konstantin B. Parfenov
Social time: the concept of a multilevel chronological field of social systems 62

Svetlana K. Pchegatluk, **Yulia E. Rudenko**
Social acceleration of life in modern society: a sociological analysis 68

Oksana D. Romanova, **Aita P. Olesova**
Youth credit behavior: motives and behavioral attitudes 74

Julian G. Tambiyants, **Anna G. Luginina**, **Kirill K. Tokarev**, **Konstantin A. Mospan**
Traditional masculinity as a phenomenon of social consciousness of russians: theoretical and methodological problems (Article 1) 83

Larisa V. Tarasenko
Comparative analysis of social perceptions of the future in Russia and abroad: from retrotopia to techno-optimism 92

Alexander A. Tkachev, **Dianna V. Khripkova**, **Kirill A. Khripkov**
Digital social capital as a basis for the resilience of local communities in the context of digitalization of the urban environment 99

Gulmira R. Turdimuradova
Marriage strategies of migrants in contemporary russian society: theoretical approaches and formation factors 107

Sergey A. Fokin
Project activity in the school-to-university educational transition: functions and dysfunctions 113

JURISPRUDENCE

Alexander N. Averin, **Alexander V. Ponedelkov**, **Gennady V. Khorolsky**, **Elena A. Popova**
Corrupt officials with special legal status 123

Vasily V. Bukreev
Recognition of transactions as linked in the context of ways of protection of civil rights 131

Aleksandr N. Ignatov
Crime system architecture: formulating the problem 139

Ekaterina A. Kalinina
Effectiveness of declarative legal norms:
methodological approaches and criteria for evaluation 145

Zuret Kh. Kobleva
Unregistered marriage in the youth environment: legal indefiniteness 151

Valentina I. Kuzmenko
The concept of civil identity in political and legal teachings of the 16th and 17th centuries 157

Kseniya B. Matyushenko
To the question of the structural organization of legal mentality: a functional model 162

Malika A. Mirova
Historical aspects of the development of the principle of self-determination of peoples 170

Andrey N. Sachkov
Criminal and legal characteristics of NFT tokens
as an object of organizing activities to attract money and other property 178

Nikolay S. Chimarov
Modern political and legal context of the institute of foreign (international) observers 184

Sergey Yu. Chimarov
Theoretical and legal basis of political
and educational work in the internal affairs bodies of Russia 190

Yuri M. Shilov
The system of powers of public authorities in the field of entrepreneurship development 196

ECONOMIC SCIENCES

Vladimir N. Akimov
Stages of creating high-tech enterprises and typology of localization barriers:
on the example of the production of microdrives under import substitution conditions 205

Naida A. Kazibekova
Sectors of the dagestan economy contributing
to the development of rural tourism in the region 213

Irina M. Niyazova
Emotional intelligence of medical workers as a factor
of economic efficiency of a medical organization 220

Alexey M. Peresedov, **Nodar V. Kharabadze**
Issuers of stablecoins as a new category of holders of US government debt 230

Dmitriy A. Rekshnya
Optimization of tariff regulation in the sphere of water supply
and wastewater disposal using the cost-setting method 240

Karina A. Suleymanova, **Rinat R. Suleymanov**
Analysis of the russian liquor market after 2022 247

Oleg V. Khomutov
Assessing the effectiveness of vertical integration: the case of the Kostroma region 254

Yulia A. Chugaeva
Taxation reform in the system for ensuring sustainable development of the oil industry 260

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

:

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-3
УДК 316

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПЕТЕРБУРГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОЛЛАПСА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ)

Бабкина Е.В.[1], Зотов А.Ю.[2], Плотников В.В.[3]
[1, 3]Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
[2]Волгоградской академии МВД России

Аннотация. В статье в методологическом русле социологии управления рассматривается криминализация Петербурга второй половины XIX века как реальный кейс соотношения провалов миграционной политики, стихийных изменений урбанистики и трансформации криминальной среды. Пространство города в настоящем исследовании показано не как результат прямой криминализации, а как область институционального несоответствия между масштабом притока населения и возможностями городской системы управления. Петербург этого времени показывается как место притяжения сословной (в первую очередь, крестьянской) миграции, что изменило его социальный состав по множеству параметров (половозрастная дифференциация, экономические, правовые, образовательные и социокультурные аспекты). При этом фактический рост населения (почти в три раза за полвека) делает исследование актуальным кейсом, позволяющим исследовать современные быстро растущие метрополии.

Ключевые слова: миграция, урбанистика, криминализация, Санкт-Петербург второй половины XIX века, аномия.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL FACTORS BEHIND THE CRIMINALIZATION OF ST. PETERSBURG IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF ADMINISTRATIVE COLLAPSE IN THE SPHERE OF MIGRATION)

Elena V. Babkina[1], Alexey Yu. Zotov[2], Vladimir V. Plotnikov[3]
[1, 3]Plekhanov Russian University of Economics,
[2]Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Adopting the methodological framework of the sociology of administration, this article examines the criminalization of St. Petersburg during the second half of the 19th century as a case study illustrating the interplay between failed migration policies, spontaneous urban changes, and the transformation of the criminal landscape. The urban space is portrayed here not merely as a product of direct criminalization, but as a zone of institutional mismatch between the scale of population influx and the capacity of the city's administrative system. St. Petersburg during this period served as a magnet for migration based on social estate (primarily involving the peasantry), which altered the city's social composition across numerous parameters (including age-sex distribution, as well as economic, legal, educational, and sociocultural aspects). Furthermore, the actual population growth–nearly threefold over half a century–makes this study a relevant case for understanding contemporary, rapidly expanding metropolises.

Keywords: migration, urban studies, criminalization, St. Petersburg (second half of the 19th century), anomie.

***Funding**:* Independent work.

© Бабкина Е.В., Зотов А.Ю., Плотников В.В.

Введение.

Вторая половина XIX века для Санкт-Петербурга стала периодом трансформации, социального усложнения и стремительного демографического прироста. Город, задумывавшийся как имперская витрина, административная столица и символ государственного порядка, оказался включен в процессы, которые не подчинялись прежней логике бюрократического конструирования пространства. Этому способствовал комплекс социальных факторов, среди которых наиболее существенными являлись:

– отмена крепостного права;

– развитие промышленности;

– технологический прогресс;

– специфика коммуникационной архитектуры;

– расширение рынка труда;

– растущая потребность столицы в дешевой рабочей силе.

Показательно, что изменения инициировались не только пребывающими в город, но и предприимчивыми представителями богатых сословий, подключивших капитал в процесс стихийной застройки.

В результате, Петербург все менее был городом учреждений и все более становился городом прибывающих, «снимающих углы», работающих сезонно, сохраняющих связь с деревней, но уже не живущих в деревенском порядке.

Таким образом, естественным образом сформировались предпосылки для изменения социально-демографических характеристик населения, что, в свою очередь, повлияло на ряд социальных процессов, складывавшихся в городе, включая области культуры, экономики, социально-правовых отношений, и, прежде всего – качественно-количественных характеристик социальных нарушений, фиксируемых на уровне города.

Исследовательский интерес к этому кейсу состоит не только в историческом описании городского роста, но и в социальной аналитике формирования и функционирования универсальных механизмов маргинализации городского пространства. Фактически, здесь начинает работать принцип: криминализация возникает не там, где появляется миграция как таковая, а там, где миграционный поток разрушает старые формы социального контроля быстрее, чем публичное управление создает новые формы включения.

Как таковая, проблема заключалась не в приезжих крестьянах, а в том, что город получил массу новых жителей, но продолжал мыслить их как временных рабочих, «пришлых», административно учитываемых, но социально не устроенных.

© Бабкина Е.В., Зотов А.Ю., Плотников В.В.

Материалы и методы. В ходе исследования применяются классические методы научного анализа, такие как анализ, сравнение, абстрагирование, дедукция и синтез. Также в рамках работы применяется исторический подход и теоретические положения структурного функционализма.

При исследовании поставленной проблемы для нас важны два понятия, через которые мы рассматриваем ее: «управленческий коллапс» и «аномия».

Понимание недостаточно эффективной управленческой функциональности основывается в настоящем исследовании сквозь призму работ выдающихся теоретиков урбанистики Петербурга, таких как Дж.Х. Бейтер [1], Д.Р. Брауэр [2], Э.Дж. Экономакис [3] и Р.Э. Зельник [5], а также О.В. Смуровой [12], Л. Лурье, А. Хитрова [8] и Б.Н. Миронова [11]

Опираясь на работы этих авторов, мы пришли к выводу о том, что управленческий коллапс для Петербурга второй половины XIX века означает не полное отсутствие власти, а гораздо более тонкое явление – власть видит движение населения, но не понимает, как превратить его в устойчивую городскую интеграцию.

Процесс естественной криминализации городского пространства мы рассматриваем в контексте исследования Дж. Нойбергера [4] и Б.Н. Миронова [10], тогда как возникновение и рост аномии – в контексте классических исследований Р.К. Мертона [9] и Э. Дюркгейма [6; 7].

Различие в понимании аномии здесь не противоречит исследовательской логике, напротив, мы полагаем, что в Петербурге второй половины XIX века на начальном этапе наличествовал рост аномии в дюркгеймовском смысле (прошлые ценности – ценности крестьянской общины разрушены, а новые еще не оформлены); в дальнейшем, наличествовало усиление аномии в мертоновском смысле (Петербург принимал новых горожан, но не предоставлял институциональных механизмов достижения социального успеха).

Обсуждение. Результаты.

Статистика городских переписей убедительно показывает масштаб миграции. По данным переписи 1869 года, в Петербурге проживало 667963 человека, из них крестьян обоего пола – 207007. К 1890 году численность населения достигла 954400 человек, а число крестьян – 501746; таким образом, крестьяне стали не периферийной группой, а одной из главных социальных масс столицы [11]. При этом городская повседневность воспроизводилась преимущественно людьми, для которых Петербург не был наследуемым жизненным миром. Они входили в город (зачастую экстремально) через рынок труда, казарменное жилье, артель, землячество, трактир, фабрику, лавку, двор, но далеко не все-

гда через школу, семью, гражданскую общину и легальные институты самоуправления.

Крестьянская миграция в Петербург была неоднородной, но имела устойчивую географию и социальную логику. Существенную роль играли выходцы из Ярославской, Костромской, Тверской, Новгородской, Псковской, Архангельской и других губерний северо-западного и центрального пояса России [12].

Практика отходничества трансформировалась из разовой в сезонную, тогда как сезонная, как правило, закреплялась в виде уязвимой оседлости. Если в первые десятилетия эскалации миграции крестьянин проводил в столице значительную часть года, зарабатывал деньги, но сохранял семью, земельную привязку, обрядовую идентичность и символический центр жизни в деревне, то ближе к началу 20-го века речь идет, скорее, о появлении новой прослойки жителей столицы. При этом последствия «двойной локальности» сохранялись.

Мигрант был уже недостаточно деревенским для прежнего общинного порядка, но еще недостаточно городским для включения в устойчивую городскую структуру. Он находился в промежуточном состоянии, которое можно назвать институциональной лиминальностью. Здесь важно то, что в городской среде формировались параллельно существующие социальные слои, реальность и повседневность которых отличалась принципиально.

Город становился пространством не только сословного соседства, но и сословного трения.

Дворянско-чиновничий Петербург, купеческий Петербург, ремесленно-артельный Петербург, фабричный Петербург и Петербург низовой уличной экономики существовали рядом, но не образовывали единого морального порядка.

В отличие от деревни, где бедность могла смягчаться плотностью родственных, приходских и общинных связей, городская бедность становилась анонимной [11]. Человек мог быть окружен тысячами людей и одновременно лишен признания, защиты и наблюдения. Возрастно-половая структура миграции усиливала напряжение городской среды. Молодой мужчина, оторванный от семьи, включенный в тяжелый трудовой режим, проживающий в перенаселенном помещении и не имеющий устойчивой перспективы восходящей мобильности, становился типичным персонажем модернизационного города.

Подобная ситуация объяснима через аномию в концепции Р.К. Мертона, но именно через его концепцию выстраивается закономерный вывод: отсутствие легальных институтов достижения социального успеха при долгом кризисе амортизируется маргинальной институциональностью.

При этом ситуация фактически развивалась без контроля и управления государственными органами, когда городская полиция могла задерживать, регистрировать, высылать, надзирать, однако, она не могла заменить жилье, трудовой договор, семейную социализацию, образование, санитарный контроль, социальную помощь и институциональное посредничество между деревней и городом.

Криминализация Петербурга была связана с расширением тех социальных промежутков, где официальная норма не исчезала, но утрачивала практическую действенность. Формируясь хаотично, стихийно, в условиях аномии в городе разрасталась социальная прослойка так называемого «дна». Именно здесь локализовывались зоны повышенного риска (пьянство, мелкие кражи, уличные драки, проституция, нелегальная торговля, мошенничество, насилие в трактирах и ночлежных пространствах).

Массовая крестьянская миграция обострила проблему перенаселенных квартир, углов, коек, ночлежек, рабочих казарм и трущобных зон. Здесь важно понимать, что жилище, с точки зрения социологии повседневности – это не только физическое укрытие, но и институт нормализации повседневности. Там, где отсутствуют семейные ритмы, приватность и устойчивое соседство, где жилье превращается в место кратковременного сна, резко снижается плотность морального контроля. Эти места становились пространством альтернативной социализации. Фактически, здесь маргинализация воспроизводилась и институциализировалась, когда вчерашние крестьяне учились городским навыкам, но далеко не всегда навыкам легального поведения.

В пространстве постоялого двора, ночлежки, трактира и рабочих казарм формировалась своеобразная культура выживания, где граница между допустимым и преступным могла становиться подвижной.

Следует отметить, крестьянская миграция не разрушала город однозначно. Напротив, она строила, обслуживала, кормила и экономически оживляла Петербург. Без нее невозможны были промышленное развитие, торговля, транспорт, коммунальное обслуживание, строительство, бытовая инфраструктура. При этом сама экономика и управленческая система города способствовала возникновению криминогенных ниш. Для части мигрантов преступление становилось не выражением устойчивой криминальной идентичности, а ситуативной стратегией адаптации в условиях неопределенности. В этом смысле, мелкая преступность была не столько «профессией», сколько побочным языком городской бедности. Теневая экономика здесь зачастую соседствовала с легальной, а как таковой город, хоть и нуждался в гибком, дешевом и дисциплинируемом труде, но не обеспечивал соответствующей социальной защиты.

Основной смысл управленческого коллапса заключался в том, что город зависел от мигрантов

© Бабкина Е.В., Зотов А.Ю., Плотников В.В.

функционально, но не признавал их полноценными субъектами городской жизни. Изменение урбанистики также было противоречивым: необходимо было обеспечить доступным жильем, приносящим сверхприбыль огромное количество приезжих, но, при этом они сами не воспринимались как равноценные социальные субъекты (скорее, как средства). Они были нужны как рабочие руки или как источник дохода за счет ренты, но нежелательны как социальное присутствие. Такой разрыв между экономическим включением и гражданско-институциональным исключением является одним из ключевых механизмов криминализации.

Таким образом, в рамках охваченного круга вопросов, сохраняет дискуссионный характер проблематика точной оценки уровня влияния крестьянской миграции на криминализацию Петербурга. Вместе с тем, сам факт влияния данного фактора на социально-демографические и экономические характеристики населения, условия проживания и склонность к криминализации нами установлен и обоснован с достаточной точностью.

Заключение.

Современные быстро развивающиеся метрополии также не лишены обозначенных противоречий, присущих Петербургу второй половины XIX века. Сейчас все также универсально работает принцип: когда город использует мигранта экономически, но оставляет его в состоянии социальной временности, возникают зоны аномии.

На наш взгляд, аналогия, проведенная в исследовании очевидна. Например, рост населения таких современных городов, как Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону происходит также естественно и стихийно, что актуализирует вопрос о качественном регулировании, основанном на понимании «длинной дистанции», а не получении сиюминутной прибыли.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Bater J.H. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal : McGill-Queen's University Press, 1976. XXIV. 469 p.
2. Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1990. XIV. 253 p.
3. Economakis E.G. From Peasant to Petersburger. London : Palgrave Macmillan, 1998. XI. 212 p. DOI: 10.1057/9780230373549
4. Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1993. XIV. 324 p. DOI: 10.1525/9780520913073
5. Zelnik R.E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford : Stanford University Press, 1971. VIII. 450 p.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. П. Юшкевича. М. : Канон, 1996. 432 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского; Под ред. В.А. Базарова. М. : Издательство Юрайт, 2019. 316 с. ISBN: 978-5-534-10054-9 EDN: BRSABM
8. Лурье Л. Крестьянские землячества в российской столице: ярославские «питерщики» / Л. Лурье, А. Хитров // Невский архив: историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 307-354.
9. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: современные буржуазные теории / Пер. с франц. Е.А. Самарской; Ред. перевода М.Н. Грецкий. М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
10. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42. EDN: RSNPXD
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.
12. Смурова О.В. Крестьянин-отходник в полиэтничном и многоконфессиональном пространстве Санкт-Петербурга: пореформенный период // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. С. 170–172.

References:

1. Bater J.H. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal : McGill-Queen's University Press, 1976. XXIV. 469 p.
2. Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1990. XIV. 253 p.

© Бабкина Е.В., Зотов А.Ю., Плотников В.В.

3. Economakis E.G. From Peasant to Petersburger. London : Palgrave Macmillan, 1998. XI. 212 p. DOI: 10.1057/9780230373549
4. Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1993. XIV. 324 p. DOI: 10.1525/9780520913073
5. Zelnik R.E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford : Stanford University Press, 1971. VIII. 450 p.
6. Durkheim E. On the division of social labor / Transl. from French by P. Yushkevich. M. : Canon, 1996. 432 p.
7. Durkheim E. Suicide. A sociological study / Transl. from French by A.N. Ilyinsky; Edited by V.A. Bazarov. M. : Yurait Publishing House, 2019. 316 p. ISBN: 978-5-534-10054-9 EDN: BRSABM
8. Lurie L. Peasant communities in the Russian capital: Yaroslavl «Petersburgers» / L. Lurie, A. Khitrov // Nevsky archive: historical and local history collection. M.; SPb., 1995. Iss. 2. P. 307–354.
9. Merton R. Social structure and anomie // Sociology of crime: modern bourgeois theories / Transl. from French by E.A. Samarskaya; Edited by M.N. Gretsky. M. : Progress, 1966. P. 299–313.
10. Mironov B. N. Crime in Russia in the XIX – early XX century // National History. 1998. № 1. P. 24–42. EDN: RSNPXD
11. Mironov B.N. The social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): the genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law : in 2 vol. 3rd ed., ispr. and add. SPb. : Dmitry Bulanin, 2003.
12. Smurova O.V. Peasant-otkhodnik in the multiethnic and multi-confessional Space of St. Petersburg: the Post-Reform Period // Ryabinin Readings – 2011. Petrozavodsk : Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. P. 170–172.

Информация об авторах

Бабкина Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
Babkina2@mail.ru

Зотов Алексей Юрьевич
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры теории
и истории права и государства,
Волгоградская академия МВД России
zotov@mail.ru

Плотников Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
кандидат философских наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Elena V. Babkina
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics
Babkina2@mail.ru

Alexey Yu. Zotov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and History of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
zotov@mail.ru

Vladimir V. Plotnikov
Doctor of Sociology,
candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Public
and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics
inkognito13@inbox.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Бабкина Е.В., Зотов А.Ю., Плотников В.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-5
УДК 316.42

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО УРОВНЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Галлямова Д.А.
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу научно-образовательных центров мирового уровня как институтов трансформации региональной научной и социальной структуры. На основе результатов социологического опроса научного сообщества и сравнительного анализа 15 НОЦ выявлены особенности институциональной модернизации научной сферы. Обосновывается положение о формировании модели институционально асимметричной модернизации, при которой развитие исследовательской инфраструктуры существенно опережает развитие социальной инфраструктуры науки. Показано, что НОЦ способствуют расширению профессиональной мобильности исследователей, укреплению сетевых научных взаимодействий и развитию научно-коммуникационного капитала регионов. Одновременно фиксируется ограниченность социальных эффектов, связанных с качеством городской среды, кадровой устойчивостью и снижением территориального неравенства. Автор приходит к выводу о том, что ключевым результатом деятельности НОЦ становится не только технологическая модернизация, но и формирование новых сетевых форм научной коммуникации.

Ключевые слова: научно-образовательные центры, НОЦ, социология науки, научный капитал, региональное развитие, научно-технологическая политика, социальная структура науки, институциональная модернизация, институциональная асимметрия, научная мобильность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL EFFECTS OF WORLD-CLASS RESEARCH AND EDUCATION CENTERS IN RUSSIAN REGIONS

Diana A. Gallyamova
Ufa State Petroleum Technological University

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of world-class scientific and educational centers as institutions for the transformation of the regional scientific and social structure. Based on the results of a sociological survey of the scientific community and a comparative analysis of 15 RECs, the features of institutional modernization of the scientific sphere were identified. The position on the formation of a model of institutionally asymmetric modernization is substantiated, in which the development of research infrastructure significantly outstrips the development of the social infrastructure of science. It is shown that RECs contribute to the expansion of professional mobility of researchers, strengthening network scientific interactions and the development of scientific and communication capital of the regions. At the same time, the limited social effects associated with the quality of the urban environment, personnel sustainability and the reduction of territorial inequality are recorded. The author comes to the conclusion that the key result of the activities of the REC is not only technological modernization, but also the formation of new network forms of scientific communication.

Keywords: scientific and educational centers, REC, sociology of science, scientific capital, regional development, science and technology policy, social structure of science, institutional modernization, institutional asymmetry, scientific mobility.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В последние годы научно-технологическая политика Российской Федерации претерпевает существенные институциональные изменения, связанные с переходом к модели технологического суверенитета и усилением регионализации научного развития [1]. Одним из центральных

© Галлямова Д.А.

инструментов данной трансформации стали научно-образовательные центры мирового уровня, созданные в рамках национального проекта «Наука и университеты» [2].

НОЦ формируются как распределенные платформы взаимодействия университетов, научных организаций, органов власти и промышленного сектора [3]. Их деятельность ориентирована не только на производство научных знаний и коммерциализацию технологий, но и на формирование новых моделей регионального развития, кадрового воспроизводства и профессиональной мобильности исследователей [4].

Однако НОЦ нельзя рассматривать исключительно как управленческий инструмент или инфраструктурный проект. Их появление меняет внутреннюю организацию научного пространства: возникают новые центры распределения финансирования, меняются механизмы профессиональной мобильности, усиливается конкуренция между регионами за исследовательские кадры и доступ к федеральным ресурсам.

В существующих публикациях НОЦ, чаще всего, анализируются через показатели эффективности, объемы инвестиций или инновационную активность. Между тем, значительно менее изученным остается социальный аспект их деятельности: каким образом НОЦ влияют на исследовательские сообщества, воспроизводство научных кадров и территориальное неравенство науки?

В данной статье НОЦ рассматриваются не как отдельные проекты, а как механизм институциональной перестройки российской науки. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционного описания инновационной инфраструктуры и сосредоточиться на изменениях социальной структуры научного сообщества.

Обсуждение.

Теоретической основой исследования выступают институциональный подход, теория научного капитала П. Бурдье [5], концепция нормативной структуры науки Р. Мертона [6] и теория сетевого общества М. Кастельса [7]. Институциональный подход позволяет рассматривать НОЦ как механизм формирования устойчивых моделей взаимодействия науки, государства и бизнеса. В рамках данной логики НОЦ выступают не только инфраструктурными объектами, но и институтами распределения ресурсов, статусов и профессиональных возможностей.

Концепция научного капитала П. Бурдье [5] позволяет анализировать деятельность НОЦ через процессы накопления профессиональных ресурсов, академического статуса и символического признания. В условиях усиления конкуренции за исследовательские ресурсы НОЦ становятся пространством концентрации научного капитала и механизмом перераспределения исследовательских возможностей между регионами.

Теория сетевого общества М. Кастельса [7] позволяет интерпретировать НОЦ как распределенные сети научной кооперации, обеспечивающие интеграцию территориально удаленных организаций в единое научно-технологическое пространство.

В рамках исследования были сформулированы следующие гипотезы:

1. НОЦ воспринимаются научным сообществом преимущественно как институт развития исследовательской инфраструктуры и технологической кооперации.

2. Социальные эффекты деятельности НОЦ оцениваются существенно ниже, чем научно-технологические результаты.

3. Уровень институционального доверия к НОЦ зависит от степени вовлеченности исследователей в научные сети и кооперационные проекты.

4. Регионы с высоким уровнем научного капитала демонстрируют более высокий уровень институциональной легитимации НОЦ.

5. Деятельность НОЦ способствует формированию регионального научно-коммуникационного капитала и развитию механизмов кадрового воспроизводства.

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса научных работников, проведенного Российским центром научной информации в 2025 году [8]. В исследовании приняли участие 1494 респондента, из которых 987 проживали и работали в субъектах Российской Федерации, являющихся инициаторами создания НОЦ.

Дополнительно были проанализированы материалы официальных сайтов НОЦ, региональные программы научно-технологического развития и аналитические публикации.

В отличие от большинства работ, посвященных НОЦ, в данной статье внимание сосредоточено не на количественных показателях эффективности, а на восприятии научным сообществом происходящих изменений. Такой подход позволяет увидеть не только формальные результаты научной политики, но и скрытые институциональные эффекты.

Для анализа использовались методы сравнительной социологии, институционального анализа и интерпретативного анализа профессиональных практик. Особое внимание уделялось различиям между индустриальными, аграрно-биотехнологическими и сетевыми моделями НОЦ.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении НОЦ как института трансформации социальной структуры науки и механизма перераспределения научного капита-

© Галлямова Д.А.

ла в российских регионах. Так, впервые предложена концепция институционально асимметричной модернизации научно-образовательного центра, разработана типология моделей НОЦ в зависимости от характера научно-технологической специализации, введено понятие «регионального научно-коммуникационного капитала».

В настоящее время в Российской Федерации функционируют 15 научно-образовательных центров мирового уровня, объединяющих более 600 организаций науки, образования и промышленности [9]. Сравнение данных НОЦ показывает, что между ними существуют не только отраслевые различия, но и разные модели социальной организации науки.

Так, индустриальные НОЦ – «Инженерия будущего», Уральский НОЦ, «ТулаТЕХ» – ориентированы, прежде всего, на интеграцию науки и высокотехнологичного производства. В этих центрах научная кооперация выстраивается вокруг крупных индустриальных партнеров. Для исследователей это создает устойчивый доступ к финансированию и оборудованию, однако одновременно усиливает зависимость научной повестки от потребностей промышленности.

Ресурсные НОЦ – «Кузбасс – Донбасс», «Енисейская Сибирь», Пермский НОЦ – формируют иную модель. Здесь научная инфраструктура тесно связана с модернизацией добывающих отраслей и промышленной экологией. В подобных центрах исследовательская активность развивается преимущественно вокруг прикладных задач, тогда как фундаментальные исследования остаются менее востребованными.

Наиболее интересную социологическую динамику демонстрируют сетевые НОЦ – Нижегородский, Евразийский и Западно-Сибирский. Именно в них наиболее отчетливо проявляются процессы формирования устойчивых исследовательских сетей, межрегиональной мобильности и научно коммуникационного капитала. Для молодых исследователей подобные структуры становятся каналом профессионального продвижения и включения в федеральные исследовательские проекты.

В экологически ориентированных НОЦ («Байкал», «Российская Арктика», НОЦ «Север») заметно возрастает роль гуманитарной и социальной проблематики. В отличие от индустриальных моделей, здесь значительно чаще поднимаются вопросы устойчивого развития территорий, миграции населения, качества среды и социальной адаптации северных регионов.

Результаты.

Рассмотрим социологическую интерпретацию деятельности НОЦ. Полученные данные показывают, что центры воспринимаются научным сообществом, прежде всего, как механизм развития исследовательской инфраструктуры и расширения профессиональных возможностей. Наиболее высокие оценки связаны с увеличением финансирования научных исследований – данный эффект отметили 84 % респондентов. Еще 66 % указали на улучшение оснащения оборудованием, а 73 % – на появление возможностей повышения квалификации и прохождения стажировок.

Подобное распределение оценок свидетельствует о том, что НОЦ воспринимаются прежде всего, как институты накопления научного капитала. Для исследовательского сообщества наиболее значимыми оказываются не символические эффекты научной политики, а практические возможности доступа к оборудованию, финансированию и профессиональным сетям.

Особый интерес представляет восприятие социальных эффектов деятельности НОЦ. Так, лишь 11 % респондентов отметили повышение доступности социальных программ, включая улучшение жилищных условий, тогда как 70 % затруднились оценить наличие подобных изменений. Аналогичная ситуация наблюдается в оценке влияния НОЦ на городскую среду: только 23 % респондентов связывают деятельность НОЦ с позитивными изменениями городской инфраструктуры. Подобная диспропорция позволяет говорить о формировании институционально асимметричной модели научной модернизации. В рамках данной модели, развитие технологической инфраструктуры существенно опережает развитие социальной среды науки. Иными словами, государственная научная политика эффективно стимулирует производство исследований, однако значительно слабее влияет на качество социальной среды, в которой функционирует научное сообщество.

Сравнительный анализ НОЦ также демонстрирует существенные различия между региональными моделями научно-технологического развития. Так, в НОЦ «Кузбасс – Донбасс» 79 % респондентов отметили повышение уровня реализуемых исследований, а 76 % – рост финансирования науки. При этом только 30 % указали на улучшение доступности социальных программ. В данном случае прослеживается индустриально-мобилизационная модель развития НОЦ, ориентированная преимущественно на производственные и технологические задачи.

Для Евразийского НОЦ характерна несколько иная динамика. Здесь 88 % респондентов отметили рост общественной осведомленности о научных результатах, а 70 % – повышение уровня исследований. Это свидетельствует о более выраженной публичной и коммуникационной функции НОЦ, связанной с формированием регионального научно коммуникационного капитала.

Интересны и результаты НОЦ «МореАгроБиоТех», где 82 % респондентов отметили повышение уровня исследований, однако, лишь 59% указали на рост спроса со стороны реального

© Галлямова Д.А.

сектора экономики. Подобная ситуация может свидетельствовать о сохранении разрыва между исследовательской активностью и механизмами внедрения научных результатов.

В экологически ориентированных НОЦ различия становятся еще более заметными. Например, в НОЦ «Российская Арктика» 70 % респондентов отметили повышение уровня исследований, однако, только 5 % указали на улучшение экологической ситуации и качества окружающей среды. Это показывает, что даже при высокой исследовательской активности население и научное сообщество не всегда фиксируют прямые социальные эффекты научной политики.

Исходя из результатов исследования, участие региона в системе НОЦ становится индикатором его включенности в федеральную научно технологическую повестку. Это особенно заметно в отношении регионов с уже сформированной академической инфраструктурой. Они получают дополнительные возможности для привлечения исследовательских кадров, запуска молодежных лабораторий и интеграции в межрегиональные сети.

В ходе исследования были выявлены и внутренние ограничения современной модели научно-образовательных центров мирового уровня. Во многих случаях научное сообщество воспринимает участие в деятельности НОЦ как форму проектной занятости с высокой степенью организационной неопределенности.

Кроме того, заметна тенденция к бюрократизации научной деятельности. Значительная часть исследователей указывает на рост отчетности, управленческих процедур и зависимость исследовательских программ от административных показателей эффективности.

В результате, НОЦ одновременно способствуют развитию науки и воспроизводят существующую пространственную иерархию российского научного пространства.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, НОЦ следует рассматривать не только как инструмент научно-технологической политики, но и как механизм социальной трансформации науки. Они меняют структуру профессиональных коммуникаций, модели научной мобильности и систему распределения исследовательских ресурсов.

Во-вторых, деятельность НОЦ формирует новую модель регионального научного неравенства. Регионы, обладающие устойчивой академической инфраструктурой, получают дополнительные преимущества в конкуренции за научный капитал.

В-третьих, ключевым эффектом НОЦ становится развитие научно-коммуникационного капитала – устойчивых сетей взаимодействия между исследователями, университетами и индустриальными партнерами.

Наконец, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что дальнейшая эффективность деятельности НОЦ будет зависеть не столько от объемов финансирования, сколько от способности встроить научную модернизацию в более широкий социальный контекст: кадровую устойчивость, качество среды, поддержку молодых исследователей и снижение территориального неравенства науки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200 (дата обращения 20.05.2026).
2. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Федеральный проект «Наука и университеты». Отчет о деятельности НОЦ. URL : NP_Nauka_i_universitety (дата обращения 08.05.2026).
3. Иванов В.В. Научно-технологическая политика России: институциональные механизмы развития. М. : Наука, 2023. 231 с.
4. Галлямова Д.А. Научно-образовательные центры как инновационный институциональный фактор трансформации социально-профессиональной структуры российского общества / Д.А. Галлямова, О.И. Недельченко // Социология. 2024. № 6. С. 24–27. EDN: GTGFQY

© Галлямова Д.А.

5. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. ISBN: 5-89329-762-8 EDN: QOECDF
6. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон; Пер. с англ. Е.Н. Егоровой [и др.]; Науч. ред. З.В. Каганова. М. : АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ.; Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 608 с.
8. Информация по данным федерального государственного бюджетнного учреждения «Российский центр научной информации». URL : https://rcsi.science/org/?ysclid=mplhoypiti163438355 (дата обращения 20.05.2026).
9. Галлямова Д.А. Социально-инновационные процессы в современной России: роль и тенденции развития в современном образовании и формировании общественного сознания / Д.А. Галлямова, А.Ю. Кёниг, Э.В. Муратова // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12(187). С. 428–429. EDN: UPTIIE

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 № 204 «On National goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024». URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200 (date of application 05/20/2026).
2. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The Federal project «Science and Universities». Report on the activities of the REC. URL : NP_Nauka_i_universitety (date of application 05/08/2026).
3. Ivanov V.V. Scientific and technological policy of Russia: institutional mechanisms of development. M. : Nauka Publ., 2023. 231 p.
4. Gallyamova D.A. Scientific and educational centers as an innovative institutional factor in the transformation of the socio-professional structure of Russian society / D.A. Gallyamova, O.I. Nedelchenko // Sociology. 2024. № 6. P. 24–27. EDN: GTGFQY
5. Bourdieu P. Sociology of social Space / Translated from French; edited by N. A. Shmatko. M. : Institute of Experimental Sociology; SPb. : Aleteya, 2007. 288 p. ISBN: 5-89329-762-8 EDN: QOECDF
6. Merton R.K. Social theory and social structure / R.K. Merton; Transl. from English by E.N. Egorova [et al.]; scientific ed. by Z.V. Kaganov. M. : AST: Guardian, 2006. 873 p.
7. Castells M. The Information Age: economics, society and culture / M. Castells; Transl. from English; Edited by O.I. Shkaratan. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 608 p.
8. Information according to the federal state budgetary institution «Russian Center for Scientific Information». URL : https://rcsi.science/org/?ysclid=mplhoypiti163438355 (date of application 05/20/2026).
9. Gallyamova D.A. Socio-innovative processes in modern Russia: the role and development trends in modern education and the formation of public consciousness / D.A. Gallyamova, A.Yu. Koenig, E.V. Muratova // Eurasian Law Journal. 2023. № 12(187). P. 428–429. EDN: UPTIIE

Информация об авторе

Галлямова Диана Айратовна
аспирантка,
Уфимский государственный нефтяной технический университет
ORCID iD: 0009-0006-2877-283X
gallyamova.dia98@mail.ru

Diana A. Gallyamova
Postgraduate Student,
Ufa State Petroleum Technical University
ORCID iD: 0009-0006-2877-283X
gallyamova.dia98@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Галлямова Д.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-34
УДК 316.422

Attribution
cc by

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА

Дудочников А.И., Латыпов Т.И.
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья содержит исследование российского медиаконтента, целью которого является обзор внедрения и развития цифровых технологий в разных сферах деятельности. В качестве авторского метода исследования использован контент-анализ упоминания о цифровых технологий в новостных ресурсах, которые разделены на две группы: федеральные и социальные медиа. Перед исследованием дается интерпретация основных понятий, а также раскрывается методика, заключающаяся в том, чтобы провести сравнительный анализ между федеральной новостной повесткой и локальными медиаресурсами. Выборка материалов для контент-анализа составила 200 публикаций, 100 из которых относятся к федеральным медиа, остальные 100 – к социальным медиа. Для анализа отобраны наиболее популярные федеральные общественно-политические СМИ, а также новостные каналы в мессенджерах «Макс» и «Телеграм». По итогам исследования определено, какие виды цифровых технологий и в каких отраслях чаще всего становятся предметом новостей. Также основное внимание авторов было направлено на оценку упоминания национальных и зарубежных технологических решений, в частности, выявлено, что российские цифровые инноваци чаще всего упоминаются в медиаресурсах, причем данные решения оцениваются в основном позитивно.

Ключевые слова: цифровые технологии, информационные технологии, федеральные медиа, социальные медиа, контент-анализ.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

REPRESENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA

Alexey I. Dudochnikov, Timur I. Latypov
Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. This article examines Russian media content, aiming to review the implementation and development of digital technologies in various fields. The author's research method is a content analysis of mentions of digital technologies on news resources, divided into two groups: federal and social media. The study begins with an interpretation of key concepts and a methodology for conducting a comparative analysis between the federal news agenda and local media resources. The sample for content analysis consisted of 200 publications, 100 of which pertain to federal media, and the remaining 100 to social media. Federal socio-political media outlets, as well as news channels on the Max and Telegram messengers, were selected for analysis. The study assessed which types of digital technologies and in which industries are most frequently the subject of news. A primary focus was also on assessing mentions of national and international technological solutions. In particular, it was found that Russian digital innovations are most frequently mentioned in media resources, and these solutions are generally assessed positively.

Keywords: digital technologies, information technology, federal media, social media, content analysis.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В 21 веке люди живут в мире массовых коммуникаций. Существуют сотни способов представления и передачи той или иной информации. Современный человек полностью окружён информацией, которая непрерывно течёт из различных медиаканалов.

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

Одним из основных каналов получения информации является сеть интернет. В текстовом формате онлайн-новости потребляют 84 % от числа россиян, пользующихся интернетом [1].

Одной из самых главных новостных тем является цифровизация. Цифровизация – процесс внедрения цифровых технологий в сферу взаимодействия государства, общества и человека. В России этот процесс идет очень активно. По данным исследований, проведенных НИУ ВШЭ, в 2025 году к интернету были подключены 92 % от числа всех домохозяйств, а доля активных пользователей интернета составила 91 % [2]. Для сравнения, в 2014 году доля пользователей интернета составляла 66 % [3].

Информационные технологии, так или иначе, интересуют большую часть населения развитых и развивающихся стран. К ним также приковано особое внимание СМИ и медиа. В России, например, по данным ВЦИОМ, в 2025 году за развитием цифровых технологии следили 87 % россиян (доля мужчин значительно выше, чем женщин).

Наиболее часто используемыми цифровыми продуктами являются:

– мессенджеры (94 % опрошенных);

– банковские приложения (92 % опрошенных);

– мобильный Интернет (91 % опрошенных);

– домашний Интернет (90 % опрошенных);

– порталы государственных услуг (70 % опрошенных) [4].

В сфере медиакоммуникации также имеется подобная статистика.

Цифровые технологии – это универсальная и высокоскоростная система, которая использует цифровое оборудование, программное обеспечение и интернет для передачи и кодирования информации [5].

Стремительная цифровизация сопровождается ростом общественной тревожности. Согласно последним исследованиям, проведенным специалистами НИУ ВШЭ, в российском обществе в отношении к цифровым технологиям фиксируется раскол на два лагеря: те, кто доверяет технологиям и те, кто нет, их доли составляют 61,5 % и 31,7 %, соответственно [6].

Агентство ВЦИОМ провело исследование, которое выявило причины страха россиян перед цифровизацией сферы услуг. Так, 46 % опрошенных отметили, что беспокоятся о безопасности своих данных, 40 % ответили, что беспокоятся по поводу невозможности оценить качество услуги или товара, создавая заказ через интернет, а 12 % опрошенных волнует сложность в освоении новых технологии, и лишь 5 % от общего числа ответов получил вариант «нет недостатков» [7].

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

Таким образом, цифровые технологии, так или иначе, вызывают тревогу и опасения у большого числа российских пользователей.

Обсуждение.

Современные подходы к пониманию цифровизации свидетельствуют о том, что технологии и общество не существуют сами по себе, а постоянно меняют друг друга.

Так, технологии определяют условия жизни людей в обществе, а общество, соответственно, формирует свои запросы к технологиям, которые потом реализуют производители.

Другими словами, социальные практики меняют технологии, а технологии перестраивают социальные практики. Этот подход получил название социотехнического. В России эту теорию рассматривала Д.Н. Карпова [8].

Прямая связь технологии с обществом может приводить к ситуациям, когда, например, негативное отношение к одной конкретной линейке смартфонов приводит к тому, что это отношение распространяется не только на смартфоны, но и на все технологии в целом.

Неразрывность технологии и общества может приводить к различным социотехническим феноменам:

– к возникновению технофобии и технофилии;

– к появлению надзорного капитализма, т.е. усилению социального неравенства и распространению его новой формы - цифрового разрыва.

Далее необходимо ознакомиться с концептуальными основами технофобии и технофилии.

Согласно концепции М. Броснана, технофобия – это отрицательные, вызванные иррациональными факторами предрассудки по отношению к использованию цифровых технологий в обществе [9]. Феномен технофобии он рассматривал через устройство персонального компьютера (ПК). На тот момент компьютер был новейшим изобретением, которое коренным изменило общественную жизнь. Из-за таких радикальных изменений у ПК появились как сторонники, так и противники.

Также он рассуждал и о причинах технофобии, утверждая, в частности, что женщины склонны к ней в большей степени, чем мужчины. Эта разница вызвана социокультурными различиями между двумя полами. Люди из деревень и малонаселённых пунктов также склонны к тревоге по поводу технологии, так как не имеют полноценного доступа к актуальной информации и из-за этого более подвержены влиянию предрассудков, навязанных со стороны.

Технофилия – обратная технофобии позиция, которая характеризуется установкой, что с по-

мощью данной технологии можно решить почти любую проблему. Другими словами, технофилы склонны к техническому детерминизму. Они преуменьшают негативные последствия от технологического прогресса и преувеличивают положительные.

Наиболее подробно технофилия рассмотрена в работах Ж. Оттуа [10].

Цифровизация в современном обществе также неизбежно ведёт к явлению цифрового разрыва. Цифровой разрыв – это неравный доступ к самим технологиям и к образованию, которое позволяет ими активно пользоваться.

Большой вклад в изучение этого феномена внёс Р. ван Дейк, утверждая, что люди, не имеющие доступа к технологиям и информации о них, более склонны попадать под влияние извне (в т.ч. под влияние СМИ).

Исходя из выше изложенного, он пришел к выводу о том, что от характера репрезентации технологии в доступном для них источнике информации напрямую зависят установки этих людей по отношению к ней [11].

Отдельного внимания заслуживает теория надзорного капитализма Ш. Зубоффа. Согласно этой теории, чрезмерное внедрение и использование цифровых технологий преобразило рыночные отношения. Каждая покупка товара, каждый клик, каждый заход на сайт является частью большого массива данных, который целенаправленно собирается компаниями для того, чтобы создавать наиболее эффективную и сегментированную рекламу, тем самым полностью управляя спросом и предложением. В таких условиях остро встаёт вопрос о безопасности персональных данных. Сейчас к интернету привязано большое количество банковских данных, паспортных данных, личных переписок. Любая утечка может привести к огромному ущербу и дискредитации цифровых технологий в глазах общества [12].

Современные медиа, благодаря своему огромному охвату аудитории, оказывают непосредственное влияние на формирование установок общества по отношению к технологиям.

Представление цифровые технологии в медиа осуществляется через процесс репрезентации. Существует несколько основных подходов к определению этого понятия. Согласно самому древнему, репрезентация – полное и объективное отражение реальности. Так в своих работах описывал её Аристотель [13], использовав понятие «мимесис» (подражание).

В современной науке одним из наиболее распространённых подходов к пониманию репрезентации является подход Стюарта Холла. Он считал, что репрезентация — это процесс приписывания какому-либо событию смысла через различные средства (слова, образы, звуки). Смысл не присущ объекту изначально, а создаётся и фиксируется в рамках конкретной культуры [14]

Репрезентацию технологии в СМИ исследовали такие учёные, как А.В. Липатова, О.В. Гончарова, Г.В. Напреенко. В своём коллективной монографии они выявили положительные и отрицательные смысловые блоки, представленные в медиа об ИИ, определили ключевые дискурсы, связанные с искусственным интеллектом и вербальные маркеры, с помощью которых фиксируется его образ [15].

Помимо них, большой вклад внесли в разработку этой темы учёные из МФТИ – В.В. Зотов, Г.Р. Консон, А.В. Губанов. В своём исследований они выяснили, какие технологии описываются преимущественно как положительные, а какие как отрицательные. Также они определили основные источники дискурса (кто говорит о технологиях в медиапространстве, и как от этого зависит смысл публикации) [16].

Ещё одно исследование по репрезентации цифровых технологии было проведено Н.А. Лукьяновой. Она рассматривала наиболее популярные хештеги, связанные с цифровыми технологиями, в известной американской социальной сети, а также эмоциональную окраску комментариев к публикациям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема репрезентации цифровых технологии через средства коммуникации представляет большой интерес для исследования.

Материалы и методы.

В статье проведено авторское исследование – контент-анализ российских федеральных и социальных медиа. Выборка составила 200 публикаций, 100 из которых представлены на различных федеральных медиаресурсах; остальные 100 представляют публикации новостных каналов в мессенджерах «Макс» и «Telegram».

Для удобства при анализе публикаций будут использовать две категории: федеральные и социальные медиа.

К федеральным медиа были относены средства массовой информации, которые нацелены на массовый охват читателей по всей стране, в частности, крупные СМИ.

Социальные медиа представляют частные интернет-ресурсы с меньшим охватом, поскольку на них подписана только заинтересованная аудитория.

Ниже охарактеризована детальная выборка в разрезе приведенных источников по количеству новостных постов:

1. Федеральные медиа – 100 ед.:

– мультимедийный холдинг «РБК» – 25 ед.;

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

– международный телеканал «RT» – 24 ед.;

– общественно-политическая газета «Коммерсантъ» – 26 ед.;

– общественно-политическая газета «Известия» – 25 ед.;

2. Социальные медиа – 100 ед.:

– канал в «Макс» блогера Юрия Иванович Подоляки – 11 ед.;

– канал в «Макс» новостного интернет-СМИ «Mash» – 11 ед.;

– канал в «Макс» новостного интернет-СМИ «Baza» – 11 ед.;

– канал в «Макс» новостного интернет-СМИ «Readovka» – 12 ед.;

– канал в «Макс» новостного интернет-СМИ «Shot» – 5 ед.;

– канал в «Телеграм» новостного интернет-СМИ «Топор» – 25 ед.;

– канал в «Телеграм» основателя «Telegram» Павла Дурова – 9 ед.;

– канал в «Телеграм» новостного интернет-СМИ «Технотренды» – 16 ед.

Результаты.

Изначально была проведена оценка того, какие из цифровых технологий упоминаются чаще всего. Самой часто анализируемой категорией стали новости относительно развития искусственного интеллекта (88/200 публикаций), далее 3 категории по популярности идут практически с одинаковыми результатами: «цифровые платформы» (49/200), «роботы, беспилотники» (46/100) и «системы государственной цифровой безопасности» (40/100). Меньше всего публикаций оказалось по вопросам о цифровых технологиях в онлайн-банкинге, гаджетах, на госуслугах и в биометрии. Это означает, что на сегодняшний день актуальным становится освещение развития технологий в отрасли национальной безопасности, в том числе по вопросам генерирования новых решений в военной отрасли.

В продолжение проведения одномерного анализа данных, можно провести сравнительный двумерный анализ между федеральными и социальными медиа по отношению к развитию цифровых технологий (рис. 1).

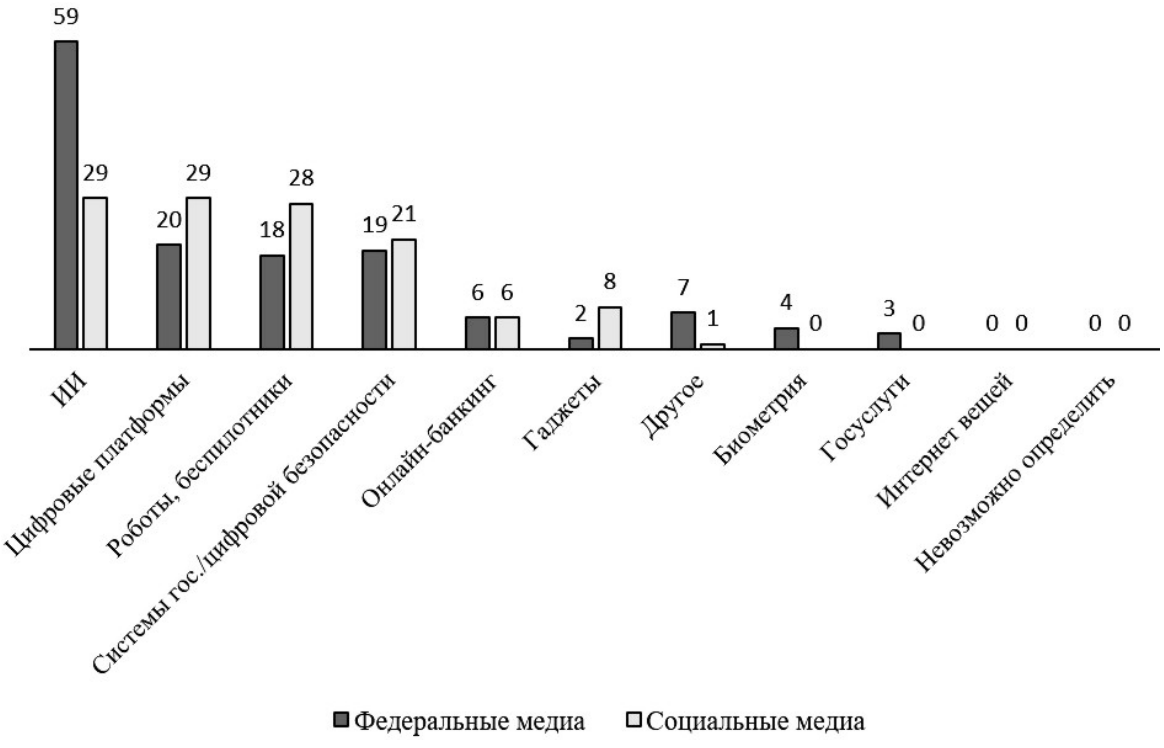

Рисунок 1 – Сравнительный анализ публикаций в федеральных и социальных медиа по видам цифровых технологий (кол-во публикаций, ед.)

Следует отметить, что федеральные СМИ сосредоточены на позиционировании новостей, касающихся искусственного интеллекта в целом.

Социальные медиа сосредоточены на более частных аспектах в новостях, таких как развитие цифровых платформ, роботов-беспилотников и систем цифровой безопасности.

Еще одной задачей было оценить, в каких отраслях и контекстах популярно внедрение и освещение цифровых технологий. Выявлено, что

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

с большим отрывом лидирует отрасль экономики (76/200 публикаций). Также популярной является тема внедрения цифровых технологий в военной отрасли (30/42) и в сфере государственной безопасности (42/200). Интересно, что популярна тема внедрения технологий в повседневной жизни (43/200), что соответствует концепции «умного города». Менее всего внимание федеральных и социальных медиа сосредоточено на отрасли образования, медицины, транспорта, культуры и репрезентации технологии, как орудии преступной деятельности (правоохранительной сферы).

Полярные результаты получились в контексте изучения зависимости отрасли внедрения инновационных технологий от источника медиа. В два раза больше новостей федеральных медиа связано с экономической отраслью в отличие от каналов в мессенджерах. К цифровым технологиям в военном комплексе крупные СМИ обращаются в два раза меньше (рис. 2).

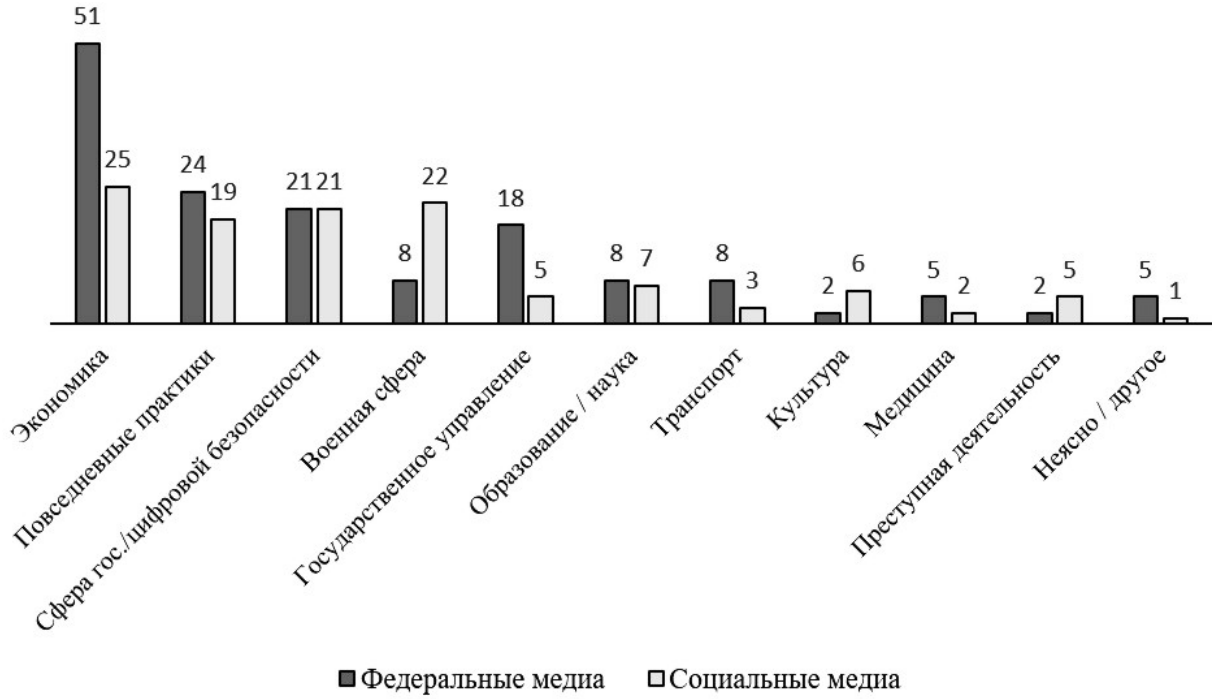

Рисунок 2 – Сравнительный анализ публикаций в федеральных и социальных медиа по отрасли внедрения цифровых технологий (кол-во публикаций, ед.)

В попытке охарактеризовать источник дискурса, было выявлено, что цифровые технологии, чаще всего, упоминаются со стороны органов власти, представителей бизнеса. Также широкую распространенность имеют авторские высказывания самих журналистов и редакторов. Особенно ярко это выражено для неинституционализированных медиа (каналы мессенджера Макс и Telegram). Скорее, это связано со спецификой выборки контент-анализа. В меньшей степени комментарии дают представители IT-индустрии, а также академическая среда, что может негативно сказаться на информации, которую получает обыватель об различных цифровых технологиях в контексте того, что экспертное мнение уступает точке зрения авторов самого источника, которые, возможно, в меньшей мере представляют отрасль.

Важным аспектом исследования было охарактеризовать происхождение цифровых технологий, которые упоминаются в СМИ (рис. 3).

Чаще всего приводятся новости о российских технологиях (82/200) и американских (42/200). Значительно меньше упоминаются новости по азиатским и европейским цифровым технологиям. Особенностью является то, что материалы медиа не содержат новостей о цифровых технологиях в странах СНГ, что может говорить об отсутствии интереса России к процессам цифровизации в странах Ближнего зарубежья либо об отсутствии масштабирования в данных странах технологий в принципе.

Также результаты проведённого анализ показали, что федеральные СМИ, чаще всего, в собственных материалах позиционируют российские технологические решения в то время, как социальные медиа сосредоточены в большей степени на материалах по американским, европейским и азиатским технологиям (рис. 4). Это говорит о том, что повестка социальных медиа противостоит доминирующей федеральной повестке.

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

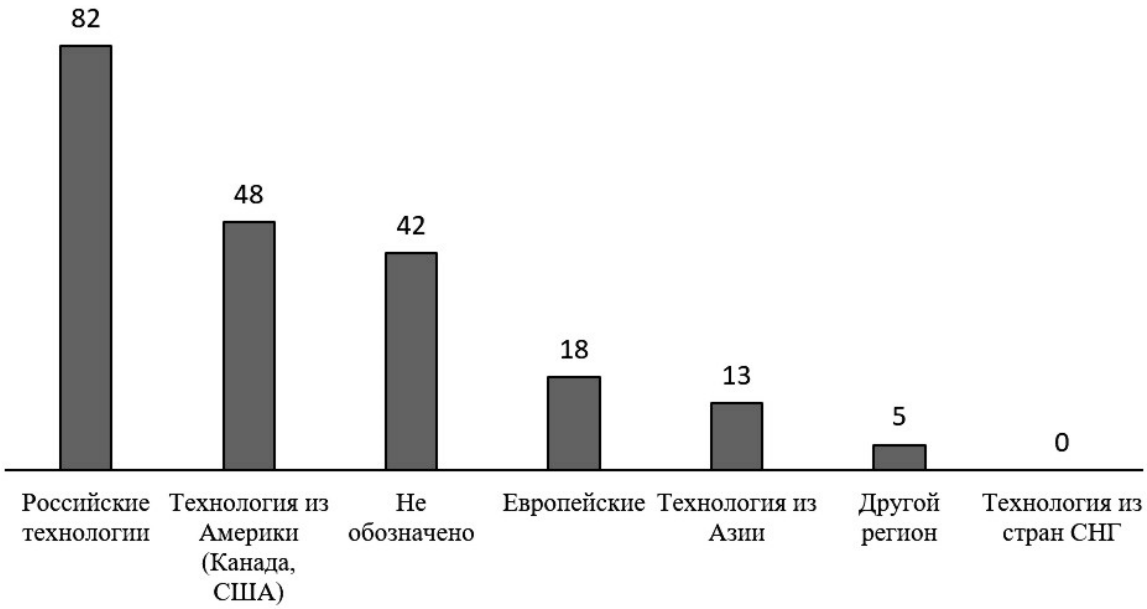

Рисунок 3 – Анализ публикаций федеральных и социальных медиа по упоминанию страны происхождения цифровых технологий (кол-во публикаций, ед.)

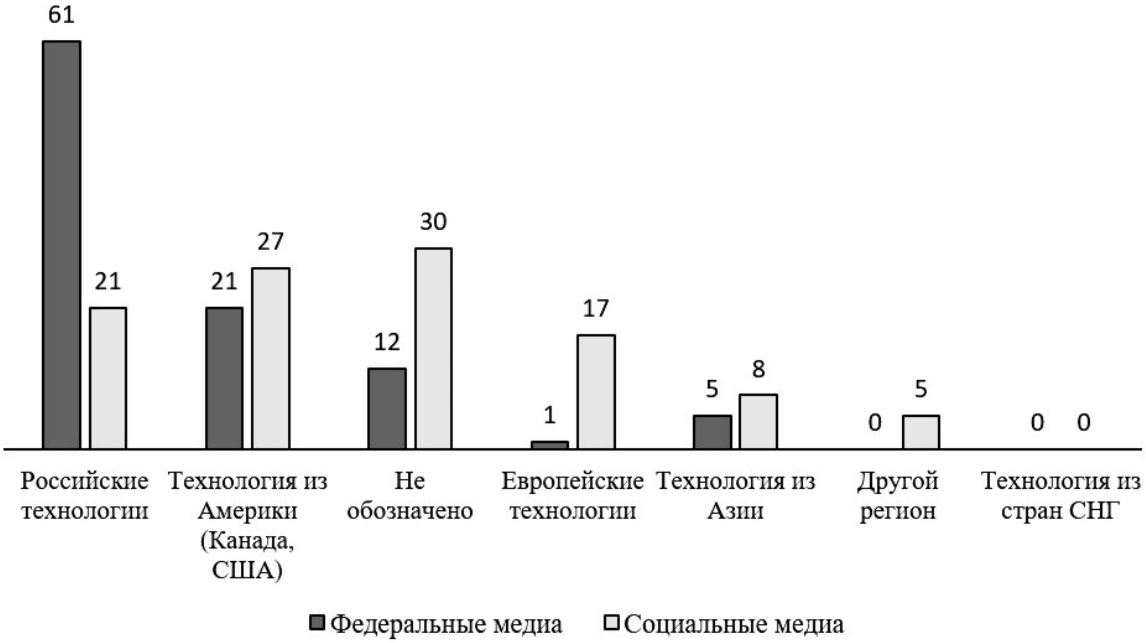

Рисунок 4 – Сравнительный анализ публикаций в федеральных и социальных медиа по стране происхождения цифровых технологий (кол-во публикаций, ед.)

Дискурс оценки публикаций о внедрении цифровых технологий разделился. Приблизительно половина новостей содержит положительную коннотацию (88/200), другая половина – отрицательную (75/200). Это показывает, что в нашей стране ярко выражено противостояние двух дискурсов по отношению к технологиям (тревоги и одобрения) (табл. 1).

Таблица 1

Оценка цифровых технологий в зависимости от страны происхождения (кол-во публикаций, ед.)

	Позитивная	Нейтральная	Негативная	Смешанная
1	2	3	4	5
Всего публикаций, в т.ч.	88	10	75	27
– российские технологии	65	2	7	8
– технология из Америки (Канада, США)	9	5	24	10

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
– не обозначено	9	3	23	7
– европейские технологии	1	0	17	0
– технологии из Азии	4	0	5	4
– другой регион	2	0	3	0
– технология из стран СНГ	0	0	0	0

Дополнительно была проведена оценка степени одобрения технологий в целом в отличие от страны происхождения. Российские внедрения оцениваются, преимущественно, позитивно, а европейские и американские негативно.

Заключение.

По итогам авторского исследования можно сделать следующие выводы.

Цифровые технологии являются объектом анализа, как федеральных СМИ, так и локальных информационных ресурсов. Чаще всего, предметом публикаций становятся технологии в отраслях экономики, государственной безопасности и военном комплексе, при этом высокая доля статей посвящена цифровым технологиям в повседневности.

Основное отличие федеральных СМИ от социальных медиа состоит в том, что федеральные медиа в два раза чаще посвящают собственные материалы технологическому прогрессу в экономике.

Практически половина публикаций посвящена российским цифровым технологиям, они анализируются в два раза больше, чем американские технологии. Стоит отметить, что европейские и азиатские решения освещаются достаточно редко; также в выборке публикаций нет ни одного упоминания о технологиях из СНГ. Помимо этого, выявлено, что российские технологии упоминаются в федеральных медиа в три раза чаще, чем в социальных. При этом отношение к российским цифровым технологиям достаточно оптимистичное во всех материалах вне зависимости от источника.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ВЦИОМ. Информационный марафон: как и зачем россияне читают новости в 2025 году. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnyi-marafon-kak-i-zachem-rossijane-chitajut-novosti-v-2025-godu?ysclid=mpl72ac5o7784331699 (дата обращения 20.05.2026).
2. НИУ ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики. Интернет стал нормой жизни для россиян. URL : https://issek.hse.ru/news/1143575318.html (дата обращения 20.05.2026).
3. ВЦИОМ. Просторы интернета: развлечения, общение, работа. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prostory-interneta-razvlecheniya-obshhenie-rabota?ysclid=mpl6uwt33u27992404 (дата обращения 20.05.2026).
4. Риа.Ру. Опрос показал интерес россиян к развитию цифровых технологий. URL : https://ria.ru/20250331/bolshinstvo-2008344022.html?ysclid=mpmcnqxtjl501831143 (дата обращения 20.05.2026).
5. Klyuev Y. Teaching future journalists media research methodology using digital technologies / Y. Klyuev, V. Poznin, D. Zubko // Медиаобразование. 2019. № 2. С. 278–285. DOI: 10.13187/me.2019.2.278 EDN: ZSZWFV
6. НИУ ВШЭ. Исследование «Информационные технологии в восприятий россиян» в 2024 году. URL : https://cmd.hse.ru/incomm/lab_strategy/research_2024?ysclid=mnvlw5sk8t140064753 (дата обращения 12.04.2026).
7. ВЦИОМ. Наша цифровая повседневность. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost?ysclid=mpla914rkg929309050 (дата обращения 20.05.2026).
8. Карпова Д.Н. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества / Д.Н. Карпова, А.С. Проскурина // Власть. 2020. № 1. С. 97–105. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7048 EDN: RDJMRV
9. Brosnan M.J. Technophobia: the psychological impact of information technology. New-York : Routledge, 1998. 220 p.
10. Оттуа Ж. Технонаука: между технофобией и технофилией / Ж. Оттуа; Пер. с фр. В.В. Мархинина. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 3–4.

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

11. Van Dijk J. The digital divide. Cambridge, Medford : Polity Press, 2020. 200 p.
12. Карнаух В.К. Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» // Управленческое консультирование. 2023. № 4(172). С. 138–143. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-138-143 EDN: WAUFYL
13. Аристотель. Поэтика / Аристотель; Пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота. М. : Просвещение, 1965. 184 с.
14. Hall S. Cultural representations and signifying practices. L. : The Open University, 1997. 400 p.
15. Липатова А.В. Медиаобраз феномена искусственный интеллект в новостных Telegram-каналах: сентимент-анализ и дискурсивная интерпретация / А.В. Липатова, О.В. Гончарова, Г.В. Напреенко // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2025. № 1. С. 43–52. DOI: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-43-52 EDN: JJQOJY
16. Образ цифрового будущего: формирование в медиапространстве и репрезентация в общественном сознании / В.В. Зотов [и др.] // Наука телевидения. 2023. № 4. С. 63–115. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.4-63-115 EDN: ZSCMVM

References:

1. VTSIOM. Information Marathon: how and why Russians read the news in 2025. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnyi-marafon-kak-i-zachem-rossijane-chitajut-novosti-v-2025-godu?ysclid=mpl72ac5o7784331699 (date of application 05/20/2026).
2. HSE. Institute for Statistical Research and Economics / The Internet has become the norm of life for Russians. URL : https://issek.hse.ru/news/1143575318.html (date of application 05/20/2026).
3. VTsIOM / The vastness of the Internet: entertainment, communication, work. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prostory-interneta-razvlecheniya-obshhenie-rabota?ysclid=mpl6uwt33u27992404 (date of application 05/20/2026).
4. Ria.Ru. The survey showed the interest of Russians in the development of digital technologies. URL : https://ria.ru/20250331/bolshinstvo-2008344022.html?ysclid=mpmcnqxtjl501831143 (date of application 05/20/2026).
5. Klyuev Y. Teaching future journalists media research methodology using digital technologies / Y. Klyuev, V. Poznin, D. Zubko // Медиаобразование. 2019. № 2. P. 278–285. DOI: 10.13187/me.2019.2.278 EDN: ZSZWFV
6. HSE. Research «Information technologies in the perceptions of Russians» in 2024. URL : https://cmd.hse.ru/incomm/lab_strategy/research_2024?ysclid=mnvlw5sk8t140064753 (date of application 12.04.2026).
7. VTsIOM. Our digital daily routine. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrova ja-povsednevnost?ysclid=mpla914rkg929309050 (date of application 05/20/2026).
8. Karpova D.N., Proskurina A.S. Sociotechnical turn in the study of digitalization of society // Power. 2020. № 1. P. 97–105. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7048 EDN: RDJMRV
9. Brosnan M.J. Technophobia: the psychological impact of information technology. New-York : Routledge, 1998. 220 p.
10. Otto J. Technoscience: between technophobia and technophilia / J. Otto; Transl. from French by V.V. Markhinin. M. : INION RAS, 2015. P. 3–4.
11. Van Dijk J. The digital divide. Cambridge, Medford : Polity Press, 2020. 200 p.
12. Karnaukh V.K. The formation of supervisory capitalism. Review of the book by S. Zuboff «The Era of supervisory Capitalism: the battle for the human future at the new frontiers of Power» // Management Consulting. 2023. № 4(172). P. 138–143. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-138-143 EDN: WAUFYL
13. Aristotle. Poetics / Aristotle; Transl. from ancient Greek by V.G. Appelroth. M. : Prosveshchenie, 1965. 184 p.
14. Hall S. Cultural representations and signifying practices. L. : The Open University, 1997. 400 p.
15. Lipatova A.V., Goncharova O.V., Napreenko G.V. Media image of the artificial intelligence phenomenon in Telegram news channels: sentiment analysis and discursive interpretation // Virtual communication and social networks. 2025. № 1. P. 43–52. DOI: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-43-52 EDN: JJQOJY
16. The image of the digital future: formation in the media space and representation in the public consciousness V.V. Zotov [et al.] // Science of Television. 2023. № 4. P. 63–115. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.4-63-115 EDN: ZSCMVM

Информация об авторах

Дудочников Алексей Игоревич
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры общей
и этнической социологии,
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ORCID ID: 0000-0003-3156-6042
dudochnikov@yandex.ru

Alexey I. Dudochnikov
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer at the Department
of General and Ethnic Sociology,
Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University
ORCID ID: 0000-0003-3156-6042
dudochnikov@yandex.ru

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

Латыпов Тимур Ирекович
студент бакалавриата,
кафедра общей и этнической социологии,
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
2004_timur_2004@mail.ru

Timur I. Latypov
Undergraduate Student,
Department of General and Ethnic Sociology,
Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University
2004_timur_2004@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Дудочников А.И., Латыпов Т.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-6
УДК 316

Attribution
cc by

ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКРЫТОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ ПАССИВНОЙ АГРЕССИИ (КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА «РИТМ 0»)

Жуланов А.В.[1], Плотников В.В.[2], Самойлов С.Ф.[3]
[1]Волгоградская академия МВД России,
[2]Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
[3]Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Аннотация. В настоящей работе подвергается критическому переосмыслению общепринятая трактовка перформанса Марины Абрамович «Ритм 0» (1974) как иллюстрации тезиса о врожденной жестокости человека. Показано, что динамика данного социального эксперимента была во многом детерминирована самими условиями исполнения, а не исключительно психологическими особенностями участников. Такой подход подчеркивает значимость влияния внешних обстоятельств и сценической ситуации при анализе поведения публики. В качестве источников привлекаются свидетельства участника перформанса (художницы) и очевидцев, а также работы исследователей (в частности, анализ Ф. Варда) по интерпретации данного опыта. Социальный контекст (понятия ответственности, статуса субъекта и др.) интегрируется в обсуждение результатов.

Ключевые слова: Марина Абрамович, перформанс, агрессия, теория поля, Курт Левин, социальный эксперимент, человеческая природа, этика искусства.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

A DEVIANTOLOGICAL ANALYSIS OF THE HIDDEN TELEOLOGY OF PASSIVE AGGRESSION (A CRITICAL EXAMINATION OF THE «RHYTHM 0» EXPERIMENT)

Aleksandr V. Zhulanov[1], Vladimir V. Plotnikov[2], Sergey F. Samoilov[3]
[1]Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
[2]Plekhanov Russian University of Economic,
[3]Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This paper critically examines the generally accepted interpretation of Marina Abramovic's performance «Rhythm 0» (1974) as an illustration of the thesis of innate human cruelty. It is shown that the dynamics of this social experiment were largely determined by the conditions of the performance itself, rather than solely by the psychological characteristics of the participants. This approach emphasizes the importance of external circumstances and the stage situation when analyzing audience behavior. The sources include the testimony of the performance participant (the artist) and eyewitnesses, as well as the work of researchers (in particular, F. Ward's analysis) on the interpretation of this experience. Social context (concepts of responsibility, subject status, etc.) is integrated into the discussion of the results.

Keywords: Marina Abramović, performance, aggression, field theory, Kurt Lewin, social experiment, human nature, art ethics.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В 1974 году югославская художница Марина Абрамович провела в Неаполе перформанс «Ритм 0», который стал одним из самых обсуждаемых и радикальных экспериментов в истории современного искусства. Суть акции заключалась в том, что Абрамович в течение шести часов стояла неподвижно, провозгласив себя «объектом», и позволяла зрителям делать с ее телом все, что им заблагорассудится. На столе рядом с художницей были разложены 72 предмета – от без-

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

обидных (перо, роза, виноград) до опасных (нож, лезвие, кнут) и даже смертельных (заряженный пистолет с одной пулей). Художница заранее объявила, что не будет сопротивляться никаким действиям и «берет на себя полную ответственность» за все, что произойдет [1].

Перформанс быстро превратился в пугающий социально-психологический эксперимент. Первоначально зрители вели себя осторожно и благожелательно – некоторые дарили художнице цветы, прикасались к ней или просто наблюдали. Однако с течением времени публика все больше утрачивала сдержанность: люди стали использовать острые предметы, разрезали одежду Абрамович, кололи ее кожу шипами роз, наносили порезы, обливали холодной водой и выкалывали слова на теле. Атмосфера изменилась от любопытства к открытой агрессии. Кульминационным эпизодом перформанса стал момент, когда один из зрителей приставил заряженный пистолет к телу художницы.

Сам перформанс вскоре приобрел статус классического социально-психологического эксперимента, породив тезис о стремительном размывании моральных ограничений у аудитории и способности людей к жестокости. «Эксперимент... показал, насколько быстро человек теряет моральные ориентиры, получив власть над другим», – пишет, например, И. Дущенко [6].

Сама Абрамович впоследствии отмечала, что ее целью было продемонстрировать, как быстро человек может вернуться к дикому, агрессивному состоянию, если ему позволить все. По словам художницы, опыт «Ритма 0» «доказал, что в подходящих обстоятельствах большинство «нормальных» людей способны на жестокость».

Данный вывод созвучен с пессимистическими взглядами на человеческую природу (например, с гоббсовской идеей, что без социальных ограничений жизнь людей превращается в «войну всех против всех»).

Перформанс Абрамович часто ставят в один ряд с классическими социально-психологическими экспериментами, выявившими темную сторону поведения обычных людей – такими, как опыт Милгрэма [2] по подчинению авторитету или Стэнфордский тюремный эксперимент Ф. Зимбардо [4].

Не случайно критики сравнивали ранние работы Абрамович с опытом Зимбардо, подчеркивая их общую направленность на разрушение личностных границ в условиях имитации вседозволенности.

Материалы и методы. Исследование носит междисциплинарный характер, соединяя микросоциологический, философско-этический анализ с методологией социальной и художественной психологии.

В качестве теоретической рамки выбрана теория психологического поля Курта Левина, позволяющая описать поведение индивидов как функцию от взаимодействия личностных и ситуационных факторов [9]. Согласно Левину, «поведение – функция поля, существующего в данный момент», где «психологическое поле» включает в себя как личность, так и окружение. Каждое окружение характеризуется специфической конфигурацией целей, объектов и сил, влияющих на индивида.

Важнейшим понятием теории является валентность объектов – их «заряженность» положительным или отрицательным значением для субъекта, вызывающая у него напряжение, требующее разрядки. Когда поведение определяется преимущественно внешними силами поля (ситуацией, валентностями предметов), оно называется «полевым» и противопоставляется «волевому» поведению, мотивированному внутренними потребностями и целями личности.

В тексте статьи мы реконструируем поле перформанса – совокупность условий, правил и предметов, – и исследуем, как эта конфигурация влияла на поведение зрителей.

Основными анализируемыми компонентами выступают:

1) объявленная установка художницы (ее ролевая позиция «объекта» и скрытая цель);

2) набор физических объектов и их валентности;

3) социальная динамика группы зрителей (эффекты присутствия других, диффузия ответственности).

Сопоставляя эти компоненты с наблюдаемыми реакциями публики, мы можем выявить причинно-следственные связи между элементами поля и проявленной агрессией. Такой подход позволяет проверить выдвинутую гипотезу: была ли агрессия аудитории спровоцирована особенностями поля, созданного Абрамович, вместо того чтобы быть спонтанным высвобождением их внутренних агрессивных импульсов [3].

Результаты.

Применение аппарата Левина к анализу «Ритма 0» позволяет концептуализировать перформанс как социально-психологический эксперимент, в котором художница и аудитория образуют единую полевая систему с определенной структурой сил. Прежде всего, обращает на себя внимание асимметрия ролей художника и аудитории, Абрамович добровольно отказалась от активного контроля, предоставив публике полную свободу действий. В результате, зрители формировали свое поведение под влиянием внешних обстоятельств эксперимента.

Следует подчеркнуть, что Абрамович задала поле со скрытой телеологией – то есть с заранее намеченным исходом. Ее декларация «вы може-

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

те делать со мной что угодно, даже убить – я не возражаю» фактически содержит программу действий для аудитории [1]. Художница создала ситуацию, в которой проверяется крайний сценарий (будет ли нанесен максимальный вред), и тем самым неявно направила динамику перформанса к реализации этого сценария. Иначе говоря, пассивность Абрамович носила телеологический характер: она была не нейтральным фоном, а средством достижения определенной цели – выявить (или спровоцировать) агрессию. Это роднит обсуждаемый перформанс с экспериментами-провокациями в социальной психологии, где ожидания экспериментатора могут непроизвольно «подсказывать» участникам желательный (или предполагаемый) ход событий.

В классических лабораторных исследованиях подобный эффект известен как заданные характеристики – когда участники догадываются о гипотезе исследования и начинают вести себя в соответствии с этими ожиданиями. В случае «Ритма 0» зрители, возможно, не осознавали явно гипотезу художницы, но сама радикальная установка «я – объект, вам все дозволено» создавала психологический вектор: аудитория интуитивно искала границы дозволенного. Пассивность Абрамович была столь абсолютной, что единственным способом «протестировать» ее пределы становились все более экстремальные действия над ней. Это объясняет, почему поведение зрителей эскалировало от безобидного взаимодействия к откровенно насильственному: аудитория пыталась выяснить, действительно ли «можно все» и насколько далеко это «все» простирается.

Вторым решающим элементом поля были предметы, размещенные на столе. Их набор явно был подобран не случайно, а с расчетом на максимальный контраст: от символов нежности и удовольствия (цветок, перо, мед, вино) до орудий боли (ножницы, лезвия, хлыст, игла) и даже средства убийства (заряженный револьвер).

Таким образом, сама материальная среда перформанса содержала в себе полный спектр возможностей – от доброжелательного взаимодействия до смертельного насилия. Причем, ряд объектов имел ярко выраженную негативную валентность.

Как справедливо отмечает исследователь Фрейзер Вард, обстановка перформанса словно «настраивала» людей на причинение боли [3]. В нормальной ситуации опасные вещи (лезвие, молоток, пистолет) могут использоваться нейтрально или вообще не использоваться, однако, в данном контексте, их присутствие явно подразумевало применение против тела художницы. Грубо говоря, если перед зрителями на сцене лежит заряженный пистолет, трудно представить для него иное применение, кроме как выстрелить – ведь другого смысла его присутствие не имеет. Каждый из 72 предметов выступал как знак-вызов, обладающий определенной валентностью: положительной (вызвать удовольствие объекту), нейтральной или отрицательной (причинить дискомфорт, боль, повреждения). Публика, не имея собственных инструкций, ориентировалась на эти «подсказки» поля. Вначале находились желающие реализовать позитивные валентности (поднести цветок, поцеловать, покормить виноградом). Но по мере того, как простейшие добрые действия исчерпались и не встретили никакой реакции со стороны объекта, на первый план постепенно вышли объекты с валентностью боли. Лезвия, ножи, иглы – все эти орудия «требовали работы».

Более того, как упоминалось, по залу были развешаны фотографии предыдущих акций Абрамович, где она подвергала себя физическим испытаниям. Зрители могли воспринять это как дополнительный намек: раз сама художница не раз вредила себе ради искусства, то и им предлагается продолжить эту традицию. Совокупность этих факторов привела к тому, что насилие было буквально заложено в предметном ряду перформанса. Валентности опасных объектов постепенно «индуцировали» соответствующее поведение – словно магнит, притягивающий определенные поступки.

С позиции теории поля К. Левина поведение участников оказалось полностью детерминировано внешними силами среды, взявшими верх над их внутренними нормами [Левин, 2000]. Кроме того, отсутствие социального контроля и групповой эффект позволяли части аудитории чувствовать себя безнаказанными при совершении насильственных действий [3]. Отсюда – психологический диссонанс у части публики: стоящая перед ними женщина добровольно отказывается от статуса личности, превращаясь в «голосовой объект».

Как отмечает Ф. Вард, подобная самодегуманизация со стороны Абрамович могла восприниматься зрителями как, своего рода, агрессия в их адрес – вызов привычным моральным установкам. Полная пассивность и обезличенность художницы фрустрировала зрителей и порождала у них бессознательное желание «встряхнуть» ее, вынудить реагировать, вернуть себе человеческий облик [3]. Один из способов это сделать – испытать на ней болевые и шоковые воздействия, граничащие с угрозой жизни, чтобы посмотреть, заставит ли это «объект» выйти из роли и вновь стать чувствующим субъектом. Здесь можно усмотреть, своего рода, извращенную логику милосердия: довести насилие до предела, чтобы прекратить невыносимое зрелище обезличенного существа.

Таким образом, даже психологическое стремление «вернуть границы» (о котором говорит Вард) играло на руку эскалации жестокости, поскольку границы можно было восстановить только спровоцировав остановку перформанса экстремальным актом (например, реальной угрозой убийства).

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

Дополнительный аспект – групповая динамика. Действия происходили в присутствии десятков людей, причем решения принимались стихийно, без координации. Каждый зритель видел, что другие тоже участвуют и что никто не пресекает даже опасные действия.

Сложившаяся ситуация вызвала эффект «диффузии ответственности»: участники действовали коллективно, что нивелировало личное чувство вины за насильственные действия [8].

Подведем промежуточный итог анализа:

Все ключевые компоненты структуры «Ритм 0» – пассивная позиция художницы, провоцирующий набор предметов и устранение норм ответственности – совместно создали условия, в которых агрессивное поведение аудитории было почти предопределено. Действия зрителей, в значительной степени, носили характер реакций на силу поля, сконструированного художницей, т.е. соответствовали «полевому поведению» по Левину.

Вместо того, чтобы демонстрировать их внутреннюю склонность к насилию, перформанс продемонстрировал влияние экстремальной ситуации на вполне обычных людей. Это подтверждается и тем фактом, что реакции зрителей не были монолитно жестокими: наряду с агрессорами нашлись и те, кто сопротивлялся насилию, пытаясь остановить жестокость и защитить жертву.

Обсуждение.

Результаты структурного анализа позволяют пересмотреть тезис о «врожденной жестокости» человека через призму «Ритм 0». Полученные данные указывают на то, что в данном случае мы наблюдали не раскрытие некой глубинной, изначально присущей всем людям агрессии, а спровоцированное ситуацией поведение, аналогичное эффектам, фиксируемым в социальных экспериментах по ситуации бесконтрольной власти.

Другими словами, агрессия в «Ритме 0» была феноменом поля, а не личности. Это важное методологическое различие: чтобы доказать наличие у людей врожденной склонности к насилию, эксперимент должен исключать внешние побудительные факторы и оставлять действие лишь внутренним мотивам. В опыте Абрамович было наоборот – внешние факторы не просто присутствовали, а намеренно обострялись до предела, фактически направляя поведение участников.

Сопоставление с классическими экспериментами социальной психологии укрепляет эту интерпретацию. Еще в 1960–70-е годы исследования Милгрэма и Зимбардо показали, что обычные люди способны творить зло под влиянием ситуации, даже если не обладают патологическими склонностями к жестокости [2; 4]. Милгрэм продемонстрировал, как далеко зайдут люди в причинении боли другому под давлением авторитета; Зимбардо – как легко испытуемые, наделенные безраздельной властью (роль «охранников»), начинают унижать и мучить подвластных. Существенно, что сами авторы этих экспериментов делали вывод о решающей роли ситуационных факторов. Ф. Зимбардо ввел понятие «эффект Люцифера» для описания превращения хороших людей в злодеев под влиянием конкретных обстоятельств и окружения [4].

В случае Абрамович схожие обстоятельства (власть без контроля, анонимность ответственности, обезличенная жертва) были воспроизведены в художественной форме – и привели к аналогичным проявлениям. Но из этого следует не «приговор человечеству», а более тонкий вывод: контекст может раскрепостить насилие, дремлющее в потенциале, но это насилие не возникает без причины само по себе [8]. В нормальной обстановке те же люди, которые на перформансе резали одежду и кожу художницы, вряд ли повели бы себя так с первым встречным человеком. Их поступки стали возможны именно потому, что «поле позволило» – иначе говоря, благодаря специфике ситуации, созданной Абрамович.

Важно отметить и разнообразие реакций аудитории, что опровергает одностороннее представление о людях как неизбежно жестоких. В финале перформанса часть зрителей активно вступилась за художницу. Когда пистолет оказался у ее головы, началась драка между теми, кто хотел предотвратить убийство, и агрессорами [7].

По свидетельству критика Т. МакЭвилли, именно физическое противодействие одних зрителей другим не позволило самому страшному сценарию осуществиться [1]. Кроме того, были люди, которые проявляли эмпатию даже в разгар жестокости – например, вытирали слезы на лице Абрамович, прикрывали ее тело после того, как ее раздели. Эти факты показывают, что даже в столь провокативном поле не все «поддались тьме».

Иными словами, перформанс не выявил единой «скрытой природы» аудитории, но разделил людей по их моральному выбору: одни позволили ситуации овладеть собой, другие сумели ей противостоять.

Таким образом, утверждение, будто «Ритм 0» доказал природную жестокость всех людей, явно избыточно. Скорее, он показал то же, что и социальные эксперименты: есть значимый процент людей, поддающихся влиянию поля и способных к агрессии без наказания, но есть и те, кто сохраняет нравственные принципы даже в экстремальных условиях.

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

С методологической точки зрения, анализ «Ритм 0» высвечивает ошибку в интерпретации причинности, допущенную как широкой публикой, так и самой Абрамович. Наблюдая пугающее насилие, легко прийти к выводу о том, что «зрители оказались жестокими существами, и перформанс это показал» [7]. Но такой вывод путает причину и условие. Правильнее сказать, перформанс создал условия, в которых некоторые зрители вели себя жестоко. Причина же – в этих условиях. Если бы аудитория действительно обладала неким универсальным инстинктом насилия, вспышки агрессии должны проявляться повсеместно, как только у людей появляется малейшая свобода действия. В реальной жизни этого не наблюдается – поведение людей в значительной степени регулируется внутренними ценностями, эмпатией, социальными нормами. Только искусственно убрав большинство этих регуляторов (как сделала Абрамович), можно добиться столь крайней манифестации насилия.

Таким образом, перформанс Абрамович не столько обнаружил, сколько спровоцировал жестокость. В терминах эксперимента, она не выявила у аудитории заранее существовавшую черту, а индуцировала состояние, при котором проявилось то, что в обычной обстановке остается подавленным.

Подобная критика звучала и в адрес Стэнфордского эксперимента. П. Зимбардо упрекали, что он не столько измерил агрессивность участников, сколько создал агрессивную микросреду и сам поощрял жесткое поведение (входя в роль начальника тюрьмы).

Научное сообщество извлекло урок: для изучения личностных склонностей нужны условия, не искажающие поведение воздействием мощных ситуационных стимулов. Иначе теряется возможность различить, где кончается свободный выбор и начинается давление среды. В «Ритме 0» же средовое давление было доминирующим с самого начала.

Этические импликации данного разбора касаются границ художественного эксперимента. Перформанс Абрамович зачастую оправдывается тем, что он раскрыл «неприятную правду» о публике. Но если принять нашу аргументацию, выходит, что акция больше говорит об ответственности художника, чем зрителей. Марина Абрамович, по сути, спроецировала свою собственную гипотезу на людей и создала сцену, где эта гипотеза могла подтвердиться. В этом смысле, «Ритм 0» служит предостережением о телеологической ловушке в перформативных практиках: если автор изначально убежден, что люди жестоки, и устраивает эксперимент для доказательства этого, то он рискует не обнаружить истину, а лишь воспроизвести свои ожидания. Этически проблематично подвергать людей (пусть и добровольных зрителей) такому скрытому манипулированию, особенно когда оно чревато психологической травмой и для самой публики. Известно, что после окончания акции зрители испытывали шок и стыд, убегали, не желая встречаться с художницей взглядом [7]. Можно предположить, что некоторым из них пришлось осмысливать собственные пугающие поступки и жить с этим знанием о себе. Вопрос – имели ли они на это информированное согласие? В отличие от участников научных опытов, зрители «Ритма 0» не подписывали согласия на участие в эксперименте над их моралью. Это - пограничная ситуация, где художественный замысел входит в конфликт с принципом уважения к человеку как моральному субъекту.

Заключение.

Эксперимент Марины Абрамович не предоставляет убедительных доказательств врожденной агрессивности человека, поскольку экстремальное поведение аудитории было детерминировано, прежде всего, ситуационными факторами, сконструированными художницей.

Абрамович создала уникальное психологическое поле, объявила себя пассивным объектом без прав и чувств, снабдила пространство орудиями потенциального насилия и сняла со зрителей привычные ограничения морали и закона. В такой конфигурации поля даже обыденная публика частично превратилась в орудие заложенных сценариев – «медиум валентностей» окружающих предметов, действуя под влиянием внешних сил больше, чем по собственной воле.

Наблюдаемая агрессия явилась, по сути, продуктом эксперимента, а не спонтанным проявлением неизменной человеческой природы. Тем самым, исход перформанса был предопределен не «темной сущностью» зрителей, а теми условиями, в которые их поместили. Выстреливший (к счастью, холостым) пистолет символизирует скорее триумф художественной провокации, нежели антропологическую неизбежность.

Использовать данный случай как доказательство природной жестокости человека методологически некорректно. Более адекватно говорить о демонстрации силы ситуационного влияния на поведение – о чем свидетельствуют и аналогии с экспериментами Милгрэма и Зимбардо.

В этом смысле, «Ритм 0» ценен как радикальная иллюстрация уязвимости человеческой морали в патологических обстоятельствах, но не как приговор человеческой природе.

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. McEvilley T. Marina Abramović: ART, in which the Audience Tests itself for Ideology // Artforum. 1975. Vol. 13. № 9. P. 54–59.
2. Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y. : Harper & Row, 1974. 224 p.
3. Vasilyeva E. Za predelami performansa // Журнал «Искусство».2013. № 4(587). С. 52–57.
4. Ward F. No Innocent Bystanders: Performance Art and Audience. Hanover : Dartmouth College Press, 2012. 216 p.
5. Zimbardo P. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. N.Y. : Random House, 2007. 551 p.
6. Абрамович М. Пройти сквозь стены. Мемуары. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 432 с.
7. Дущенко И. Пугающий эксперимент: художница шесть часов позволяла зрителям творить с ней что угодно // Пруфы.ру. 2025.
8. Зорина И. Эксперимент Марины Абрамович: как вседозволенность может привести к непомерной жестокости // Лайфхакер. 2023.
9. Игнатьева Н.М. Возвышенное и низменное в перформансах Марины Абрамович // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2014. № 2(3). С. 244–249. EDN: TJEBWT
10. Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. СПб. : Речь, 2000. 368 с.

References:

1. McEvilley T. Marina Abramović: ART, in which the Audience Tests itself for Ideology // Artforum. 1975. Vol. 13. № 9. P. 54–59.
2. Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y. : Harper & Row, 1974. 224 p.
3. Vasilyeva E. Za predelami performansa // Art Magazine. 2013. № 4(587). P. 52–57.
4. Ward F. No Innocent Bystanders: Performance Art and Audience. Hanover : Dartmouth College Press, 2012. 216 p.
5. Zimbardo P. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. N.Y. : Random House, 2007. 551 p.
6. Abramovich M. Walk through the walls. Memoirs. M. : Ad Marginem Press, 2017. 432 p.
7. Duschenko I. A frightening experiment: the artist allowed the audience to do anything with her for six hours // Пруфы.ру. 2025.
8. Zorina I. Marina Abramovich's experiment: how permissiveness can lead to excessive cruelty // Lifehacker. 2023.
9. Ignatyeva N.M. Sublime and base in the performances of Marina Abramovic // Vestn. Nizhny Novgorod. University named after N.I. Lobachevsky. Series: Philology. Art Criticism. 2014. № 2(3). P. 244–249. EDN: TJEBWT
10. Levin K. Field theory in social sciences / translated from English. SPb. : Speech, 2000. 368 p.

Информация об авторах

Жуланов Александр Владимирович
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории
и истории права и государства,
Волгоградская академия МВД России
inkognito@inbox.ru

Плотников Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Aleksandr V. Zhulanov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Public and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics
inkognito13@inbox.ru

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

Самойлов Сергей Федорович
доктор философских наук,
профессор,
заместитель начальника
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД России
kognito13@inbox.ru

Sergey F. Samoilov
Doctor of Philosophy,
Professor,
Deputy Head of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Donetsk branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kognito13@inbox.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Жуланов А.В., Плотников В.В., Самойлов С.Ф.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-10
УДК 316

Attribution
cc by

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АПАТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Касьянов В.В.[1], Манучарян А.К.[2], Самыгин П.С.[3]
[1, 2]Кубанский государственный университет,
[3]Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье анализируется феномен политической апатии современной российской молодежи, перспективные пути и способы ее преодоления, подчеркивается, что несмотря на наличие сильного общественного запроса на политическое участие молодежи, подавляющее большинство молодых людей в нашей стране демонстрируют равнодушное отношение к политике и незаинтересованность в участии в рассматриваемой сфере общественной жизни. Анализ материалов социологических опросов молодежи показывает, что приобщение молодежи к политике, преодоление ею апатии и увеличение показателей политического участия могут быть достигнуты посредством расширения взаимодействия молодежи с различными политическими акторами, предоставления информации политического характера на доступном и понятном для молодых людей языке, а также посредством каналов, являющихся востребованными в молодежной среде. Авторы отмечают, что в качестве действенного средства преодоления политической апатии молодежи и повышения интереса ее представителей к политической деятельности выступает создание благоприятных условий для самореализации молодых людей в политическом пространстве, возможностей оказывать реальное воздействие на функционирование органов власти и процесс принятия политических решений. Делается вывод, в соответствии с которым большое значение имеет участие молодежи в деятельности различных политических организаций, призванных отражать реальные интересы и потребности представителей молодого поколения, формировать политическую культуру участия и интегрировать молодежь в общественную политическую систему.

Ключевые слова: молодежь, политическая апатия, политическое участие, политическая культура, политическая социализация, деидеологизация, молодежная политика, молодежный парламентаризм, молодежное самоуправление, гражданская идентичность, гражданская ответственность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THE POLITICAL APATHY OF MODERN RUSSIAN YOUTH AND WAYS TO OVERCOME IT

Valery V. Kasyanov[1], Artur K. Manucharyan[2], Peter S. Samygin[3]
[1, 2]Kuban State University,
[3]Rostov State University of Economics

Abstract. The article analyzes the phenomenon of political apathy among modern Russian youth, promising ways and means of overcoming it, and shows that despite the strong public demand for youth political participation, the vast majority of young people in our country demonstrate an indifferent attitude to politics and disinterest in participating in this area of public life. An analysis of youth opinion polls shows that youth involvement in politics, overcoming apathy and increasing political participation can be achieved by expanding youth interaction with various political actors, providing political information in a language accessible and understandable to young people, as well as through channels that are in demand among young people. The authors note that an effective means of overcoming the political apathy of young people and increasing the interest of their representatives in political activity can be the creation of favorable conditions for the self-realization of young people in the political space, opportunities to have a real impact on the functioning of government and the political decision-making process. It is concluded that youth participation in the activities of various political organizations is of great importance, designed to reflect the real interests and needs of representatives of the younger generation, form a political culture of participation and integrate youth into the public political system.

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

Keywords: youth, political apathy, political participation, political culture, political socialization, de-ideologization, youth policy, youth parliamentarism, youth self-government, civic identity, civic responsibility.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современная государственная молодежная политика, согласно Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации, ориентирована на становление и развитие патриотически настроенного и ответственного поколения молодых граждан, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее поступательное развитие России, а также на активное привлечение молодых людей к участию в государственном строительстве и развитии современного российского общества, учитывающее его актуальные потребности, вызовы и угрозы, стоящие перед страной [1]. В то же время, как следует из результатов новейших социологических исследований, посвященных ценностным установкам современной российской молодежи, современное молодое поколение включает в себя, преимущественно, прагматичных и аполитичных индивидов, ориентированных, главным образом, на потребление, а многочисленные государственные программы в настоящее время не оказывают активное воздействие на сознание молодых россиян, содержание их ценностей и ориентаций.

В качестве одной из специфических характеристик ценностного профиля молодого поколения выступает политическая апатия, которая существует в комплексе с приоритетом личного благополучия, прагматическими потребительскими установками, скептицизмом к официальным нарративам и ориентацией на глобальный цифровой контент. Данные ценностные установки молодых россиян характеризуются схожестью с аналогичными установками молодежи западных стран [2].

В настоящее время существует объективная необходимость в преодолении политической апатии, присущей представителям отечественной молодежи, определении эффективных путей и способов повышения интереса молодежи к политической сфере общественной жизни, что и определяет актуальность темы настоящего исследования.

Обсуждение. Результаты.

Политическая апатия представляет собой особый феномен политической жизни, характеризующийся безразличием отдельных индивидов и социальных групп к политике и политической системе.

В исследованиях зарубежных и отечественных авторов политическая апатия рассматривается в качестве значимого понятия, которое основывается на бездействии, равнодушии и незаинтересованности людей или их групп в политике [3, с. 57–58].

В специальных исследованиях, посвященных характеристикам политической апатии и предпосылкам ее формирования, отмечается, что она стала охватывать российское общество еще в период 1990-х годов, что было характерно для представителей различных возрастных групп и, в том числе, молодежи [4, с. 14].

Молодежь в этот период времени, как подчеркивают ученые, представляющие Институт социологии РАН, была предоставлена сама себе, мало интересовалась политикой и была слабо включена в общественную и политическую жизнь страны. В дальнейшем, ситуация в стране стала меняться, и новые политические элиты после произошедших на постсоветском пространстве так называемых «оранжевых революций» стали демонстрировать повышенный интерес к представителям молодого поколения. Данный интерес нашел отражение в учреждении большого количества молодежных организаций, создании на базе крупнейших политических партий молодежных «крыльев». Однако все это не способствовало сколько-нибудь существенной политизации отечественной молодежи, что подтверждается результатами эмпирических исследований: так, в частности, доля молодежи, принимающей непосредственное участие в политической деятельности, выросла крайне незначительно, а число молодых россиян, интересующихся политикой, вообще не претерпело каких-либо изменений [5].

Подобный невысокий интерес молодежи к политике обусловлен рядом объективных факторов, связанных, в первую очередь, со спектром её жизненных интересов, который локализован на проблемах вхождения во взрослую жизнь, что является особенно актуальным для представителей младших возрастных когорт молодежи. Наряду с этим, последние имеют небольшой социальный опыт, который ограничен, преимущественно, межличностными и внутрисемейными коммуникациями (в то же время, как отмечают исследователи, по мере увеличения социальных связей, связанных с включением молодежи в области учебной, профессиональной и другой деятельности, происходит закономерное перераспределение жизненных целей и интересов молодых людей в сторону общественного и политического участия).

Необходимо отметить, что снижение уровня политического участия или политической активности молодежи в настоящее время является общемировой тенденцией: так, в частности, практически во всех странах мира в настоящее вре-

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

мя наблюдается крайне низкая явка представителей молодежи на выборы, незначительная востребованность среди молодых людей пассивных избирательных прав, а также снижение уровня участия молодежи в деятельности политических партий [6, с. 38–39].

Как уже отмечалось выше, рассматриваемое политическое участие не является жизненным приоритетом для молодежи и не выдерживает конкуренции с более актуальными для лиц данного возраста проблемами, связанными с получением образования, созданием семьи и началом профессиональной карьеры.

По мере того, как жизнь человека входит в относительно стабильное русло (речь идет об устройстве на постоянную работу, вступлении в брак, приобретении жилья и т.д.), происходит формирование его политического мировоззрения и приобретается опыт участия в политической жизни страны, включающего, прежде всего, голосование на референдумах, выборах в органы государственной власти и местного самоуправления.

В современной России, как свидетельствуют результаты социологических исследований, существует сильный общественный запрос на политическое участие молодежи: подавляющее большинство населения (83% россиян, по данным опросов Фонда «Общественное мнение») считают, что молодым людям необходимо принимать активное участие в политической жизни страны.

С точки зрения граждан-респондентов, необходимость увеличения уровня политического участия молодежи обусловлена тем, что у представителей рассматриваемой социально-демографической группы есть необходимые для политической активности возможности и ресурсы, кроме того, именно представителям молодежи в ближайшем будущем предстоит «руководить страной», и именно они потенциально способны изменить ситуацию в ней в лучшую сторону.

По мнению россиян, опрошенных специалистами, представляющими ФОМ, представители молодежи в какой-то степени интересуются политикой (27 % респондентов, в частности, считают, что многие молодые люди в нашей стране проявляют большой интерес к политике, 43 % полагают, что подобный интерес характерен для небольшой части молодежи, а еще 13 % придерживаются точки зрения, в соответствии с которой в молодежной среде вообще в принципе отсутствуют люди, интересующиеся политикой).

Интересно, что позиции граждан-респондентов расходятся по вопросу о том, существует ли у представителей молодого поколения современного российского общества реальная возможность оказывать влияние на политическую жизнь в стране: 39 % опрошенных отметили наличие такой возможности, однако, 46 % заявили о ее отсутствии. У россиян также отсутствует единство в представлениях о том, соответствуют ли ценности современной молодежи ценностям представителей так называемой политической элиты, включающей лиц, принимающих важнейшие государственные решения: 34 % опрошенных считают, что ценности молодых людей и лиц, принимающих решения на государственном уровне, значительно различаются, 23 % полагают, что они различаются незначительно, и только 21 % указывают на совпадение рассматриваемых ценностей [7].

Что же касается тех респондентов, которые убеждены в необходимости участия молодых людей в политике, то они аргументируют свою позицию тем, что от молодежи зависит будущее страны, а сами представители данной группы имеют необходимые для активного участия в политике качества. Помимо этого, респонденты убеждены в необходимости участия представителей молодежи в достижении актуальных целей и решении задач развития страны, притока новых кадров в политику и смены поколений в рамках политической элиты. Однако высокий общественный запрос на политическое участие молодежи в жизни государства общества вступает в противоречие с ценностными установками представителей молодого поколения в современной России, подавляющее большинство которого демонстрирует равнодушное отношение к политике и незаинтересованность в участии в рассматриваемой сфере общественной жизни: так, в соответствии с материалами доклада «Российское «поколение Z»: установки и ценности», подготовленного на основе количественных и качественных социологических опросов, политическая сфера не входит в число тех сфер, которые представляют сколько-нибудь значительный интерес для молодежи (определенный интерес к ней проявляют лишь 19 % молодых россиян, в время как для 57 % респондентов характерно равнодушное отношение к политике) [8]. Необходимо отметить, что эмпирические данные, отражающие степень интереса представителей молодежи к политике, соответствуют аналогичным показателям, описывающим соответствующий интерес, характерный для других возрастных групп (доля интересующихся политикой респондентов по общероссийским выборкам не превышает 10–12 %). К категориям граждан, проявляющим наибольшую заинтересованность в политике, относятся мужчины, столичная молодежь, а также малообеспеченные слои населения.

В ряде эмпирических исследований, посвященных ценностным установкам современной российской молодежи, нередко указывается на деидеологизацию как характерную тенденцию процесса трансформации молодежного сознания в постсоветский период развития российского общества [9, с. 66]. Так, исследователи, в частности, акцентируют внимание на несформированность идеологических позиций значительной части отечественной молодежи (для молодежи как становящегося субъекта социальных отно-

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

шений в принципе характерны колебания в идеологических позициях, частые смены идеологических воззрений, что во многом объясняется возрастными социально-психологическими характеристиками, присущими представителям рассматриваемой группы) [10]. Характерный для многих молодых людей идеологический выбор является достаточно поверхностным, что подтверждается отсутствием взаимосвязи между данным выбором и социально-демографическим и экономическим статусом молодых респондентов (определенные идеологические типы могут встречаться среди представителей молодежи, отличающихся друг от друга по половой принадлежности, уровню образования, типу поселения и т.д.). Речь здесь идет о том, что так называемые молодежные идеологические типы не локализованы в конкретных социально-демографических стратах, а идеологические позиции формируются, главным образом, под воздействием культурных, а не социальных факторов.

К числу данных факторов относятся:

– образование и воспитание;

– предпочтительный вид досуга и хобби молодых людей;

– характерные для них группы общения и информационные предпочтения.

Выбор политической идеологии нередко производится на основе кратковременной моды на определенные идеологические позиции в молодежной среде и может меняться в процессе перехода конкретных молодых людей из одних коммуникационных групп в другие. Интересно, что характерные для молодых людей идеологические позиции не связаны с их политическим выбором, поскольку среди сторонников определенных политиков могут находиться молодые люди с различными политическими воззрениями.

В целом как политические предпочтения, так и идеологические позиции представителей отечественной молодежи отличаются большой степенью неустойчивости и неопределенности.

Как свидетельствуют материалы доклада «Российское «поколение Z»: установки и ценности», часть опрошенных молодых людей имеет социал-демократические политические взгляды; еще часть молодых россиян относит себя к русским националистам и либералам, однако, больше половины представителей рассматриваемой социально-демографической группы не считают себя разбирающимися ни в политике, ни в политических идеологиях. По этой причине, с точки зрения авторов указанного доклада, для молодежи характерны «смутные и не очень выраженные» ориентации на предпочтительные для нашей страны модели государственного или политического устройства.

Несмотря на то, что подавляющая часть молодежи указывает на неприемлемость авторитарных методов государственного управления, в сознании молодежи одновременно с этим сохраняется популистская вера в «сильного лидера» и представление о необходимости «сильной партии», обладающей способностью действовать в интересах большинства населения.

Достаточно противоречивыми также выглядят разделяемые молодежью позиции, в соответствии с которыми, с одной стороны, «молодежь должна иметь больше возможностей заявить свой голос в политике», а с другой стороны, «политикам не важно мнение молодежи». Характерные для молодежи политическая апатия и определенное отчуждение ее представителей от политики сосуществуют со значительными ожиданиями молодых людей от государства, органы власти которого должны, по мнению молодых россиян, навести порядок в стране. Так, в частности, молодежь считает необходимым решение органами государственной власти ряда задач, включающих эффективную защиту прав и свобод человека, улучшение состояния окружающей среды, повышение уровня жизни и благосостояния граждан, борьбу с коррупцией и т.д. [8].

Как уже отмечалось выше, реализация целей и задач устойчивого социально-экономического развития российского общества, обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета может быть осуществлена при опоре на патриотически настроенное и ответственное поколение молодых граждан посредством активного привлечения молодых людей к участию в государственном строительстве и общественной деятельности, что предусматривает преодоление политической апатии молодых людей и их отчуждения от политики как таковой.

Следует согласиться с точкой зрения, высказанной Н.В. Хлабыстовой и ее соавторами, справедливо утверждающими, что политика, как таковая, должна быть адаптирована к требованиям современной молодежи, соответствовать ее потребностям и интересам, а кроме того, она должна быть более понятной для молодых людей, что будет способствовать повышению их интереса к данной сфере общественной жизни [11, с. 42–43].

В соответствии с позицией представителей молодежи, нашедшей отражение в материалах социологического опроса, проведенного указанными авторами, повышению интереса молодежи к политике могли бы способствовать демонстрация того, как «политические решения влияют на повседневную жизнь молодых людей», «более понятное и интересное освещение политики в социальных сетях и медиа», активное взаимодействие политических деятелей с молодыми гражданами, непосредственная коммуникация с политиками, предусматривающая «ответы на вопросы» молодых людей [11, с. 42–43].

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

Анализ результатов рассматриваемого социологического исследования позволяет сделать вывод, в соответствии с которым приобщение молодежи к политике, преодоление политической апатии и увеличение показателей участия молодежи в соответствующей деятельности могут быть достигнуты посредством расширения взаимодействия молодежи с политическими деятелями различного уровня, предоставления политической информации на доступном и понятном для молодых людей языке, а также с помощью тех каналов, которые являются востребованными в молодежной среде.

В соответствии с предположением, высказанным Н.В. Хлабыстовой и ее соавторами, для молодежи основную сложность представляет «непонятность входа в саму политическую систему» [11, с. 44–45]. По этой причине в качестве действенного средства преодоления политической апатии молодежи и повышения интереса ее представителей к политической деятельности может выступать создание благоприятных условий для самореализации молодых людей в политическом пространстве, возможностей оказывать реальное воздействие на власть и процесс принятия политических решений.

В настоящее время в нашей стране реализуется государственная молодежная политика, направленная, в том числе на создание механизмов, обеспечивающих участие молодых людей в деятельности органов государственной и муниципальной власти, а также эффективное функционирование системы молодежного самоуправления.

Как отмечается в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, в настоящее время молодежь достаточно широко представлена в законодательных представительных органах на региональном и муниципальном уровнях: так, в качестве депутатов парламентов субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований на данный момент работают 28536 молодых граждан. Помимо этого, в России функционируют около 46,5 тыс. органов молодежного самоуправления, в работе которых принимают участие более 2,1 млн человек. В качестве одной из важнейших задач государства является привлечение молодежи на государственную службу: по данным Федеральной службы государственной статистики, количество государственных гражданских служащих в возрасте до 35 лет составляет 205753 человека, из них 147711 человек – государственные гражданские служащие в федеральных государственных органах, 58042 – государственные гражданские служащие в государственных органах субъектов Российской Федерации. В нашей стране развивается система молодежного инициативного бюджетирования как одного из инструментов вовлечения активной молодежи в местное самоуправление [1].

Тем не менее, данные социологических опросов свидетельствуют о несоответствии между представлениями молодежи о роли и значении молодежных организаций, отношении к осуществляемой ими деятельности, а также реальными формами политического поведения и политического участия. Так, результаты опросов молодых россиян, проведенных ВЦИОМ, указывают на то, что подавляющее большинство молодежи одобряет деятельность молодежных движений при политических партиях, однако, желание стать членами таких отделений либо других молодежных политических организаций характерно лишь для каждого пятого молодого россиянина, а реальное участие в деятельности политических партий осуществляют всего 6 % молодежи [1].

В современной России также активно развивается молодежный парламентаризм, который определяется в специальных исследованиях в качестве совокупности институциональных, функциональных и социокультурных механизмов, обеспечивающих представительство интересов молодежи в органах государственной власти, участие молодежи в процессах выработки и принятия политических решений, а также формирование политической культуры участия и гражданской идентичности молодого поколения [12, с. 72].

Как отмечает Д.А. Федотов, в настоящее время ситуация складывается таким образом, что молодые люди идут в молодежные парламентские структуры за «громкими словами», «красивой картинкой», чаще всего, не понимая специфики работы и особенностей политической жизни. В результате, указывает данный автор, «сталкиваясь с суровой реальностью, в лучшем случае молодежь начинает игнорировать внутриструктурные взаимодействия, в худшем – покидает систему молодежного парламентаризма» [12, с. 80].

Проблема идентичности молодежного парламентаризма связана с отсутствием четкого понимания его миссии и функций, как в глазах самих молодых парламентариев, так и в представлении лиц, входящих в органы государственной власти. В результате, молодежные парламенты зачастую воспринимаются как формальные структуры, не имеющие реальных полномочий и влияния.

Анализ опыта работы молодежных парламентов и других молодежных политических организаций показывает, что привлечение молодых людей к их деятельности должно осуществляться с учетом реальных потребностей и интересов представителей данной социально-демографической группы, учитывать их социально-психологические и другие характеристики.

Современная молодежь отдает предпочтение гибким формам политического участия и проектному подходу, ожидая от организации прозрачности, эффективного менеджмента и видимых результатов деятельности: в настоящее время наблюдается тенденция к её участию в деятель-

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

ности тех организаций, которые используют современные технологии, цифровые инструменты и игровые практики вовлечения в свою работу, предлагают возможности для удаленного участия и имеют активное присутствие в социальных сетях.

Если говорить о молодежных парламентах, то их эффективному функционирования, с точки зрения самих членов данных организаций, препятствуют отсутствие реальных полномочий, недостаток юридической компетентности и длительность законодательных процедур.

Наряду с этим, респондентами были отмечены такие слабые позиции в системе молодежного парламентаризма, как:

– недостаточное финансирование рассматриваемых представительных учреждений;

– имеющиеся бюрократические барьеры в комплексе с низким интересом к деятельности этих организаций со стороны самой молодежи;

– слабая обратная связь с представителями данной социально-демографической группы;

– формальный характер рассматриваемого молодежного представительства;

– отсутствие реальных механизмов воздействия этой структуры на политический процесс [12, с. 85–86].

Повышение эффективности функционирования молодежных парламентов и других молодежных политических организаций, на наш взгляд, могло бы способствовать преодолению характерной для молодежи политической апатии, росту интереса к политике и расширению масштабов политического участия.

Современная молодежь, как показывают результаты эмпирических исследований, имеет особые интересы и ожидания от участия в политической жизни общества: молодые люди хотят иметь реальную возможность оказывать воздействие на осуществление политики, принятие решений, влияющих на разные аспекты жизнедеятельности, видеть конкретные результаты своей работы, быть частью большого дела, ощущая при этом причастность к политическому процессу, происходящим общественным изменениям позитивного характера и т.д.

Важное значение для молодежи также имеет возможность приобретения опыта взаимодействия с различными политическими и иными субъектами, самореализации в интересных для них видах активности, способствующими формированию у неё лидерских, организаторских, коммуникативных и иных компетенций, которые являются востребованными на современном рынке труда и могут способствовать построению успешной карьеры в избранной сфере профессиональной деятельности.

Заключение.

Одной из важнейших задач современной российской молодежной политики является преодоление характерной для значительной части представителей молодого поколения политической апатии в комплексе с определением эффективных путей и способов повышения интереса молодежи к политической сфере жизнедеятельности общества, созданием механизмов, обеспечивающих активное участие молодых людей в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

В то же время, несмотря на наличие сильного общественного запроса на политическое участие молодежи, подавляющее большинство молодых людей в нашей стране демонстрируют равнодушное отношение к политике и незаинтересованность в участии в рассматриваемой сфере общественной жизни.

Анализ материалов социологических опросов молодежи показывает, что приобщение молодого поколения к политике, преодоление политической апатии и увеличение показателей участия представителей данной социально-демографической группы в рассматриваемой деятельности могут быть достигнуты посредством расширения взаимодействия молодежи с политическими деятелями различного уровня, предоставления информации политического характера на доступном и понятном для молодых людей языке, а также посредством каналов коммуникациии, являющихся востребованными в молодежной среде.

В качестве действенного средства преодоления политической апатии молодежи и повышения интереса ее представителей к политической деятельности может выступать создание благоприятных условий для самореализации молодых людей в политическом пространстве, возможностей оказывать реальное воздействие на функционирование органов власти и процесс принятия политических решений.

Здесь большое значение имеет опыт участия молодых людей в различных политических организациях, к числу которых относятся, в том числе молодежные парламенты, призванные отражать реальные интересы и потребности представителей молодого поколения, вовлекать их в процесс принятия политических решений, формировать политическую культуру участия и интегрировать молодежь в общественную политическую систему.

В идеале, молодежные парламенты и другие политические организации должны выступать в качестве посредников между молодежью и властными инстанциями, обеспечивая действие эффективного канала для артикуляции молодежных интересов и перевода последних в плоскость политических решений.

Присущая подавляющему большинству молодежи политическая апатия может быть преодолена в том случае, если молодые люди будут вовле-

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

чены в процесс принятия реальных решений политического характера, поскольку молодое поколение в настоящее время заинтересовано в действительном, а не мнимом участии в общественно-политических процессах, желая видеть конкретные результаты и позитивные изменения от осуществляемой им деятельности.

Важную роль, в данном случае, играет формирование у молодежи политической культуры участия, связанной с развитием гражданской активности молодых людей и повышением уровня их политической компетентности посредством её участия в работе молодежных политических организаций, что может способствовать складыванию так называемого активистского типа политической культуры, который отличается широким участием в политике и высокой гражданской ответственностью.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : http://static.government (дата обращения 10.06.2026).
2. Российская молодежь 2026: аналитический отчет по результатам восьми фокус-групп // Center for Analysis and Strategies in Europe – C.A.S.E. URL : http: //www.case-center.org (дата обращения 11.06.2026).
3. Абрамов Г.А. Различия политической апатии и пассивности на примере современного российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 57–63. DOI: 10.24158/pep.2023.6.7 EDN: PYHUNL
4. Подхомутникова М.В. О политической апатии современной молодежи в России //Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3–4. С. 14–17. EDN: OKDCNR
5. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад Института социологии РАН. URL : http: //www.isras.ru (дата обращения 12.06.2026).
6. Добрынина М.В. Механизмы поддержки политической партипации школьников в свете проблемы низкого уровня политического участия молодежи / М.В. Добрынина, Д.С. Качуренко // Власть. 2023. № 2. С. 37–44. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9520 EDN: IROKER
7. Участие молодежи в политической жизни страны //ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 3–5 февраля 2023 г. URL : http: //www.fom.ru (дата обращения 13.06.2026).
8. Мануйлова А. Аполитичная молодежь // Коммерсант от 26 апреля 2021 г.
9. Касьянов В.В. Модели политической социализации и электоральная активность молодежи / В.В. Касьянов, Г.В. Дашкевич, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 65–68. EDN: YINVCL
10. Касьянов В.В. Социальная пассивность современных россиян: институциональные характеристики / В.В. Касьянов, А.К. Манучарян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 39–41. EDN: XBVPNB
11. Повышение интереса молодежи к политике через игровые практики: социологический анализ / Д.А. Винницкий [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 3. С. 41–49. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-3-4 EDN: MRNSDE
12. Федотов Д.А. Теоретические основы молодежного парламентаризма в России: сущность, цели и задачи // Право и политика. 2025. № 6. С. 71–92. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.6.74427 EDN: PROSFU

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024 № 2233-r «Strategy for the implementation of youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : http:// static.government (date of application 06/10/2026).
2. Russian Youth 2026: An analytical report Based on the results of eight focus groups // Center for Analysis and Strategies in Europe – C.A.S.E. URL : http //www.case-center.org (date of application 06/11/2026).
3. Abramov A.G. Differences between political apathy and passivity on the example of modern Russian society // Society: politics, economics, law. 2023. № 6. P. 57–63. DOI: 10.24158/pep.2023.6.7 EDN: PYHUNL
4. Podkhomutnikova M.V. On the political apathy of modern youth in Russia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2011. № 3–4. P. 14–17. EDN: OKDCNR
5. The youth of New Russia: lifestyle and value priorities Analytical report of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. URL : http: / / www.isras.ru (date of application 06/12/2026).

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

6. Dobrynina M.V. Mechanisms for supporting political participation of schoolchildren in light of the problem of low levels of political participation of young people / M.V. Dobrynina, D.S. Kachurenko // Vlast. 2023. № 2. P. 37–44. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9520 EDN: IROKER
7. Youth Participation in the Political Life of the Country // FOMnibus – a weekly all-Russian door-to-door survey. February 3–5, 2023. URL : http: //www.fom.ru (date of application 13.06.2026).
8. Manuilova A. Apolitical youth // Kommersant, April 26, 2021.
9. Kasyanov V.V. Models of political socialization and electoral activity of young people / V.V. Kasyanov, G.V. Dashkevich, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. P. 65–68. EDN: YINVCL
10. Kasyanov V.V. Social passivity of modern Russians: institutional characteristics / V.V. Kasyanov, A.K. Manucharyan // Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. № 11. P. 39–41. EDN: XBVPNB
11. Increasing youth interest in politics through gaming practices: a sociological analysis / D.A. Vinnitsky [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2026. № 3. P. 41–49. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-3-4 EDN: MRNSDE
12. Fedotov D.A. Theoretical foundations of youth parliamentarism in Russia: essence, goals and objectives // Law and Politics. 2025. № 6. P. 71–92. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.6.74427 EDN: PROSFU

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov
Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Манучарян Артур Константинович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории России,
факультет истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
antrop@mail.ru

Artur K. Manucharyan
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
antrop@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Peter S. Samygin
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-13
УДК 316.772.5

Attribution
cc by

УГРОЗЫ И РИСКИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА МОЛОДЕЖЬ

Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.
Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается негативные аспекты влияния цифровых платформ на современную молодежь. Актуальность исследования обусловлена вызовом информационной войны, ведущейся против современного российского общества и ролью молодежи, в качестве одной из ее приоритетных целей. В результате исследования были классифицированы и рассмотрены риски и угрозы, которые несет для молодежи использование цифровых платформ:

1) информационные (контентные, алгоритмические, информационно-алгоритмические) риски и угрозы;
2) коммуникационные («контактные риски», «риски контакта»);
3) социальные (социально-психологические);
4) риски и угрозы вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы;
5) риски и угрозы конфиденциальности.

Сделан вывод о том, что эффективная борьба с угрозами и рисками влияния цифровых платформ на современную российскую молодежь требует комплексного подхода, междисциплинарного по своей методологической сути и многоуровневого по практической организации информационной селекции, профилактики и противодействия. Поэтому возникает необходимость объединения усилий первичных и институциональных агентов социализации – семьи, школы, специалистов по работе с молодежью, IT-индустрии и представителей самих цифровых платформ.

Ключевые слова: угрозы и риски, молодежь, цифровые платформы, киберпространство, искусственный интеллект, рекомендательные алгоритмы, радикализация, цифровая грамотность.

***Финансирование**:* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

Original article

THREATS AND RISKS OF THE IMPACT OF DIGITAL PLATFORMS ON YOUNG PEOPLE

Dmitry A. Lushnikov, Kirill A. Dolgopolov, Oksana N. Kuznetsova
North Caucasus Federal University

Abstract. The article examines the negative aspects of the impact of the use of digital platforms on modern youth. The relevance of the study is determined by the challenge of the information war waged against modern Russian society and the role of youth as one of its priority targets. As a result of the study, the risks and threats posed by the use of digital platforms for young people were classified and examined:

1) informational (content, algorithmic, information-algorithmic) risks and threats;
2) communication («contact risks», «contact risks»);
3) social (social and psychological);
4) risks and threats of involvement in illegal extremist, destructive social communities and groups;
5) risks and threats to privacy.

It is concluded that an effective fight against the threats and risks of the influence of digital platforms on modern Russian youth requires an integrated approach, interdisciplinary in its methodological essence and multi-level in the practical organization of information selection, prevention and counteraction. Therefore, there is a need to unite the efforts of primary and institutional agents of socializa-

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

tion – families, schools, youth workers, the IT industry, and representatives of the digital platforms themselves.

Keywords: threats and risks, youth, digital platforms, cyberspace, artificial intelligence, recommendation algorithms, radicalization, digital literacy.

***Funding**:* The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 1023112800142-3-5.4.1. «Technologies for countering information warfare among young people» (FSRN-2024-0009).

Введение.

Подростковый и юношеский возраст являются важными стадиями социализации и развития личности, поскольку именно в этот период формируются основы мировоззрения и социального поведения, ценностные ориентации и идентичность. Именно поэтому молодежь является одной из приоритетных категорий негативного информационно-психологического и информационно-пропагандистского воздействия со стороны организаторов и акторов информационных войн.

Первые десятилетия XXI века привели к «цифровому повороту» в способах коммуникации, информационной доступности, репрезентации и саморепрезентации личности, этот процесс стал возможен благодаря новым информационно-коммуникативным технологиям, приведшим к появлению и массовизации использования социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов и т.п., объединенных понятием «цифровые платформы».

За несколько десятилетий выросли два поколения, взросление которых проходило и происходит в условиях полной диджитализации и погруженности в киберпространство. Цифровая среда, ее агенты и акторы стали играть роль не только агентов социализации, но и институтов социализации современной молодежи, формируя релляционные структуры, повседневные практики социального взаимодействия, обучения и досуговой деятельности.

Распространение и массовизация использования искусственного интеллекта в последние годы, детерминировали появление еще более новых агентов социализации – AI-агентов (чат-ботов, виртуальных компаньонов, ассистентов), формирующих более глубокий уровень социального взаимодействия с нечеловеческими сущностями и личностной привязанности к симулированной персонификации.

Хотя рассмотрение влияния AI-агентов на молодежь и не является задачей данного исследования, тем не менее, отметим, что это наиболее актуальная и наименее изученная проблема в современной социологии и социально-гуманитарном звании как таковом.

Обсуждение.

Диалектический аспект анализа влияния цифровых платформ на молодежь предполагает рассмотрение не только их положительных эффектов и преимуществ (к коим следует отнести доступность информации/знания, расширение социальных связей и вероятностных коммуникаций, изменение социальных отношений, возможности личностного развития и самовыражения), но и тех противоречий, проблем, рисков и угроз, которые они порождают.

Возникает вопрос о классификации данных рисков и угроз. К примеру, Я.В. Зубова и И.В. Липчанская, вслед за другими отечественными исследователями, делят их на три основные группы: информационные, коммуникационные и социальные [1].

Подобные классификации включают и ряд других видов, к примеру, «психологические риски/угрозы» или такой комбинированный вид, как «социально-психологические риски/угрозы».

Тем не менее, деление на данные виды является распространенным и устоявшимся в научной литературе.

Информационные риски и угрозы в западной литературе также интерпретируются как «алгоритмические» или «информационно-алгоритмические». Также выделяются риски и угрозы нарушения и утраты приватности и анонимности, использования личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических или экстремистских целях («риски/угрозы конфиденциальности»).

В эмпирическом исследовании Ш. Лю, Ю. Хуна и И. Хуана риски влияния цифровых платформ на сознание и поведение молодежи интерпретируются и операционализируются в следующие виды:

1) риски цифрового развития, отражают проблемы отчужденности молодого человека от реальности, ослабления связей с реальным миром в пользу киберпространства;

2) риски, связанные с цифровым контентом (или «контентные риски»), угрозы пассивного столкновения детей, подростков и молодежи с вредоносной для людей их возраста информацией;

3) риски цифрового взаимодействия (или «контактные риски», «риски контакта» в других исследованиях), негативное воздействие, которому подвергаются подростки и юноши в ходе онлайн-интеракций;

4) риски, связанные с цифровым поведением («поведенческие риски»), интерпретируемые как поведение детей в онлайн/офлайн-среде, кото-

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

рое может причинить вред другим или им самим [2].

Обобщая вышеупомянутые интерпретации и классификации, можно использовать следующую дифференциацию рисков и угроз, которые несет для молодежи использование цифровых платформ:

1) информационные (контентные, алгоритмические, информационно-алгоритмические) риски и угрозы – это столкновение в киберпространстве с негативным, нелегальным и дезинформирующим контентом, алгоритмическое усиление распространения деструктивного контента;

2) коммуникационные риски и угрозы («контактные риски», «риски контакта»), к ним относят различные выражения агрессии в киберпространстве, в частности, такие «деструктивные интеракции», как кибербуллинг, хейт, киберсталкинг, флейминг и т.д.;

3) социальные (социально-психологические) риски и угрозы чаще возникают как следствия снижение эмпатии, когнитивных расстройств, депрессивных и тревожных состояний, обусловленных углублением цифровой зависимости и номофобии.

4) риски и угрозы вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы, распространенные в последние годы методы вербовки молодежи с использованием алгоритмов;

5) риски/угрозы конфиденциальности, утрата приватности и анонимности, использования личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических, экстремистских и иных целях.

Информационно-алгоритмические риски и угрозы связаны с самой спецификой работы рекомендательных алгоритмов цифровых платформ, нацеленных на селекцию и таргетинг информации, усиливающих воздействие на сознание пользователя. Алгоритмы в силу своей цифровой механистической природы создают эффекты «информационных пузырей» («filter bubbles») и «эхо-камер» («echo chambers»). То есть, с одной стороны, они позволяют находить необходимую и разнообразную информацию и, следовательно, предоставляют индивиду большую степень информационной свободы, но, с другой стороны, частота использования тех или иных запросов и попадание в массив больших данных активирует алгоритмы таргетирования, выстраивающие вокруг пользователя комплиментарные каналы коммуникации и подбирающие определенную информацию.

Алгоритмические риски и угрозы связаны с поляризацией и информационной самоизоляцией индивидов и сообществ, они структурно усиливают идеологическую однородность и ограничивают разнообразие точек зрения.

Так, по мнению Р.Ш. Гилязова и Н.Ю. Мадякиной: «Цифровая среда способствует поляризации мнений. Молодежь часто встречает информацию, которая усиливает ее предвзятость, и становится частью виртуальных пузырей, где люди обсуждают темы только с теми, кто разделяет их взгляды. В таких условиях значительно возрастает риск радикализации политических позиций, поскольку молодежь оказывается изолированной от других точек зрения» [3, с. 72].

Выполненный М. Ахмадом, К. Шахзадом и А. Икбалом по методологии PRISMA обзор и анализ трех десятков исследований влияния «информационных пузырей» и «эхо-камер» на молодежь за 2015–2025 гг., полностью подтвердил гипотезу о том, что алгоритмы цифровых платформ усиливают избирательность восприятия и детерминируют рост поляризации [4].

Результаты проведенного ими исследования выявили несколько устойчивых закономерностей:

– алгоритмы цифровых платформ структурно и последовательно усиливают культурную, политическую, идеологическую и др. однородности, укрепляют избирательность восприятие и ограничивают разнообразие точек зрения;

– несмотря на непрозрачность рекомендательных алгоритмических систем и различающуюся степень цифровой грамотности, молодежь демонстрирует определенный уровень информированности о специфике действия данных механизмов и использует адаптивные стратегии для навигации по алгоритмическим лентам;

– несмотря не определенные негативные следствия в виде поляризации, избирательности восприятия и ограничения разнообразия позиций, информационные пузыри и эхо-камеры имеют и очевидные позитивные следствия, и эффекты, поскольку одновременно являются и пространством для укрепления идентичности и культурной принадлежности.

К. Регеер, К. Шогнесси, М. Чжао и И. Камбазоглу исследуют роль рекомендательных алгоритмов для психического здоровья и социального благополучия молодежи.

Исходя из результатов проведенного ими исследования, ученые сформулировали несколько основных выводов:

– рекомендательные алгоритмы усиливают воздействие экстремистских идей и «вредных идеологий» на сознание молодежи, они подбирают каналы коммуникации и контент для эффекта эхо-камер и формируют вокруг индивида и/или сообщества информационные пузыри из комплиментарной информации;

– агрессивный и экстремистский контент проникает в сознание в развлекательном виде, что позволяет ему набирать большую популярность у пользователей цифровых платформ;

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

– алгоритмы работают на нормализацию экстремистских идей и «вредных идеологий»;

– изменение в сознании оказывает воздействие на поведение молодежи, их психическое здоровье и отношения в семье и со сверстниками [5]. В качестве рекомендаций ученые указывают на необходимость кардинальных изменений в подходах к цифровой грамотности, образованию и молодежной политике.

М. Гильберт, Д. Сингел, С. Л. Виджил и др. обратили внимание на свойства рекомендательных алгоритмов выявлять уязвимых детей и подростков и целенаправленно подбрасывать им дистрессовый контент. Было установлено, что алгоритмы цифровых платформ умеют быстро распознавать не только детей и подростков, которые указывают ложную информацию о своем возрасте в аккаунте, но и выявлять и дифференцировать их уязвимости [6]. К примеру, пользователи цифровых платформ, ведущие себя как дети в возрасте 8 лет, получают почти в семь раз больше контента, ориентированного на детей, чем 16-летние подростки. Алгоритмы реагируют на пользователей, которые ведут себя как проблемные и «страдающие» подростки, поэтому адаптация коммерческих предложений приводит к тому, что они получают более чем на 30 % больше проблемного и более чем на 70 % больше тревожного контента, чем их сверстники, не испытывающие проблем.

Результаты исследования поставили вопрос об ответственности создателей и собственников цифровых платформ за защиту несовершеннолетних в киберпространстве.

Помимо этого, ученые рекомендуют сформировать исследовательскую программу с привлечением представителей всех направлений работы с молодежью, которая бы занималась независимым аудитом алгоритмов и проблемой устранения пробелов, возникающих в результате автоматизированных процессов принятия решений.

Результаты.

Одним из самых распространенных видов коммуникационных рисков для молодежи, которые несет использование цифровых платформ, является онлайн-агрессия и ее наиболее распространенная форма – кибербуллинг.

Согласно данным социологического исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) Европейского регионального бюро ВОЗ, сегодня с кибербуллингом сталкивается каждый шестой школьник. В 2020-е годы растет количество детей и подростков, подвергающихся онлайн-агрессии и травле, с 11 % до 14 % среди мальчиков и с 7 % до 9 % среди девочек [7].

В России, по данным исследовательской группы «РБК Life», 57 % пользователей цифровых платформ сталкивались с различными формами онлайн-агрессии, а около 47% школьников хотя бы раз становились жертвами травли в интернете [8].

По данным исследований Л.И. Лукашковой на 2020 год: «…Наиболее распространенными формами кибербуллинга, совершаемых в отношении подростков, размещение обидных, оскорбительных комментариев (6-е классы – 31 %, 7-е классы – 23 % и 8-е классы – 24 %) . Далее, по частоте встречаемости, следует распространение слухов и сплетен (6-е классы – 20 %, 7-е классы – 16 % и 8-е классы – 22 %) . От 8 % до 16 % учеников являлись свидетелями таких форм как удаление из группы, из «списка друзей», отказ в общении; размещение оскорбительного видео или фото; использование имени человека для рассылки негативной информации его знакомым; открытые угрозы физической расправы» [9, с. 452].

В отличие от офлайн-травли, кибербуллинг носит тотальный характер, поскольку не ограничен пространственно-временными границами. Легко достижимая анонимность субъекта травли в сети интернет провоцирует его негативное поведение, не сдерживаемое системой социального контроля. Онлайн-травля приводит к развитию тревожности и страхов, депрессивным состояниям и снижению самооценки. Наиболее распространенные чувства у жертв кибербуллинга, это раздражение и злость, чувство обиды, подавленность, тревога и страх.

Следует признать, что цифровые платформы предоставляют необходимые условия для организации онлайн-агрессии и кибербуллинга, однако и решение этой проблемы также имеет и аппаратно-технологический аспект.

В настоящее время, как в России, так и за рубежом, разрабатываются системы для автоматической модерации текстовых сообщений с целью интеграции их в социальные сети и мессенджеры (к примеру, AIMS (AI Moderation System). Данные системы обучаются на массивах из разнонаправленных комментариев и акцентируются на семантике и контексте высказывания.

Коммуникационные риски тесно связаны с рисками и угрозами конфиденциальности, заключающимися в утрате пользователем приватности и анонимности, использовании личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических, экстремистских и иных целях. Цифровые платформы предоставляют как компаниям, так и киберпреступникам возможности для сбора данных, доступ к молодежной аудитории, распространение рекламного и пропагандистского контента.

Социально-психологические риски для молодежи со стороны цифровых платформ являются следствиями цифровой зависимости и номофобии. Постоянное нахождение в сети («always-on») ведет к «цифровой перегрузке» («digital overload»), которая истощает когнитивные и пси-

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

хоэмоциональные ресурсы молодого человека, ведет к снижению эмпатии, когнитивным расстройствам, депрессивным и тревожным состояниям. Исследования влияния чрезмерного использования цифровых платформ выявляют их существенное влияние на психику и самооценку молодежи.

Как показывают данные исследований Д.А. Усика: «Выявлена значимая отрицательная корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и самооценкой ($r = –0.31$, $p < 0.001$), а также положительная корреляция с уровнем тревожности ($r = 0.33$, $p < 0.001$) и депрессии ($r = 0.28$, $p < 0.001$). Обнаружена криволинейная зависимость между использованием социальных сетей и психологическим благополучием, где умеренное использование связано с наиболее позитивными результатами» [10, с. 41].

Группа корейских ученых, во главе с К.-Х. Су пришли к выводам о комплексном воздействии цифровых платформ на социальное самочувствие и психику молодежи [11, с. 1844]. Индивидуально-личностные особенности и проблемы: заболевания, плохой сон, импульсивность, низкая самооценка сочетаются и накладываются на социальный контекст: неустойчивое или аутсайдерное положение в малой группе, давление со стороны сверстников, конфликты в семье и т.п.

Повседневные коммуникации в киберпространстве, формируемом рекомендательными алгоритмами, активизирует сравнение и рефлексию своего статуса и реляционной адекватности собственного исходящего и внешнего входящего контента. Возникают специфические тревожности и страхи несовпадения с реляционными структурами киберпространства: страх упустить что-то важное из контента; страх неодобрения собственной позиции со стороны других пользователей; страх упустить возможность коммуникации, рождающий навязчивую номофобию и др.

В настоящее время учеными выделяются два специфических расстройства:

1) «SMD» («Social Media Disorder»), связанное с использованием цифровых платформ, социальных сетей и мессенджеров;

2) «IGD» («Internet Gaming Disorder») – расстройство, связанное с использованием интернет-игр,

К примеру, Й. Трул, Д. Сахиб, Л. Клари и др. провели общенациональное исследование школьников в Саудовской Аравии и установили, что симптомы SMD среди старшеклассников доходят до 21 %, а IGD – до 16 %. Около трети подростков показали положительный результат по шкале одиночества, и более 40 % – по шкале симптомов депрессии или тревожности [12].

Исследования нейрофизиологов и психологов фиксируют ряд негативных нейропсихологических последствий влияния цифровых платформ на современную молодежь: снижение концентрации внимания, ослабление импульсного контроля и изменения в работе мозга и т.д.

Важную прикладную значимость имеют исследования рисков и угроз вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы. Наиболее актуальное значение данная проблема получила в последние годы, в условиях СВО на Украине, поскольку российское общество столкнулось как с «традиционными» сетевыми практиками и методами вербовки молодежи, так и с новыми цифровыми – с использованием алгоритмов и AI-агентов.

Проблема радикализации молодежи носит общемировой характер, к примеру, согласно «Глобальному индексу терроризма 2025» за 2020-2025 годы только ультраправый экстремизм вырос на 250% [13]. Однако применительно к нашей стране более актуальна не проблема радикализации молодежи, которая скорее демонстрирует политическую пассивность, доходящую до абсентеизма, а проблема вовлечения в деструктивные сообщества и вербовки для осуществления экстремистской и террористической деятельности.

В чем же состоит главная опасность использования цифровых платформ в целях негативного информационно-пропагандистского и психологического влияния внешних контрагентов на современных детей и молодежь?

Социальные сети, мессенджеры и коллективные платформы позволяют обходить не только вторичных, но и первичных агентов социализации, выводя вербовщиков, акторов психологических операций и информационных войн на непосредственный контакт с молодежной аудиторией в сети.

В доцифровую эпоху на процессы радикализации и вовлечения молодежи в экстремистские, деструктивные социальные общности и группы уходили относительно большие отрезки времени, месяцы и года. В цифровом мире процессы вовлечения и вербовки значительно ускорились и могут составлять более короткие промежутки времени, месяцы, дни и даже часы. К примеру, короткий, яркий, образно и эмоционально насыщенный видеоконтент может оказывать куда более быстрое воздействие на индивида, чем чтение экстремистской литературы и знакомство с носителем подобных воззрений.

Процессы радикализации и вовлечения молодежи в экстремистские, деструктивные социальные общности и группы не протекают исключительно в идеологических «информационных пузырях» и «эхо-камерах» со своими особыми рамками и границами, лексикой и образами. Деструктивный и экстремистский контент проникает в речь, визуальные образы, юмор и поведенческие особенности репрезентации и самопрезентации в молодёжной культуре.

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

Основной акцент при вовлечении молодежи в экстремистские и деструктивные сообщества делается на зрелищно-эмоциональную составляющую, а оказанное влияние подкрепляется разнообразным «вирусным» контентом. Вовлекаемый индивид совершает социальный переход из одного статуса в другой, цель вербовщиков – вырвать его из-под влияния прежних малых групп и агентов социализации, сменить ценностно-нормативную среду и мировоззрение, изменить идентичность. Как в ситуации любого социоструктурного перехода из одного статуса в другой, его успешность зависит от способности индивида десоциализироваться в прежней групповой среде и ресоциализироваться в новой. Индивид получает новую ингруппу и свой личный статус в ней, мировоззрение и идентичность.

Для успешности вовлечения ломается прежняя социально-групповая среда, индивид уводится из-под влияния малых групп, сетевых сообществ и значимых агентов социализации, чей авторитет подвергается сомнению и критике (точнее, рефлексия их авторитета сначала переводится в сомнение, потом в критику, далее критика углубляется, пока не достигнет стадии отказа от лояльности и разрыва с авторитетом). К. Манхейм называл данный механизм «дезорганизационной стратегией нацизма»: «Гитлер инстинктивно чувствует, что пока люди находятся под защитой своей социальной группы, они невосприимчивы к его влиянию. Поэтому скрытый механизм гитлеровской стратегии состоит в том, чтобы сломить сопротивление индивидуального сознания путем дезорганизации групп, к которым эти индивиды принадлежат. Он знает, что человек без групповых связей подобен крабу без панциря» [14, с. 499].

В качестве метафоры и примера описания основного механизма данного социального перехода и вовлечения молодого человека в экстремистские и деструктивные сообщества, воспользуемся аналогией из религиозных практик прозелитизма и мессианской деятельности:

1. Прозелит (обращаемый). Привлечение внимания индивида, установление и поддержание контакта, подкрепление возникшего интереса разнообразным контентом и одобрением его оценок и действий со стороны членов сообщества. Презентация сообщества для индивида в качестве его возможной, желанной и необходимой референтной группы.

2. Неофит (новообращенный). Вовлечение в сообщество, втягивание во внутригрупповую ценностно-нормативную среду. Новое сетевое виртуальное сообщество должно выстраивать взаимодействие с индивидом подобно реальной офлайн ингруппе. На этой стадии начинает постепенно меняться идентичность индивида. Втягивание в сетевое сообщество подобно вовлечению в структуру малой группы офлайн, и определение личного статуса внутри нее (как правило, для неофитов в процессе вербовки — это всегда роль полноправного члена группы, поскольку для молодежи и, в особенности, для подростков, проблема нахождения своей малой группы и места в ней является важнейшей возрастной задачей и проблемой социализации, на реализацию которой они быстро «покупаются»).

3. Адепт (обращенный). Индивид рассматривается как член ингруппы, вовлекается в ее практическую деятельность сообразно своему личному статусу и роли в ней. На этой стадии социальный переход завершается, индивид ресоциализируется в новом сообществе.

Заключение.

Проблематика угроз и рисков влияния цифровых платформ на молодежь актуализирует разработку рекомендаций и практических мер по профилактике их негативного влияния.

В результате обобщения подобных рекомендаций, мы получили срез тех мер, которые рекомендуют отечественные и зарубежные исследователи.

Образовательные меры, в основе своей, сводятся к развитию цифровой гармотности/медиаграмотности, формированию и развитию критического мышления. Цифровая грамотность и медиаграмотность утверждаются в качестве обязательного компонента обучения в школах и вузах. Помимо этого, поднимается вопрос о развитии специфического вида грамотности, связанного с когнитивными способностями понимания алгоритмов работы цифровых платформ, искусственного интеллекта и рекомендательных систем – «алгоритмической грамотности» (данное понятие использовалось и в доцифровую эпоху, но пока в науке не появилось какого-то нового, уточняющего нюанс алгоритмики рекомендательных систем и искусственного интеллекта термина, поэтому большинство исследователей используют устоявшийся). Следующий важный момент – это формирование культуры «цифровой гигиены», «цифровой диеты» или «цифрового детокса», практик сознательного регулирования использования гаджетов и воздержания от чрезмерной погруженности в киберсреду.

Меры психологической поддержки предполагают ряд основных направлений:

1) выявление представителей наиболее уязвимых групп и отдельных индивидов с признаками тревожности и изоляции, потребителей радикального контента и т.д.;

2) укрепление психологической устойчивости молодежи, развитие саморефлексивности поведения, навыков саморегуляции и решения личностных проблем;

3) необходимость анонимной психологической поддержки как в традиционных формах (горячие

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

линии, центры и кабинеты консультирования), так в современных цифровых формах (чат-боты, онлайн-консультации и т.д.).

Работа с институциональными агентами:

1) повышение цифровой компетентности родителей;

2) обучение учителей и преподавателей, как распознаванию ранних признаков цифровых поведенческих девиаций, так и цифровой компетентности, и алгоритмической грамотности, в частности;

3) создание и продвижение молодежных сообществ и таргетированных под данную категорию специализированных цифровых платформ, где бы осуществлялась селекция вредоносного и коммерческого контента, обеспечены возможности для позитивной коммуникации, творчества и самореализации.

Нормативно-регуляторные меры предполагают повышение ответственности самих цифровых платформ перед своими пользователями молодого возраста:

1) прозрачность алгоритмов и акцентированная модерация, платформы должны быть активнее в селекции вредоносного для молодежи контента;

2) совершенствование правовых механизмов по защите персональных данных детей, подростков и, в целом, молодых пользователей;

3) постоянная адаптация законодательства к инновационным цифровым технологиям, использованию AI, дипфейкам, геймификации, появлению новых по функциональным возможностям цифровых платформ;

4) активизация мер государственно-частного партнерства и сотрудничества властей, IT-компаний и общества в молодежном сегменте кибепространства.

Эффективная борьба с угрозами и рисками влияния цифровых платформ на современную российскую молодежь, с научной точки зрения, требует комплексного подхода, междисциплинарного – по своей методологической сути и многоуровневого – по практической организации информационной селекции, профилактики и противодействия.

Полагаем необходимым объединение усилий первичных и институциональных агентов социализации – семьи, школы, специалистов по работе с молодежью, IT-индустрии и представителей самих цифровых платформ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Зубова Я.В. Социализация молодежи в условиях виртуальной коммуникации: преимущества и риски / Я.В. Зубова, И.В. Липчанская // Гуманитарий Юга России. 2026. № 2. С. 105–114. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8 EDN: IFJJVE
2. Lu S. Study on the influence mechanism of internet risks on the development risks of Chinese adolescents: the mediating role of digital dependence and the moderating role of digital skills. Front Psychol / S. Lu, Y. Hong, Y. Huang. 2025 Nov 25; 16:1699803. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1699803
3. Гилязов Р.Ш. Цифровая среда какфактор политической социализации молодежи: тенденции и вызовы / Р.Ш. Гилязов, Н.Ю. Мадякина // Litera. 2026. № 1. С. 66–76. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77693 EDN: LIPDOA
4. Ahmmad M. Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth / Р.Ш. Гилязов, Н.Ю. Мадякина // Societies. 2025. 15. P. 1–17. DOI: 10.3390/soc15110301 EDN: PUEGHY
5. Normalizing toxicity: the role of recommender algorithms for young people's mental health and social wellbeing / K. Regehr [et al.] // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. P. 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1523649 EDN: RRSTCG
6. #BigTech @Minors: social media algorithms have actionable knowledge about child users and at-risk teens / M. Hilbert [et al.] // Telematics and Informatics. 2025. Vol. 103. P. 23–41. DOI: 10.1016/j.tele.2025.102341 EDN: POSHCU
7. WHO Europe. One in six school-aged children experiences cyberbullying. 2024. URL : https://www. who.int/europe/news/item/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying-finds-new-who-europe-study
8. 57 % россиян сталкивались с кибербуллингом. Почему это проблема? // РБК Life. URL : https://www. rbc. ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168 (дата обращения 17.04.2026).

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

9. Лукашкова И.Л. Кибербуллинг в подростковой среде: актуальное состояние проблемы / И.Л. Лукашкова, М.Н. Сулимова // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта 2020. № 6(184). С. 451–457. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457 EDN: NOHBZF
10. Усик Д.А. Взаимосвязь между использованием социальных сетей и влиянием на психическое здоровье подростков // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 3. С. 41–54. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-41-54 EDN: OOXDCP
11. Understanding Adolescent Social Media Use: A Narrative Review of Motivations, Risk Factors, and Mental Health Implications / K.-H. Suh [et al.] // International Journal of Mental Health Promotion. 2025. Vol. 27. Iss. 12. P. 1829–1845. DOI: 10.32604/ijmhp.2025.071879 EDN: XMSOPW
12. Prevalence of Social Media Disorder and Internet Gaming Disorder Among High School Students in Saudi Arabia / J. Thrul [et al.] // Computers in Human Behavior Reports. 2026. Vol. 21. DOI: 10.1016/j.chbr.2026.100960
13. Global Terrorism Index. 2025. URL : https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf.
14. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 700 с.

References:

1. Zubova Ya.V. Socialization of youth in conditions of virtual communication: advantages and risks / Ya.V. Zubova, I.V. Lipchanskaya // Humanities of the South of Russia. 2026. № 2. P. 105–114. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8 EDN: IFJJVE
2. Lu S. Study on the influence mechanism of internet risks on the development risks of Chinese adolescents: the mediating role of digital dependence and the moderating role of digital skills. Front Psychol / S. Lu, Y. Hong, Y. Huang. 2025 Nov 25; 16:1699803. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1699803
3. Gilyazov R.Sh., Madyakina N.Yu. The digital environment as a factor of political socialization of youth: trends and challenges // Litera. 2026. No. 1. pp. 66-76. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77693 EDN: LIPDOA
4. Ahmmad M. Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth / Р.Ш. Гилязов, Н.Ю. Мадякина // Societies. 2025. 15. P. 1–17. DOI: 10.3390/soc15110301 EDN: PUEGHY
5. Normalizing toxicity: the role of recommender algorithms for young people's mental health and social wellbeing / K. Regehr [et al.] // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. P. 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1523649 EDN: RRSTCG
6. #BigTech @Minors: social media algorithms have actionable knowledge about child users and at-risk teens / M. Hilbert [et al.] // Telematics and Informatics. 2025. Vol. 103. P. 23–41. DOI: 10.1016/j.tele.2025.102341 EDN: POSHCU
7. WHO Europe. One in six school-aged children experiences cyberbullying. 2024. URL : https://www.who.int/europe/news/item/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying-finds-new-who-europe-study
8. 57 % of Russians have experienced cyberbullying. Why is this a problem? // RBC Life. URL: https://www . rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168 (date of application 04/17/2026).
9. Lukashkova I.L. Cyberbullying among teenagers: the current state of the problem / I.L. Lukashkova, M.N. Sulimova // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University 2020. № 6(184). P. 451–457. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457 EDN: NOHBZF
10. Usyk D.A. The relationship between the use of social networks and the impact on the mental health of adolescents // Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2025. № 3. P. 41–54. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-41-54 EDN: OOXDCP
11. Understanding Adolescent Social Media Use: A Narrative Review of Motivations, Risk Factors, and Mental Health Implications / K.-H. Suh [et al.] // International Journal of Mental Health Promotion. 2025. Vol. 27. Iss. 12. P. 1829–1845. DOI: 10.32604/ijmhp.2025.071879 EDN: XMSOPW
12. Prevalence of Social Media Disorder and Internet Gaming Disorder Among High School Students in Saudi Arabia / J. Thrul [et al.] // Computers in Human Behavior Reports. 2026. Vol. 21. DOI: 10.1016/j.chbr.2026.100960
13. Global Terrorism Index 2025. URL : https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf
14. Manheim, K. The diagnosis of our time. M. : Lawyer, 1994. 700 p.

Информация об авторах

Лушников Дмитрий Александрович
доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии
и социальных инноваций,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-0352-4662
keremet2000@mail.ru

Dmitry A. Lushnikov
Doctor of Sociology,
Professor,
Head of the Department
of Sociology and Social Innovation,
North Caucasus Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0352-4662
keremet2000@mail.ru

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

Долгополов Кирилл Андреевич
доктор социологических наук,
доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-4496-1789

Кузнецова Оксана Николаевна
доцент кафедры государственного,
муниципального управления и экономики труда,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID iD: 0009-0007-6949-8491
okuznetcova@ncfu.ru

Kirill A. Dolgopolov
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Federal University
ORCID iD: 0000-0003-4496-1789

Oksana N. Kuznetsova
Associate Professor of the Department of State,
Municipal Management and Labor Economics,
North Caucasus Federal University
ORCID iD: 0009-0007-6949-8491
okuznetcova@ncfu.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-14
УДК 316.472.45

Attribution
cc by

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

Медведев С.В.[1], Лисничая М.А.[2]
[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
[2]Экспертный клуб «Дигория»

Аннотация. Современное цифровое развитие меняет формы гражданского участия, открывая новые возможности через онлайн-платформы и соцсети. Изучение цифровой демократии помогает повысить эффективность взаимодействия общества и власти, преодолевая институциональные барьеры и укрепляя доверие граждан. В работе проведена экспертная оценка потенциала и барьеров цифровой среды для развития гражданских инициатив, а также формулированы рекомендаций, способствующие повышению их эффективности в условиях трансформирующейся социальной реальности. Результаты проведенного авторами исследования показывают, что социальные сети изменили смыл взаимодействия государства и граждан: из канала одностороннего вещания они превратились в площадку для диалога и оперативного решения проблем. Пандемия ускорила этот процесс. Гражданская активность в онлайн-среде стала доступнее за счёт низкого «порога входа» – лайки, петиции и комментарии проще, чем офлайн-участие. Однако эксперты отмечают, что такая активность часто остаётся поверхностной. Цифровая среда расширяет возможности гражданских инициатив, улучшая коммуникацию, доступ к аудитории и обмен информацией. При этом существуют институциональные барьеры, такие как слабые ресурсы и непрозрачность процессов, а также социальные – низкое доверие, недостаток мотивации и времени участников, которые ограничивают эффективность таких инициатив. Несмотря на это, у людей есть готовность участвовать в общественной жизни своего города и региона.

Ключевые слова: гражданские инициативы, цифровая среда, цифровая демократия, социальные сети, общественное участие, цифровой активизм.

Original article

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF IMPLEMENTING CIVIC INITIATIVES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: AN EXPERT ASSESSMENT

Sergey V. Medvedev[1], Margarita A. Lisnichaya[2]
[1]Belgorod State National Research University,
[2]Digoria Expert Club

Abstract. Modern digital development is changing the forms of civic engagement, opening up new opportunities through online platforms and social networks. The study of digital democracy helps to increase the effectiveness of interaction between society and government, overcoming institutional barriers and strengthening the trust of citizens. The paper provides an expert assessment of the potential and barriers of the digital environment for the development of civic initiatives, as well as formulated recommendations to improve their effectiveness in a transforming social reality. The results of the article show that social networks have changed the way the state and citizens interact: from a one-way broadcasting channel, they have become a platform for dialogue and prompt problem solving. The pandemic has accelerated this process. Civic engagement in the online environment has become more accessible due to the low «entry threshold» – likes, petitions and comments are easier than offline participation. However, experts note that such activity often remains superficial. The digital environment empowers civic initiatives by improving communication, audience access, and information exchange. At the same time, there are institutional barriers, such as weak resources and lack of transparency of processes, as well as social ones – low trust, lack of motivation and lack of time for participants, which limit the effectiveness of such initiatives. Despite this, people have a willingness to participate in the public life of their city and region.

Keywords: civic initiatives, digital environment, digital democracy, social networks, public participation, digital activism.

© Медведев С.В., Лисничая М.А.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2026-0048 «Цифровой социальный капитал как фактор повышения устойчивости и инновационного потенциала региональных сообществ в России: формирование, конструирование и воспроизводство».

Введение.

В современных условиях стремительной цифровизации общественных процессов и усложнения социальной реальности тема реализации гражданских инициатив в цифровой среде приобретает особую актуальность.

Во-первых, цифровые технологии становятся ключевым инструментом для выражения и формирования общественного мнения, поддержки социально значимых проектов и мобилизации гражданского активизма.

Во-вторых, постепенная гибридизация среды, сочетающая виртуальные и офлайн-форматы взаимодействия, создает новые вызовы и одновременно расширяет возможности для реализации инициатив, требуя от исследователей комплексного анализа факторов, влияющих на эффективность подобных процессов.

В-третьих, цифровая среда характеризуется высокой скоростью изменений и неопределённостью, что создает дополнительную сложность для устойчивой реализации гражданских инициатив.

Технологические инновации, законодательные ограничения и вопросы цифровой безопасности активно трансформируют условия взаимодействия, что требует адаптивных стратегий и новых подходов со стороны гражданского общества. В этой связи становится необходимым выявление возможностей и ограничений цифровых платформ с учетом их технологических, социально-политических и культурных аспектов.

В.В. Зотов, Е.И. Боев и Л.А. Василенко обоснованно отмечают, что «переход коммуникативных технологий на интерактивные платформы социальных медиа открыл новые возможности для организации гражданского участия.

Развитие в Интернете таких социальных платформ, как Facebook, Twitter, «ВКонтакте», Instagram[1], послужило толчком к развитию и формированию сетевых сообществ, что открывает возможности постоянного взаимодействия акторов пространства публичных коммуникаций.

Глобальная информационная сеть создала условия для появления наиболее гибких, интерактивных и удобных взаимодействий, возникающих на базе взаимного социального интереса и обусловленных наличием гражданской активности. Онлайн-пространство становится площадкой, где вопреки сопротивлению бюрократического госаппарата сфера взаимодействия государства и гражданского общества демократизируется, наполняется элементами партисипаторной, прямой демократии» [2, с. 205].

Научная проблема данной статьи заключается в недостаточно всестороннем понимании механизма реализации гражданских инициатив в условиях цифровой и гибридной среды, а также в выявлении факторов, способствующих либо препятствующих успешной реализации данных инициатив.

Материалы и методы исследования. В данном исследовании в качестве теоретической основы используется концепция сетевого общества Мануэля Кастельса [3], которая позволяет рассматривать процессы гражданской активности в цифровой среде как функционирование и развитие взаимосвязанных социальных сетей, опосредованных информационно-коммуникационными технологиями. Теория сетевого общества подчеркивает роль цифровых коммуникаций в формировании новых форм социального участия и организации инициатив, что является ключевым для анализа возможностей и ограничений гражданских инициатив в современном цифровом пространстве.

В рамках данной теории мы фокусируемся на таких аспектах, как:

– структурные изменения в коммуникации (децентрализация, горизонтальные связи, сетевые узлы);

– роль цифровых платформ как инфраструктур гражданского взаимодействия;

– механизмы самоорганизации и коллективного действия в сетевом контексте.

Кроме того, в качестве теоретической основы используется теория необихевиоризма (Э. Толмен, К. Халл и Б. Скиннер) [5]. Она позволяет рассматривать вовлечение и активность граждан как действия, спровоцированные информационными стимулами. Согласно этой теории, поведение человека напрямую зависит от внешних информационных факторов, которые мотивируют и направляют его действия в социальной и политической сферах.

Теория необихевиоризма применяется для анализа того, как информационные потоки влияют на формирование гражданской активности, способствуя повышению уровня участия в общественной жизни и принятию решений. Она подчёркивает роль коммуникации и информации не только как источника знаний, но и как активирующего механизма мотивации поведения индивидов и групп.

Для целей нашего исследования необихевиористский подход операционализирован следующим образом:

[1] Facebook, Twitter, Instagram – запрещены в Российской Федерации.

© Медведев С.В., Лисничая М.А.

– «стимул» – информационный контент в цифровой среде (пост, видео, петиция, призыв к действию);

– «промежуточные переменные» – когнитивные и эмоциональные реакции пользователя (интерес, эмпатия, чувство справедливости);

– «реакция» – конкретное действие (подпись, репост, участие в обсуждении, офлайн-акция);

– «подкрепление» – обратная связь (лайки, комментарии, публичное признание, решение проблемы).

Эмпирическую базу исследования составляют результаты глубинного экспертного интервью «Практика реализации гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве» (N = 20) (проведено в сентябре-октябре 2025 года).

Проведение фокусированных глубинных интервью с экспертами, позволило детально проанализировать проблемы, возникающие при реализации инициатив в цифровом пространстве, а также оценить уровень активности населения в социально-сетевом пространстве.

Результаты. Обсуждение.

Современное общество отличается быстрым внедрением цифровых технологий во все сферы жизни, что неизбежно трансформирует способы и механизмы участия граждан в жизни государства. В этом контексте, исследование возможностей и ограничений реализации гражданских инициатив в цифровой среде приобретает особую актуальность, поскольку именно оно позволяет:

– на макроуровне (в логике теории сетевого общества М. Кастельса) осмыслить структурные изменения в гражданском участии: децентрализацию коммуникаций, формирование горизонтальных сетевых связей, появление новых узлов самоорганизации;

– на микроуровне (в рамках необихевиористского подхода) проанализировать мотивационные механизмы – как информационные стимулы в цифровой среде провоцируют конкретные действия граждан.

Гражданская инициатива, понимаемая как добровольное, самоорганизованное действие граждан, направленное на решение общественных проблем или оказание влияния на принятие решений, получает в цифровом пространстве новые, не существовавшие ранее инструменты для своего проявления и развития. Цифровая среда, в свою очередь, выступает в качестве многогранной платформы, одновременно предоставляющей широкие возможности и накладывающей определенные ограничения на этот процесс.

Для более глубинного понимания возможностей и ограничений реализации гражданских инициатив в цифровой среде обратимся к экспертным мнениям.

По-мнению экспертов, за последние пять лет роль социальных сетей в процессе электронного взаимодействия органов государственной власти и населения значительно возросла. Если ранее соцсети, в основном, служили односторонним каналом для распространения информации от властей к гражданам, сегодня они стали полноценной платформой для двустороннего диалога, обмена мнениями, оперативного реагирования на жалобы и предоставления государственных услуг.

Ответы экспертов позволили нам выделить несколько тенденций в сфере электронного взаимодействия власти и общества – рисунок 1.

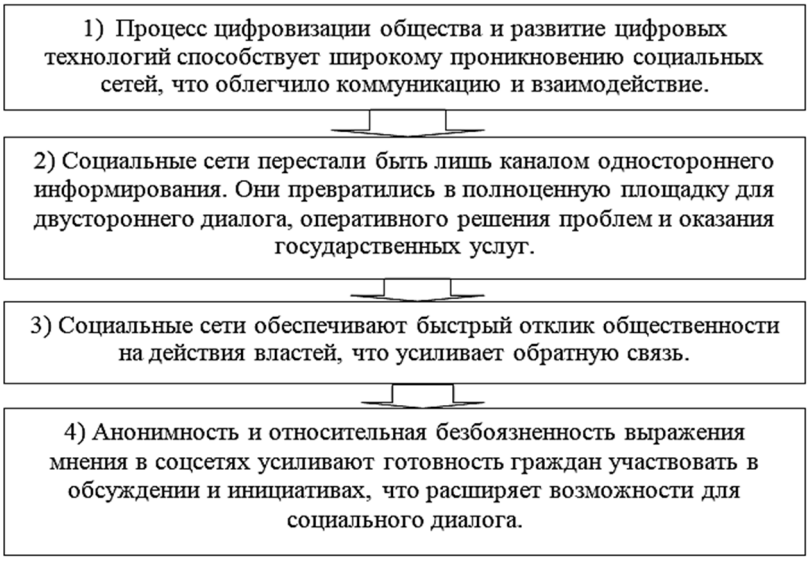

Рисунок 1 – Современные тенденции в сфере электронного взаимодействия власти и общества

© Медведев С.В., Лисничая М.А.

Социальные сети, несмотря на очевидные преимущества в развитии электронного взаимодействия между органами государственной власти и населением, демонстрируют и значительные риски, которые нельзя игнорировать при оценке их роли в современном цифровом обществе.

Экспертные оценки указывают на ряд негативных последствий, связанных с использованием этих платформ, что требует научного осмысления и выработки соответствующих мер.

В первую очередь, социальные сети выступают значительно уязвимыми к распространению дезинформации и фейковых новостей. Отсутствие полноценной модерации и высокая скорость распространения контента создают условия для манипулирования общественным мнением. В контексте использования искусственного интеллекта (ИИ) данные риски усугубляются: технологии генерации контента позволяют создавать правдоподобные, но полностью ложные сообщения и изображения, увеличивая объемы фейковой информации и затрудняя её распознавание. Это влечёт за собой снижение уровня доверия населения к официальным сообщениям в социальных сетях и государственным каналам коммуникации.

Анонимность рассматривается экспертами как неоднозначный фактор: около 80% отмечают, что она одновременно может как способствовать свободе выражения мнений и защите пользователей, так и снижать ответственность, что ведет к распространению дезинформации и токсичного поведения.

Эксперты не однозначны в оценке зависимости гражданской активности от поддержки и открытости государственных органов. Большинство экспертов соглашаются, что между уровнем открытости органов государственной власти и социально-сетевой активностью населения существует прямая, но не абсолютная зависимость. Открытость власти, проявляющаяся через публикацию данных, онлайн-приёмы и прямые эфиры, создаёт у граждан ощущение, что их голос слышат, что стимулирует активность в социальных сетях. Однако активность в сети не всегда перерастает в реальные инициативы.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что население сегодня в большей степени готово реализовывать гражданские инициативы в онлайн среде. Онлайн-платформы значительно снижают «порог входа» для гражданской активности – поставить лайк, подписать петицию или оставить комментарий проще и быстрее, чем участвовать в офлайн-акциях, митингах или посещать общественные приемные. Такой формат даёт ощущение мгновенного результата и причастности, что мотивирует многих.

В.В. Зотов, Е.И. Боев и Л.А. Василенко отмечают: «Социальные сети предоставляют условия для коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов, становясь реально действующим инструментом горизонтальных отношений и связей в обществе» [2, с. 211–212].

Однако часть экспертов выражает сомнения в глубине онлайн-активности, называя её «слактивизмом» – то есть поверхностным, разовым вовлечением без долгосрочного и системного участия. Они подчёркивают, что полноценная гражданская активность требует сочетания онлайн и офлайн форматов, когда цифровые инициативы подкрепляются реальными действиями и взаимодействием в обществе.

Негативные убеждения и стигмы в отношении гражданской активности в социально-сетевом пространстве действительно широко распространены и представляют собой серьёзную проблему. Одно из ключевых заблуждений заключается в дихотомии «слактивизм против реальных дел». Многие люди считают, что онлайн-активность – лайки, репосты, подписания петиций – это несерьёзная, поверхностная форма участия, которая не может заменить реальные офлайн-акции. Такое мнение обусловлено тем, что результат цифрового участия часто бывает неочевиден или проявляется с значительной задержкой, а сама форма активности кажется слишком простой и лёгкой.

Причинами распространения таких негативных стереотипов являются как объективные, так и субъективные факторы.

Во-первых, люди привыкли к традиционным формам гражданской активности, где результат виден сразу – например, участие в митингах или личные встречи.

Во-вторых, низкий уровень цифровой грамотности и недостаток понимания механизмов работы социальных платформ усложняет осознание значимости онлайн-инициатив.

Эксперты отмечают, что подобные убеждения отражают переходный период в развитии форм общественного участия. Цифровое гражданство ещё не до конца освоено и воспринимается многими как нечто второстепенное или неэффективное. Для борьбы с этими мифами необходимы просветительские инициативы, повышение прозрачности работы цифровых платформ и развитие гибридных моделей взаимодействия, сочетающих онлайн и офлайн активность.

В итоге, можно сказать, что заблуждения и стигмы обусловлены комплексом факторов – от непонимания и недоверия до целенаправленных манипуляций и социального контроля. При этом важно отличать субъективное отстаивание позиций от истинных ошибочных суждений. Распространение таких установок сдерживает развитие гражданской активности и поддерживает политическую пассивность в цифровом пространстве.

Наиболее активной возрастной когортой в реализации гражданских инициатив в цифровой среде, по мнению экспертов, является группа

© Медведев С.В., Лисничая М.А.

25–45 лет. Это обусловлено их высокой цифровой грамотностью, сформировавшимся социальным сознанием и значительным жизненным опытом. Одни эксперты отмечают, что эта аудитория хорошо владеет онлайн-инструментами и достаточно зрелая, чтобы сталкиваться с социальными и системными проблемами (ЖКХ, здравоохранение, образование), что стимулирует их к активным действиям и защите прав. Кроме того, у них есть нужные социальные и профессиональные ресурсы для организации и продвижения инициатив.

Другие эксперты подчеркивают, что молодежь 18–24 лет проявляет высокий энтузиазм и активность, используя соцсети и мессенджеры для распространения идей, однако часто им не хватает опыта и устойчивой мотивации для реализации инициатив до конца.

Старшие поколения (45+) участвуют в меньшей степени из-за меньшей цифровой компетентности и более консервативного подхода к технологиям, хотя их жизненный опыт и авторитет могут быть важны на уровне локальных инициатив.

В условиях социально-сетевого взаимодействия между органами государственной власти и населением ключевую роль в формировании эффективного механизма реализации гражданских инициатив играют барьерные факторы и ограничения, которые сдерживают активное вовлечение граждан.

Опрошенные эксперты оценивают сформированность государственной политики в сфере поддержки гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве довольно неоднозначно.

Некоторые отмечают наличие отдельных элементов поддержки – например, создание платформ для онлайн-петиций, а также активное использование социальных сетей государственными органами для коммуникации и цифровизации услуг.

Другие представители экспертного сообщества подчеркивают, что эта политика пока не оформлена в единую, системную и последовательную стратегию. Поддержка зачастую носит декларативный характер и сталкивается с бюрократическими препятствиями, что снижает её практическую эффективность.

Успешность инициатив зависит от сочетания мотивации, развития компетенций и поддержки государства. Материальные стимулы стимулируют участие, но не всегда обеспечивают стабильный интерес. Нематериальные меры, такие как признание и благодарность, оказывают сильное влияние, хотя их эффективность варьируется и требует индивидуального подхода.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет отметить, что современные цифровые технологии и цифровая среда, выражающаяся в социальных сетях, платформах и прочих онлайн-сервисах, создают принципиально новую конфигурацию социальных коммуникаций и возможностей для взаимодействия граждан, организаций и власти.

В то же время существуют значительные риски, связанные с распространением дезинформации, снижением качества публичного диалога, угрозами приватности и манипуляцией общественным мнением. Это может привести к фрагментации общества и усилению недоверия между участниками цифрового пространства.

Цифровая среда и социальные сети на настоящий момент представляют собой инструмент с большим потенциалом, но одновременно требуют дальнейших научных исследований и развития механизмов регулирования и поддержки, чтобы максимально эффективно использовать их возможности и минимизировать негативные последствия.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абрамова С.Б. Новостные медиа как источник мобилизации гражданского активизма / С.Б. Абрамова, В.Р. Лопатина, Н.Л. Антонова // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10(186). С. 17–26. DOI: 10.24158/tipor.2023.10.1 EDN: JPSAFL
2. Зотов В.В. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона / В.В. Зотов, Е.И. Боев, Л.А. Василенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 2. С. 203–216. EDN: WTFVXI
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе : монография. Екатеринбург, 2004. 238 с.

© Медведев С.В., Лисничая М.А.

4. Hacker K. What is Digital Democracy? / K. Hacker, van Dijk J. // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. 1st edn. London : Sage, 2000. P. 1–9. DOI: 10.4135/9781446218891.n1
5. Tolman E.C. A New Formula for Behaviorism (англ.) // Psychological Review. 1922. Vol. 29. № 1. P. 44–53.

References:

1. Abramova S.B. News media as a source of civil activism mobilization / S.B. Abramova, V.R. Lopatina, N.L. Antonova // Theory and practice of social development. 2023. № 10(186). P. 17–26. DOI: 10.24158/type number.2023.10.1 REGISTRATION number: JPSAFL
2. Zotov V.V. Civil activity of the population in the social network space of the region / V.V. Zotov, E.I. Boev, L.A. Vasilenko // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2021. Vol. 11. № 2. P. 203–216. EDN: WTFVXI
3. Castells M. The Galaxy of the Internet: Reflections on the Internet, business and society : monograph. Yekaterinburg, 2004. 238 p.
4. Hacker K. What is Digital Democracy? / K. Hacker, van Dijk J. // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. 1st edn. London : Sage, 2000. P. 1–9. DOI: 10.4135/9781446218891.n1
5. Tolman E.C. A New Formula for Behaviorism (англ.) // Psychological Review. 1922. Vol. 29. № 1. P. 44–53.

Информация об авторах

Медведев Сергей Владимирович
аспирант кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
medvedev@mail.ru

Лисничая Маргарита Андреевна
соискатель кафедры политической социологии
и социальных технологий социального факультета,
Российский государственный
гуманитарный университет;
член экспертного клуба «Дигория»
lisnichnay@mail.ru

Sergey V. Medvedev
Postgraduate Student of the Department
of Social Technologies and Public Administration,
Belgorod State National Research University
medvedev@mail.ru

Margarita A. Lisnichaya
Candidate of the Department
of Political Sociology and Social Technologies
of the Social Faculty,
Russian State University for the Humanities;
member of the Digoria Expert Club
lisnichnay@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Стрелецкий Я.И., Шахторин А.А., Януш С.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-17
УДК 316.4.051

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: КОНЦЕПЦИЯ МНОГОУРОВНЕВОГО ХРОНАЛЬНОГО ПОЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Парфенов К.Б.
Российский государственный гидрометеорологический университет

Аннотация. В современной социологической науке произошли существенные сдвиги в понимании социального времени, обусловленные масштабными технологическими изменениями, которые кардинально трансформировали темпоральные характеристики в современном социуме. Новые социальные феномены способствовали формированию различных постмодернистских концептов социального времени, оперирующих всевозможными специфическими конструктами, отражающими отдельные свойства времени и его восприятия, но так и не приблизили нас к целостному пониманию сущностных характеристик природы социального времени. Цель данного исследования – попытка, используя современные естественнонаучные и социально-философские подходы, сформулировать основные положения в рамках интегральной концепции хронального поля, предложив модель многоуровнего хроносоциального поля, акцентируя внимание на выявленных закономерностях, специфических характеристиках и свойствах социального времени на различных уровнях иерархии социальных систем.

Ключевые слова: социальное время, уровни социального времени, хрональное поле, хроносоциальное поле, темпоральность, хронотоп, свойства времени, субъективное время, масштабы времени, управление социальным временем.

***Funding**:* Independent work.

Original article

SOCIAL TIME: THE CONCEPT OF A MULTILEVEL CHRONOLOGICAL FIELD OF SOCIAL SYSTEMS

Konstantin B. Parfenov
Russian State Hydrometeorological University

Abstract. In modern sociological science, significant shifts in the understanding of social time have occurred due to large-scale technological changes that radically transformed temporal characteristics in modern society. New social phenomena contributed to the formation of various postmodern concepts of social time, operating with all kinds of specific constructs that reflect the individual properties of time and its perception, but did not bring us closer to a holistic understanding of the essential characteristics of the nature of social time. The purpose of this study is an attempt, using modern natural science and socio-philosophical approaches, to formulate the main provisions within the framework of the integral concept of the chronal field, proposing a model of a multi-level chronosocial field, focusing on the identified patterns, specific characteristics and properties of social time at various levels of the hierarchy of social systems.

Keywords: social time, social time levels, chronal field, chronosocial field, temporality, chronotope, time properties, subjective time, time scales, social time management.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В настоящее время в современном обществе происходят кардинальные изменения, которые не имеют исторических аналогов и которые нам еще предстоит осмыслить. То, что мы переживаем сегодня – это переход в совершенно новое качественное состояние социума, новую информационно-цифровую эпоху. Происходящие сдвиги и трансформации касаются не только информационно-технологического уклада нашей жизни, но имеют всеобщий – тотальный характер, затрагивая все аспекты жизнедеятельности социума, начиная от повседневных социальных практик, и заканчивая переосмыслением базовых, мировоззренческими констант, одной из которых является – время.

© Парфенов К.Б.

Рассматривая наиболее важные характеристики социального времени новой эпохи, отмечаемые многими социологами, можно выделить такие часто фиксируемые проявления, как: сжатие времени, его уплотнение и ускорение. Широкое распространение получила идея о том, что «дигитализация породила новую темпоральность» [1, с. 29], характеризующуюся новыми темпоральными ритмами, обусловленными изменением технологического уклада.

Рассматривая существующие в социологической науке концептуальные подходы к социальному времени применительно к анализу информационно-цифровой эпохи с точки зрения описания новых темпоральных явлений, наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживают постмодернистские концепции нелинейного времени З. Баумана, И. Валлерстайна, Г. Гурвича, Э. Гидденса, М. Кастельса, Дж. Урри, П. Штомпки.

Отличительными особенностями данных концепций являются не только совершенно разные специфические подходы, но и иное понимание социального времени, акцентирующее внимание не столько на динамических параметрах (скорость, циклы, ритмы), сколько на качественных характеристиках и свойствах.

В данных концепциях социальное время не единообразно, для его описания используются специфические метафорические конструкты, отражающие различные темпоральные характеристики особых времён, обладающих разнообразными свойствами и оказывающих особое влияние на человека и социальные процессы: «мгновенное время», «время текучей современности», «ледниковое время», «сетевое время», «виртуальное время», «синхронное время» и др.

Описательная метафоричность в постмодернистских подходах достаточно точно отражает особенности новых свойств нелинейного социального времени. Однако «это показывает и ограниченность возможностей современной социальной науки адекватно описать новые темпоральные явления с помощью традиционных когнитивных конструкций – категорий и понятий» [2, с. 19].

Еще одной проблемой является разрыв между макросоциальными теориями в рамках классических подходов, рассматривающих социальное время как объективную (внешне заданную) основу функционирования общества, и микросоциальными феноменологическими концепциями, рассматривающими социальное время в контексте повседневных социальных практик и субъективных темпоральных переживаний.

Существующая в современной социологии несводимость макро и микросоциологических подходов в отношении социального времени, приводит к отсутствию целостного видения природы темпоральных процессов в социуме, пониманию общих закономерностей, и как следствие, к невозможности анализа и прогнозирования влияние темпоральных факторов.

Преодоление противоречий и дальнейшее научное осмысление природы социального времени в социологической науке возможно благодаря использованию интегрального междисциплинарного подхода.

По нашему мнению, при формировании современной концепции управляемого социального времени, необходимо опираться на междисциплинарные подходы и передовые естественнонаучные теорий, в том числе, на практические наработки и технологии, касающиеся научного осмысления «полевой» биопсихофизической природы времени.

Обсуждение.

Гипотеза о том, что все материальные объекты разного масштаба обладают хрональным полем не нова. Впервые данная идея была высказана и сформулирована в 1960–1980-х годах известным советским теплофизиком А.И. Вейником в работе «Термодинамика реальных процессов». «Время входит в состав хронального явления, определяющего темп всех процессов, происходящих в любом макроскопическом, микроскопическом и т.д. – теле. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет о реальном физическом времени, обратном хроналу, который является важнейшей характеристикой любого тела живого и неживого, – подобно давлению, температуре, электрическому потенциалу и т.п.» [3, с. 9].

Таким образом, основным положением данной концепции является идея о том, что любой объект, существующий в материальном мире, обладает особым хрональным полем. В зависимости от уровня организации материи и собственных уникальных характеристик, хрональное поле объекта будет отличаться определенными свойствами.

Похожие идеи прослеживаются также в работах других ученых, в частности, В.А. Абакумов, вводит такое понятие, как «абстрактная хроноцелостная система», в которой «прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, они есть одно реально существующее органичное целое» [4, с. 34].

Используя данную концепцию, перед нами открываются новые возможности, связанные с пониманием того, что время это не только линейный, заданный параметр, на который мы практически не можем воздействовать и влиять, но что время, является управляемым фундаментальным компонентом бытия, которым мы должны научиться управлять.

На наш взгляд, идея хрональных полей имеет перспективы непосредственного применения в социо-гуманитарных науках, особенно в социологии управления, социальном проектировании и прогнозировании. Данный подход может спо-

© Парфенов К.Б.

собствовать формированию новой теоретико-методологической основы современной социологической концепции социального времени.

Результаты.

В рамках данной работы, делается попытка сформулировать некоторые базовые положения и принципы в рамках данного подхода.

Если принять за основу наличие особого универсального субстанционального поля времени или хронального поля, являющегося неотъемлемой (базисной) основой существования любого материального объекта, данное поле будут иметь и все без исключения социальные объекты (системы).

На уровне социумов – организации различных социальных систем, данные хрональные поля для каждой социальной системы на разных уровнях масштабной социальной иерархии (группа, организация, социально-политическая общность, цивилизация), также можно фиксировать и исследовать. По нашему мнению, данные хрональные поля, применительно к социуму, можно называть хрональными полями социальных систем или хроносоциальными полями.

Необходимо отметить, что понятие «хроносоциальное поле» не ново, его иногда можно встретить в некоторых научных работах. В частности, схожую идею выдвигали такие ученые как И.А. Федоров и О.А. Запорожченко. По мысли авторов, «достаточно правомерна гипотеза о существовании хроносоциального поля, со всеми признаками полевых эффектов» [5, с. 81].

Хроносоциальное поле социальной системы воздействует, задает, и особым образом детерминирует (или программирует) поведение входящих в систему элементов. В отличие от широко используемого в социально-гуманитарных науках понятия «темпоральность», введенное Э. Гуссерльем [6], которое отражает в большей мере, внутреннее восприятие, или внутреннее «преломление» социального времени, хроносоциальное поле, характеризуется интегральными, эмерджентными свойствами и имеет внешнее силовое воздействие, схожее с воздействием накатывающихся на нас волн определенной амплитуды и частоты.

Наиболее близкими по смысловому содержанию понятию «хроносоциальное поле» являются такие социально-философские понятия, как «хроносоциальный фон» и «хронотоп». Но данные понятия, по нашему мнению, отражают лишь некоторые свойства хроносоциальных полей.

Таким образом, хроносоциальное поле – это неотъемлемая (базисная) основа функционирования любой социальной системы, обеспечивающее реализацию её сущностных свойств, детерминирующее протекание различных социальных процессов для данной системы и характеризующееся особыми качественными интегральная свойствами.

В социальных системах элементы, обладающие собственными хроносоциальными полями, взаимодействуют с хроносоциальным полем системы, элементами которой они являются. Данные элементы могут находиться в резонансе или диссонансе с хроносоциальным полем системы.

Анализируя процессы в сложносоставных многоуровневых самоорганизующихся системах, к которым относятся и социальные системы, функционирующие на основе фрактальных принципов, мы наблюдаем тенденцию к самоорганизующемуся подобию через стремление к гармонизации внутренних и внешних временных потоков. Для живой системы это – важное условие, обеспечивающее ей адаптацию и сохранение устойчивого равновесия в среде. Это напоминает желание музыканта, играющего на каком-либо инструменте, подстроится под звучание оркестра, играть в унисон, синхронизироваться и войти в состояние гармоничного единства.

Необходимость такой синхронизации и подстройки мы наблюдаем практически в любом социуме. Например, подстраивание общества под природные и космические циклы и ритмы было необходимым условием выживания аграрных сообществ (понимание периодичности сезонов, фиксация их длительности). Внешние временные циклы и ритмы могут также проецироваться системами разных уровней и масштабов.

Таким образом, различные многоуровневые социальные системы имеют свои хроносоциалные поля, которые формируются в кластеры. Именно они задают темпоральную матрицу социального взаимодействия в пространстве, посредством которой осуществляется сонастройка элементов и структур социальной системы.

Масштабируя социальные системы, на основе данного похода, можно выделить следующие уровни хроносоциальных кластеров:

– глобальный (человеческая цивилизация на планете Земля);

– метауровень (хроносоциальные поля цивилизаций, культур, наций, народов, этносов);

– макроуровень (отражает хроносоциальность социальных институтов, их организационных форм, включая государственно-политические системы, церковь);

– мезоуровень (хроносоциальность организованного социального взаимодействия включая деятельность организаций, больших социальных групп, коллективов, объединений, социально-сетевых структур, корпораций, городов, поселений);

– микроуровень (хроносоциальность локальных групповых форм взаимодействия людей, включая семью).

© Парфенов К.Б.

Данные темпоральные уровни соответствуют масштабам сложных многоуровневых иерархических социальных систем с особыми, характерными для них параметрами. Это те структуры, о которых мы имеем четкое представление.

Но есть параметры иного рода, связанные с проявлением и влиянием на время других уровней бытия или других проекций. Это – проекции информационного плана, духовного и абсолютного. И в данном случае, мы вынужденно отходим от привычных классических научных представлений о времени, объективная фиксация которых весьма затруднительна и выходим «за рамки» пространства и измерения, к которым современная наука пока только подбирается, но которые уже давно описаны во многих эзотерических и религиозно-философских учениях.

Это приоткрывает «дверь» в измерения, где у времени «появляются» новые дополнительные свойства и параметры (миры с особой топологией), которые, безусловно, нельзя не учитывать, так как именно на данных уровнях формируются базовые хрональные характеристики любых объектов и систем (это причиной уровень, с которого «сеют» зёрна или семена времени). Влияние данных уровней (измерений) достаточно часто проявляется и фиксируется через особые свойства и феномены времени. Например, это сжатое время, в котором события прошлого настоящего и будущего сходятся (как бы сжимаются). Это – обратимое время, которое обладает обратной причинностью (в котором причина и следствие могут меняться местами). Это – вариантное время, когда перед нами открывается определенное количество вариантов прошлого и будущего и наконец, сферы, где времени нет, то, что в религиозно-философских учениях есть состояние вечности (вне времени, жизнь вечная).

В этой связи, у нас возникает множество вопросов, связанных с возможностями исследования и научного осмысления данных уровней, главный из которых: Можно ли нам научиться взаимодействовать с этим временем и этими силами? Ответ на него дает сама человеческая жизнь, наполненная огромным количеством различных примеров, субъективного религиозного и духовного опыта, всевозможных психофизических феноменов, явлений, перечислять и конкретизировать которые не будем.

Тем не менее, называть все это лженаучным, отбрасывать многочисленные примеры, с которыми, в том числе сталкивались многие из нас, мы не можем, не считаться с ними, не признавать их было бы большим заблуждением. Более того, мы считаем, что именно информационный и духовный уровни являются иерархически высшими планами и задают проекцию хронального поля в материальном мире. Все это относится и к социальным процессам.

«Самой главной сложностью для понимания проблемы времени, которая не давала до сих пор разобраться с его «тайной», является неучитываемая многоуровневость процессов, влияющих на наше восприятие времени» [7, с. 24]. Применяя, многоуровневый подход, с включением информационного, духовного и абсолютного уровней, мы открываем более полную и развернутую картину, в которой материальная и идеальная, внешняя и внутренняя проекции времени сочетаются, создавая предпосылки для развернутого анализа темпоральных процессов в социальных системах.

Анализируя данные процессы необходимо учитывать, то, что более высокие уровни (кластеры) хроносоциальности включают в себя хронокластеры меньших масштабов, а те, в свою очередь, еще меньшие кластеры.

Характер воздействия хроносоциального поля на каждом из уровней может различаться и поразному интерпретироваться. При этом необходимо учитывать фундаментальные характеристики и свойства хроносоциальных полей, которые могут выражаться как количественными, так и качественными параметрами.

К данным характеристикам и свойствам хроносоциального поля, по нашему мнению, можно отнести:

– процессность (данная характеристика отражает такие параметры, как цикличность, ритмичность, фазность);

– динамичность (скорость протекания процессов, событий, их темп);

– направленность, вектор (ориентация процесса, например, на прошлое (консервативные установки) или будущее (модернизацию);

– плотность (определяется хрональной связностью и информационной насыщенностью событий и процессов различных масштабов и уровней в хроносоциальном поле определенной системы);

– частотность (определяется характером хрональных взаимодействий в хроносоциальном поле систем, их упорядоченностью, синхронизированностью с хрональными потоками разных уровней и масштабов, их наложением);

– зарядность (определяется временным потенциалом, количеством активной хронсоциальной энергии, например, творческой энергией молодежи, новых поколений или переселенцев);

– интенсивность (характеризуется силой хрональных потоков, выбросами хрональной энергии, например, большое количество важнейших событий за короткий промежуток времени);

Заключение.

Множество различных факторов воздействуют на нас, определяя особенности протекания хрональных процессов. Каждый человек связан с

© Парфенов К.Б.

хроносоциальными полями социальных систем разного масштаба, в которые он включен и с которыми он взаимодействует. Под влиянием данных полей разворачивается вся социальная жизнь человека.

В этой связи, важно отметить, что у нас есть уникальная способность – воздействовать на время, создавать события, социальные системы, а также возможность творить различные формы, объекты (то есть генерировать, уплотнять время, направлять и сжимать хрональное поле в объекты и системы).

Таким образом, в данной способности мы видим проявление удивительного божественного качества человека – творить «по образу и подобию» Божьему, создавать мир вокруг себя, объекты этого мира, свои проекции, а значит – творить время – создавать хрональные поля своих проекций и объектов, выходя на метрики времени более высоких уровней.

По нашему мнению, в перспективе, данные характеристики хроносоциальных полей можно не только выявлять, описывать, анализировать и интерпретировать, но и количественно измерять, используя, в том числе, и специальные модели и программы. Однако в рамках данного исследования, мы лишь только обозначаем концептуальную идею, как возможное направление для будущих исследований.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вайсман Джуди. Времени в обрез: Ускорение жизни при цифровом капитализме / Д. Вайсман; Пер. с ангийского Н. Эдельмана; Под научной ред. С. Щукиной. М. : Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 304 с.
2. Амбарова П.А. Социальное время в контексте современного социологического знания // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2(35). С. 13–24. EDN: UNNQRZ
3. Вейник А.И. Термодинамика реальных процессов. Мн. : Наука и техника, 1991. 576 с.
4. Абакумов В.А. Пространство-время жизни. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с. (Relato Refero). С. 34–36.
5. Федоров И.А. Противоречия социологического измерения циклов исторического времени / И.А. Федоров, О.А. Запорожченко // Век глобализации «Издательство Учитель». 2012. № 1. С. 68–83. EDN: OZAAOB
6. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. М., 1994. Т. I.
7. Сухонос С.И. Теория относительности времени. М. : Изд. дом «Тион», 2023. 189 с.

References:

1. Judy Weisman, Time is Short: Accelerating Life under Digital Capitalism / D. Weisman; Transl. from English by N. Edelman; Edited by S. Shchukina. M. : Ed. RANHiGS House of Business, 2022. 304 p.
2. Ambarova P.A. Social time in the context of modern sociological knowledge // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2015. № 2(35). P. 13–24. EDN: UNNQRZ
3. Veynik A.I. Thermodynamics of real processes. Mn. : Science and Technology, 1991. 576 p.
4. Abakumov V.A. Space-time of life. M. : LIBRO COM Book House, 2009. 384 p. (Relato Refero). P. 34–36.
5. Fedorov I.A. Contradictions of the sociological dimension of cycles of historical time / I.A. Fedorov, O.A. Zaporozhchenko // The Age of Globalization «Uchitel Publishing House». 2012. № 1. P. 68–83. EDN: OZAAOB
6. Husserl E. The phenomenology of the inner consciousness of time // Collected works. M., 1994. Vol. I.
7. Sukhonos S.I. Theory of relativity of time. M. : Publishing house «Tion», 2023. 189 p.

Информация об авторе

Парфенов Константин Борисович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Российский государственный
гидрометеорологический университет
ORCID iD: 0009-0009-7264-3754
parkost@mail.ru

Konstantin B. Parfenov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Russian State Hydrometeorological University
ORCID iD: 0009-0009-7264-3754
parkost@mail.ru

© Парфенов К.Б.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Парфенов К.Б.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-19
УДК 316.4

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНОЕ УСКОРЕНИЕ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.
Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье рассматривается феномен социального ускорения жизни как одна из характерных особенностей современного общества. Актуальность исследования обусловлена усилением влияния цифровых технологий, ростом информационных потоков и повышением требований к образовательной и профессиональной деятельности. Проблематика исследования заключается в выявлении особенностей восприятия темпа жизни населением и определении основных факторов и последствий социального ускорения. Эмпирическую базу составили результаты социологического опроса, проведенного посредством онлайн-анкетирования. Анализ полученных данных показал, что большинство респондентов отмечают ускорение темпа собственной жизни в течение последних лет, регулярно сталкиваются с нехваткой времени и необходимостью выполнения нескольких задач одновременно. Установлено, что ключевыми факторами ускорения жизни выступают учебная нагрузка, социальные сети и цифровые технологии, а наиболее значимыми последствиями являются стресс, информационная перегрузка и эмоциональное утомление. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что социальное ускорение становится устойчивой характеристикой повседневности, оказывающей существенное влияние на качество жизни и психологическое благополучие человека.

Ключевые слова: социальное ускорение, темп жизни, цифровизация, информационная перегрузка, стресс, социальные сети, повседневность, молодежь.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL ACCELERATION OF LIFE IN MODERN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Svetlana K. Pchegatluk, Yulia E. Rudenko
Kuban State Technological University

Abstract. The article examines the phenomenon of social acceleration of life as one of the characteristic features of modern society. The relevance of the research is due to the increasing influence of digital technologies, the growth of information flows and increased requirements for educational and professional activities. The problem of the research is to identify the peculiarities of the perception of the pace of life by the population and to identify the main factors and consequences of social acceleration. The empirical basis was based on the results of a sociological survey conducted through an online questionnaire. An analysis of the data obtained showed that the majority of respondents noted an acceleration in the pace of their own lives over the past few years, regularly faced with a lack of time and the need to perform several tasks simultaneously. It has been established that the key factors in speeding up life are academic workload, social networks and digital technologies, and the most significant consequences are stress, information overload and emotional fatigue. The results obtained allow us to conclude that social acceleration is becoming a stable characteristic of everyday life, which has a significant impact on the quality of life and psychological well-being of a person.

Keywords: social acceleration, pace of life, digitalization, information overload, stress, social networks, everyday life, youth.

***Funding**:* Independent work.

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

Введение.

Время выступает одним из ключевых, но при этом парадоксальных ресурсов в жизни человека. В повседневном опыте его постоянно не хватает, однако, способы организации времени и сам темп социальных изменений не остаются неизменными.

На протяжении последних десятилетий в большинстве развитых и развивающихся обществ сформировалась устойчивая тенденция: жизнь людей становится всё более динамичной, насыщенной событиями, информацией и требованиями к скорости реагирования. То, что раньше занимало часы или дни, сегодня может быть сделано за минуты благодаря цифровым технологиям. Однако выигранное время парадоксальным образом не превращается в отдых или рефлексию – напротив, оно заполняется новыми задачами, сообщениями и ожиданиями. Возникает ситуация, при которой ускорение внешних процессов начинает опережать внутренние возможности человека по обработке информации, восстановлению сил и поддержанию глубоких социальных связей.

Именно это рассогласование между скоростью среды и адаптационными ресурсами личности нуждается в пристальном социологическом изучении.

Современное общество характеризуется постоянным увеличением скорости социальных процессов, расширением информационного пространства и активным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Изменения затрагивают не только экономическую и профессиональную деятельность, но и повседневные практики, формы коммуникаций и способы организации времени.

Проблематика социального ускорения получила широкое освещение в работах немецкого социолога Х. Розы [1], рассматривавшего ускорение как фундаментальную особенность современности.

Значительный вклад в изучение изменений временной организации общества также внесли М. Кастельс [2] и Э. Тоффлер [3], связывавшие данные процессы с развитием информационных технологий и трансформацией социальных институтов.

Дополнительного внимания заслуживает то обстоятельство, что социальное ускорение приобретает институциональный характер: нормы скорости, эффективности и многозадачности закрепляются в системах образования, труда и повседневного взаимодействия. В результате, у человека формируется устойчивая модель поведения, ориентированная на постоянное сокращение временных пауз между действиями, что снижает рефлексивность и увеличивает риск автоматизма в принятии решений.

Несмотря на значительное количество исследований, вопросы субъективного восприятия темпа жизни и его влияния на повседневность различных социальных групп сохраняют актуальность.

Особый интерес представляет изучение того, как люди оценивают изменения темпа своей жизни, какие факторы считают определяющими и с какими последствиями сталкиваются в условиях ускоряющейся социальной среды.

Обсуждение. Результаты.

Эмпирической основой исследования послужил социологический опрос, проведенный с использованием онлайн платформы. В опросе приняли участие 112 представителей различных возрастных и социально-профессиональных групп. Наибольшую долю выборки составили респонденты в возрасте от 18 до 24 лет (44 %) и лица младше 18 лет (27 %), что позволяет уделить особое внимание восприятию ускорения жизни молодежью. Среди участников исследования женщины составили 53 %, мужчины – 47 %. По основному роду деятельности преобладали обучающиеся (46 %) и работающие граждане (37 %), что отражает наиболее активные социальные группы, ежедневно включенные в интенсивные образовательные и профессиональные процессы.

Такой состав выборки позволяет не только зафиксировать распространённость феномена ускорения, но и выявить его поколенческую специфику. Молодёжь выступает наиболее чувствительной группой к цифровым и информационным изменениям, одновременно являясь главным носителем практик многозадачности и высокоинтенсивного сетевого взаимодействия.

Анализ результатов исследования показал, что большинство респондентов воспринимают свою повседневную жизнь как достаточно динамичную. Хотя преобладающая часть опрошенных оценивает темп своей жизни как средний (57 %), доля респондентов, характеризующих его как скорее быстрый (8 %) и очень быстрый (7 %), сопоставима с числом тех, кто отмечает медленный ритм жизни. Подобное распределение свидетельствует о том, что субъективное восприятие темпа жизни не всегда связано исключительно с объективной загруженностью человека и во многом зависит от его способности адаптироваться к существующим социальным условиям.

Иными словами, один и тот же объективный ритм может оцениваться разными людьми как комфортный или избыточный в зависимости от их личных ресурсов, уровня самоконтроля и социальной поддержки. Это указывает на необходимость перехода от анализа скорости как таковой к изучению субъективной временной адекватности – степени соответствия внешнего темпа внутренним возможностям человека.

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

Более показательными являются ответы, отражающие динамику изменений. Большинство участников исследования отметили, что за последние пять лет темп их жизни увеличился: значительно ускорился у 21 % респондентов и скорее ускорился у 42 %. Лишь 28 % не заметили существенных изменений, тогда как доля тех, кто указал на замедление жизни, оказалась незначительной. Полученные данные позволяют говорить о распространенности представлений об ускорении социальных процессов среди населения и подтверждают актуальность концепции социального ускорения, рассматривающей возрастание скорости жизнедеятельности как одну из характеристик современного общества.

Одним из наиболее значимых индикаторов ускорения является ощущение дефицита времени. На вопрос о том, хватает ли времени на выполнение всех запланированных дел, высокие оценки согласия дали более половины опрошенных: 21 % выбрали значение «4», а 30 % – максимальное значение «5». При этом только 2 % полностью не согласны с данным утверждением. Нехватка времени становится устойчивым элементом повседневного опыта значительной части населения.

Хроническая нехватка времени перестаёт восприниматься как исключительная ситуация и всё чаще интерпретируется респондентами как норма. Это приводит к парадоксальному эффекту: чем выше субъективная занятость, тем менее критично человек оценивает её влияние на собственное благополучие, что свидетельствует об адаптации к ускорению ценой снижения рефлексии.

Состояние постоянной занятости во многом связано с особенностями цифровой среды. Более четырех часов в сети ежедневно проводят 42 % опрошенных, а еще 16 % находятся в интернете свыше девяти часов в сутки. Менее одного часа онлайн проводят лишь 7 % участников исследования. Подобная интенсивность использования цифровых ресурсов указывает на существенную роль информационных технологий в организации повседневной жизни.

При этом цифровая среда создаёт эффект «растянутого присутствия»: человек остаётся доступным для коммуникации и контроля практически круглосуточно, что стирает границы между рабочим, учебным и личным временем. В результате даже формальное завершение деятельности не сопровождается психологическим выходом из неё, что усиливает чувство постоянной вовлечённости и усталости.

Высокая степень цифровой включенности подтверждается и частотой взаимодействия с мобильными устройствами. Несколько раз в час проверяют уведомления 36 % респондентов, а почти постоянно контролируют поступающую информацию еще 28 %. В совокупности это составляет более половины участников исследования. Только 8 % опрошенных сообщили, что практически не проверяют уведомления в течение дня. Данные показатели отражают высокий уровень информационной доступности и постоянного присутствия человека в цифровом пространстве.

Следствием подобной вовлеченности становится распространение многозадачности как привычной модели поведения. Большинство респондентов указали на то, что часто (42 %) или очень часто (29 %) выполняют несколько дел одновременно. Лишь 8 % сталкиваются с подобной ситуацией редко.

Полученные результаты позволяют предположить наличие связи между постоянным информационным взаимодействием и необходимостью распределять внимание между несколькими задачами одновременно. В условиях ускоренного обмена информацией многозадачность постепенно становится социальной нормой, определяющей организацию учебной, профессиональной и личной деятельности. Однако важно учитывать, что многозадачность имеет и обратную сторону.

Исследования показывают, что постоянное переключение между задачами снижает качество каждой из них, увеличивает количество ошибок и требует большего времени на последующее восстановление внимания [4]. В повседневной практике это выражается в чувстве «пустой занятости», когда человек много делает, но результат оказывается поверхностным, а удовлетворённость от выполненного – минимальной. Тем самым многозадачность, будучи вынужденной адаптацией к ускорению, одновременно закрепляет его негативные эффекты.

Многозадачность при этом выполняет двойную функцию. С одной стороны, она позволяет оперативно реагировать на множественные вызовы среды. С другой – способствует фрагментации внимания, снижению глубины обработки информации и росту числа ошибок в повседневных действиях, что респондентами субъективно воспринимается как «усталость от переключений».

Особый интерес представляет анализ факторов, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени способствуют ускорению современной жизни. Наиболее распространенным вариантом ответа стала учебная нагрузка (56 %). Высокие показатели также получили социальные сети (43 %) и интернет-технологии (42 %). Значительная часть опрошенных отметила влияние экономической нестабильности (35 %) и высокой конкуренции (28 %). Ускорение жизни воспринимается не только как следствие технологического прогресса, но и как результат возрастающих социальных требований к личности.

Значимую роль здесь играет и феномен социального сравнения. Наблюдая за успехами и занятостью других через социальные сети, че-

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

ловек нередко начинает ощущать собственную «недостаточную эффективность», что подталкивает его к ещё большему ускорению. Возникает замкнутый круг: чем быстрее живёт окружение, тем сильнее внутреннее давление на индивида соответствовать этому ритму, даже если объективной необходимости в этом нет.

Таким образом, ускорение становится не только внешним требованием, но и внутренне присвоенной нормой.

Примечательно, что лидирующие позиции среди факторов ускорения занимают именно образование и цифровая среда. Данное обстоятельство может быть связано с возрастной структурой выборки, в которой преобладают молодые люди, активно включенные в образовательный процесс и повседневное использование цифровых технологий. В этих условиях социальное ускорение проявляется через необходимость постоянного освоения новых знаний, поддержания коммуникаций и оперативного реагирования на изменяющиеся обстоятельства.

Важно подчеркнуть, что образование и цифровая среда не просто сосуществуют, а взаимно усиливают друг друга. Электронные образовательные платформы, непрерывный доступ к учебным материалам и требовательность к обратной связи формируют у молодёжи ожидание мгновенной результативности, которая переносится и на внеучебные сферы жизни.

Особое внимание в исследовании было уделено изучению влияния ускоренного темпа жизни на эмоциональное состояние респондентов. Результаты показали, что высокий темп жизни в той или иной степени становится источником психологического напряжения для большинства участников опроса. Более половины респондентов указали на то, что испытывают стресс или эмоциональное напряжение иногда (51 %), тогда как 14 % сталкиваются с подобным состоянием часто и еще 6 % – очень часто. Лишь 8 % опрошенных никогда не испытывают подобных переживаний.

Полученные данные свидетельствуют о том, что ускорение социальных процессов сопровождается ростом психологической нагрузки и требует от человека постоянной адаптации к изменяющимся условиям среды.

Одновременно с этим, были изучены возможности сохранения баланса между учебной или профессиональной деятельностью и личной жизнью. Результаты показали неоднозначную ситуацию. Полностью удается поддерживать данный баланс только 21 % респондентов, скорее удается – 35 %. Вместе с тем, практически треть опрошенных отметила, что скорее не справляется с данной задачей (28 %), а еще 2 % сообщили, что им совсем не удается сохранять равновесие между различными сферами жизни.

Наличие столь значительной доли респондентов, испытывающих трудности в распределении времени между работой, учебой и личной жизнью, согласуется с ранее выявленной проблемой дефицита времени.

Анализ представлений респондентов о последствиях ускорения жизни показал, что наиболее серьезными из них считаются стресс (57 %) и информационная перегрузка (51 %). Высокие показатели также получили усталость (43 %) и проблемы со здоровьем (42 %). Несколько реже участники исследования отмечали снижение качества общения (29 %), ухудшение отдыха (22 %) и нехватку времени на семью (21 %). Только 15 % опрошенных не видят негативных последствий ускорения жизни.

Последствия ускорения затрагивают сразу несколько сфер жизнедеятельности человека. Наиболее выраженными оказываются психологические и информационные аспекты, связанные с необходимостью постоянной обработки больших объемов, данных и поддержания высокой активности в различных социальных пространствах [5]. Одновременно с этим, негативное воздействие распространяется на межличностные отношения, качество восстановления ресурсов и общее состояние здоровья.

Кроме того, ряд респондентов указали на косвенные, но устойчивые проявления ускорения:

– снижение терпимости к ожиданию;

– раздражение при необходимости длительного сосредоточения на одной задаче;

– чувство вины за периоды «вынужденного бездействия».

Эти данные говорят о том, что ускорение затрагивает не только поведенческие, но и ценностно-нормативные структуры личности.

Несмотря на то, что большинство респондентов оценивают собственный темп жизни как средний, значительная часть участников исследования выразила стремление к его снижению. Немного замедлить темп жизни хотели бы 36 % опрошенных, а значительно замедлить – 14 %. В совокупности, это составляет половину выборки. Сохранить существующий ритм предпочли 35 % респондентов. Ускорение жизни выбрали лишь 15 % участников исследования, из которых только 1 % хотел бы значительно увеличить ее темп.

В данном случае, возникают определённые противоречия между объективной адаптацией к современному ритму жизни и субъективной потребностью в его снижении. В условиях успешного функционирования в ускоренной социальной среде многие люди испытывают потребность в большем количестве свободного времени, возможности восстановления сил и снижении повседневной нагрузки.

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

Данное противоречие можно интерпретировать как проявление темпоральной диссинхронии – рассогласования между навязанным социальным ритмом и индивидуальной потребностью в более медленном, рефлексивном существовании. Человек вынужден поддерживать высокую скорость, чтобы оставаться «успешным», но при этом испытывает хронический дефицит времени на восстановление и осмысленную деятельность.

Дополнительное подтверждение данного вывода содержится в ответах на вопрос о мерах, способствующих комфортному существованию в условиях современного темпа жизни. Наиболее востребованной мерой оказалось снижение учебной или рабочей нагрузки (53 %). Существенная часть респондентов также отметила необходимость увеличения времени для общения с семьей и друзьями (37 %), расширения возможностей для отдыха (36 %) и поддержки психологического благополучия (31 %). Практически треть участников исследования связывает повышение комфорта с гибким графиком работы или учебы (29 %) и более эффективным планированием времени (28 %).

Следует обратить внимание на то, что меры, предлагаемые респондентами, направлены, преимущественно, не на полное замедление общественного развития, а на создание условий для более гармоничной адаптации человека к современным социальным процессам. Проблема заключается не столько в самом ускорении жизни, сколько в ограниченности ресурсов, необходимых для поддержания психологического и социального благополучия в условиях возрастающей интенсивности повседневной деятельности.

Таким образом, эмпирически фиксируется запрос не на остановку технического или социального развития, а на восстановление временной автономии человека. Респонденты стремятся не к замедлению общества, а к возможности контролировать собственный ритм без потери социальной включённости, что указывает на потребность в разработке гибких социальных политик, учитывающих темпоральное разнообразие групп населения.

Заключение.

Полученные результаты в целом подтверждают основные положения концепции социального ускорения Х. Розы, согласно которой технологический прогресс и интенсификация социальных процессов приводят к изменению восприятия времени, росту нагрузки и возникновению ощущения постоянного дефицита временных ресурсов.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что данные тенденции отчетливо проявляются в повседневном опыте современных людей и оказывают влияние на организацию их жизнедеятельности, эмоциональное состояние и социальные взаимодействия.

Результаты проведенного исследования позволяют рассматривать социальное ускорение как значимую характеристику современной повседневности. Большинство респондентов отмечают увеличение темпа собственной жизни в течение последних лет, что сопровождается ощущением нехватки времени, высокой вовлеченностью в цифровое пространство и распространением практик многозадачности. Существенную роль в восприятии ускорения играют учебная нагрузка, использование социальных сетей и цифровых технологий, которые становятся неотъемлемой частью образовательной, профессиональной и личной деятельности.

Ускорение социальных процессов оказывает заметное влияние на эмоциональное состояние человека. Среди наиболее распространенных последствий респонденты выделяют стресс, информационную перегрузку, усталость и ухудшение самочувствия.

Выявлена связь между высокой интенсивностью информационного взаимодействия, необходимостью постоянного переключения внимания и возникновением психологического напряжения. Одновременно значительная часть участников исследования испытывает трудности в поддержании баланса между работой или учебой и личной жизнью.

Современный человек в целом адаптирован к ускоренному ритму общества, однако сохраняет потребность в более комфортной организации времени и снижении повседневной нагрузки. Наиболее востребованными условиями повышения качества жизни респонденты считают сокращение учебной и рабочей нагрузки, расширение возможностей для отдыха, укрепление социальных связей и поддержку психологического благополучия.

С практической точки зрения, полученные результаты указывают на необходимость пересмотра подходов к организации образовательной и профессиональной деятельности. Снижение учебной и рабочей нагрузки, поддержка психологического благополучия и расширение возможностей для отдыха перестают быть второстепенными вопросами и становятся условиями сохранения человеческого капитала в условиях высокоскоростного общества. Игнорирование этих запросов ведёт к закреплению стресса, снижению продуктивности и росту социальной аномии.

Следовательно, социальное ускорение требует не только социологической рефлексии, но и целенаправленных управленческих решений, ориентированных на темпоральное благополучие различных групп населения.

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Rosa H. Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-Speed Society // Constellations. 2003. Vol. 10. № 1. P. 3–33. DOI: 10.1111/1467-8675.00309 EDN: BGQQEV
2. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; Пер. с англ. А.Н. Анваера. М. : АСТ, 2025. 544 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Мозговая А.В. Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424 EDN: YHNZIO
5. Журавлева И.В. Взаимосвязь использования цифровых устройств и показателей здоровья молодежи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32. № 5. С. 904–911. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-5-904-911 EDN: JHPQVW

References:

1. Rosa H. Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-Speed Society // Constellations. 2003. Vol. 10. № 1. P. 3–33. DOI: 10.1111/1467-8675.00309 EDN: BGQQEV
2. Toffler E. The shock of the future / E. Toffler; Transl. from English by A.N. Anvaera. M. : AST, 2025. 544 p.
3. Castels M. The Information Age: economics, society and culture. M. : Higher School of Economics, 2000. 608 p.
4. Mozgovaya A.V. Adaptation to environmental changes: risks of social and technological innovations // Sociological Journal. 2021. Vol. 27. № 3. P. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424 EDN: YHNZIO
5. Zhuravleva I.V. The relationship between the use of digital devices and youth health indicators // Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine. 2024. Vol. 32. № 5. P. 904–911. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-5-904-911 EDN: JHPQVW

Информация об авторах

Пчегатлук Светлана Калачериевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
psvetlanak@mail.ru

Руденко Юлия Евгеньевна
студентка 2 курса,
кафедра социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
urudenko132@gmail.com

Svetlana K. Pchegatluk
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
psvetlanak@mail.ru

Yulia E. Rudenko
2nd year Student,
Department of Sociology,
Kuban State Technological University
urudenko132@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing15.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Пчегатлук С.К., Руденко Ю.Е.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-21
УДК 330.567

Attribution
cc by

КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: МОТИВЫ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Романова О.Д., Олесова А.П.
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация. Целью статьи является исследование кредитного поведения молодежи. Актуальность темы исследования обоснована нарастающим ростом кредитной нагрузки на население, особенно среди молодежи, которая легко берет кредиты и вступает в отношения долговых обязательств, что приводит к рискам финансовой нестабильности.Методологическая база статьи основана на теоретических подходах экономической социологии. Эмпирические данные основаны на статистических данных Банка России, мониторинговых исследованиях ВЦИОМ, которые показывают, что кредиты стали устойчивым элементом финансовой стратегии российских домохозяйств, по результатам пилотного социологического исследования молодежи города Якутска Республики Саха (Якутия), проведенного в марте 2026 года. Выявлены основные цели, поведенческие установки и мотивы кредитного поведения молодежи. Установлено, что кредитное поведение молодежи носит преимущественно потребительский характер и сопровождается амбивалентным отношением к долговым обязательствам.

Ключевые слова: финансовое поведение, кредитное поведение, молодежь, финансовая грамотность, кредитная активность, заимствования.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

YOUTH CREDIT BEHAVIOR: MOTIVES AND BEHAVIORAL ATTITUDES

Oksana D. Romanova, Aita P. Olesova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The purpose of the article is to study youth credit behavior. The relevance of the research topic is обусловлена the growing increase in the credit burden on the population, especially among young people, who easily take out loans and enter into debt obligations, which leads to risks of financial instability. The methodological framework of the article is based on the theoretical approaches of economic sociology. The empirical basis includes statistical data from the Bank of Russia and monitoring studies conducted by VCIOM, which demonstrate that loans have become a stable element of the financial strategy of Russian households, as well as the results of a pilot sociological study of young people in the city of Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), conducted in March 2026. The study identifies the main goals, behavioral attitudes, and motives of youth credit behavior. It was found that the credit behavior of young people is predominantly consumer-oriented and is accompanied by an ambivalent attitude toward debt obligations.

Keywords: financial behavior, credit behavior, youth, financial literacy, credit activity, borrowing.

***Funding**:* initiative research project.

Введение.

Кредитное поведение населения является важной частью финансового поведения и отражает уровень экономического развития общества, степень финансовой грамотности и доступность банковских услуг.

В современной России кредитование стало повседневной практикой, особенно среди молодежи, которая активно использует заемные средства для удовлетворения текущих потребностей.

Актуальность темы обусловлена несколькими ключевыми аспектами.

Во-первых, рост кредитной нагрузки на население России, особенно среди молодежи, приводит к рискам финансовой нестабильности. По данным Банка России, объем задолженности до-

© Романова О.Д., Олесова А.П.

машних хозяйств превысил 40 трлн рублей к 2025 году, со значительной долей среди молодых заемщиков.

Во-вторых, пандемия COVID-19 и геополитические события усилили неопределенность, изменив модели поведения: от импульсивных покупок к более осторожному подходу.

В-третьих, низкий уровень финансовой грамотности среди молодежи (по данным опроса Национального агентства финансовых исследований 2022 года, опубликованных на сайте Министерства Финансов Российской Федерации «Мои Финансы», значительная часть молодежи не уверена в уровне своих финансовых знаний: например, более половины молодых россиян отмечают их недостаточность) [1] усугубляет проблемы, делая исследование актуальным и практически значимым.

Цель исследования – выявить поведенческие установки и мотивы кредитного поведения молодежи.

Результаты.

Для операционализации понятия «кредитное поведение» рассмотрим определения более широкого понятия «финансовое поведение».

Экономическими и социологическими исследованиями различных аспектов финансового поведения молодежи в настоящее время активно занимаются Н.В. Аликперова [2; 3; 4; 5; 6], А.В. Ярашева [6, 18], Данилова Е.П. [7], Е.Ю. Сушко [8], В.В. Литвинова [9], С.В. Макар [10, 18], Л.В. Усова [11], С.Е. Штепа [12].

По мнению Е.П. Даниловой и А.М. Мудинова «финансовое поведение представляет собой разновидность экономического поведения, которое связано с поведением субъекта на рынке финансовых продуктов и услуг в процессе мобилизации, перераспределения и инвестирования имеющихся в распоряжении денежных ресурсов. В этом контексте, ученые считают, что финансовое поведение состоит из таких видов финансовой активности, как сбережения, инвестиции, страхование, кредитное и пенсионное поведение» [7, с. 86]. Тогда «кредитное поведение» является одним из видов финансового поведения.

С.В. Макар определяет «финансовое поведение» как «категорию, актуальность рассмотрения которой для России стремительно возрастает вместе с активностью людей, осуществляющих ежедневные взаимодействия в динамичном социально-экономическом пространстве на всех его территориальных уровнях (локальном, региональном, национальном, наднациональном» [10, с. 157].

По мнению Д. Стребкова, под «кредитным (заемным) поведением» «понимается деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение» [13, с. 110].

Основываясь на приведенных выше определениях финансового и кредитного поведения, в нашем исследовании под «кредитным поведением» молодежи будем понимать «форму финансового поведения молодых людей по заимствованию денежных средств у кредитных организаций с определенной целью и задачами их использования».

Кредитное поведение формируется под влиянием экономических, социальных и культурных факторов. Согласимся с экономистом В.В. Литвиновой в том, что на финансовое поведение человека, в том числе «влияют уровень финансовой грамотности и финансовый опыт индивида» [9].

В отличие от западных стран, где кредитование имеет долгую историю, в России массовое потребительское кредитование активно развивается только с 1990-х годов. Советский период характеризовался ориентацией на сбережение, а не на заимствование. В постсоветское время произошел переход к модели потребления «здесь и сейчас», что повлияло на формирование новой финансовой культуры.

Современное кредитное поведение молодежи представляет собой сочетание: рыночных возможностей (доступность кредитов), социальных установок (влияние окружения) и индивидуальных факторов (доход, образование, возраст).

Особую роль играет восприятие риска: молодые люди склонны недооценивать последствия неисполнения долговых обязательств, что повышает вероятность финансовых проблем [14].

В настоящее время кредитные отношения остаются одним из важнейших элементов экономической системы страны. Согласно официальным данным Центрального банка Российской Федерации, по состоянию на 1 июля 2025 года совокупный долг домашних хозяйств снизился и составил 41,7 трлн рублей. Более половины этой суммы – 22,1 трлн рублей, или 53,1 %, приходится на ипотечные жилищные кредиты. Годовой темп прироста задолженности домашних хозяйств заметно замедлился и составил 2,6 % (против 8,3% в первом квартале того же года). Аналогичная тенденция наблюдается и в сегменте ипотечного кредитования: годовой темп прироста задолженности по ипотечным жилищным кредитам (без учета валютной переоценки) на 1 июля 2025 года снизился до 4,4 % по сравнению с 8,7 % на 1 апреля 2025 года [15].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) с 2009 года регулярно задает респондентам вопрос о наличии кредитов в семье. За этот период времени доля россиян, чьи семьи имеют кредитные обязательства, значительно менялась. Так, если в 2009 году кредиты

© Романова О.Д., Олесова А.П.

имелись у 26 % опрошенных, то к 2023 году этот показатель вырос почти вдвое и достиг 46 %.

Наиболее интенсивный рост кредитной активности населения наблюдался в период с 2009 по 2017 год, когда был зафиксирован максимальный уровень распространенности кредитов среди семей россиян. В 2009 году данный показатель составлял 26 %, в 2013 году – 31 %, а в 2017 году достиг пикового значения в 58 %. После 2017 года кредитная активность начала постепенно снижаться, что, вероятно, связано с замедлением экономического роста и последствиями пандемии COVID-19. Так, в 2019 году кредиты имелись у 51 % семей, а в 2020 году – у 49 %. Уже в 2021 году на фоне частичного восстановления экономики россияне вновь стали активнее обращаться к заемным средствам, и доля семей с кредитами выросла до 53 %.

При этом как в 2013, так и в 2023 году наибольшую кредитную активность демонстрировали граждане в возрасте от 25 до 44 лет. Этот возрастной период характеризуется высокой трудовой занятостью, созданием семьи, рождением детей и приобретением значимых активов. Именно в этом возрасте люди чаще оформляют ипотечные кредиты, автокредиты и различные формы потребительского кредитования. В 2013 году среди россиян в возрасте 25–34 лет кредиты имели 44 %, а среди 35–44-летних – 39 %, что превышало средние показатели по стране в 1,2–1,4 раза. В 2023 году аналогичные показатели составили 62 % и 59 % соответственно, что также примерно в 1,3 раза выше среднероссийского уровня [14].

Согласно мониторинговым исследованиям ВЦИОМ, кредиты стали устойчивым элементом финансовой стратегии российских домохозяйств. Если в конце 2000-х годов кредит имел примерно каждый четвертый россиянин, то в последние годы доля семей с кредитными обязательствами стабильно держится на уровне около 45–50 % (табл. 1).

Таблица 1

Доля россиян, имеющих кредиты (по данным ВЦИОМ)

Период	Доля респондентов с кредитами, %
2009 г.	~26
2017 г.	~58
2019 г.	~51
2022 г.	~49
2024 г.	~46

Источник: аналитические обзоры ВЦИОМ [14].

Несмотря на экономические колебания, резкого отказа от кредитов не наблюдается. Это говорит о том, что заёмные средства воспринимаются не как исключительная мера, а как нормальный финансовый инструмент для решения повседневных задач.

Важным аспектом кредитного поведения является не только факт наличия займа, но и способность его обслуживать. Исследования ВЦИОМ показывают, что для большинства заемщиков кредитная нагрузка остаётся умеренной (табл. 2).

Таблица 2

Доля дохода, направляемая на погашение кредитов

Доля дохода	Доля заемщиков, %
До 10 %	около 20
10–30 %	около 50
Более 30 %	около 20
Затруднились ответить	около 10

Источник: ВЦИОМ «Расходы на кредиты и перспективы погашения» [17].

Большинство россиян направляют на выплаты по кредитам не более трети семейного бюджета, что в международной практике считается допустимым уровнем долговой нагрузки.

В последние годы российская экономика функционирует в условиях повышенных процентных ставок. Это оказывает заметное влияние на поведение как потенциальных заемщиков, так и действующих должников.

Согласно данным ВЦИОМ:

– часть россиян откладывает оформление новых кредитов;

– приоритет отдается погашению уже имеющихся обязательств;

– наблюдается рост осторожности и более взвешенный подход к заимствованиям (табл. 3).

© Романова О.Д., Олесова А.П.

Таблица 3

Оценка россиянами своих возможностей погашения кредитов

Оценка перспектив погашения	Доля респондентов, %
Смогут погасить без трудностей	~66
Возможны временные сложности	~22
Серьезные трудности	~7
Затруднились ответить	~5

***Источник**:* ВЦИОМ «Кредиторы и должники в эпоху высоких ставок» [16].

Таким образом, несмотря на рост стоимости заёмных средств, большинство заемщиков сохраняют уверенность в своей платежеспособности.

Кредитное поведение тесно связано со сберегательными установками и представлениями о финансовом благополучии. По данным ВЦИОМ, значительная часть россиян испытывает сложности с формированием сбережений, что повышает зависимость от кредитов при крупных расходах (образование, лечение, крупные покупки) [16].

Одновременно с этим, растут финансовые ожидания населения. В исследовании «Сколько денег нужно для счастья» отмечается, что россияне называют сумму, значительно превышающую среднюю заработную плату по стране, как необходимую для ощущения финансового комфорта. Это усиливает стремление к дополнительным источникам средств, включая заемные.

Ярашева, Макар и Решетников (2017) из Финансового Университета при Правительстве РФ смогли подробно раскрыть эту тему в статье «Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения». Они указывают на то, что на момент публикации, отечественные исследования кредитного поведения опираются на зарубежные работы, так как резкое развитие кредитного рынка создает новую финансовую культуру, культуру потребления. Они замечают, что во всем мире наблюдается переход от кредита как средства осуществления покупки к кредиту как средству формирования определенного стиля жизни. «Теперь в кредит все чаще приобретаются вещи, потребность в которых продиктована социальным окружением, новым потребительским сознанием, а не реальной необходимостью и возможностями домохозяйства». (Ярашева, Макар и Решетников, 2017) [18], что очевидно влияет на поведенческие установки молодежи.

Кредитное поведение также значительно определяется и обусловлено историческим, экономическим и социальными контекстами общества в данный отрезок времени.

В более новом исследовании Ярашева, Аликперова и Маркова (2023) подробно рассматриваются современные социально-экономические реалии, сформировавшиеся под влиянием последствий эпидемии COVID-19, а также обострения геополитических разногласий на мировой политической арене.

Авторы отмечают, что пандемия стала катализатором структурных изменений в экономике, повлияла на рынок труда, уровень доходов населения и модели потребительского поведения. Одновременно с этим, внешнеполитическая напряжённость и санкционные ограничения усилили неопределённость экономической среды, что сказалось на устойчивости финансовых ожиданий домохозяйств [6].

В совокупности, данные факторы привели к трансформации экономических ожиданий населения России: усилились инфляционные опасения, возросла склонность к сберегательному поведению, а также снизился уровень доверия к долгосрочным экономическим прогнозам. Исследование подчёркивает, что в условиях высокой неопределенности экономические ожидания всё в большей степени формируются под влиянием субъективного восприятия рисков и информационного фона, а не исключительно на основе объективных макроэкономических показателей.

«Из всех видов экономического поведения наибольшему риску на сегодняшний день подвержены действия населения на рынке кредитных услуг». Ярашева, Аликперова, Марков (2023) [6].

Обсуждение.

В целом кредитное поведение населения России можно охарактеризовать как адаптивное и относительно устойчивое, что отражает постепенное формирование финансовой культуры и более осознанного отношения к долговым обязательствам.

Также кредитное поведение тесно связано с риском. «Восприятие риска существенно меняется с возрастом, что отражается на принятии кредитных решений. Молодые люди, как правило, склонны недооценивать возможные негативные последствия кредитования, что связано с их оптимизмом и меньшей осведомленностью о финансовых рисках». (Атамуратова, Андросова, 2025) [19]. Судя по выводам их исследования, молодежь чаще выбирает краткосрочные кредитные продукты, такие как кредитные карты, что связано с их стремлением к мобильности и доступности средств.

© Романова О.Д., Олесова А.П.

Тем не менее, по статистике, молодые должники имеют меньшую кредитную нагрузку, чем у большинства остальных. Сумма среднего платежа должников 18–25 лет на 24 % меньше аналогичного показателя у 25–35-летних, на 33 % – 35–45 летних, на 14 % – 45–60 летних. Еще больше разница в сумме среднего платежа у пожилых заемщиков и остальных категорий. Должники старше 60 лет платят по своим кредитам на 35 % меньше молодежи, на 50 % меньше 25–35 летних, на 56 % меньше 35–45 летних и на 48 % – 45–60-летних (ТАСС, 2023) [20].

«Тренд на сокращение доли молодежи в возрастной структуре должников логичен: в банковском цессионном портфеле вызрели долги по кредитам, выданным в острый период пандемии COVID-19, когда банки максимально ужесточили скоринговые модели и кредитовали только самых платежеспособных заемщиков. Молодые клиенты чаще имеют нестабильный доход, а их платежная дисциплина ниже, чем у других возрастных категорий, поэтому в условиях ужесточения требований к заемщикам чаще получали отказы», – комментирует ситуацию гендиректор ID Collect Александр Васильев (ТАСС, 2023) [20].

«Статистика Объединенного Кредитного Бюро показывает, что заемщики в возрасте 25–30 лет чаще клиентов других возрастных групп нарушают долговые обязательства, будучи не в состоянии выплачивать в срок проценты по кредитам» (Штепа, 2022) [13]. Такая ситуация наблюдается не только в банковской сфере кредитования, но и в сфере микрокредитования, где просрочки заемщиков возрастной категории 25–30 лет составили 55 %. Заемщики в возрасте до 25 лет, задерживающие выплаты по кредитам, занимают второе место в этом списке. Отмечается, что такая тенденция не имеет перспективы снизиться, что недостаточная финансовая грамотность молодежи будет и в дальнейшем негативно сказываться как на финансовом секторе экономики, так и на качестве жизни самих молодых людей (Штепа, 2022) [12].

Однако уже в январе 2024 г., ВЦИОМ отмечает что наиболее активные заемщики – россияне 25–59 лет (25–34 лет – 54 %, 35–44 лет – 50 %, 45–59 лет – 46 %), с плохим и очень плохим материальным положением (53 %), а также проживающие в селах (51 %) (ВЦИОМ, 2024) [22]. Наиболее предпочтительным источником заимствования для россиян по-прежнему остается ближайшее окружение: при возникновении финансовой необходимости граждане скорее обратятся за помощью к родственникам или близким друзьям (55 %, в 2004 г. – 61 %). Каждый третий респондент заявил о готовности оформить заем в банке (34 %). При этом за последние 20 лет уровень доверия к финансовым организациям в данной сфере существенно вырос: в 2004 г. лишь 18 % опрошенных были готовы обратиться в банк за кредитом, что почти в два раза ниже текущего показателя (ВЦИОМ, 2024) [21].

По предварительной оценке Frank RG, крупнейшего поставщика аналитики на рынке финансовых услуг в России, в апреле объем выданных кредитов физическим лицам вырос на 8,30 % (+51,1 млрд руб. к марту 2025). Объем кредитования составил 667,1 млрд рублей что на 49,14 % ниже, чем в апреле 2024 года (Frank RG, 2025). В ноябре объем выданных кредитов физическим лицам сократился относительно октября на 3,2 % (–34,2 млрд руб. к октябрю 2025). Объем кредитования составил 1027,4 млрд рублей что на 62,4 % выше, чем в ноябре 2024 года [23].

Любопытная свежая аналитика также вышла у Сбербанка 16-го декабря 2025 года. Исследование проводилось в декабре 2025 года в 37 российских городах с населением свыше 500 тыс. человек по выборке, репрезентативно отражающей социально-демографический состав населения городов. В опросе участвовали 11 тыс. человек (Сбербанк, 2025). Результаты опроса выявили, что наибольшее число россиян (25,6 %) предпочитает оформлять кредиты на сумму до 1 млн рублей. В основном они тратят средства на покупку бытовой техники (38 %) и автомобиля (25,1 %). Наиболее активные заёмщики встречаются среди молодых граждан возрастной группы 18–30 лет, которые берут кредиты примерно раз в год (27 %). Совершать покупки в кредит склонны больше женщины, чем мужчины [24].

С целью выявления особенностей кредитного поведения молодежи города Якутска, нами в ноябре-декабре 2026 года проведен пилотный опрос. Исследование носило разведывательный характер.

Гипотеза исследования: молодежь от 20 до 35 лет, проживающая в городе Якутске берет потребительские кредиты, предположительно на компьютерную технику и для развлечения.

Выборка составила 103 респондента в возрасте 20–35 лет, все они жители города Якутска. Онлайн-анкетирование было проведено методом «снежного кома». Структура анкеты состояла из демографических данных, включала разделы по кредитному опыту, о целях кредитования, мотивов и установки молодежи к кредитам.

Исследование имело следующие ограничения:

- нерепрезентативная выборка (преобладание женщин);
- небольшой объем выборки;
- отсутствие респондентов без кредитного опыта.

Согласно полученным результатам, кредитный опыт распределен среди респондентов следующим образом:

- большинство респондентов брали 1–2 кредита (81,6 %);

© Романова О.Д., Олесова А.П.

- первый кредит чаще оформляется в 18–20 лет;

- наиболее распространенные виды:

- потребительские кредиты (~38 %);

- кредитные карты (~37 %).

Что касается цели кредитования, то молодые люди берут кредиты, в основном, на покупку жилья (по ипотечным программам) – 26,5 %, на приобретение техники – 18,1 %, на прочие цели – менее 10 %.

Это частично опровергает гипотезу: значительную роль играет ипотека.

Выявлено отношение молодежи к кредитам: в большинстве своем, молодыми людьми оформление кредита воспринимается как относительно простое, но при этом погашение кредита вызывает большие трудности, и они далее не планируют брать новые кредиты.

Большинство респондентов отметили, что у их окружения есть кредиты, что социальная среда способствует положительной установке на заимствования.

В психологическом плане, молодые люди отмечают, что кредиты вызывают умеренную тревожность, многие не рекомендуют брать кредиты близким, и наблюдается эффект «сожаления после опыта».

Результаты исследования показывают, что кредитное поведение молодежи носит противоречивый характер: с одной стороны, кредиты воспринимаются как нормальный инструмент и активно используются для решения текущих задач; с другой стороны, у молодых людей присутствует негативный опыт и формируется осторожное отношение к новым займам.

Таким образом, выявлено расхождение между установками и поведением: молодежь берет кредиты, но не одобряет их.

Также выявлены ключевые проблемы:

- низкая финансовая грамотность;

- отсутствие долгосрочного планирования;

- влияние социального давления ближайшего окружения.

Заключение.

В статье рассмотрено понятие «кредитного поведения» молодежи как формы финансового поведения молодых людей по заимствованию денежных средств у кредитных организаций с определенной целью и задачами их использования.

Выявлена общая характеристика кредитной активности россиян:

- кредитная активность россиян остаётся высокой, несмотря на экономическую нестабильность и рост процентных ставок;

- долговая нагрузка большинства заемщиков находится в допустимых пределах, что снижает риск массовых неплатежей;

- в условиях высоких ставок наблюдается рост осторожности, но не отказ от кредитов как таковых;

- финансовые ожидания и недостаточный уровень сбережений способствуют сохранению спроса на заёмные средства.

Обосновано, что молодежь является одной из наиболее активных групп заемщиков. Для нее характерны высокая склонность к потребительскому кредитованию, ориентация на краткосрочные займы, такие как кредитные карты и микрозаймы, значительное влияние социального окружения, а также сравнительно низкий уровень финансовой грамотности.

Исследования показывают, что представители молодежи чаще нарушают платежные обязательства, что во многом обусловлено нестабильностью доходов и недостатком финансового опыта. При этом мотивация обращения к кредитам нередко связана не с реальной необходимостью, а с образом жизни. В результате, кредит постепенно превращается из инструмента решения финансовых проблем в элемент потребительской культуры.

Проведенное пилотное исследование позволило выявить следующие особенности кредитного поведения молодежи города Якутска:

- Кредитование является распространенной практикой среди молодежи;

- Основные цели – жилье и потребительские покупки;

- Поведение носит преимущественно потребительский характер;

- Наблюдается амбивалентное отношение к кредитам;

- Существует потребность в повышении финансовой грамотности.

Практические рекомендации:

- развитие образовательных программ по финансовой грамотности;

- улучшение информирования о рисках кредитования;

- учет региональной специфики при разработке финансовых продуктов.

© Романова О.Д., Олесова А.П.

Перспективы исследования.

Необходимо продолжить исследование в аспекте того, как кредитное поведение молодежи влияет в целом на финансовое поведение, проведение социологического исследования с расширением выборки и включением качественных методов (фокус-группы и интервью), возможен сравнительный анализ регионов Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Больше половины молодых россиян считают, что им не хватает знаний о финансовой безопасности // Портал «Мои финансы». 2022. URL : https://xn-80apaohbc3aw9e.xn-p1ai/article/bolshe-poloviny-molodyh-rossiyan-schitayut-chto-im-ne-hvataet-znanij-o-finansovoj-bezopasnosti (дата обращения 29.04.2026).
2. Аликперова Н.В. Монетарные установки молодёжи в условиях социально-экономической нестабильности // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 372–381. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.7 EDN: XOYNIM
3. Аликперова Н.В. Представления российской молодёжи об экономической нравственности / Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 4. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7 EDN: JKSPTA
4. Аликперова Н.В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14 EDN: VMPFDD
5. Аликперова Н.В. Анализ индикаторов финансового поведения молодежи Москвы в современных реалиях // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. 93 с. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.8 EDN: TARXJL
6. Ярашева А.В. Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски / А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14 EDN: PEPDXL
7. Данилова Е.П. Финансовое поведение и поведенческие финансы: различия и сходства / Е.П. Данилова, А.М. Мудинов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 3(19). С. 82–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-82-97 EDN: NDOVJD
8. Сушко Е.Ю. Финансовое поведение населения и его детерминанты // Финансы и кредит. 2017. № 12 (732). С. 670–682. DOI: 10.24891/fc.23.12.670 EDN: TLQNSH
9. Литвинова В.В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. С. 230–237. С. 231. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.19 EDN: OYRDJO
10. Макар С.В. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве / С.В. Макар, А.В. Ярашева, Д.И. Марков // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 3. С. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168 EDN: DOFGQL
11. Усова Л.В. Методологические аспекты исследования финансового поведения / Л.В. Усова, Э.М. Самойлова // Интеграция наук. 2019. № 1(24). С. 46–48. EDN: YWVXVJ
12. Штепа С.Е. Факторы, влияющие на формирование социальных рисков потребительского кредитования россиян // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 75-82. DOI: 10.24158/tipor.2022.1.11 EDN: LAJCPH
13. Стребков, Д.О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 109–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-2-109-128 EDN: PJEUPV
14. ВЦИОМ. Кредитная активность россиян: мониторинг. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring (дата обращения 22.12.2025).
15. ВЦИОМ. Покупки, кредиты и сбережения: мониторинг. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-kredity-sberezhenija-monitoring-13042026 (дата обращения 29.04.2026).
16. ВЦИОМ. Кредиторы и должники в эпоху высоких ставок. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditory-i-dolzhniki-v-ehpokhu-vysokikh-stavok (дата обращения 22.12.2025).
17. ВЦИОМ. Расходы на кредиты и перспективы погашения. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/raskhody-na-kredity-i-perspektivy-pogasheniya (дата обращения 22.12.2025).
18. Ярашева А.В. Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения / А.В. Ярашева, С.В. Макар, С.Б. Решетников // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 138–153. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-138-153 EDN: YMTJUO
19. Атамуратова Ф.С. Восприятие риска в кредитном поведении молодежи / Ф.С. Атамуратова, И.В. Андросова. М. : Изд-во Финансового ун-та, 2025. 150 с.

© Романова О.Д., Олесова А.П.

20. ТАСС. Экономика: Долги по кредитам. URL : https://tass.ru/ekonomika/17031277 (дата обращения 22.12.2025).
21. ВЦИОМ. Жизнь в долг: мониторинг. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-dolg-monitoring (дата обращения 22.12.2025).
22. Банк России. Статистика банковского сектора. URL : https://www.cbr.ru/statistics (дата обращения 22.12.2025).
23. Frank RG. По итогам апреля 2025 года объем выдач кредитов составил 667,1 млрд руб. URL : https://frankrg.com/news/po-itogam-aprelya-2025-goda-obem-vydach-kreditov-sostavil-667-1-mlrd-rub (дата обращения: 22.12.2025).
24. Большинство россиян берут кредиты до 1 млн рублей. URL : https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/analitika_issledovaniya/article?newsID=0999be0c-3fd9-4eb6-86ec-2959a783321c&blockID=8395751f-c0a8-4eaf-9b4c-edb74c4ff38d®ionID=66&lang=ru&type=NEWS (дата обращения 22.12.2025).

References:

1. More than half of young Russians believe that they lack knowledge about financial security // My Finance portal. 2022. URL : https://xn-80apaohbc3aw9e.xn-p1ai/article/bolshe-poloviny-molodyh-rossiyan-schitayut-chto-im-ne-hvataet-znanij-o-finansovoj-bezopasnosti (date of application 04/29/2026).
2. Alikperova, N.V. Monetary attitudes of youth in conditions of socio-economic instability // The standard of living of the population of the regions of Russia. 2021. Vol. 17. № 3. P. 372–381. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.7 EDN: XOYNIM
3. Alikperova N.V. Representations of Russian youth about economic morality / N.V. Alikperova, D.I. Markov // Social space. 2022. Vol. 8. № 4. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7 EDN: JKSPTA
4. Alikperova N.V. Factors influencing the financial behavior of the Russian population: the 3D effect // Population. 2023. Vol. 26. № 2. P. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14 EDN: VMPFDD
5. Alikperova N.V. Analysis of indicators of financial behavior of Moscow youth in modern realities // Standard of living of the population of Russian regions. 2022. Vol. 18. № 1. 93 p. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.8 EDN: TARXJL
6. Yarasheva A.V. Features of the credit behavior of Russian youth: trends and risks / A.V. Yarasheva, N.V. Alikperova, D.I. Markov // Population. 2023. Vol. 26. № 3. P. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14 EDN: PEPDXL
7. Danilova, E.P., Mudinov, A.M. Financial behavior and behavioral finance: differences and similarities // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2019. Vol. 5. № 3(19). P. 82–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-82-97 EDN: NDOVJD
8. Sushko E.Y. Financial behavior of the population and its determinants // Finance and credit. 2017. № 12 (732). P. 670–682. DOI: 10.24891/fc.23.12.670 EDN: TLQNSH
9. Litvinova V.V. Financial human behavior and its determining factors // Journal of Economic Theory. 2020. Vol. 17. № 1. P. 230–237. 231 p. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.19 EDN: OYRDJO
10. Makar S.V. Financial behavior as a result of human interaction in the socio-economic space / S.V. Makar, A.V. Yarasheva, D.I. Markov // Finance: Theory and practice. 2022. Vol. 26. № 3. P. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168 EDN: DOFGQL
11. Usova L.V. Methodological aspects of financial behavior research / L.V. Usova, E.M. Samoilova // Integration of sciences. 2019. № 1(24). P. 46–48. EDN: YWVXVJ
12. Shtepa S.E. Factors influencing the formation of social risks of consumer lending to Russians // Theory and practice of social development. 2022. № 1. P. 75–82. DOI: 10.24158/tipor.2022.1.11 EDN: LAJCPH
13. Strebkov D.O. The main types and factors of credit behavior of the population in modern Russia // Economic issues. 2004. № 2. P. 109–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-2-109-128 EDN: PJEUPV
14. VTsIOM. Credit activity of Russians: monitoring. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring (date of application 12/22/2025).
15. VTsIOM. Purchases, loans, and savings: monitoring. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-kredity-sberezhenija-monitoring-13042026 (date of application: 04/29/2026).
16. VTsIOM. Creditors and debtors in the high-stakes era. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditory-i-dolzhniki-v-ehpokhu-vysokikh-stavok (date of application 12/22/2025).
17. VTsIOM. Loan costs and repayment prospects. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/raskhody-na-kredity-i-perspektivy-pogasheniya (date of application 12/22/2025).
18. Yarasheva A.V. Credit strategies of Russians as a reflection of the model of financial behavior / A.V. Yarasheva, S.V. Makar, S.B. Reshetnikov // Finance: theory and practice. 2017. Vol. 21. № 6. P. 138–153. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-138-153 EDN: YMTJUO
19. Atamuratova F.S. Perception of risk in youth credit behavior / F.S. Atamuratova, I.V. Androsova. M. : Publishing House of the Financial University, 2025. 150 p.
20. TASS. Economics: Loan debts. URL : https://tass.ru/ekonomika/17031277 (date of application 12/22/2025).
21. VTsIOM. Life in debt: monitoring. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-dolg-monitoring (date of application 12/22/2025).
22. Bank of Russia. Statistics of the banking sector. URL : https://www.cbr.ru/statistics (date of application 12/22/2025).

© Романова О.Д., Олесова А.П.

23. Frank RG. By the end of April 2025, the volume of loans issued amounted to 667.1 billion rubles. URL : https://frankrg.com/news/po-itogam-aprelya-2025-goda-obem-vydach-kreditov-sostavil-667-1-mlrd-rub (date of application 12/22/2025).
24. Most Russians take out loans of up to 1 million rubles. URL : https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/analitika_issledovaniya/article?newsID=0999be0c-3fd9-4eb6-86ec-2959a783321c&blockID=8395751f-c0a8-4eaf-9b4c-edb74c4ff38d®ionID=66&lang=ru&type= NEWS (date of application 22.12.2025).

Информация об авторе

Романова Оксана Дмитриевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
и управления персоналом,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск
ORCID iD: 0000-0003-2298-1164
oxanadmit@mail.ru

Олесова Айта Прокопьевна
магистрант кафедры социологии
и управления персоналом,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск
ORCID iD: 0009-0003-3820-5167
aitaromanova@gmail.com

Oksana D. Romanova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology
and Human Resource Management,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk
ORCID iD: 0000-0003-2298-1164
oxanadmit@mail.ru

Aita P. Olesova
Master's Student of the Department of Sociology
and Human Resource Management,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk
ORCID iD: 0009-0003-3820-5167
aitaromanova@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Романова О.Д., Олесова А.П.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-23
УДК 316

Attribution
cc by

ТРАДИЦИОННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА (СТАТЬЯ 1)

Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования традиционной маскулинности, воспринимаемой как своего рода стратегический социальный ресурс. Традиционная маскулинность определяется как комплекс базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения. Исторически сложилось, что традиционная маскулинность обеспечивает долгосрочный потенциал конкретного общества, выступая одной из составляющих социокультурного фундамента и обеспечивая желательный вектор социализации представителей психотипа гармоничных личностей, количественно превалирующих над другими психотипами – пассионариями и субпассионариями. Помимо этого, нормативы традиционной маскулинности закладывают жесткость и устойчивость семейных институтов, содействуя решению проблематики социального воспроизводства. На современном этапе, в контексте глобальных политкорректных трендов, традиционная маскулинность получает серьезный вызов от набирающих популярность альтернативных семейных форм – партнерской семьи, предполагающей не жесткие, но размытые принципы внутренней организации.

Ключевые слова: гендер, традиционная маскулинность, эссенциалистские и конструктивистские источники, традиционная семья и партнерская семья; гармоничные личности.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

TRADITIONAL MASCULINITY AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS (ARTICLE 1)

Julian G. Tambiyants, Anna G. Luginina,
Kirill K. Tokarev, Konstantin A. Mospan
Kuban State Agrarian University named After. I.T. Trubilina

Abstract. This article represents the first part of a study of traditional masculinity, perceived as a strategic social resource. Traditional masculinity is defined as a set of basic imperative requirements that establish a specific pattern of male behavior. Historically, traditional masculinity has ensured the long-term potential of a particular society, serving as one of the components of the sociocultural foundation and providing a desirable vector for the socialization of representatives of the harmonious personality type, which quantitatively predominates over other personality types – passionaries and subpassionaries. Furthermore, the norms of traditional masculinity establish the rigidity and stability of family institutions, facilitating the resolution of problems of social reproduction. In the current context of global politically correct trends, traditional masculinity is facing a serious challenge from increasingly popular alternative family forms – partner families, which imply less rigid, but more vague principles of internal organization.

Keywords: gender, traditional masculinity, essentialist and constructivist sources, traditional family and partner family; harmonious personalities.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Нет смысла сомневаться в переходном характере нынешней социальной действительности, что ощущается как на глобальном цивилизационном уровне, так и в национальных рамках.

Интересная ситуация складывается применительно к отечественному социуму, который поставлен перед фактом множащихся внутренних и внешних вызовов. Не вдаваясь подробно в их сущность, отметим, что фундаментальным условием адекватных ответов является спаянность и

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

консолидация российского общества, причем, как по вертикали, так и по горизонтали.

Между тем, для современности характерны определенные тренды, вектор которых направлен как на общественную дезинтеграцию, а порой – и на социальную атомизацию. В широком смысле, речь идет о эпохе постмодернизма, инициирующем распад метнарративов (Ж. Лиотар), полистилистическую культуру (Л. Ионин), «текучее общество» (З. Бауман).

Сущностно постмодерн враждебен любым феноменам, имеющим традиционные корни, и, напротив, приветствует все новое нестандартное. Своеобразной «рекламной вывеской» формируемой постмодерном действительности может считаться западное общество, которое российский социальный философ Л.Г. Ионин описывает в терминах восстания разнообразных социальных меньшинств [11]. В подобной ситуации ранее устойчивые культурные нормативы переживают буквальные метаморфозы. Например, исторически четко фиксированные мужские и женские феномены сближаются, перемешиваются, отражением чего выступает распространяющийся феномен андрогинии. Более того, по точному замечанию немецкого мыслителя Н. Больца: «Геи, женщины и холостяки лучше приспособлены к новым кооперативным, постиндустриальным структурам, чем мужчины с традиционной ориентацией и классические семьи» [1, с. 76]. Вместе с тем, данное обстоятельство оценивается научным истеблишментом неоднозначно, как критично (Н. Больц, А.Гат), так и вполне благожелательно (Р. Флорида).

В данной работе мы собираемся обратить внимание на феномен, который относится как раз к ряду явлений, атакуемых постмодерном. Речь идет о традиционной маскулинности, выступающей объектом критики теоретиков феминизма, а также ученых-социологов, симпатизирующих феминизму (И. Кон, А. Темкина, Е. Здравомыслова и др.).

В рамках этого дискурса, бытует понятие «токсичная маскулинность», под которой подразумеваются исторически сложившиеся нормативы мужского поведения, навязываемые в виде императива всем представителям «сильного пола», несмотря на то, что гендерная революция (термин И. Кона) объективно стирает различия гендерных ролей, чем ставит под сомнение универсальность подобных нормативов [12].

В противовес подобному видению, нам представляется уместным указать на следующие обстоятельства.

Во-первых, в тех обществах, где традиционная маскулинность ослабляется (в первую очередь – это Запад), происходит не столько трансформация, сколько деформация гендерных отношений, что отражается на кризисе института семьи обострении демографической проблематики (Д. Бьюкенен, Г. Хайнсон, Ф. Зимбардо). Российское общество, которое не обходят постмодернистские влияния, вовсе не лишено обозначенных явлений, безусловно деструктивных особенно в долгосрочном отношении.

Во-вторых, западный социум стремительно теряет дух пассионарности, что наглядно иллюстрируется мигрантской проблемой в этих странах, одной из граней которой является то, что приезжие преимущественно из мусульманских стран, где традиционная маскулинность никак и никем не оспаривается, в конфликтах индивидуального и группового характера с местным населением имеют над ним полное превосходство. Автохтонные жители оказываются фактически размотивированными на борьбу с мигрантами, всячески уступая им [22].

В связи с этим, цель настоящей работы мы формулируем как определение характеристик традиционной маскулинности в качестве, прежде всего, мировоззренческого духовного феномена отечественной социальной действительности. Рамки статьи заставляют нас ограничиться только современным ситуацией.

Отсюда вытекают следующие последовательно реализуемые задачи:

– во-первых, уточнить источники и содержательное наполнение традиционной маскулинности;

– во-вторых, обосновать ключевое функциональное назначение традиционной маскулинности;

– в-третьих, выявить значение традиционной маскулинности в качестве составляющей социального сознания российской молодежи, что предполагает опору на данные собственного эмпирического исследования.

Молодежный сегмент нами избран в силу того, что это наиболее мобильная и динамичная часть нашего общества [8], для которой характерна гибкость социальных установок и более открытое восприятие внешних влияний, а также ориентация на перспективу. Изучение молодежного сознания представляется адекватным с точки зрения стратегической информации.

Обсуждение. Результаты.

Маскулинность принято интерпретировать как комплекс телесных, психических и поведенческих черт, присущих именно мужчине, отличающих его от женщины, наделенной чертами феминности.

Существуют логически связанные с маскулинностью понятия, и наиболее расхожими в публичных дискурсах являются, пожалуй, брутальность, мужественность. Брутальность (с латинского – «зверский»), выступает наиболее жесткой вариацией маскулинности. Категория «мужественность» может как отождествляться с маскулин-

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

ностью [17, с. 25], так и несколько расходиться по смыслу.

В нашем понимании, мужественность есть скорее социально-психологическое явление, представляющее некую внутреннюю черту характера, особенностью которой выступают твердость, настойчивость в ходе достижения поставленных целей, преодолевая внешние и внутренние препятствия и барьеры. В категории «маскулинность» на первом плане больше социокультурная составляющая. По другому, в случае с мужественностью не допускается различие между «быть» и «казаться», тогда как, с маскулинностью такое в принципе не исключается.

Научное осмысление маскулинности, в значительной степени, является заслугой гендерной социологии, где методологические разработки балансируют на стыке двух парадигм – эссенциалистской и конструктивистской. Если первая, в трактовке маскулинности, феминности и гендера, в целом делает ставку на изначально заданные (или естественные) предпосылки формирования мужских и женских черт сознания, внешнего облика, поведения и пр., то вторая в качестве источника упирает на внешние искусственные влияния.

Мы считаем плодотворным синтез обоих подходов, который исчерпывающе выразил Х.Г. Тхагапсоев в определении гендера. Последний обязательно включает никуда не девающийся биологический источник, но, в то же время, предполагает ролевое культурное амплуа (что изучается социологами, культурологами, специалистами по педагогике), а также меру маскулинности и феминности человека. «Гендер – это сумма, синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание» [22, с. 312].

Неким соединительным мостом между эссенциализмом и конструктивизмом может считаться категория гендерной ментальности, где заметна психофизиологическая составляющая.

По мысли А. Чернышевой и А. Спирюговой, основа гендерной ментальности заключается в протономических структурах – архетипах коллективного бессознательного, возникающих в древности, которые, сохраняясь в сознании современного человека, обусловливают универсальность его мышления с позиции маскулинности или феминности [23, с. 9].

В гендерной ментальности наверняка находят своеобразное отражение так называемые этнические архетипы – в отличие от универсальных архетипов представляющие собой более узкие и специализированные восприятия действительности, где отражается не опыт человечества в целом, а специфический опыт определенных групп людей [22].

Тем самым, уже на стадии формирования культурной почвы могли возникать и возникали особые ментальные характеристики, культурные коды и пр., накладывая определенный отпечаток на стандарты маскулинности.

Вместе с тем, следует признать, что объективные условия усиливают значение конструктивизма – речь идет прежде всего о расширении информационно-манипулятивных возможностей, посредством которых гендерная составляющая общественного сознания прежде всего западного социума была подвергнута деформации и эклектизации. Это удачно иллюстрирует Н. Больц: «Если раньше мужественность воспитывала и защищала от страха, то сегодня она должна реагировать на делегитимацию самой себя» [1, с. 79].

Так или иначе, но объективно маскулинность подвержена все большей вариативности, что констатируют классики гендерной социологии.

Д. Гилмор рассматривает маскулинность как символический текст, бесконечно переменчивый культурный конструкт [5].

И. Кон пишет: «Разные маскулинности – это … разные типы социальных идентичностей, их гендерные параметры неразрывно связаны с социально-экономическими и культурными параметрами» [12, с. 93].

Р. Коннел считает, что применительно к современному обществу нельзя признавать наличие единого универсального образа маскулинности. Следует говорить не о маскулинности, а о «маскулинностях», так как разные культуры и разные периоды истории конструируют гендер поразному, причем разнообразие зачастую существует в рамках одной и той же социальной среды [12, с. 91–92].

Предлагаются и иные срезы маскулинных различий как, например, в трудах И. Булычева, где обращается внимание на несхожие маскулинные нормативы в разных возрастных категориях [2].

Нет смысла спорить с тезисом о количественно расширяющихся маскулинных типах; тем не менее, связанные с психофизиологией универсалии, всегда будут проявлять себя в качестве некоего поведенческого или, во всяком случае, социокультурного фундамента. К последнему максимально приближен феномен традиционной маскулинности, который мы рассматриваем в качестве своеобразного общего знаменателя для всех многочисленных вариантов маскулинности.

Как нам представляется, именно на стадии становления культурной почвы, имеющей архетипический замес, формировались структуры жестких моральных предписаний поведению мужчин, которые впоследствии заявили о себе в качестве моральных кодексов. Например, кодекс адыгэхабзе – ценностная база черкесских народов;

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

кодекс пуштунвалай, который намного старше ислама и укоренен еще в древней истории среднеазиатских народов: саков, кушан, эфталитов.

Традиционную маскулинность принято сводить к четырем ключевым стандартам или нормам.

Во-первых, мужчине следует избегать женских проявлений («Без бабства»).

Во-вторых, мужчине следует добиваться успеха, опережая других мужчин («Большой босс»).

В-третьих, мужчина обязан быть сильным, не проявляя слабости («Крепкий дуб»)

В-четвертых, мужчине следует стараться стать «крутым» и не бояться насилия («Задай им жару») [12, с. 76].

В некоторых современных исследованиях этот перечень количественно расширяется вплоть до десяти сильных мужских черт [13]. В то же время, специалистам по проблемам маскулинности свойственно стремление выявить некий феномен в качестве общей константы, пронизывающей все основные вариации маскулинности.

Например, И. Кон предпочитает выдвигать в качестве общего принципа маскулинности достижительство, то есть желание и способность опередить других, а в чем именно ты преуспеешь – в физической силе и ловкости, практической сметке или духовном самоотречении – зависит от норм культуры, исторических обстоятельств и индивидуальных свойств [12, с. 89].

И. Костерина считает таковым «общим знаменателем» физическую силу и успех у женщин, то есть крайняя гетеросексуальность – старое, но хорошо проверенное средство самоутверждения [13].

Тем самым, традиционная маскулинность рассматривается в виде комплекса базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения. Предполагаемая жесткость подобных нормативов в определенной степени есть фактор некоей неустойчивости маскулинного статуса – репутация «настоящего мужчины» может быть утрачена [25, с. 19]. То есть, для поддержания, соответствующего маскулинного образа необходим постоянный внутренний самоконтроль и значительные усилия.

Уместно указать на диалектическую взаимосвязь мужского и женского начал, предполагающей значительное участие собственно женщины в процессах формирования маскулинности, что подкрепляется историческими и социальными фактами. Например, уже в древнейшие времена, а также и в более близких к современности традиционных обществах войны, зачастую, начинались, в том числе из-за женщин. Победители обычно захватывали женщин побежденных, превращая их в любовниц и рабынь, а иногда и в жен [7, с. 132].

История свидетельствует о том, что в ходе межгосударственных войн взятие городов неизменно сопровождалось насилием в отношении женщин. Следует предположить здесь культурно-психологическое обоснование – взять женщину врага воспринимался победителями как дополнительный символ победы. Исторически это находило своеобразное отражение в воинской ментальности, что лаконично выразил профессиональный военнослужащий испанского Иностранного легиона капрал Белали, определяя конец пути солдата: «Кто-то заберет твою винтовку, кто-то снимет с тебя часы, кто-то ляжет с твоей женщиной. Судьба» [19, с. 216].

С другой стороны, женский фактор конструирующих маскулинность механизмов проявлялся и на уровне оценок и предпочтений. Здесь можно сослаться на известную концепцию «зеркального Я» Ч. Кули, согласно которой самообраз или Я-концепция во многом формируется под воздействием оценок окружающих [14, с. 133–134].

Фактор женской оценки в процессах саморегуляции маскулинных качеств, особенно если ситуация предполагала их актуализацию, играл весьма значительную, если не ведущую роль. Об этом пишет социальный антрополог М. Дэйви: «Когда война считалась частью общественной морали, когда в мужчинах ценились и уважались военные качества, женщины усиливали значение обычаев, прославляя эти качества. Высмеивая и унижая слабых, они выполняли функцию социального контроля в примитивном сообществе» [7, с. 134].

Что касается проблематики социальных функций традиционной маскулинности, то наиболее остро в настоящий момент она ощущается в области семейных отношений. Принципы традиционной маскулинности лежали в основе внутрисемейного разделения труда, которую теоретики феминизма трактуют как иерархическую – сильная сторона (мужчина) подавляет слабую сторону (женщину), навязывая ей выгодные первой правила и рамки; в то время как находящиеся вне феминистского дискурса ученые (Н. Больц, Н. Чуркина, А. Спирюгова, А. Чернышева, И. Булычев и др.) видят здесь не иерархический, но ассиметричный взаимодополняющий смысл. Как отмечает Н. Больц, если женщина лучше умеет обходиться с детьми, то мужчина вольготнее чувствует себя в конкурентной борьбе и пр., и подобная специализация в итоге приносит двойную выгоду, так как продуктивность растет в обеих областях [1, с. 91–92]. Уже в трудах античных мыслителей (Ксенофонт, Аристотель) мужская сущность воспринималась как дела «вне дома» военные походы и пр., в то время как женская сущность увязывается именно с внутренними домашними делами.

Как известно, под влиянием объективных сдвигов в сторону все большей схожести социально-

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

го участия мужчины и женщины, (своего рода гендерной революции) [12, с. 98–103]; а также политико-идеологического проекта политкорректности традиционная семья уступает место новому типу – партнерской семье, в которой жесткие нормативы не предусмотрены. Тем самым в семье партнерского типа основным добытчиком и кормильцем вполне может выступать женщина, а мужчина, соответственно, заниматься домом, нянча детей.

Апологет «гендерной революции» (масштабных тенденций в современных цивилизационно продвинутых обществах, характеризующихся изменением социальных раскладов в пользу женщин – образования, карьеры и пр.) И. Кон признает возникающие ролевые метаморфозы – если раньше мужчина конкурировал с мужчиной, а женщина с женщиной, то сегодня мужчины и женщины вступили в жесткую конкуренцию друг с другом. Причем, конкурентную борьбу между полами И. Кон объясняет с позиции марксизма – женщины как угнетенная группа стараются изменить и успешно меняют традиционный пронизанный патриархатом гендерный порядок, мужчины, как господствующий слой, соответственно, в этом не заинтересованны. В то же время, его обобщающая оценка всех этих процессов выдержана вполне в либеральном духе: «важно иметь в виду, что конкуренция о которой идет речь есть также форма кооперации, от которой выигрывает в конечном итоге все общество» [12, с. 99]. Однако пока объективные факты никак не подтверждают подобное утверждение.

Итог «феминизации» гендера, «делигитимации мужественности» (термин Н. Больца) выражается в том, что западные мужчины превращаются в малопригодный материал для создания семьи с точки зрения эмансипированных женщин. Дополнительным обстоятельством выступает обесценивание материнства, на что указывал уже два десятилетия назад американский политолог, дипломат и публицист П.Дж. Бьюкенен. Естественное для женщины желание материнства сейчас подавлено с одной стороны карьерными соображениями, а с другой – усиливающимися леволиберальными идеологическими трендами, ратующими за дальнейшую эмансипацию. «Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать, и Европа». По данным П. Бьюкенена, на то время уровень рождаемости в Европе снизился до 1,4, в то время, как только для сохранения численности требуется уровень 2.1. Отсюда, НАТО вскоре предстоит защищать «обширный мир пенсионеров» [3, с. 27–28].

Далее, мы намерены обосновать наш собственный взгляд на одну из ключевых функций традиционной маскулинности, имеющей важное если не вообще решающее стратегическое значение для всего социума.

В рамках нашего подхода, мы исходим из факта качественных различий людей в духе эссенциализма, что неоднократно осмыслялось в некоторых философских и научных построениях. Более того, такого рода установка имеет опыт идеологической и политической реализации (расовая концепция теоретиков НСДАП).

В рамках конструирования идеологических форм, разумнее, судя по всему, апеллировать к равенству людей, а вот в науке наличие разных антропологических типов полностью игнорировать трудно, следовательно, это так или иначе принимается в расчет в большинстве работ, исследующих вопросы маскулинности (И. Кон, Н. Чуркина, И. Костерина др.).

И. Кон абсолютно прав, утверждая, что образы «настоящих мужчин» создаются и поддерживаются культурой, однако, «разные каноны маскулинности неодинаково импонируют разным типам мужчин и имеют свои психофизиологические конституциональные основы». Тем самым, фиксированные маскулинные нормы могут ставить в неравное положение людей, обладающих требуемыми задатками в различной степени [12, с. 115, 446].

Вопрос о качественных различиях интересовал некоторых известных мыслителей; еще с древних времен (Ибн-Хальдун), в рамках присущего каждому предмета исследования.

Экономист и социолог В. Зомбарт, например, выделял довольствующихся тем, что есть представителей мещан, и готовых на риск авантюристов [9].

В рамках историософской концепции Т. Веблена, социальные различия накладываются на качественные – представителям элитных групп свойственно обладать боевым (хищническим) духом к воинственности, риску, героизму, тогда как представители более нижних страт склонны к более спокойной мирной жизни [4, с. 245].

Вполне закономерно, что подобные качественные различия дополнительно актуализируются в условиях войны. Так, эксперт в области военной социологии В. Серебрянников берет за основу степень воинственности, утверждая её психофизиологический источник, в связи с чем, он выделяет тип людей с «военной» косточкой, который выделяется на фоне всех остальных [21, с. 26].

Мы склонны взять за основу известную историософскую теорию пассионарности Л. Гумилева, охватывающую куда большие пласты общественных отношений, чем только военная сфера. Л. Гумилев трактовал пассионарность как необоримое внутреннее стремление к целенаправленной деятельности, всегда связанное с изменением окружения, общественного или природного, «причем достижение намеченной цели представляется … даже ценнее собственной жизни» [6, с. 339–340]. Из этого вытекает классификация людей на три психофизиологических типа, различающихся степенью наполненности пассио-

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

нарным духом – пассионарии, субпассионарии, гармоничные личности (гармоники).

Особенность пассионарности оппонировать инстинкту самосохранения развивает современный исследователь Т. Ибатуллин применительно к военной сфере. Пассионарии есть особи, поведенческий импульс которых превышает инстинкт самосохранения; у субпассионариев дела обстоят ровно наоборот; наконец, гармоники являются теми особями, инстинкт самосохранения и импульс поведения которых примерно сопоставимы, а по ситуации берет верх тот или иной [10, с. 539].

На наш взгляд, для некоторой конкретизации природы указанных психофизиологических типов можно привлечь подход И. И. Булычева, который констатировал природный факт наличия в конституции мужчин женских генов, а у женщин – мужских, что обычно имеет естественное поведенческое отражение [2].

Принимая это в расчет, есть смысл предположить различное соотношение мужских и женских генов в представителях различных гумилевских психотипов. Если пассионарий легче усваивает маскулинные феномены, а субпассионарий – феминные, то гармоник способен воспринимать и те, и другие, а в какую сторону будет уклон – во многом уже зависит от внешнего контекста.

Закономерно, что гармоники нередко могут демонстрировать поведенческие противоречия, что удачно выразил герой романа А. Переса Реверте капитан Баскуньяна: «Один и тот же человек может драться как лев, а через полчаса удирать как заяц» [20, с. 285].

Отсюда, необходимо признать – то, в какую сторону будет направлен поведенческий вектор гармоников, зависит от внешних стимулов или конструктивистских факторов и, прежде всего, от навязанных средой нормативных стандартов. Такая мысль содержится в концепции посгероического общества современного немецкого социолога Г. Мюнклера. В том случае, если общество не собирается чтить воинственность и героический дух, неизбежно их девальвация и падение социальной популярности, а община героев поглощается негероическим обществом [18, с. 166].

Несколько отвлекаясь от темы, отметим, что подобного рода процессы происходят сейчас в западном социуме, и это, вкупе с упадком семьи и рождаемости, снижает его воинственный потенциал, что, впрочем, Запад намерен компенсировать технологическим превосходством.

Но психотип гармоников количественно превалирует в любом обществе, многократно превосходя представителей двух других категорий вместе взятых. Гармоничные личности во многих аспектах имеют для общества решающее значение, придавая обществу определенную стабильность, а также последовательное, без рывков, развитие [6, с. 371–372]. Потенциал гармоников бесспорно играет ключевую стратегическую роль для социума.

Следовательно, именно гармоники, по сути, являются главным объектом воздействия нормативов маскулинности, а также всех остальных феноменов, так или иначе выступающих поведенческими стимулами.

Как указывает современный классик исторической социологии М. Манн, массовое вовлечение к участию в Первой мировой войне обеспечивалось в совокупе милитаристской культурой, политической идеологией национализма, в те времена представляющей сдерживающий фактор влиянию социалистических доктрин, давление социума в целом [16, с. 201–202].

Какова же здесь роль именно традиционной маскулинности? Мы считаем, что она составляет, своего рода, ценностный фундамент, ту благоприятную почву, на которую затем падают более конкретизированные идеи – усваиваются политические идеологии, формируется чувство патриотизма.

Прежде всего, традиционная маскулинность конструирует мужскую идентичность с присущими ей традиционно мужскими качествами.

Традиционная маскулинность была тесно связана с воинскими кодексами, выступая их составной частью, а то и основой. Главным образом, именно кодексы обеспечивали формирование и поддержание воинственности гармоников, выносся жестокий приговор субпассионариям, о чем рассказывается в известной поэме М. Лермонтова «Беглец»: «Ты умереть не мог со славой, так удались, живи один…ты раб и трус – и мне не сын!..» [15, с. 182–183].

Заключение.

Итак, традиционная маскулинность рассматривается в виде комплекса базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения.

Традиционная маскулинность формируется на стыке эссенциалистских и конструктивистских источников, предполагая, как психофизиологическую, так и «почвенническую», то есть социокультурную основы. В то же время, значение конструктивистских влияний на маскулинность очевидно возрастает по ходу социальной и цивилизационной эволюции.

Традиционная маскулинность может принимать различные модификации в зависимости от той или иной социальной и политической среды. При этом маскулинность (мужской образец) оказывается диалектически связанной с женским началом (феминностью), соответственно воспринимая его влияния.

В историческом ракурсе, нормативы традиционной маскулинности обеспечивают устойчивость

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

семейных институтов, содействуя решению вопросов социального воспроизводства.

Традиционная маскулинность играет фундаментальную роль в обеспечении стратегического потенциала конкретного общества, обеспечивая нужный вектор социализации количественно превалирующих гармоничных личностей. Ей присуща функция формирования социокультурного фундамента мужской идентичности с присущими ей традиционно мужскими качествами.

Императивы традиционной маскулинности, перерабатываясь определенными историческими и социальными контекстами, приобретали форму маскулинных идеологий, вариантами которых могут считаться воинские кодексы: пуштунвалай, адыгэ-хабзэ, бусидо («Путь воина»), хагакурэ («Сокрытое в листве») и пр.

На современном этапе нормативы традиционной маскулинности получают открытый жесткий вызов со стороны проекта политкорректности, а шире логики цивилизационной динамики передового западного общества, суть которого заключается в дальнейшей эмансипации и демократизации. Иллюстративно данный вызов выражает распространенный вариант современной семьи, так называемая партнерская семья, являющая альтернативу образцу семьи, формируемому нормативами традиционной маскулинности.

Партнерская семья предполагает весьма размытые правила и внутренние иерархии, где принципы традиционной маскулинности уже не имеют фундаментального значения или попросту выносятся за скобки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с.
2. Булычев И.И. Гендерная структура как теоретическая проблема // Журнальный клуб Интелрос» Credo New». 2008. № 1. URL : https://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1867-i.i.-bulychjov.-gendernaja-struktura.html (дата обращения 24. 01.2026).
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса М. : Прогресс. 1984. 368 с.
5. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М. : АСТ, 2021. 704 с.
7. Дэйви М. Эволюция войн. М. : Центрполиграф, 2009. 382 с.
8. Елишев С. Молодежь в современных политических процессах. URL : http://ruskline.ru/analitika/2013/10/11/molodyozh_v_sovremennyh_politicheskih_processah (дата обращения 17.03.2025).
9. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2004. 624 с.
10. Ибатуллин Т.Г. Война и плен // Проблемы военной психологии. Хрестоматия / Под общ. ред. А. Тараса. Мн. : Харвест, 2003. С. 523–637.
11. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб. : Университетская книга, 2012. 237 с.
12. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
13. Костерина И.В. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // Неприкосновенный запас. 2012. № 83. № 3. URL : https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/83_nz_3_2012/article/18779 (дата обращения 14.11.2024).
14. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Идея-Пресс, 2000. 320 с.
15. Лермонтов М. Ю. Беглец / М. Лермонтов. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М. : Художественная литература. 1984. 493 с.
16. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 696 с.
17. Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель) : колл. монография / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. М., 2025. 197 с.
18. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М. : Кучково поле, 2018. 384 с.
19. Перес Реверте С намерением оскорбить. Эссе. М. Эксмо, 2005. 496 с.
20. Перес-Реверте А. На линии огня. М. : Иностранка, 2022. 608 с.
21. Серебрянников В.В. Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2002. С. 23–37.

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

22. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М. : Русскій миръ, 2008. URL : https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 (дата обращения 11.03.2024).
23. Тхагопсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 308–321. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321 EDN: GARZPG
24. Чернышева А.В. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации / А.В. Чернышева, А.Г. Спирюгова // Гуманитарный вестник. 2021. Вып. 6. С. 1–19. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-6-754 EDN: PHOYVE
25. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. 2018. № 5. С. 16–20.

References:

1. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Rousseau. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p.
2. Bulychev I.I. Gender structure as a theoretical problem Intelros Magazine Club «Credo New». 2008. № 1. URL : https://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1867-i.i.-bulychjov.-gendernaja-struktura.html (date of application 24.01.2026).
3. Buchanan P.J. Death of the West. M. : AST, 2003. 444 p.
4. Veblen T. Theory of the leisure class. M. : Progress, 1984. 368 p.
5. Gilmore D. The formation of masculinity: cultural concepts of masculinity M. : ROSSPAN, 2005. 264 p.
6. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the earth. M. : AST, 2021. 704 p.
7. Davey M. The evolution of wars. M. : Tsentrpoligraf, 2009. 382 p.
8. Yelishev S. Youth in modern political processes. URL : http://ruskline.ru/analitika/2013/10/11/moldyozh_v_sovremennyh_politicheskih_processah (date of application 17.03.2025).
9. Sombart V. Bourgeois. Studies on the history of the spiritual development of modern economic man. M., 2004. 624 p.
10. Ibatullin T.G. War and captivity // Problems of military psychology. The textbook. Under the general editorship of A. Taras. Mn. : Harvest, 2003. P. 523–637.
11. Ionin L.G. The uprising of minorities. M.; SPb. : University Book, 2012. 237 p.
12. Kon I. A man in a changing world. M. : Vremya, 2009. 496 p.
13. Kosterina I.V. «Nerds» against James Bond: some trends of modern masculinity // Inviolable Reserve № 83, 3/2012. URL : https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/83_nz_3_2012/article/18779/ (date of application 14.11.2024).
14. Kuli Ch.H. Human nature and social order. M. : Idea-Press, 2000. 320 p.
15. Lermontov M. Y. The Fugitive. Poems. Poems. The masquerade. Hero of our time. M. : Fiction. 1984. 493 p.
16. Mann M. Sources of social power : in 4 vol. Vol. 3. Global empires and revolution, 1890–1945. M. : Publishing House «Delo» RANHiGS, 2018. 696 p.
17. The youth of our city: subcultures, movements, ideologies and practices (sociological guide) : collective monograph / Under scientific control. and the general editorship of T.A. Khagurov. M., 2025. 197 p.
18. Munkler G. Fragments of war: The evolution of violence in the XX and XXI centuries. M. : Kuchkovo Pole, 2018. 384 p.
19. Perez Reverte With intent to offend. Essay. M. : Eksmo, 2005. 496 p.
20. Perez-Reverte A. On the firing line. M. : Inostroika, 2022. 608 p.
21. Serebryannikov V.V. Man and war in the mirror of sociology // Military historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, development prospects. M. : ROSSPEN, 2002. P. 23–37.
22. Solovey V.D. The blood and soil of Russian history. M. : Russkiy Mir, 2008. URL : https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 (date of application 11.03.2024.
23. Tkhagopsoev H.G. The development of genderology on ethnocultural grounds: problems and prospects // Polylingualism and transcultural practices. 2022. Vol. 19. № 2. P. 308–321. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321 EDN: GARZPG
24. Chernysheva A.V. Masculinity and femininity in modern society: trends in transformation / A.V. Chernysheva, A.G. Spiryugova // Humanitarian Bulletin. 2021. Vol. 6. P. 1–19. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-6-754 EDN: PHOYVE
25. Churkina N.A. Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation // Sociodynamics, 2018. № 5. P. 16–20.

Информация об авторах

Тамбиянц Юлиан Григорьевич
доктор философских наук,
профессор,
доцент,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
09081969jylian@rambler.ru

Julian G. Tambiyants
Doctor of Philosophy,
Professor,
Associate Professor,
Department of Sociology and Cultural Studies,
I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University
09081969jylian@rambler.ru

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

Лугинина Анна Григорьевна
кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
luginina.anna8@mail.ru

Токарев Кирилл Константинович
аспирант,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
ktokarev1998@yandex.ru

Мосьпан Константин Анатольевич
аспирант,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
mosjpan_konstantin@mail.ru

Anna G. Luginina
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology and Cultural Studies,
I.T. Trublin Kuban State Agrarian University
luginina.anna8@mail.ru

Kirill K. Tokarev
Graduate Student,
Department of Sociology and Cultural Studies,
I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University
ktokarev1998@yandex.ru

Konstantin A. Mospan
Graduate Student,
I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University
mosjpan_konstantin@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-24
УДК 316.472.4

Attribution
cc by

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ОТ РЕТРОУТОПИИ К ТЕХНООПТИМИЗМУ

Тарасенко Л.В.
Высшая политическая школа имени Ивана Ильина
при Российском государственном гуманитарном университете

Аннотация. Актуальность. В условиях поликризиса 2020-х гг. образ будущего становится критическим ресурсом национальной устойчивости, однако его конфигурация существенно варьируется в разных странах. Цель. На основе эмпирических данных 2023–2026 гг. выявить общие закономерности и национальные особенности конструирования образов будущего в массовом сознании России, США, Европы, Китая и Индии. Задачи. Зафиксировать доминирующие компоненты образа, будущего в каждой стране; выявить параметры сравнения (ретроутопия, институциональное доверие, горизонт планирования, поколенческие разрывы); определить факторы, обусловливающие сходство и различия. Методы. Теоретической рамкой выступает концепция социологии будущего Ю.Г. Волкова, предполагающая переход от прогнозирования к активному формированию образа будущего через социологический диагноз и сценарное мышление. Использован вторичный анализ данных Pew Research Center, ВЦИОМ, Левада-центра, Европейской комиссии, SINUS-Institut, Ipsos, CEEW и Edelman Trust Barometer. Анализ выполнен по трём осям: «доверие/тревога», «прошлое/будущее», «коллективизм/индивидуализм». Результаты. Выделены четыре идеальных типа: «ретроутопический» (Россия), «технооптимистический с элементами ностальгии» (Китай), «кризисный плюрализм» (США и Европа) и «амбивалентный оптимизм» (Индия). Общей чертой всех стран выступает рост ретроспективных настроений, однако механизмы и глубина этого процесса различны. Россия демонстрирует наиболее выраженную ретроутопическую ориентацию (62 %), Китай – устойчивый технооптимизм, Индия – уникальное сочетание оптимизма (66 % считают направление страны правильным) и сильной ностальгии по прошлому. Выводы. Образ будущего становится ключевым полем политической и культурной конкуренции. Сравнительная перспектива показывает, что способность общества сконструировать вдохновляющий образ завтрашнего дня напрямую влияет на его мобилизационный потенциал. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение механизмов трансформации тактического оптимизма в стратегическое целеполагание в различных национальных контекстах.

Ключевые слова: образ будущего, ретроутопия, технологический суверенитет, институциональное доверие, социальное воображение, поколенческий разрыв, технооптимизм.

***Финансирование**:* статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Будущее российской цивилизации: сценарии развития до 2050 года». Шифр: FSZG-2026-0018. Регистрационный номер: 1025122600008-7-5.9.1.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL PERCEPTIONS OF THE FUTURE IN RUSSIA AND ABROAD: FROM RETROTOPIA TO TECHNO-OPTIMISM

Larisa V. Tarasenko
Educational and Research Center «Ivan Ilyin Higher Political School»
Russian State University for the Humanities

Abstract. Relevance. In the context of the polycrisis of the 2020s, the image of the future has become a critical resource for national resilience; however, its configuration varies significantly across countries. Object. Based on 2023–2026 empirical data, the article aims to identify common patterns and national specificities in the construction of images of the future in the mass consciousness of Russia, the USA, Europe, China, and India. Research objectives. To determine the dominant compo-

© Тарасенко Л.В.

nents of the image of the future in each country; to identify comparative parameters (retrotopia, institutional trust, planning horizon, generational divides); and to ascertain the factors accounting for similarities and differences. Methods. The theoretical framework is Yu.G. Volkov's concept of the sociology of the future, which implies a shift from forecasting to the active formation of the image of the future through sociological diagnosis and scenario thinking. A secondary analysis of data from Pew Research Center, VCIOM, Levada Center, the European Commission, SINUS-Institut, Ipsos, CEEW, and the Edelman Trust Barometer was employed. The analysis was conducted along three axes: «trust/anxiety» «past/future» and «collectivism/individualism». Findings. Four ideal types are identified: «retrotopian» (Russia), «techno-optimistic with elements of nostalgia» (China), «crisis pluralism» (USA and Europe), and «ambivalent optimism» (India). A common feature of all countries is the rise of retrospective sentiments; however, the mechanisms and depth of this process differ. Russia exhibits the most pronounced retrotopian orientation (62 %), China demonstrates sustained techno-optimism, and India presents a unique combination of optimism (66 % believe the country is headed in the right direction) and strong nostalgia for the past. Conclusions. The image of the future is becoming a key arena for political and cultural competition. The comparative perspective shows that a society's ability to construct an inspiring vision of tomorrow directly affects its mobilizational potential. Further research should focus on the mechanisms of transforming tactical optimism into strategic goal setting across different national contexts.

Keywords: image of the future, retrotopia, technological sovereignty, institutional trust, social imagination, generational gap, techno-optimism.

***Funding**:* The article was prepared as part of the implementation of the state research assignment «The Future of Russian civilization: development scenarios until 2050». Code: FSZG-2026-0018. Registration number: 1025122600008-7-5.9.1.

Введение.

Проблематика образа, будущего в последние годы приобрела не только теоретическое, но и острое практическое измерение. Как справедливо отмечал Ю.Г. Волков, социология будущего призвана не просто прогнозировать, но и активно формировать образ будущего через социологический диагноз, экспертизу и сценарное мышление [1, с. 14–30; 2, с. 13–20].

Однако образ будущего в разных социокультурных контекстах имеет отличительные особенности, сформировавшиеся под влиянием исторического опыта, институционального своеобразия и системы ценностных ориентаций той или иной страны. Цель настоящей статьи – на основе эмпирических данных социологических исследований 2023–2026 гг. провести сравнительный анализ образов будущего в России, США, Китае, странах Европейского союза и Индии, выделив как общие тренды, так и национальные особенности.

Методы. Вслед за подходом, развиваемым российскими исследователями Ю.Г. Волковым, Р.В. Петуховым и Т.А. Нестиком, мы рассматриваем образ будущего как многокомпонентный конструкт, включающий когнитивный, эмоциональный и нормативно-ценностный уровни [1; 9; 6]. Методологически значимым представляется разграничение «образов будущего», как устойчивых ценностно-культурных конструктов, и «представлений о будущем», как ситуативных ожиданий [9, с. 15–18].

Эмпирическую базу исследования составляют:

- Для США: данные Pew Research Center [20], исследование Wall Street Journal/NORC [22];
- Для Европы: отчёт Европейской комиссии «Resilience – The future of Europe as seen by EU citizens (2025) [14], исследование SINUS-Institut для Allianz Foundation [21];
- Для Китая: глобальный опрос China Daily [12], а также исследования образов будущего китайских студентов [15];
- Для Индии: данные Ipsos Global Advisor [16]; исследование Ipsos «Is Life Getting Better?» [17]; отчёт «Our Future India» [11]; данные Ipsos Global Trends 2025 по Индии [18];
- Для России: данные ВЦИОМ, Левада-центра (признан в РФ иностранным агентом), Института социологии ФНИСЦ РАН [3];
- Глобальные сравнительные данные: Edelman Trust Barometer 2025 [13], IPSOS «What Worries the World 2025 [16].

Анализ проводился в сравнительной перспективе с выделением сквозных осей: «доверие/тревога», «прошлое/будущее», «коллективизм /индивидуализм».

Обсуждение.

В США исследование Pew Research Center выявило интересный факт: 45 % взрослых американцев предпочли бы жить в прошлом, и только 14 % – в будущем [20, с. 21–26]. При этом 25 % хотели бы жить в прошлом менее 50 лет назад, а 20 % – 50 и более лет назад. Лишь 9 % выбрали бы будущее на 50 и более лет вперёд [20, с. 22–26].

Эти данные коррелируют с результатами опроса Wall Street Journal/NORC (2025), согласно кото-

© Тарасенко Л.В.

рым почти 70 % американцев больше не верят в «Американскую мечту», основанную на убеждении, что трудолюбие гарантирует успех [22, с. 10–17]. Доля тех, кто считает, что у них есть высокие шансы улучшить свой уровень жизни, снизилась почти до 25 % – самый низкий показатель с 1987 года [22, с. 18–20].

Американский технологический оптимизм парадоксален: он высок в абстрактном измерении, но не конвертируется в личную уверенность за будущем. 82 % американцев верят в положительную роль науки для общества в целом, но когда речь заходит о будущем, более трёх четвертей респондентов не уверены, что следующее поколение будет жить лучше, чем они сами [22, с. 20–21].

Западноевропейский образ будущего характеризуется внутренней напряжённостью. Отчёт Европейской комиссии «Resilience – The future of Europe as seen by EU citizens» (2025) выявляет восемь основных областей вызовов, причём климат и демократия выступают как сквозные темы [14, с. 10–12]. Граждане выражают как оптимистические, так и пессимистические сценарии: институциональный коллапс, авторитарный дрейф, климатическая катастрофа и социальная фрагментация [14, с. 13–17].

Исследование SINUS-Institut для Allianz Foundation (2025) показывает, что молодое поколение европейцев по своим взглядам на будущее неоднородно: большинство выступает за глубокие социальные и экологические преобразования, но, определенная часть, тоскует по возвращению к «лучшему» прошлому [21, с. 11–13]. Подавляющее большинство молодых европейцев отвергает радикальные позиции и привержено фундаментальным демократическим ценностям [21, с. 21–23].

Китайский образ будущего демонстрирует принципиально иную конфигурацию. Глобальный опрос China Daily (2025), охвативший 12400 респондентов из 31 страны, показывает, что почти половина (49,07 %) китайских граждан считают, что Китай станет ведущей экономической силой мира в ближайшие десять лет. В технологической сфере Китай, по мнению респондентов, лидирует в восьми прикладных областях – от новых энергоносителей и искусственного интеллекта до 6G и электромобилей [12, с. 14–15].

Исследования показывают, что китайский нарратив «великого возрождения китайской нации» активно конструируется через обращение к коллективной памяти и образу желаемого и достижимого будущего [15, с. 4–8]. Китайский нарратив использует прошлое как ресурс для модернизации: «возрождение» подразумевает возвращение к статусу великой державы, но в новых технологических и экономических формах.

Индийский случай представляет наиболее парадоксальную конфигурацию образа будущего. С одной стороны, Индия демонстрирует высокий уровень оптимизма относительно своего будущего. Согласно опросу Ipsos Global Advisor (октябрь 2025 г.), 66 % граждан Индии считают, что страна движется в правильном направлении, и это ставит Индию в число наиболее оптимистичных рынков Азиатско-Тихоокеанского региона (четвёртое место в мире по уровню оптимизма среди городского населения) [16, с. 6–8]. Отчёт «Our Future India» (2025), подготовленный при поддержке CEEW и Фонда ООН показывает, что 72 % молодых индийцев ожидают, что страны Глобального Юга, включая Индию, ЮАР и Бразилию, усилят влияние в формировании глобальных решений в ближайшее десятилетие [11, с. 7–10; с. 12–17).

Однако за громкими цифрами национального оптимизма скрывается глубокая структурная поляризация. С одной стороны, 59 % молодых индийцев в возрасте 18–25 лет видят свое будущее в предпринимательстве и IT-секторе. С другой стороны, для сельской бедноты, низших каст и работников неформального сектора будущее часто выглядит не как пространство надежды, а как зона воспроизводства бедности и социальной иерархии. Разные группы населения фактически живут в разных исторических эпохах, а, следовательно, имеют радикально разные образы завтрашнего дня.

Наряду с оптимистическими, у индийцев присутствует значительный процент «ностальгических» взглядов на будущее. Исследование Ipsos «Is Life Getting Better?» (2025), охватившее 23772 взрослых в 30 странах, показало, что значительная доля индийцев считает, что жизнь в 1975 году была лучше, чем в 2025 году. При этом многие из них не имеют личного опыта жизни в тот период [18]. Иронично, но 1975 год – это также год введения в Индии чрезвычайного положения, когда были приостановлены основные права, введена цензура и заключены в тюрьмы лидеры оппозиции.

Что касается технологий, то 65 % индийцев считают, что искусственный интеллект позитивно влияет на мир, однако, одновременно многие выражают обеспокоенность по поводу возможных непредвиденных последствий [19].

Таким образом, индийский образ будущего представляет собой уникальное сочетание: высокая вера в будущее страны и её глобальную роль сосуществует с сильной ностальгией по прошлому.

Российский образ будущего характеризуется доминированием ретроутопической ориентации: для 62 % россиян образец будущего помещён в советском прошлом [7]. При этом 61 % предпочитают позитивные сценарии, включающие технологический прогресс и развитие медицины [4, с. 13–16]. Запрос на технологический суверенитет вырос до 76 % [5], однако, 41 % опасаются цифровой идентификации [3].

© Тарасенко Л.В.

Институциональное доверие в России имеет ярко выраженный персонализированный характер: уровень доверия к президенту и армии превышает 70 %, тогда как к большинству других институтов не достигает и 40 % [3]. Это формирует феномен «узкой воронки ответственности», когда образы долгосрочного будущего замыкаются на фигуру первого лица государства.

Поколенческий разрыв в России проявляется в противоречии между запросом старших поколений на закрытость и самодостаточность и стремлением почти трети молодёжи к большей открытости миру [8].

Результаты.

Полученные в ходе сравнительного анализа эмпирические данные позволяют выделить сквозные теоретические оси.

Ось «доверие/тревога»: на Западе накоплен колоссальный дефицит институционального доверия, что порождает образ будущего как зоны риска. В Китае и, пусть с оговорками, в Индии высокий уровень доверия к государству или традиционным институтам служит амортизатором. Россия занимает промежуточное положение: доверие к президенту и армии, в отличие от других социальных институтов, высоко (свыше 70 %, ВЦИОМ), что создаёт специфический образ будущего, замкнутого на фигуру первого лица.

Ось «прошлое/будущее»: Запад и Индия ориентированы в будущее: первый – с опаской, вторая – с надеждой, но оба принимают завтрашний день как нечто новое. Россия и Китай, напротив, склонны искать образцы для завтрашнего дня в прошлом (имперское величие, советский космизм, конфуцианская гармония и т.п.). Разница в том, что китайское возрождение прошлого инструментально и вписано в план, а российское обращается к прошлому как к эмоциональному убежищу от неопределённости.

Ось «коллективизм/индивидуализм» в воображении будущего: в США и Европе доминирует проект индивидуального спасения (экологичный образ жизни, превентивная медицина, цифровая автономия). В Китае и России образ будущего явно коллективистский – он связан с судьбой нации, государства. Индия представляет собой гибрид: личный успех мыслится в рамках семейно-кастовой группы.

Технологический разлом: повсеместно ИИ и автоматизация занимают центральное место, но их эмоциональная окраска диаметрально противоположна. Западный человек боится потерять приватность и смысл жизни. Россиянин ждёт от технологий оборонной безопасности, но опасается чипирования. Китаец принимает технологии с энтузиазмом, поскольку они олицетворяют государственную мощь. Индиец видит в них социальный лифт, позволяющий вырваться из бедности.

Сравнительный анализ позволяет выделить четыре обобщенных типа образа будущего, доминирующих в рассмотренных странах.

Первый тип – «ретроутопический» (Россия): характеризуется доминированием образа, желаемого будущего, локализованного в прошлом, персонализированной моделью институционального доверия, коротким горизонтом планирования и высоким запросом на технологический суверенитет при одновременной тревоге перед инновациями.

Второй тип – «технооптимистический с элементами ностальгии» (Китай): прошлое выступает не как убежище, а как ресурс для модернизации и национального возрождения. Технологический прогресс воспринимается как безусловное благо и инструмент достижения глобального лидерства. Институциональное доверие сохраняется на высоком уровне, а горизонт планирования простирается на десятилетия вперёд.

Третий тип – «кризисный плюрализм» (США и Европа): характеризуется эрозией доверия к социальным институтам, пессимизмом относительно экономических перспектив, политической поляризацией и внутренней напряжённостью между запросом на трансформацию и ностальгическими настроениями.

Четвёртый тип – «амбивалентный оптимизм» (Индия). Представляет собой уникальную конфигурацию, в которой высокий уровень оптимизма относительно будущего страны и её глобальной роли сосуществует с сильной ностальгией по прошлому, воспринимаемому как более простое и гармоничное время. В отличие от России, где ретроутопия является доминирующим модусом отношения к будущему, в Индии ностальгия не вытесняет оптимистические нарративы, а сосуществует с ними, создавая амбивалентную конструкцию.

Для всех рассмотренных стран характерна тенденция роста «ретроспективных» настроений. Однако механизмы этого различны. В США и Европе это связано с экономической неопределённостью и институциональным кризисом, в то время как в России – с геополитической изоляцией и ретроутопическими тенденциями, а в Индии – с ощущениями утраты социальной гармонии и общинных связей как результата модернизации. В Китае эти процессы практически отсутствуют благодаря устойчивому технооптимистическому настрою населения, включая молодежь.

Доверие к социальным институтам падает во многих странах, а тревога по поводу будущего становится всеобщей [13; 16]. Однако Россия, Китай и Индия выделяются на этом фоне более высоким уровнем доверия к государственным институтам и большей верой в будущее страны, хотя природа этого доверия различна. В России преобладает персонализированное институциональное доверие, в Китае – институционально-технократическое, в Индии – смешанное, сочe-

© Тарасенко Л.В.

тающее веру в национальный проект с критическим отношением к отдельным сторонам своей жизни.

Заключение.

Сравнительный анализ образов будущего в России, США, Китае, Европе и Индии показывает, что, несмотря на общие глобальные вызовы, национальные образы будущего формируются под влиянием специфических исторических, институциональных и культурных факторов. Россия демонстрирует наиболее выраженную ретроутопическую ориентацию, Китай – технооптимистический нарратив национального возрождения, США и Европа переживают кризис доверия и плюрализм противоречивых ожиданий, Индия представляет собой уникальный случай амбивалентного оптимизма, в котором вера в будущее сосуществует с сильной ностальгией по прошлому.

Образ будущего становится ключевым полем политической и культурной конкуренции. Способность общества сконструировать вдохновляющий и реалистичный образ завтрашнего дня напрямую влияет на его мобилизационный потенциал и устойчивость перед лицом вызовов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Волков Ю.Г. Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21. № 5. С. 14–30. EDN: WMMWNX
2. Волков Ю.Г. Сценарное мышление в социологической диагностике // Социологические исследования. 2016. № 10(390). С. 13–20. EDN: WVJOWB
3. ВЦИОМ. Аналитический обзор «Политический 2025-й: без перелома, но с надеждой». URL : https://wciom.ru (дата обращения 15.05.2026).
4. Гендиректор ВЦИОМ Фёдоров назвал «пять главных картин» будущего России // Аргументы и факты. 29.10.2025. URL : https://aif.ru/society/gendirektor-vciom-fyodorov-nazval-pyat-glavnyh-kartin-budushchego-rossii (дата обращения 20.06.2026).
5. Импортозамещение и наука (мониторинг ВЦИОМ). 2025. URL : wciom.ru (дата обращения 10.05.2026).
6. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. 657 с. DOI: 10.38098/soc_25_0493 ISBN: 978-5-9270-0493-5 EDN: SSDZEN
7. Образы прошлого будущего России. Аналитический доклад. Совместный проект ВЦИОМ и Музея современной истории России. URL : https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Obraz_Proshlogo_budus chego_Rossii_Doklad_11_06.pdf (дата обращения 10.05.2026).
8. Общественное мнение – 2025. Левада-центр (признан в РФ иностранным агентом). URL : https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2025 (дата обращения 20.04.2026).
9. Петухов Р. В. Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 1. С. 7–24. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.1 EDN: KSSRCV
10. Токарев А.А. Массовое сознание российской молодёжи: образ будущего // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 154–169. DOI: 10.17976/jpps/2024.06.11 EDN: URHHAF
11. CEEW & UN Foundation. Our Future India: A Youth-Driven Roadmap for Viksit Bharat 2047. New Delhi: Council on Energy, Environment and Water. 2025.
12. China Daily. (2025). The World in the Eyes of Generation Z: Global Youth Survey Research Report. Retrieved June 15, 2026. URL : from https://cn.chinadaily.com.cn/a/202511/15/WS69180c2ba310942cc4991906.html.
13. Edelman. Edelman Trust Barometer. 2025. Global Report. URL : https://www.edelman.com/trust
14. European Commission. Resilience – The future of Europe as seen by EU citizens. Publications Office of the European Union. 2025. DOI: 10.2760/8495633
15. Gudilina E.N. The Influence of Thematic Variation on the Interpretation of «Dream» Concept: Chinese Experience. Politeia. 2025. № 3. Retrieved from http://politeia.ru/english/content/avtorskij-ukazatel/-e.-n.gudilina. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-127-148 EDN: QKXWHJ
16. Ipsos. (2025a). Public perception about India's future further boosts in October. Ipsos Global Advisor. URL : https://www.ipsos.com/en-in/public-perception-about-indias-future-further-boosts-october
17. Ipsos. (2025b). Is Life Getting Better? A 30-Country Study on Nostalgia and Progress. Ipsos Global Advisor.
18. Ipsos. (2025c). Wonder, Worry, and the Weight of Choice: Ipsos Global Trends 2025 Reveals How Indians Navigate AI, Trade, and Life in a Rapidly Changing Economy. URL : https://www.ipsos.com/en-in/wonder-worry-and-weight-choice-ipsos-global-trends-2025-reveals-how-indians-navigate-ai-trade-and

© Тарасенко Л.В.

19. Ipsos. (2025d). What Worries the World. 2025. URL : https://www.ipsos.com
20. Pew Research Center. Far more Americans say they'd like to live in the past than in the future. 2025. URL : https://www.pewresearch.org
21. SINUS-Institut. Between Nostalgia and New Horizons: How Young Europeans Imagine and Shape the Future. Allianz Foundation. 2025. URL : https://www.sinus-institut.de/en/media-center/studies/allianz-foundation-2026.
22. Wall Street Journal / NORC. 2025. URL : https://www.norc.org

References:

1. Volkov Yu.G. Sociology of the Future: Approaches, Searches, Problems // Humanitarian of the South of Russia. 2016. Vol. 21. № 5. P. 14–30. EDN: WMMWNX
2. Volkov Yu.G. Scenario Thinking in Sociological Diagnostics // Sociological Research. 2016. № 10(390). P. 13–20. EDN: WVJOWB
3. VTsIOM. Analytical Review Political 2025: Without a Turning Point, but with Hope. URL : https://wciom.ru (date of application 15.05.2026).
4. VTsIOM Director General Fyodorov Named the «Five Main Pictures» of Russia's Future. Arguments and Facts. October 29, 2025. URL : https://aif.ru/society/gendirektor-vciom-fyodorov-nazval-pyat-glavnyh-kartin-budus hchego-rossii (date of application 20.06.2026).
5. Import Substitution and Science (VTsIOM Monitoring). 2025. URL : wciom.ru (date of application 10.05.2026).
6. Nestik, T.A. Collective Image of the Future: A Socio-Psychological Analysis. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2025. 657 p. DOI: 10.38098/soc_25_0493 ISBN: 978-5-9270-0493-5 EDN: SSDZEN
7. Images of Russia's Past and Future. Analytical Report. A joint project of VTsIOM and the Museum of Contemporary History of Russia. URL : https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Obraz_Proshlogo_budus chego_Rossii_Doklad_11_06.pdf (date of application 10.05.2026).
8. Public Opinion – 2025. Levada Center (recognized as a foreign agent in the Russian Federation). URL : https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2025 (date of application 20.04.2026).
9. Petukhov R.V. Images and ideas about the future in the dynamics of the mass consciousness of Russians in 2014–2023 // Sociological science and social practice. 2025. Vol. 13. № 1. P. 7–24. DOI: 10.19181/snsp. 2025.13.1.1 EDN: KSSRCV
10. Tokarev A.A. Mass consciousness of Russian youth: the image of the future // Polis. Political studies. 2024. № 6. P. 154–169. DOI: 10.17976/jpps/2024.06.11 EDN: URHHAF
11. CEEW & UN Foundation. Our Future India: A Youth-Driven Roadmap for Viksit Bharat 2047. New Delhi: Council on Energy, Environment and Water. 2025.
12. China Daily. (2025). The World in the Eyes of Generation Z: Global Youth Survey Research Report. Retrieved June 15, 2026. URL : from https://cn.chinadaily.com.cn/a/202511/15/WS69180c2ba310942cc4991906.html
13. Edelman. Edelman Trust Barometer. 2025. Global Report. URL : https://www.edelman.com/trust
14. European Commission. Resilience – The future of Europe as seen by EU citizens. Publications Office of the European Union. 2025. DOI: 10.2760/8495633
15. Gudilina E.N. The Influence of Thematic Variation on the Interpretation of «Dream» Concept: Chinese Experience. Politeia. 2025. № 3. URL : http://politeia.ru/english/content/avtorskij-ukazatel/-e.-n.gudilina DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-127-148 EDN: QKXWHJ
16. Ipsos. (2025a). Public perception about India's future further boosts in October. Ipsos Global Advisor. URL : https://www.ipsos.com/en-in/public-perception-about-indias-future-further-boosts-october
17. Ipsos. (2025b). Is Life Getting Better? A 30-Country Study on Nostalgia and Progress. Ipsos Global Advisor.
18. Ipsos. (2025c). Wonder, Worry, and the Weight of Choice: Ipsos Global Trends 2025 Reveals How Indians Navigate AI, Trade, and Life in a Rapidly Changing Economy. URL : https://www.ipsos.com/en-in/wonder-worry-and-weight-choice-ipsos-global-trends-2025-reveals-how-indians-navigate-ai-trade-and
19. Ipsos. (2025d). What Worries the World. 2025. URL : https://www.ipsos.com
20. Pew Research Center. Far more Americans say they'd like to live in the past than in the future. 2025. URL : https://www.pewresearch.org
21. SINUS-Institut. Between Nostalgia and New Horizons: How Young Europeans Imagine and Shape the Future. Allianz Foundation. 2025. URL : https://www.sinus-institut.de/en/media-center/studies/allianz-foundation-2026
22. Wall Street Journal / NORC. 2025. URL : https://www.norc.org

Информация об авторе

Тарасенко Лариса Викторовна
доктор социологических наук,
профессор,
учебно-научный центр
«Высшая политическая школа имени Ивана Ильина»
Российского государственного
гуманитарного университета
ORCID iD: 0000-0002-7589-0429
lvtarasenko@sfedu.ru

Larisa V. Tarasenko
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Educational and Research Center
«Ivan Ilyin Higher Political School»
Russian State University for the Humanities
ORCID iD: 0000-0002-7589-0429
lvtarasenko@sfedu.ru

© Тарасенко Л.В.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тарасенко Л.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-25
УДК 316.422

Attribution
cc by

ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА РЕЗИЛИЕНТНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ткачев А.А.[1], Хрипкова Д.В.[2], Хрипков К.А.[3]
[1]Издательство «Агентство перспективных научных исследований»,
[2, 3]Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. Исследование направлено на выявление факторов социальной нестабильности, порождаемых цифровизацией городской среды, и предлагает концептуальную модель, обеспечивающую адаптивность и устойчивость локальных сообществ в новых технологических реалиях. Актуальность темы обусловлена амбивалентным характером цифровизации: с одной стороны, она повышает эффективность городского управления и доступность услуг, с другой – порождает риски цифрового неравенства, киберугроз, сокращения рабочих мест, дегуманизации общения и утраты локальной идентичности. Темпы внедрения цифровых технологий зачастую опережают способность социальных институтов и локальных сообществ к адаптации, что ведет к размыванию традиционных социальных связей и росту отчуждения. Накопление подобных латентных конфликтов создает фундамент для социальной дестабилизации, делая уязвимой социальную связь даже технологически развитых городов. В данных условиях традиционные, преимущественно административные методы обеспечения стабильности теряют эффективность. Возникает объективная необходимость в поиске новых механизмов поддержания баланса. В работе систематизированы ключевые риски социальной дестабилизации и предложена комплексная шестикомпонентная модель резилиентности (инфраструктурная, человеческая, социальная, институциональная, культурная резилиентность и механизмы раннего предупреждения), а также методология её оценки через многомерную систему индикаторов.

Ключевые слова: цифровой социальный капитал, цифровая трансформация, резилиентность, локальные сообщества, цифровизация, гибридные риски, социальное неравенство.

***Финансирование**:* исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2026-0048 «Цифровой социальный капитал как фактор повышения устойчивости и инновационного потенциала региональных сообществ в России: формирование, конструирование и воспроизводство».

Original article

DIGITAL SOCIAL CAPITAL AS A BASIS FOR THE RESILIENCE OF LOCAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE URBAN ENVIRONMENT

Alexander A. Tkachev[1], Dianna V. Khripkova[2], Kirill A. Khripkov[3]
[1]Publishing House «Agency for Advanced Scientific Research»,
[2, 3]Belgorod State National Research University

Abstract. The research aims to identify the factors of social instability generated by the digitalization of the urban environment and offers a conceptual model that ensures the adaptability and sustainability of local communities in new technological realities. The relevance of the topic is due to the ambivalent nature of digitalization: on the one hand, it increases the efficiency of urban governance and the availability of services, on the other hand, it creates risks of digital inequality, cyber threats, job cuts, dehumanization of communication and loss of local identity. The pace of digital technology adoption often outstrips the ability of social institutions and local communities to adapt, leading to the erosion of traditional social ties and increased alienation. The accumulation of such latent conflicts creates the foundation for social destabilization, making the social connection vulnerable even in technologically advanced cities. Under these conditions, traditional, mainly administrative methods of ensuring stability are losing their effectiveness. There is an objective need to find new mechanisms for

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

maintaining balance. The paper systematizes the key risks of social destabilization and proposes a comprehensive six-component model of resistance (infrastructural, human, social, institutional, cultural resistance and early warning mechanisms), as well as a methodology for its assessment through a multidimensional system of indicators.

Keywords: digital social capital, digital transformation, resilience, local communities, digitalization, hybrid risks, social inequality.

***Funding**:* The research was carried out within the framework of the State Task project FZWG-2026-0048 «Digital social capital as a factor in increasing the sustainability and innovation potential of regional communities in Russia: formation, construction and reproduction».

Введение.

Ускоренная цифровизация городской среды обостряет необходимость комплексной оценки сопутствующих социальных рисков. Современные мегаполисы парадоксальным образом сочетают в себе роль локомотивов технологического развития и зон высокой социальной уязвимости. Интеграция цифровых решений – от интеллектуальных систем управления инфраструктурой до платформенной экономики – фундаментально меняет устоявшиеся социальные связи, трансформирует паттерны занятости, а также видоизменяет механизмы гражданского диалога и практики коллективного действия.

Актуальность темы детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов, характеризующих трансформацию городской среды в условиях цифровизации.

Во-первых, в современных условиях возрастания зависимости городской инфраструктуры (в том числе критической) от цифровых сервисов и систем, нарастают риски так называемых каскадных сбоев (кибератаки, технические отказы, алгоритмические ошибки) которые способны инициировать не только технологические, но и социальные кризисы – от дестабилизации логистических цепочек и систем энергоснабжения до эскалации общественной паники и снижения доверия к институтам власти.

Во-вторых, цифровизация усиливает социальное неравенство, что может привести к появлению «цифровых гетто», в которых отдельные группы или категории населении исключены из доступа к технологическим возможностям, что, в свою очередь, создаёт устойчивые очаги социальной напряжённости.

В-третьих, алгоритмизация управленческих решений, включая сферу городского администрирования, порождает риски снижения прозрачности и подотчётности властных процедур, что ослабляет механизмы социальной сплочённости.

Материалы и методы исследования. В отечественной науке исследование цифрового социального капитала в условиях цифровизации городской среды тесно связано с именем О.Н. Яницкого, который разработал метаболическую концепцию современного города, акцентируя внимание на его гибридной природе [6]. В дальнейшем эту исследовательскую традицию развивают Д.В. Ефременко, В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Е.А. Басова, Е.Л. Вартанова. Их работы сосредоточены на анализе социально-экологического метаболизма городских пространств и его трансформации в условиях нарастающей цифровизации [1; 2; 3].

Несмотря на достаточность разработанности темы исследования, в научном дискурсе сохраняются существенные пробелы. Ключевой из них – отсутствие комплексных моделей, интегрирующих цифровые инфраструктуры и социальные практики в анализе устойчивости: существующие концепции резилиентности ориентированы преимущественно на традиционные угрозы (техногенные, экологические) и недостаточно адаптированы к гибридным рискам, где технологические и социальные факторы взаимно детерминированы.

Также недостаточно исследована роль онлайн-сообществ в обеспечении городской резилиентности: механизмы их взаимодействия с офлайн-сетями, условия конвергенции солидарности и риски поляризации остаются не прояснёнными. В проблематике цифрового неравенства акцент смещён на доступ к технологиям, тогда как распределение выгод от цифровизации изучено фрагментарно.

Отдельную методологическую сложность представляет диагностика каскадных рисков, связывающих технические сбои с эскалацией социальных кризисов. Существующие подходы к управлению рисками часто фрагментированы: они либо фокусируются на технической устойчивости инфраструктуры, либо на социальных аспектах без учёта их взаимозависимости.

Теоретико-методологическую базу работы составляет междисциплинарная стратегия, синтезирующая принципы теории социобиотехнических систем [4].

Концепция социально-экологического метаболизма выступает дополнением к указанному подходу, предоставляя инструментарий для анализа потоков ресурсов, информации и энергии в пределах города. Это позволяет выявлять их воздействие на социальные структуры и практики, в том числе отслеживать трансформацию моделей потребления, распределения благ и коммуникации акторов под влиянием внедрения

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

цифровых технологий. Однако такой анализ неизбежно высвечивает и проблему пространственной и социальной асимметрии. Цифровая трансформация метаболических потоков часто приводит к концентрации ресурсов, сервисов и информационных преимуществ в благополучных городских анклавах.

В то же время, периферийные районы или уязвимые группы населения рискуют оказаться в позиции «ресурсных доноров» или зон цифрового исключения, что требует целенаправленной корректировки градостроительной и социальной политики для предотвращения фрагментации городского пространства.

В качестве общенаучных методов исследования задействованы системный анализ, обеспечивающий рассмотрение города как целостной системы с взаимозависимыми компонентами, и сравнительный метод, позволяющий проводить сопоставление локальных сообществ по параметрам резилиентности, конфигурации цифровых инфраструктур и специфике социальных практик.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», реализованного научным коллективом НИУ «БелГУ» в 2022 году при непосредственном участии авторов данной работы. В фокусе анализа находилось влияние цифровых технологий и платформ на трансформацию на формирование социального капитала и степень вовлеченности жителей в процессы городского управления. Массив данных позволил комплексно оценить, как позитивные эффекты, так и скрытые риски цифровой трансформации.

Результаты. Обсуждение. Современный город как сложная социобиотехническая система демонстрирует нарастающую динамику изменений под влиянием цифровой трансформации. В настоящее время развитие российских городов характеризуется противоречивыми тенденциями: с одной стороны, реализуются универсальные глобальные тренды цифровизации, с другой – сохраняется влияние локальных факторов (география, масштаб, уровень социально-экономического развития, этнокультурные особенности). Формирование цифрового социального капитала, объединяющих технологические, биологические и социальные компоненты, усиливает взаимозависимость элементов городской среды и порождает новые уязвимости.

Результаты эмпирического исследования, основанного на массовом анкетном опросе жителей Белгорода, Воронежа и Курска (N = 1500), демонстрируют высокий уровень интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь: около 80 % респондентов применяют их для решения базовых задач. Лидирующие позиции по частоте использования занимают сфера здравоохранения и получение государственных услуг (по 46,9 % ответов). Данные показатели отражают успешное развитие телемедицины, а также подтверждают результативность процессов институционализации электронного правительства (рис. 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Если Вам приходилось использовать цифровые технологии при решении своих проблем, то в каких случаях?», %

Следует отметить, что в целом опрошенные граждане оценивают результаты цифровизации «однозначно положительно» (55 %) либо с умеренным оптимизмом («скорее положительно, чем отрицательно» – 27,3 %). Этот факт свидетельствует о высокой степени адаптации общества к цифровым изменениям и признании их практической ценности в различных сферах жизни – от решения коммунальных вопросов до организации коммуникации. Примечательно, что

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

доля отрицательных оценок крайне низка – всего 2,6 %.

Несмотря на доказанные преимущества цифровизации и дигитализации в сфере управления урбанизированными территориями, выражающиеся в оптимизации сервисных процедур, повышении доступности публичных услуг и автоматизации административных процессов, их влияние на процессы комплексного роста цифрового социального капитала характеризуется внутренней противоречивостью.

С одной стороны, внедрение технологических инноваций способствует росту эффективности муниципального управления и улучшению индикаторов качества жизни; с другой – генерирует новый спектр социальных, психоэмоциональных и этико-ценностных вызовов, требующих системного научного осмысления и практического реагирования.

Около трети опрошенных (29,1 %) в различной степени выражают озабоченность последствиями внедрения цифровых технологий. Анализ распределения ответов позволяет реконструировать многомерную картину общественного восприятия. Значительная доля участников опроса (36 %) не идентифицирует оснований для тревоги, интерпретируя цифровизацию как имманентный этап эволюции городской инфраструктуры и акцентируя внимание на её утилитарном потенциале (рис. 2).

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Испытываете ли Вы беспокойство в связи с внедрением цифровых технологий?», %

Анализ причин, вызывающих у граждан тревогу, показал преобладающее направление их страхов. В частности, 29,3 % опрошенных считают основным источником беспокойства ужесточение контроля за их частной жизнью.

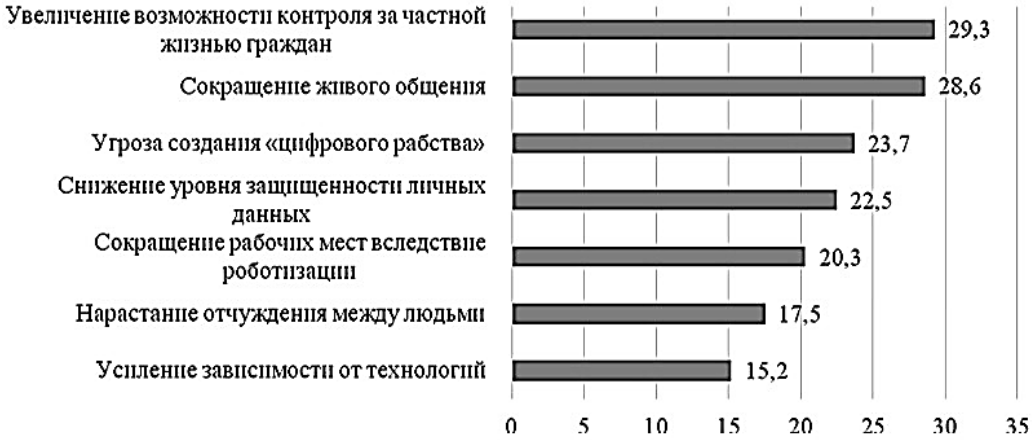

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если да (Вы испытываете беспокойство в связи с внедрением цифровых технологий), то каковы его главные основания?», %

Анализ данных свидетельствует о многогранном восприятии цифровых угроз в обществе. Наивысший уровень обеспокоенности вызывают вопросы конфиденциальности (29,3 %) и дефицит межличностного взаимодействия (28,6 %). В контексте гибридных рисков, особую значимость приобретает проблема утраты личной автономии: страхи «цифрового рабства» (23,7 %) и растущей технологической зависимости (15,2 %) демонстрируют, что респонденты интуитивно осознают угрозу превращения человека из самостоятельного субъекта в объект алгоритмического контроля.

Вместе с тем, 15 % респондентов эксплицируют выраженную озабоченность потенциальными рисками цифровизации, акцентируя внимание на угрозах кибербезопасности, эрозии приватности и усугублении цифрового неравенства.

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

Группа, составляющая 27 % опрошенных, демонстрирует сдержанно-оптимистичную позицию. При отсутствии выраженной тревожности респонденты данной категории признают наличие латентных угроз, что репрезентирует установку на осторожное принятие технологических инноваций.

Доля участников, склонных к выражению беспокойства (14 %), фиксирует нарастание опасений, не достигающих, однако, критических значений.

И наконец, 8 % респондентов затруднились с формулировкой позиции, что может интерпретироваться как индикатор недостаточной информированности либо амбивалентности восприятия проблематики цифровой трансформации.

Указанные общественные опасения получают теоретическое подтверждение в современных исследованиях. В частности, Г.А. Малышева отмечает: «Цифровизация социальной сферы требует выверенных шагов на каждом этапе ее осуществления, чтобы тотальный цифровой контроль не привел к ограничению основных демократических прав и свобод граждан. Цифровая революция не должна стать губительной инъекцией для общества; она призвана логически продолжить и обогатить развитие уже сложившегося общественно-экономического уклада.

Необходимо ясное понимание того, что оцифровка и переформатирование массового сознания в универсалистском ключе обладает мощным коррозионным потенциалом, который несет угрозу для социального и культурного пространства, поскольку алгоритмическая стандартизация ведет к атомизации индивида и подмене подлинных социальных связей суррогатами виртуального взаимодействия» [5]. Это разрушает ткани локальных сообществ, порождает глубокое отчуждение и снижает уровень социального доверия. Общество, лишенное живой коммуникации, становится уязвимым перед манипуляциями, превращаясь из совокупности граждан в массу изолированных потребителей контента

Таким образом, цифровая трансформация урбанизированных пространств генерирует дуалистический эффект где наряду с технологическими и управленческими инновациями она актуализирует комплекс рисков для социальной стабильности локальных сообществ. Интеграция интеллектуальных систем, автоматизация сервисных процедур, развитие платформенных решений и метавселенных фундаментально реконфигурируют структуру цифрового социального капитала, трансформируя паттерны социального взаимодействия и принципы распределения ресурсов, что требует системного учёта при проектировании механизмов обеспечения городской резилиентности.

В противном случае, игнорирование данных процессов неизбежно приведет к усилению цифрового разрыва и алгоритмической сегрегации, когда уязвимые группы населения (пожилые люди, малообеспеченные слои) окажутся исключенными из новых контуров распределения городских благ. Подлинная резилиентность, в данном контексте, должна означать не просто способность городской системы восстанавливаться после технологических сбоев, но и гарантировать инклюзивность, предотвращая превращение цифровых сервисов в инструмент маргинализации.

В сложившихся на сегодняшний день условиях, концепция резилиентности приобретает особую значимость, так как позволяет сместить фокус с пассивной устойчивости на динамические процессы адаптации цифрового социального капитала в городской среде. Резилиентность предполагает развитие механизмов самоорганизации, перераспределение ресурсов в кризисных ситуациях и реконфигурацию социальных сетей (в том числе цифровых). Например, онлайн-сообщества могут выступать каналами мобилизации поддержки, а платформенные решения инструментами координации локальных инициатив.

Вместе с тем, опора на цифровые сети несет в себе и специфические уязвимости, которые необходимо учитывать. Алгоритмическая поляризация, цифровой разрыв и риски распространения дезинформации в кризисные периоды могут не только нивелировать эффект самоорганизации, но и усугубить социальную фрагментацию. Поэтому развитие цифровой резилиентности требует параллельного внедрения механизмов цифровой и медиаграмотности, а также обеспечения кибербезопасности локальных сообществ.

Это подразумевает создание многоуровневых образовательных программ, интегрированных в инфраструктуру городского управления и системы непрерывного образования. Важную роль здесь играют партнёрские модели, объединяющие муниципалитеты, технологические компании, вузы и гражданские инициативы.

Только через скоординированные усилия можно сформировать устойчивую экосистему цифрового просвещения, которая обеспечит жителям не только технические навыки, но и развитое критическое мышление, необходимое для навигации в условиях информационной перегрузки и целевых манипуляций.

Для нивелирования угроз социальной дестабилизации, порождаемых форсированной цифровизацией социальной среды, объективной необходимостью становится разработка и внедрение комплексной модели повышения цифрового социального капитала, элементами которой являются:

Культурная резилиентность (сохранение идентичности и ценностей) – комплекс мер по поддержанию культурной идентичности и традиционных ценностей в условиях цифровой трансформации, которая включает:

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

– поддержку локальных цифровых практик и контента, отражающих специфику районов и сообществ;

– интеграцию культурно-исторического наследия в «умные» сервисы (разработку аудиогидов, цифровых архивов, интерактивных карт);

– продвижение ключевых ценностных установок (приватность, личная ответственность, критическое мышление в цифровой среде) через образовательные и информационные кампании.

2. Механизмы раннего предупреждения и реагирования – система инструментов для оперативного выявления и нейтрализации рисков социальной дестабилизации. Состоят из:

– регулярного мониторинга социальных рисков цифровизации (посредством социологических исследований, анализа больших данных, опросов населения);

– разработки системы «триггеров» для оперативного реагирования на кризисные ситуации (рост цифрового неравенства, кибератаки, социальные протесты);

– создания резервных (аналоговых) систем жизнеобеспечения на случай технологических сбоев или киберугроз.

3. Институциональная резилиентность (политико-управленческий уровень) – система институциональных механизмов, обеспечивающих легитимность и эффективность процессов цифровизации. Состоит из:

– разработки и реализации городских стратегий цифровизации, базирующихся на принципах инклюзивности, безопасности и социальной справедливости;

– вовлечения населения в процесс планирования и оценки «умных» проектов (через механизмы публичных слушаний, онлайн-опросов, обратной связи);

– создания этических комитетов для экспертной оценки социальных последствий внедрения новых технологий;

– совершенствования нормативно-правовой базы в сфере защиты персональных данных, кибербезопасности и обеспечения цифрового равенства.

Заключение.

Выполненный комплекс теоретико-методологических и прикладных задач подтвердил, что устойчивость современных городов определяется не столько технологической оснащенностью инфраструктуры, сколько качеством социальных связей, воспроизводимых в цифровой среде.

Ключевыми рисками, выявленными в ходе исследования, выступают:

– цифровое неравенство, ведущее к формированию «цифровых гетто» и исключению отдельных социальных групп из городской жизни;

– угрозы кибербезопасности и приватности, подрывающие доверие к цифровым платформам; сокращение рабочих мест вследствие автоматизации и роботизации, провоцирующее рост прекаризации труда;

– дегуманизация социальных связей из-за замещения живого общения виртуальным взаимодействием;

– нарастание отчуждения и психоэмоционального стресса, связанного с информационной перегрузкой и технологической зависимостью;

– угроза утраты локальной идентичности под влиянием стандартизации сервисов и доминирования глобальных цифровых платформ;

– поляризация общественного мнения и риск социальных конфликтов, вызванных противоречивым восприятием цифровизации.

Цифровой социальный капитал перестает быть побочным продуктом технологического прогресса и превращается в стратегический актив городской и региональной политики. Его осознанное конструирование, институционализация и воспроизводство выступают необходимым условием нейтрализации рисков социальной дестабилизации, перехода к проактивной резилиентности и обеспечения устойчивого, инновационно ориентированного развития локальных сообществ в цифровую эпоху.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

Литература:

1. Бабинцев В.П. Систематизация факторов, определяющих воздействие городской социобиотехнической системы на субкультурные процессы / В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 15–19. DOI: 10.23672/k2479-2205-4600-nEDN: EVOLJO
2. Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 4. DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.4 EDN: XXUDPQ
3. Вартанова Е.Л. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML
4. Ефременко Д.В. О социобиотехнических системах / Д.В. Ефременко, П.О. Ермолаева, О.Н. Яницкий // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5 EDN: ZKEUPR
5. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 40–46.
6. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2 EDN: ZAKIAH

References:

1. Babintsev V.P. Systematization of factors determining the impact of the urban sociobiotechnical system on subcultural processes / V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 15–19. DOI: 10.23672/k2479-2205-4600-nEDN: EVOLJO
2. Basova E.A. Digital inequality in Russian regions: current problems and ways to overcome // Issues of territorial development. 2021. Vol. 9. № 4. DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.4 EDN: XXUDPQ
3. Vartanova E.L. Digital inequality, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and policy decisions // Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism. 2021. № 1. P. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML
4. Efremenko D.V. On sociobiotechnical systems / D.V. Efremenko, P.O. Ermolaeva, O.N. Yanitsky // Questions of Philosophy. 2019. № 5. P. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5 EDN: ZKEUPR
5. Malysheva G.A. On the socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society // Power. 2018. Vol. 26. № 1. P. 40–46.
6. Yanitskiy O.N. Challenges and risks of globalization. Seven theses // Sociological research. 2019. № 1. P. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2 EDN: ZAKIAH

Информация об авторах

Ткачев Александр Анатольевич
кандидат социологических наук,
руководитель издательства
«Агентство перспективных научных исследований»
dorogi27@gmail.com

Хрипкова Дианна Вазгеновна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
davtyan@bsuedu.ru

Хрипков Кирилл Александрович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры международных отношений,
зарубежного регионоведения и политологии,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
khripkov@bsuedu.ru

Alexander A. Tkachev
Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Publishing House
«Agency for Advanced Scientific Research»
dorogi27@gmail.com

Dianna V. Khripkova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Technologies and Public Administration,
Belgorod State National Research University
davtyan@bsuedu.ru

Kirill A. Khripkov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of International Relations,
Foreign Regional Studies and Political Science,
Belgorod State National Research University
khripkov@bsuedu.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-26
УДК 316.4.06

Attribution
cc by

БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Турдимурадова Г.Р.
Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию брачных стратегий мигрантов в современном российском обществе. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению брачного поведения, а также специфика формирования брачных стратегий в условиях миграции. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований семьи, брака и миграции уточняется содержание понятия «брачная стратегия мигрантов». Предлагается авторская модель формирования брачных стратегий, включающая институциональный, социокультурный, социально-экономический и миграционный уровни анализа. Обосновывается положение о том, что брачные стратегии мигрантов выступают не только элементом семейно-брачного поведения, но и важным механизмом социальной адаптации, интеграции и воспроизводства этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: брачные стратегии мигрантов, миграция, семейно-брачные отношения, социальная интеграция, адаптация мигрантов, этнокультурная идентичность, межэтнические браки, транснациональные семьи, социальные институты, миграционные процессы.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

MARRIAGE STRATEGIES OF MIGRANTS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: THEORETICAL APPROACHES AND FORMATION FACTORS

Gulmira R. Turdimuradova
North-Caucasus Federal University

Abstract. The article examines marriage strategies of migrants in contemporary Russian society. It explores the main theoretical approaches to the study of marital behavior and analyzes the specific features of marriage strategy formation in the context of migration. Drawing upon Russian and international studies on family, marriage, and migration, the author clarifies the concept of «marriage strategies of migrants». The article proposes an original model of marriage strategy formation that includes four analytical levels: institutional, sociocultural, socioeconomic, and migration-related. It is argued that migrants' marriage strategies represent not only an element of family and marital behavior but also an important mechanism of social adaptation, integration, and the reproduction of ethnocultural identity.

Keywords: marriage strategies of migrants, migration, family and marital relations, social integration, migrant adaptation, ethnocultural identity, interethnic marriages, transnational families, social institutions, migration processes.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Несмотря на значительный объем исследований, посвященных миграции, семье и браку, брачные стратегии мигрантов остаются недостаточно разработанным направлением в отечественной социологии. Большинство работ сосредоточено на вопросах адаптации мигрантов, транснациональных семей, межэтнических отношений и демографических последствий миграции, тогда как механизмы формирования брачных стратегий мигрантов требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Цель статьи заключается в анализе теоретических подходов к изучению брачных стратегий

© Турдимурадова Г.Р.

мигрантов и систематизации факторов, определяющих их формирование в современном российском обществе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– рассмотреть основные теоретические подходы к изучению брачных стратегий;

– определить специфику брачных стратегий мигрантов как объекта социологического анализа;

– выявить ключевые факторы формирования брачных стратегий мигрантов.

Научная новизна исследования заключается в систематизации факторов формирования брачных стратегий мигрантов посредством выделения институционального, социокультурного, социально-экономического и миграционного уровней анализа.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при дальнейшем изучении миграционных процессов, семейно-брачных отношений и механизмов интеграции мигрантов в российское общество.

Методология.

Методологическую основу исследования составляют положения социологической теории семьи и брака, концепции миграционных процессов, а также подходы к изучению стратегического поведения социальных акторов.

В качестве теоретического фундамента использованы положения теории рационального выбора, позволяющей рассматривать брачное поведение как результат принятия решений в условиях ограниченных ресурсов и возможностей, структурно-функционального подхода, акцентирующего внимание на роли семьи как социального института, а также концепции социальной интеграции мигрантов.

Исследование основано на методах теоретического анализа и синтеза научной литературы, сравнительном анализе отечественных и зарубежных исследований семьи, брака и миграции, а также на методе концептуализации, направленном на выявление и систематизацию факторов формирования брачных стратегий мигрантов.

Информационную базу исследования составили научные публикации российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам миграции, транснациональных семей, межэтнических браков, социальной адаптации мигрантов и трансформации семейно-брачных отношений в условиях миграционных процессов.

Использование указанных методологических подходов позволило рассмотреть брачные стратегии мигрантов как сложный социальный феномен, формирующийся под воздействием комплекса институциональных, социокультурных, социально-экономических и миграционных факторов.

Обсуждение.

В современной социологии брачные стратегии рассматриваются как совокупность устойчивых установок, моделей поведения и практик, определяющих процесс выбора брачного партнера и создания семьи.

В отличие от психологических интерпретаций, акцентирующих внимание на индивидуальных предпочтениях, социологический подход позволяет анализировать брачный выбор как результат взаимодействия социальных структур, культурных норм, институциональных ограничений и индивидуальных ресурсов.

Одним из наиболее влиятельных подходов к изучению брачного поведения является теория рационального выбора. Значительный вклад в ее развитие внес Г. Беккер, рассматривавший брак как форму социального взаимодействия, в рамках которой индивиды стремятся максимизировать ожидаемые выгоды от семейного союза. Согласно данному подходу: «Выбор брачного партнера осуществляется с учетом имеющихся ресурсов, социального статуса, образования, профессионального положения и иных характеристик, обладающих ценностью на «брачном рынке» [3, с. 125].

Брачная стратегия, в данном случае, выступает как результат рационального соотнесения потенциальных выгод и издержек брачного выбора.

Вместе с тем, объяснение брачного поведения исключительно через призму рациональности представляется недостаточным. Существенное значение имеют социальные механизмы воспроизводства неравенства и групповых границ. В этой связи, особый интерес представляет концепция П. Бурдье, согласно которой брачный выбор является одним из механизмов воспроизводства различных форм капитала – экономического, социального и культурного. «Через брачные практики осуществляется не только формирование семьи, но и сохранение социальных позиций, статуса и символических ресурсов. В результате выбор партнера оказывается обусловлен не только личными предпочтениями, но и стремлением сохранить или повысить объем имеющегося капитала, что способствует воспроизводству социальной структуры общества» [4, с. 125].

Важное место в исследовании брачных стратегий занимают концепции трансформации семьи и интимности, разработанные Э. Гидденсом. В работе «Трансформация интимности» ученый указывает на постепенный переход от традиционных моделей брака, основанных на нормативных предписаниях и коллективном контроле, к

© Турдимурадова Г.Р.

отношениям, основанным на личном выборе, эмоциональной близости и индивидуальной самореализации [5, с. 71]. «В условиях модернизации возрастает роль субъективных предпочтений индивида, а брачный союз все чаще рассматривается как результат свободного выбора партнеров» [5, с. 85].

В работах В.М. Пешковой показано, что семья выступает одним из ключевых ресурсов адаптации мигрантов, одновременно сохраняя функцию воспроизводства этнокультурной идентичности. «В условиях миграции брачные практики становятся механизмом поддержания социальных связей внутри этнической группы, а также инструментом интеграции в принимающее общество» [8, с. 125].

Аналогичные процессы отмечает В.Ю. Леденева, указывая на трансформацию семейных ролей, брачных установок и критериев выбора супруга под воздействием миграционного опыта [6, с. 151].

Таким образом, существующие теоретические подходы позволяют рассматривать брачные стратегии мигрантов как многомерный социальный феномен, формирующийся под воздействием, как индивидуальных мотивов, так и структурных факторов.

Брачный выбор мигрантов определяется не только рациональными расчетами и личными предпочтениями, но и влиянием этнокультурной среды, социальных институтов, миграционного опыта и процессов социальной интеграции.

В современных социальных исследованиях миграция рассматривается не только как территориальное перемещение населения, но и как процесс трансформации социальных связей, жизненных практик и механизмов социального воспроизводства. «Миграция и мигранты – это, пожалуй, одна из главных тем в современной России. Ее активно обсуждают политики и журналисты, эксперты и пользователи Интернета, жители разных регионов и люди всех профессий» [1, с. 5].

Одной из сфер, наиболее чувствительных к воздействию миграционных процессов, выступает институт семьи. В этой связи, особый исследовательский интерес представляет изучение брачных стратегий мигрантов, отражающих особенности выбора брачного партнера и построения семейных отношений в условиях изменяющейся социальной среды.

Несмотря на активное развитие исследований семьи и миграции, понятие «брачная стратегия мигрантов» до настоящего времени не получило однозначной интерпретации в отечественной социологии. Анализ существующих научных работ показывает, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на изучении межэтнических браков, транснациональных семей, семейной адаптации мигрантов и трансформации гендерных ролей [1, 2, 6, 7]. Вместе с тем, брачные стратегии мигрантов как самостоятельный объект социологического анализа остаются недостаточно концептуализированными.

В рамках настоящего исследования, под брачной стратегией мигрантов предлагается понимать совокупность установок, мотивов и практик выбора брачного партнера, формирующихся под воздействием миграционного опыта и направленных на достижение целей семейного, социального и культурного воспроизводства в условиях принимающего общества.

Предлагаемое определение позволяет рассматривать брачные стратегии не как единичный акт заключения брака, а как длительный процесс, включающий формирование брачных предпочтений, выбор потенциального партнера, оценку социальных ресурсов, согласование семейных ожиданий и адаптацию к изменяющимся условиям социальной среды.

Специфика брачных стратегий мигрантов обусловлена тем, что процесс выбора брачного партнера осуществляется в условиях взаимодействия как минимум двух нормативно-ценностных систем – культуры страны происхождения и культуры принимающего общества. В результате, мигрант оказывается включенным в пространство множественных социальных ожиданий, которые могут как дополнять, так и противоречить друг другу. «Транснациональные семьи, существующие на грани двух или более культурных контекстов, сталкиваются с вызовами экономического и социально-психологического характера» [6, с. 149].

С одной стороны, мигранты сохраняют ориентацию на нормы и ценности, усвоенные в стране происхождения. С другой стороны, включение в социальные институты принимающего общества способствует трансформации брачных установок и расширению круга потенциальных брачных партнеров. В результате формируются различные модели брачного поведения, выбор которых зависит от совокупности социальных условий и ресурсов мигранта. Это актуализирует необходимость анализа факторов, определяющих формирование брачных стратегий мигрантов в современном российском обществе.

Результаты.

Проведенный анализ теоретических подходов и исследований семьи в условиях миграции позволяет утверждать, что брачные стратегии мигрантов формируются под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. При этом, влияние каждого из них не является изолированным: в реальной социальной практике они взаимодействуют между собой, определяя особенности брачного выбора, характер семейных отношений и направления социальной интеграции мигрантов.

В рамках настоящего исследования предлагается авторская модель факторов формирования

© Турдимурадова Г.Р.

брачных стратегий мигрантов, включающая четыре аналитических уровня:

– институциональный;

– социокультурный;

– социально-экономический;

– миграционный.

Использование данной модели позволяет рассматривать брачное поведение мигрантов как результат одновременного воздействия макросоциальных условий, групповых норм и индивидуальных ресурсов.

К институциональным факторам относятся особенности миграционного законодательства, правовой статус мигрантов, государственная политика в сфере миграции и семьи, а также функционирование социальных институтов принимающего общества. Правовой статус оказывает непосредственное влияние на жизненные стратегии мигрантов, включая семейно-брачную сферу. Возможности получения разрешения на проживание, гражданства, доступа к образованию и рынку труда во многом определяют перспективы долгосрочного проживания в принимающей стране и, следовательно, влияют на брачные намерения индивидов. «Фокус проблем миграционной политики России смещается в социально-культурную сферу, особое значение приобретают вопросы социализации мигрантов» [7, с. 35].

К социокультурным обстоятельствам, как правило, относят этнические обычаи, религиозные нормы, семейные ценности и то, что в конкретной среде считается приемлемым в брачном поведении. Если посмотреть на исследования семей мигрантов, становится ясно: именно социокультурный фон чаще всего диктует, каким должен быть будущий супруг и насколько вообще допустимы межэтнические союзы.

В традиционных мигрантских кругах до сих пор сильны установки на эндогамию, то есть брак предпочтительно заключать внутри своей этнической или религиозной группы, что помогает сохранять этнокультурные границы. «Однако, как только мигранты начинают активнее включаться в новую социальную среду, расширяют круг повседневных контактов и взаимодействуют с разными институтами принимающего общества, старые представления о выборе партнёра нередко пересматриваются, и вероятность межэтнических браков заметно возрастает» [9, с. 141].

Кроме того, большую роль в том, как складываются брачные стратегии, играют родственные связи и семейные сети. Во многих сообществах мигрантов семья по-прежнему остаётся непосредственным участником выбора партнёра – она может влиять на этот процесс через одобрение или неодобрение, через механизмы социального контроля, а иногда и через прямое давление.

В социально-экономических характеристиках важны и уровень образования, и род занятий, и материальное положение, и жилищные условия, и даже перспективы социального роста. Все эти факторы определяют, какими ресурсами располагает человек, когда решает вступить в брак.

Миграционный опыт и позволяет выделить брачные стратегии мигрантов в отдельную тему для социологического анализа, потому что условия адаптации, характер социальных связей и сохранение отношений со страной исхода – всё это формирует свои, особые механизмы выбора, которых просто нет у местного населения. Чем дольше человек живёт в новой стране, тем шире становится его социальный круг, тем больше меняются его брачные установки и тем выше шансы, что модели семейного поведения будут трансформироваться.

Отдельно стоит сказать о поколенческом аспекте – принадлежность к первому, второму или третьему поколению мигрантов здесь имеет огромное значение, и подход к браку у разных поколений может различаться кардинально, в результате которых обычно формируются гибридные модели брачного поведения, сочетающие элементы различных культурных систем.

Таким образом, брачные стратегии мигрантов формируются под воздействием совокупности институциональных, социокультурных, социально-экономических и миграционных факторов.

Таблица 1

Влияние факторов на формирование типов брачных стратегий мигрантов

Группа факторов	Преобладающее влияние	Вероятный тип брачной стратегии
Сильное влияние этнических и религиозных норм, высокая роль семьи и родства	Ориентация на сохранение этнокультурной идентичности	Эндогамная стратегия
Сочетание традиционных норм и интеграции в принимающее общество	Комбинация групповой идентичности и индивидуального выбора	Смешанная стратегия
Высокий уровень образования, длительное проживание в России, развитые межэтнические контакты	Ориентация на расширение социальных возможностей	Экзогамная стратегия
Высокая зависимость от миграционных сетей и транснациональных связей	Поддержание социальных отношений со страной происхождения	Транснациональная стратегия

© Турдимурадова Г.Р.

Предлагаемая модель позволяет рассматривать данные факторы как взаимосвязанные уровни единой системы, в рамках которой осуществляется брачный выбор.

Практическая значимость предложенной модели заключается в возможности ее использования в качестве аналитической рамки для эмпирических исследований брачных стратегий мигрантов, а также для дальнейшего изучения взаимосвязи миграционных и семейно-брачных процессов в современном российском обществе.

Заключение.

На основе анализа отечественных и зарубежных исследований уточнено понимание брачных стратегий мигрантов как совокупности установок, мотивов и практик выбора брачного партнера, формирующихся под воздействием миграционного опыта и направленных на достижение целей семейного, социального и культурного воспроизводства в условиях принимающего общества.

Основным результатом исследования стала разработка авторской модели факторов формирования брачных стратегий мигрантов, включающей институциональный, социокультурный, социально-экономический и миграционный уровни анализа. Показано, что брачный выбор мигрантов определяется не отдельными обстоятельствами, а совокупностью взаимосвязанных факторов, влияние которых может различаться в зависимости от конкретного миграционного контекста.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенной модели на материалах различных групп мигрантов, проживающих в России, а также с изучением влияния поколения мигрантов, гендерных различий и особенностей регионального контекста на формирование брачных стратегий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13. EDN: PCPDNV
2. Барсукова Т.И. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов / Т.И. Барсукова, Л.А. Часовская // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 7–12. EDN: WGHUMR
3. Беккер Г.С. Выбор партнера на брачных рынках / Г.С. Беккер Пер. Б.А. Максименко. Кембридж : Издательство Гарвардского университета, 1991. № 4. С. 108–134.
4. Бурдье П. Практический смысл / П. Бурдье; Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с. («Gallicinium»). ISBN: 5-88329-351-7 EDN: QOGTMH
5. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
6. Леденева В.Ю. Транснациональные семьи в условиях трудовой миграции: трансформация семейных ролей и динамики взаимодействия // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 147–160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-0 EDN: BJBZDL
7. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 34–50.
8. Пешкова В.М. Семьи мигрантов из Центральной Азии в России: экспертный дискурс // Мир России. 2025. Т. 34. № 1. С. 106–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129 EDN: HAKXUV
9. Рязанцев С.В. Брачное поведение женщин-мигрантов из стран Центральной / С.В. Рязанцев, С.Ю. Сивоплясова.

References:

1. Abashin S.N. Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism // Ethnographic review. 2012. № 4. P. 3–13. EDN: PCPDNV
2. Barsukova T.I. Transformation of family and marital behavior of labor migrants / T.I. Barsukova, L.A. Chasovskaya // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. № 7. P. 7–12. EDN: WGHUMR
3. Becker G.S. Choosing a partner in the marriage markets / G.S. Becker; Transl. by B.A. Maksimenko // Cambridge: Harvard University Press. 1991. № 4. P. 108–134.

© Турдимурадова Г.Р.

4. Bourdieu P. Practical meaning / P. Bourdieu; Transl. from French: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Edited by N.A. Shmatko. SPb. : Aleteya, 2001. 562 p. («Gallicinium»). ISBN: 5-88329-351-7 EDN: QOGTMH
5. Giddens E. The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies. SPb. : Peter, 2004. 208 c.
6. Ledeneva V.Y. Transnational families in the context of labor migration: transformation of family roles and dynamics of interaction // A scientific result. Sociology and management. 2025. Vol. 11. № 1. P. 147–160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-0 EDN: BJBZDL
7. Mukomel V.I. Integration of migrants: challenges, politics, social practices. M. : FNSC RAS, 2022. P. 34–50.
8. Peshkova V.M. Families of migrants from Central Asia in Russia: expert discourse // The World of Russia. 2025. Vol. 34. № 1. P. 106–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129 EDN: HAKXUV
9. Ryazantsev S.V. Marital behavior of migrant women from Central Asia / S.V. Ryazantsev, S.Y. Sivoplyasova.

Информация об авторе

Турдимурадова Гулмира Рашид кизи
аспирантка кафедры социологии
и социальных инноваций
Высшей школы креативных индустрий;
специалист отдела итоговой аттестации
Департамента образовательной деятельности
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет», г. Ставрополь
gturdimuradova@gmail.com

Gulmira R. Turdimuradova
PhD student at the Department
of Sociology and Social Innovations
Higher School of Creative Industries;
Specialist of the Final Attestation Department
of the Department of Educational Activities
of the North Caucasus Federal University, Stavropol
gturdimuradova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Турдимурадова Г.Р.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-27
УДК 316.74:37

Attribution
cc by

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕХОДА ШКОЛА-ВУЗ: ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ

Фокин С.А.
Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Цель статьи – выявить функции и дисфункции проектной деятельности в адаптации студентов к университетской среде. Методология исследования основана на институциональном подходе, функциональном анализе социальных институтов и смешанном дизайне эмпирического исследования. Эмпирическую базу составили анкетный опрос студентов университетов Дальнего Востока (N = 366, 2024–2025 гг.) и 12 полуформализованных интервью со студентами. Показано, что проектная деятельность может выполнять социализирующую, адаптационную, коммуникативную, интегративную, организационно-деятельностную и профессионально-ориентирующую функции. При слабом сопровождении проектная деятельность порождает дисфункции: формализацию участия, непонимание целей, стресс, разрыв школьной и университетской проектности. Сделан вывод, что проектная деятельность не является гарантированным механизмом адаптации студентов, а выступает условно эффективной институциональной практикой, результативность которой зависит от организационного, наставнического и смыслового сопровождения.

Ключевые слова: проектная деятельность, адаптация студентов, студенческая молодежь, университетская среда, социализация, социальный институт образования, функции, дисфункции, переход школа-вуз, проектное обучение.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROJECT ACTIVITY IN THE SCHOOL-TO-UNIVERSITY EDUCATIONAL TRANSITION: FUNCTIONS AND DYSFUNCTIONS

Sergey A. Fokin
Pacific State University

Abstract. The article aims to identify the functions and dysfunctions of project activity in students' adaptation to the university environment. The methodology is based on the institutional approach, functional analysis of social institutions, and a mixed empirical research design. The empirical basis includes a survey of students from universities in the Russian Far East (N = 366, 2024–2025) and 12 semi-structured interviews with students. The study shows that project activity may perform socializing, adaptive, communicative, integrative, organizational, and career-orienting functions. At the same time, weak institutional support may lead to dysfunctions: formal participation, misunderstanding of goals, stress, and a gap between school and university project experience. The article concludes that project activity is not a guaranteed mechanism of student adaptation but a conditionally effective institutional practice whose effectiveness depends on organizational, mentoring, and meaning-making support.

Keywords: project activity, student adaptation, student youth, university environment, socialization, social institution of education, functions, dysfunctions, school-to-university transition, project-based learning.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Переход из школы в университет связан со сменой институциональной позиции обучающегося: студент включается в новую систему академических требований, социальных ролей и норм самостоятельного действия. Адаптация к универ-

© Фокин С.А.

ситетской среде не сводится к успеваемости, а включает академические, социальные, коммуникативные, эмоциональные, мотивационные и организационные компоненты.

В исследовании Р.М. Шамионова, М.В. Григорьевой, Е.С. Грининой и А.В. Созонник академическая адаптация студентов рассматривается как многомерный процесс, включающий освоение учебной деятельности, включение в социальные отношения университета и развитие саморегуляции [1].

Одной из практик, через которые образовательная система организует переход от школы к вузу, является проектная деятельность. В школьной среде она институционально закреплена через требование подготовки индивидуального проекта[1], а в университете получает развитие через проектные дисциплины, командные задания, междисциплинарные модули, предпринимательские и практико-ориентированные форматы.

В зарубежных исследованиях проектная деятельность рассматривается как форма активного и практико-ориентированного обучения, ориентированная на достижение образовательных результатов, развитие самостоятельности и работу с комплексными задачами.

Так, P. Guo, N. Saab, L.S. Post и W. Admiraal обобщают исследования проектного обучения в высшем образовании через призму результатов студентов и способов их оценки [2].

R. Yusri, A.M. Yusof и A. Sharina показывают, что современные исследования проектного обучения фокусируются не только на результатах, но и на методах, элементах и организационных рамках его реализации [3].

В российской литературе акцент чаще переносится на институциональные и организационные условия проектного обучения.

М.В. Певная, Е.А. Шуклина и А.Н. Тарасова рассматривают инфраструктурную среду проектного обучения в российских вузах как важное условие его результативности [4].

Н.А. Хлебников и соавторы анализируют организационную модель проектного обучения в бакалавриате [5].

В.С. Хамидулин обращает внимание на модернизацию проектно-ориентированного обучения в вузе [6], а М.В. Куклина и соавторы фиксируют проблемы внедрения проектного обучения в российских университетах [7].

В социологической перспективе, проектная деятельность рассматривается не только как образовательная технология, но и как институционально нормированная практика, через которую социальный институт образования предъявляет студенту ожидания самостоятельности, командности, ответственности и действия в условиях неопределенности.

В этом смысле, тема исследования соотносится с научной специальностью 5.4.4, поскольку затрагивает адаптацию молодежи, функции и дисфункции социальных институтов, а также процессы социализации[2].

Несмотря на значительный интерес к проектному обучению, проектная деятельность чаще рассматривается как образовательная технология или инструмент формирования компетенций. Ее роль в адаптации студенческой молодежи к университетской среде требует специального социологического анализа через связку: институциональный дизайн – субъективное восприятие студентами – адаптационный или дисфункциональный эффект.

Цель статьи – выявить функции и дисфункции проектной деятельности как институциональной практики адаптации студенческой молодежи к университетской среде.

Отдельные результаты исследования ранее были представлены в публикациях автора [8–10]. В настоящей статье они переосмыслены в новой исследовательской рамке: через анализ проектной деятельности как институциональной практики адаптации студентов и выявление ее функций и дисфункций.

Материалы и методы.

Эмпирическую основу статьи составляет массив данных авторского социологического исследования. Первый этап включал анкетный опрос студентов университетов Дальнего Востока, проведенный в ноябре 2024 – феврале 2025 гг. Объем выборки составил N = 366. Использовался онлайн-опрос, дополненный очным анкетированием. Среди всех опрошенных 78,7 % обучались на первом или втором курсе; 75,4 % респондентов относились к возрастной группе 16–20 лет.

Второй этап включал 12 полуформализованных интервью со студентами первых и вторых курсов университетов Дальнего Востока в возрасте от 18 до 21 года. Интервью проводились в январе–апреле 2025 г. При отборе участников учитывались различия по опыту проектной деятельности, региону, курсу обучения и отношению к проектной деятельности.

Полученные данные анализировались методом ручного кодирования с выделением тематических категорий: школьный опыт проектной деятельности, адаптация в университете, проектная деятельность в вузе, формирование навыков и субъективная оценка полезности проектного опыта.

Ранее отдельные результаты исследования были представлены на меньших или тематически ограниченных массивах данных [8–10]. В настоящей статье эти данные анализируются в новой

© Фокин С.А.

теоретической рамке и соотносятся с проблематикой функций и дисфункций социального института образования.

В качестве аналитической схемы использована пара «функции – дисфункции». Под функциями проектной деятельности понимаются устойчивые социальные эффекты, способствующие включению студента в университетскую среду. Под дисфункциями – эффекты, при которых институционально заявленная практика не достигает адаптационных целей либо производит обратные последствия: формализацию, стресс, отчуждение, снижение мотивации и неравномерность участия.

Результаты.

Школьный опыт проектной деятельности. Около 67 % респондентов проходили формальный курс проектной деятельности в школе. Однако наличие такого опыта не означает его глубины и субъективной значимости. Средняя оценка интереса к школьной проектной деятельности составила 2,6 балла из 5, а средняя оценка полезности – 2,8 балла из 5. Около 30 % респондентов не отметили полезных навыков, полученных в результате школьных проектов. Эти результаты согласуются с ранее опубликованными выводами автора о противоречивом восприятии школьного проектного опыта студентами [8; 9].

Качественные интервью показывают, что школьный проект нередко воспринимается как формальное требование: «А вообще в обоих классах, в обоих случаях проект был как допуск к экзаменам. Вот и получается, в девятом и в одиннадцатом классе было примерно одно и то же, то есть какого-то особого различия между ними я не увидела» (интервью, студент 10, девушка, 19 лет, ДВФУ, Владивосток).

Негативное восприятие усиливается, когда проект сопровождается стрессом и непониманием целей: «Нет! Отвратительно, скажу честно. Мне это принесло очень много стресса… Я честно скажу, пока я не пришла в институт, я не понимала, зачем существует слово проект и что это такое…» (интервью, студент 7, девушка, 18 лет, ТОГУ, Хабаровск).

Следовательно, на школьном этапе проектная деятельность может существовать как формальная образовательная процедура, не обеспечивающая полноценного формирования навыков самоорганизации, командной работы и публичной защиты. Это подтверждает необходимость анализа не только факта участия в проекте, но и качества институционального сопровождения проектной работы [4; 5; 6; 7].

Университетская проектная деятельность. Около 80 % студентов отметили наличие проектной деятельности в университете. Более половины респондентов считают, что школьные проекты были проще, а университетские – более сложными и масштабными.

Основные отличия вузовской проектной деятельности связаны с большей самостоятельностью, свободой выбора, увеличением объема и глубины проектов, переходом от индивидуальной работы к командной, более строгими требованиями и большей практической значимостью. В университете проект чаще предполагает не только подготовку итогового продукта, но и распределение ролей, взаимодействие с командой, публичное представление результата и ориентацию на профессионально значимые компетенции.

Проблема преемственности проявляется в сравнении школьной и вузовской проектности. Один из информантов описывает их как разные по смыслу практики: «А вообще очень-очень-очень разные вещи. Потому что проектная деятельность в университете была преподнесена больше как создание чего-то инновационного, а в школе это как изучение того, что уже есть…» (интервью, студент 7, девушка, 18 лет, ТОГУ, Хабаровск).

Эта цитата показывает, что школьный и университетский проект могут быть связаны нормативно, но не совпадать по социальному смыслу и требованиям к участнику. Школьный проект чаще воспринимается как учебное задание, тогда как университетский проект выступает как более сложная институциональная практика, включающая элементы командного взаимодействия, профессионализации и публичной ответственности.

Школьная проектная деятельность может выполнять подготовительную функцию, но только при условии, что она была организована как осмысленная практика. В противном случае возникает разрыв между нормативной преемственностью школьного и вузовского проектного опыта и реальными навыками студентов.

Проектная деятельность и адаптация студентов. По данным проведенного опроса, 46 % студентов не видят значительного влияния проектной деятельности на адаптацию в университете, тогда как 35 % считают, что она существенно помогает адаптации. Оставшиеся респонденты занимают неопределенную позицию. Данные подтверждают главный тезис статьи: проектная деятельность не является автоматически работающим механизмом адаптации.

Наиболее показателен результат, связанный с внеурочным проектным опытом. Среди студентов, имевших опыт участия во внеурочных проектах, позитивное восприятие роли проектной деятельности в адаптации выражено заметно сильнее: 52 % против 26 % среди тех, кто не участвовал во внеурочных проектах. Следовательно, адаптационный эффект связан не с самим фактом проектной деятельности, а с ее содержательностью, добровольностью, практической направленностью и субъективной вовлеченностью.

© Фокин С.А.

Большинство студентов признают, что проектная деятельность развивает коммуникацию, уверенность и активную жизненную позицию, но только 27 % связывают ее с улучшением успеваемости. Следовательно, она сильнее влияет не на академическую успешность в узком смысле, а на социально-личностные компоненты адаптации.

Качественные интервью подтверждают этот вывод. Часть студентов связывает проектный опыт с развитием уверенности, навыков публичного выступления, командной коммуникации и способности представлять результат: «Когда занимались проектной деятельностью на первом курсе, когда были пары, когда нужно было защищать это каждый раз, каждую неделю, каждую пару – это уже перестало быть проблемой… публичные выступления развивались максимально быстро… На уверенность в себе это влияет» (интервью, студент 3, девушка, 19 лет, ДВФУ, Владивосток).

Однако вузовская проектная деятельность также может производить дисфункциональный эффект, если вводится без достаточной предметной базы и сопровождения. Особенно уязвимым оказывается первый курс, когда студент еще не до конца понимает специфику выбранного направления подготовки, но уже сталкивается с требованием создавать проект, связанный с будущей профессиональной областью.

Таким образом, проектная деятельность может быть, как адаптационным тренажером, так и источником неопределенности. Различие между этими эффектами определяется качеством институционального дизайна: временем включения проекта в образовательную программу, уровнем наставнической поддержки, понятностью целей и соответствием проектной задачи возможностям студентов [4; 5; 6; 7].

Функции и дисфункции проектной деятельности. На основе теоретического анализа и эмпирических данных можно выделить несколько функций проектной деятельности.

Социализирующая функция состоит во включении студента в систему университетских норм и ролей. Проект требует самостоятельности, ответственности, инициативности, аргументации позиции и готовности к обратной связи.

Адаптационная функция проявляется в освоении новых требований вуза: планирования, работы с неопределенностью, поиска информации, командной коммуникации и защиты результата. Однако эмпирические данные показывают, что эта функция реализуется неоднозначно: 35 % студентов видят значимый адаптационный эффект, а 46 % не считают его существенным.

Коммуникативная функция связана с развитием навыков общения, командной работы, публичных выступлений и взаимодействия с другими участниками образовательного процесса. В интервью фиксировались эффекты, связанные с развитием коммуникации, навыков работы с документами, тайм-менеджмента и уверенности в академическом взаимодействии [10].

Интегративная функция проявляется в том, что проектная команда может стать устойчивой группой включения в университетскую среду. Однако этот эффект возможен только при содержательной организации командной работы.

Организационно-деятельностная функция связана с формированием самоорганизации, планирования, распределения задач и ответственности за результат. Именно здесь проектная деятельность сближается с задачами адаптации: студент учится действовать в менее структурированной ситуации, чем школьный урок, но при этом в рамках университетских норм и требований.

Профессионально-ориентирующая функция усиливается в вузе, где проекты чаще воспринимаются как практико-ориентированные и связанные с будущей профессиональной деятельностью.

Наряду с функциями, проектная деятельность порождает ряд дисфункций.

Формализация особенно заметна на школьном этапе. Низкие оценки интереса и полезности школьных проектов показывают, что значительная часть студентов не воспринимала этот опыт как содержательный. Непонимание целей проявляется в том, что студенты не всегда понимают, зачем нужен проект, какие навыки он должен формировать и как он связан с дальнейшим обучением.

Стресс и перегрузка возникают при неопределенных требованиях, недостатке методической поддержки, публичной защите и командной ответственности.

Разрыв между школьной и университетской проектностью состоит в том, что школьный проект часто оказывается проще, индивидуальнее и формальнее, тогда как вузовский – сложнее, масштабнее, командное и практико-ориентированнее. Командные дисфункции могут проявляться в неравном распределении нагрузки, конфликтах, социальном безбилетничестве и формальном участии отдельных членов группы.

Слабое наставническое и методическое сопровождение снижают адаптационный потенциал проектной деятельности и превращает проект в ситуацию неопределенности. Вместе с тем, материалы интервью показывают, что дисфункциональный опыт не всегда остается исключительно негативным.

В ретроспективной оценке некоторые студенты переосмысляют проектную деятельность как источник личностного роста: «Я понимала, что это было очень стрессовым, тревожно. Но вместе с тем… если бы не это взаимодействие в проектной деятельности, не изменился бы спо-

© Фокин С.А.

соб мышления. Появилась гибкость ума, креативность… другой подход, другое мышление и гибкость…» (интервью, студент 7, девушка, 18 лет, ТОГУ, Хабаровск).

Следовательно, проектная деятельность не может быть оценена только по шкале «полезно – бесполезно». Ее эффект зависит от того, получает ли студент возможность рефлексировать и преобразовывать опыт в ресурс адаптации.

Таблица 1

Функции и дисфункции проектной деятельности в адаптации студентов

Измерение проектной деятельности	Функция при содержательном сопровождении	Дисфункция при слабом сопровождении
Цели проекта	Понимание смысла деятельности, связь с образовательной траекторией	Непонимание целей, восприятие проекта как внешнего требования
Школьный опыт	Подготовка к самостоятельности и публичной защите	Формальность, низкая полезность, слабая мотивация
Университетский проект	Освоение новых ролей, командности и практической ориентации	Адаптационная неопределенность, перегрузка
Командная работа	Интеграция, коммуникация, взаимная поддержка	Конфликты, неравный вклад, социальное безбилетничество
Наставничество	Снижение неопределенности, развитие самостоятельности	Дезориентация, стресс, формальное выполнение
Преемственность школы и вуза	Плавный переход к университетским требованиям	Разрыв опыта, адаптационная неопределенность

Обсуждение.

Проведенный анализ показывает двойственную природу проектной деятельности. С одной стороны, она обладает потенциалом адаптации и социализации студенческой молодежи: помогает осваивать новые роли, включаться в командные связи, развивать коммуникацию, самоорганизацию, публичность и ответственность за результат. С другой стороны, значительная часть студентов не видит существенного влияния проектной деятельности на их адаптацию. Это означает, что проектная деятельность не может рассматриваться как универсальный и самодостаточный механизм включения студента в университетскую среду.

Полученные результаты согласуются с исследованиями, в которых проектное обучение рассматривается как перспективная, но организационно сложная форма высшего образования [2; 3]. Они также соотносятся с российскими работами, показывающими, что эффективность проектного обучения зависит от инфраструктуры, организационной модели и качества сопровождения [4; 5; 6; 7].

Ключевое значение имеет качество проектного опыта. Внеурочная проектная активность, более связанная с личным интересом, добровольностью и практической значимостью, сильнее связана с позитивным восприятием адаптационного эффекта.

Формальный школьный проект, напротив, часто воспринимается как слабый ресурс перехода к университету.

Таким образом, проектная деятельность выполняет адаптационную функцию при наличии нескольких условий:

– студент должен понимать цели проекта;

– проект связан с образовательной или профессиональной траекторией;

– существует ли наставническое и методическое сопровождение проектной деятельности;

– командная работа должна быть организована содержательно;

– вклад участников признается и оценивается справедливо;

– проект не сводится к отчетности;

– школьный и вузовский проектный опыт связаны между собой.

При отсутствии этих условий, проектная деятельность производит дисфункции: формализацию, стресс, отчуждение, неравномерное распределение ответственности и слабую преемственность между уровнями образования. Именно поэтому ее эффекты следует анализировать через соотношение функций и дисфункций социального института образования.

Практическая значимость результатов состоит в том, что они могут быть использованы при проектировании адаптационных программ для студентов первых курсов, разработке моделей проектного обучения и организации наставнического сопровождения. Для повышения адаптационного эффекта проектной деятельности университетам целесообразно обеспечивать предварительное объяснение целей проекта, диагностику школьного проектного опыта студентов, подготовку наставников, прозрачные критерии оценки, промежуточную обратную связь и рефлексию после завершения проекта.

Заключение.

Проектная деятельность является значимой институциональной практикой адаптации студенче-

© Фокин С.А.

ской молодежи к университетской среде. Ее потенциал связан с включением студента в новые социальные роли, развитием командного взаимодействия, самоорганизации, публичного представления результата и чувства принадлежности к университетскому сообществу.

Вместе с тем, проектная деятельность не является автоматически эффективным механизмом адаптации. Ее реальные эффекты зависят от качества институционального сопровождения. При наличии понятных целей, наставничества, прозрачного оценивания, поддерживающей командной среды и связи с образовательной траекторией проектная деятельность выполняет социализирующую и адаптационную функции. При отсутствии этих условий она производит дисфункции: формализацию, стресс, отчуждение, командное неравенство и слабую преемственность школьного и вузовского опыта.

Эмпирические данные подтверждают неоднозначность адаптационного эффекта проектной деятельности. Часть студентов связывает ее с развитием коммуникации, уверенности, активности и включенности в университетскую среду, однако, значительная доля респондентов не видит существенного влияния проектной деятельности на адаптацию.

Следовательно, проектная деятельность выступает не только образовательной технологией, но и индикатором состояния социального института образования. Через то, как организована проектная работа, можно судить о способности университета сопровождать переход молодежи в новую образовательную среду.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

***Примечание**:*

[1]Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413.

[2]Паспорт научной специальности 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы».

Литература:

1. Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики / Р.М. Шамионов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 2. С. 53–68. DOI: 10.17759/pse.2022270205 EDN: HYLUBM
2. A review of project-based learning in higher education: Student outcomes and measures / P. Guo [et al.] // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 102. Art. 101586. DOI: 10.1016/j.ijer.2020.101586 EDN: BHXHCO
3. Yusri R. A systematic literature review of project-based learning: Research trends, methods, elements, and frameworks / R. Yusri, A.M. Yusof, A. Sharina // International Journal of Evaluation and Research in Education. 2024. Vol. 13. № 5. P. 3345–3359. DOI: 10.11591/ijere.v13i5.27875 EDN: MKYREQ
4. Певная М.В. Инфраструктурная среда проектного обучения в российских вузах: взгляд экспертов / М.В.Певная, Е.А. Шуклина, А.Н. Тарасова // Интеграция образования. 2025. Т. 29. № 3. С. 402-421. DOI: 10.1 5507/1991-9468.029.202503.402-421 EDN: OVWAGF
5. Организационная модель проектного обучения в бакалавриате / Н.А. Хлебников [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 1. С. 50–57. DOI: 10.15826/umpa.2023.01.006 EDN: OOSEYL
6. Хамидулин В.С. Модернизация модели проектно-ориентированного обучения в вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 1. С. 135–149. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149 EDN: TCLKTE
7. Анализ внедрения проектного обучения в российских вузах / М.В. Куклина [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. DOI: 10.17513/spno.31320 EDN: AZRXPT
8. Фокин С.А. Переход из школы в университет: проектная деятельность и успешность студентов, изучение школьного опыта // Социология. 2025. № 1. С. 115–118. EDN: VQXTSE
9. Фокин С.А. Проектная деятельность в образовании: результаты внедрения, влияние. Количественный анализ восприятия проектной деятельности на примере студентов университетов Дальнего Востока // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 147–149. EDN: NBEEQT
10. Фокин С.А. Влияние проектной деятельности на адаптацию студентов при переходе из школы в вуз: качественный анализ на примере студентов университетов Дальнего Востока // Социология. 2025. № 4. С. 150–153. EDN: MZADNT

© Фокин С.А.

References:

1. Academic adaptation of students: development and validation of a new methodology / R.M. Shamionov [et al.] // Psychological science and education. 2022. Vol. 27. № 2. P. 53-68. DOI: 10.17759/pse.2022270205 EDN: HYLUBM
2. A review of project-based learning in higher education: Student outcomes and measures / P. Guo [et al.] // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 102. Art. 101586. DOI: 10.1016/j.ijer.2020.101586 EDN: BHXHCO
3. Yusri R. A systematic literature review of project-based learning: Research trends, methods, elements, and frameworks / R. Yusri, A.M. Yusof, A. Sharina // International Journal of Evaluation and Research in Education. 2024. Vol. 13. № 5. P. 3345–3359. DOI: 10.11591/ijere.v13i5.27875 EDN: MKYREQ
4. Pevnaya M.V. The infrastructural environment of project-based learning in Russian universities: an expert view / M.V. Pevnaya, E.A. Shuklina, A.N. Tarasova // Integration of education. 2025. Vol. 29. № 3. P. 402–421. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202503.402-421 EDN: OVWAGF
5. Organizational model of project-based undergraduate education / N.A. Khlebnikov [et al.] // University management: practice and analysis. 2023. Vol. 27. № 1. P. 50–57. DOI: 10.15826/umpa.2023.01.006 EDN: OOSEYL
6. Khamidulin V.S. Modernization of the model of project-oriented education in higher education institutions // Higher education in Russia. 2020. Vol. 29. № 1. P. 135–149. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149 EDN: TCLKTE
7. Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities / M.V. Kuklina [et al.] // Modern problems of science and education. 2021. № 6. DOI: 10.17513/spno.31320 EDN: AZRXPT
8. Fokin S.A. Transition from school to university: project activity and student success, study of school experience // Sociology. 2025. № 1. P. 115–118. EDN: VQXTSE
9. Fokin S.A. Project activity in education: results of implementation, impact. Quantitative analysis of the perception of project activity on the example of students of universities of the Far East // Socio-humanitarian knowledge. 2025. № 3. P. 147–149. EDN: NBEEQT
10. Fokin S.A. The impact of project activities on students' adaptation during the transition from school to university: a qualitative analysis using the example of university students in the Far East // Sociology. 2025. № 4. P. 150–153. EDN: MZADNT

Информация об авторе

Фокин Сергей Александрович
аспирант,
Тихоокеанский государственный университет
ORCID iD: 0009-0004-5622-4924
012871@togudv.ru

Sergey A. Fokin
Postgraduate Student,
Pacific State University
ORCID iD: 0009-0004-5622-4924
012871@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Фокин С.А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-1
УДК 343.352

Attribution
cc by

КОРРУПЦИОНЕРЫ, ИМЕВШИЕ ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС

Аверин А.Н.[1], Понеделков А.В.[2], Хорольский Г.В.[3], Попова Е.А.[4]
[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[3]Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
[4]Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Аннотация. В последнее время проводятся масштабные акции по выявлению коррупции в судебной системе, Министерстве обороны, органах государственной и муниципальной власти. В 2025 году Следственный комитет передал в суды 14,2 тыс. уголовных дел о коррупции. 617 коррупционеров обладали особым правовым статусом [1]. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования. Авторы статьи поставили в качестве цели исследования изучение способов коррупции среди должностных лиц с особым правовым статусом. Объектом исследования выступают коррупционеры среди судей, должностных лиц в органах государственной и муниципальной власти, военные коррупционеры. Использованы следующие методы исследования: анализ и синтез газетных публикаций. Результатами исследования является рассмотрение материалов проводимых масштабных акций по выявлению коррупции в судебной системе, обороне и управлении. Показаны различные способы коррупции – хищение бюджетных средств, получение взятки в форме денежных средств, имущества, земельного участка, сокрытие незаконных доходов, использование служебного положения для обогащения, нелегальная коммерческая деятельность, незаконное строительство, оформление полученного имущества на членов семьи, родственников и знакомых, неправосудные правовые и управленческие решения, покровительство. Рассмотрены различные меры наказания за коррупцию – лишение статуса, изъятие объектов недвижимости, имущества, земельных участков, акций, денежных средств на банковских счетах, транспортных средств, лишение свободы. Основной вывод состоит в том, что несмотря на наличие серьезных наказаний коррупция по-прежнему продолжается среди должностных лиц, имеющих особый правовой статус. В электронном каталоге Российской государственной библиотеки указаны 1065 работ по проблемам коррупции. Выделим некоторые актуальные аспекты. К ним относятся коррупция как социальное явление, ее общественная опасность, антикоррупционная политика, ответственность и антикоррупционные стандарты, криминологическая трансформация коррупции, борьба с коррупцией, ее предупреждение, профилактика, противодействие, антикоррупционная пропаганда, выявление и раскрытие коррупционных преступлений, правовое регулирование противодействия коррупции, противодействие коррупции в судебной деятельности.

Ключевые слова: взятка, депутат, изъятие, имущество, иск, коррупционер, коррупция, министерство, наказание, статус, судья, участок, хищение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CORRUPT OFFICIALS WITH SPECIAL LEGAL STATUS

Alexander N. Averin[1], Alexander V. Ponedelkov[2], Gennady V. Khorolsky[3], Elena A. Popova[4]
[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
[2]South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
[3]Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
[4]Derzhavin Tambov State University

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Abstract. Recently, large-scale actions have been carried out to identify corruption in the judicial system, the Ministry of Defense, and state and municipal authorities. In 2025, the Investigative Committee referred 14.2 thousand criminal cases of corruption to the courts. 617 corrupt officials had a special legal status [1]. All this testifies to the relevance of the research topic. The authors of the article set as the purpose of the study the study of ways of corruption of officials with a special legal status. The object of the study is corruption among judges, officials in state and municipal authorities, and military officials. The research methods used are analysis and synthesis of newspaper publications. The results of the study include an examination of the materials of large-scale actions aimed at identifying corruption in the judicial system, defense, and management. The study reveals various methods of corruption, including the embezzlement of public funds, the receipt of bribes in the form of money, property, or land, the concealment of illegal income, the use of official positions for personal enrichment, illegal commercial activities, illegal construction, the transfer of acquired property to family members, relatives, and acquaintances, and the adoption of unjust legal and administrative decisions. Various measures of punishment for corruption are considered – deprivation of status, seizure of real estate, property, land plots, shares, money in bank accounts, vehicles, imprisonment. The main conclusion is that despite the existence of serious punishments, corruption still continues among officials with a special legal status. The electronic catalog of the Russian State Library contains 1,065 works on corruption issues. Let's highlight some relevant aspects. These include corruption as a social phenomenon, its public danger, anti-corruption policies, responsibility and anti-corruption standards, criminological transformation of corruption, the fight against corruption, its prevention, anti-corruption propaganda, identification and disclosure of corruption crimes, legal regulation of anti-corruption measures, and anti-corruption measures in judicial activities.

Keywords: bribe, deputy, seizure, property, lawsuit, corrupt official, corruption, ministry, punishment, status, judge, district, theft.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Для того чтобы не выйти за рамки данной публикации, мы дадим определение коррупции в ФЗ РФ «О противодействии коррупции» от 05 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, в контексте которого, она представляет собой:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [2].

Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что коррупция – достаточно емкое понятие. Оно включает в себя дачу и получение взятки, злоупотребление служебным положением и полномочиями, коммерческий подкуп, незаконное использование должностного положения для получения выгоды, которую можно получить деньгами, ценностями, имуществом, услугами для себя и других людей [2].

Предусмотрены различные наказания за коррупцию.

Так, например, получение взятки наказывается:

– штрафом до 1 млн руб.;

– в размере заработной платы, иного дохода за период до двух лет;

– от десятикратной до пятидесятикратной суммы взятки;

– исправительными работами от одного года до двух лет;

– принудительными работами до пяти лет;

– лишением свободы до трех лет со штрафом в размере от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки.

Наказанием служит лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трех лет. За получение взятки в значительном размере наказание возрастает. Увеличиваются размеры штрафа:

– от 200 тыс. до 1,5 млн руб.;

– от тридцатикратной до шестидесятикратной суммы взятки;

– лишением свободы до шести лет со штрафом до тридцатикратной суммы взятки [3].

Резюмируя выше изложенное, мы зададимся вопросом: Насколько же жизнеспособно это явление в условиях современного общества?

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

В поисках ответа на него ряд исследователей приходит к неутешительному выводу о том, что для распространения коррупции существуют объективные условия, от которых практически невозможно избавиться в современном государстве по нескольким причинам [22].

Во-первых, законы государства характеризуются консервативностью. Они не могут меняться быстро, и часто бывает так, что законодательная система просто не успевает за вызовами времени и оставляет некое пространство для действий по своему усмотрению. В противном случае, система становится совершенно негибкой, стимулируя желание воспользоваться наиболее выгодной рентой.

Во-вторых, обеспечение всеобъемлющего контроля невозможно. Это и не отвечает идеалам современного демократического государства – чрезмерный контроль и надзор обернется ущербом для прав и свобод личности, приведет к оттоку творчески мыслящих кадров. Кроме того, такой контроль будет связан с огромными затратами [22].

Резюмируя вышеизложенное, исследователями высказывается мнение относительно того, что коррупцию провоцируют такие факторы, как несовершенство законодательства, юридическая неграмотность населения, несовершенство правоохранительной и судебной системы, а также - системы власти (кумовство, бюрократия, незаинтересованность самих граждан) [22]. Сопутствующими факторами могут выступать низкие доходы в госсекторе, высокая роль государства в экономике и зависимость от госаппарата, оторванность элиты от народа и даже культурно-религиозные традиции [22].

И с подобной точкой зрения сложно не согласиться, если ограничивать свое внимание к этой проблеме выше изложенными аргументами. Только, по нашему убеждению, этого не достаточно, потому что многочисленные исследователи коррупции в своих творческих поисках выходят за выше обозначенные рамки, полагая, что одной из основополагающих причин её высокой жизнеспособности ими определяются духовно-нравственные источники [23], потому что, если вести речь о государственных служащих, сотрудниках правоохранительной сферы достаточно высокого статусного уровня, то никак нельзя согласиться с объяснением причин их подверженности коррупционным рискам низким уровнем их заработной платы или их слабой социальной защищенностью со стороны государства [24].

Тем не менее, как свидетельствуют результаты наших предыдущих исследований [14], именно немало представителей элитной части этих структур нередко попадают в поле зрения правоохранительных органов, несмотря на то, что они обладают высоким уровнем доходов и социальных дивидендов со стороны государства в сравнении с остальной частью населения России.

Результаты. Обсуждение.

Начнем наше исследование с рассмотрения проявления коррупции в судебной системе.

Председатель Верховного суда Российской Федерации проводит активную работу по обновлению судебной системы и инициирует проверку представителей этой структуры по подозрению в коррупционной деятельности. В частности, Высшая квалификационная коллегия судей направляет в прокуратуру материалы о потенциальных коррупционерах. В результате этих инициатив:

Лишились судейского статуса бывшие председатель Верховного суда Адыгеи А. Трахов, который использовал служебное положение для незаконного обогащения, и его сын – председатель Прикубанского районного суда г. Краснодара Р. Трахов.

По результатам проведенных проверок состоялись два судебных процесса. У А. Трахова и его родственников изъято имущество на 13 млрд рублей, 118 земельных участков площадью 26 гектаров стоимостью 3,7 млрд руб., 71 коммерческое здание и помещение площадью 13 тыс. кв. метров на 3 млрд руб., 11 жилых зданий и помещений площадью 1 тыс. кв. метров, оцениваемых в 1,1 млрд руб., 14 незавершенных строительством объектов площадью 3,8 тыс. кв. метров стоимостью 71 млн руб. В ходе второго процесса государству было передано 469 земельных участков, 176 нежилых зданий, восемь особняков, девять квартир, доли в пяти компаниях, 3 млрд рублей [4].

Был лишен статуса судьи в отставке бывший председатель Центрального районного суда Сочи В. Бахметьев, который вместе с бывшим председателем Краснодарского краевого суда А. Черновым и другими людьми без разрешения муниципалитета построили семиэтажный многоквартирный дом. А. Чернов финансировал его строительств, а затем получал деньги от продажи квартир. В. Бахметьев занимался подготовкой участка к строительству.

В результате решения суда, было обращено в доход государства имущество стоимостью 13 млрд руб., принадлежавшее А. Чернову и его близким родственникам – квартиры, дома, участки. Суд изъял у них имущество на общую сумму в 900 млн руб., 36 килограммов золота в слитках и монетах, шесть земельных участков, 106 нежилых помещений. А. Чернов тайно владел и управлял хозяйствующими обществами, получал криминальные доходы, которые вкладывал в приобретение недвижимости, автомобилей, драгоценностей [5].

Бывший заместитель председателя Краснодарского краевого суда И. Николайчук участвовал в

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

нелегальном строительстве элитарного многоквартирного дома в Сочи, за что получил от А. Чернова две квартиры общей площадью более 300 кв. метров. Занимался он также коммерческой деятельностью по производству изделий из ПВХ, в строительстве, аренде недвижимого имущества, получал доход, который не декларировал и скрывал от органов контроля. Незаконных 2,2 млн долларов он легализовал и направил на строительство торгово-офисного центра в Краснодаре. У него были изъяты объекты недвижимости, акции, денежные средства на банковских счетах, транспортные средства на сумму 13 млрд руб., обращено 100 % долей в уставном капитале пяти организаций. Забрали у И. Николайчука и его знакомых денежные средства за отчужденное имущество в размере 28 млн руб., средства, полученные коррупционным путем в размере 2,2 млн долларов [4].

Возбуждены уголовные дела на бывших судей Ставропольского края – заместителя председателя краевого суда М. Хрипунова, заместителя председателя Невинномысского городского суда А. Сергеева, судью Октябрьского районного суда Т. Набокова. Предполагалось получение А. Сергеевым 500 тыс. руб., Т. Набоковым – 400 тыс. руб., М. Хрипуновым – 3 млн руб. в качестве взяток за то, чтобы выпустить фигуранта уголовного дела из СИЗО под домашний арест.

Направлены в Генеральную прокуратуру материалы на подачу антикоррупционных исков на судей Нижегородской области – председателя Совета судей В. Сапегу и председателя одной из коллегий областного суда В. Фомина. У родителей жены В. Сапеги обнаружены многочисленные объекты недвижимости в Нижнем Новгороде и Москве, у матери В. Фомина – 34 объекта недвижимости в Саратове, Москве, Подмосковье. В. Фомин купил два особняка общей площадью 700 кв. метров и землю площадью 3 тыс. кв. метров. Стоимость особняков с землей превышает 180 млн руб.

Бывший заместитель председателя Краснодарского краевого суда Е. Хахалева находится за границей и заочно арестована. Ее сестра, судья Арбитражного суда Краснодарского края Н. Хахалева, имеет два домовладения общей площадью 510 кв. метров, три земельных участка в 2,7 тыс. кв. метров в Краснодарском крае и Московской области, которые записаны на ее мать [6]. Ответчиками по иску выступали Е. Хохалева, ее бывший муж, мать, сестра, сын – всего 20 физических лиц и два юридических лица. В казну было передано по решению суда 100 жилых и нежилых помещений, четыре крупные сельскохозяйственные предприятия, 75 земельных участков, денежные средства со счетов в объеме 15,5 млн руб.

Е. Хохалева через судебные механизмы распределяла сельскохозяйственные угодья региона в пользу хозяйственных субъектов, аффилированных с ее мужем. Семья незаконно владела земельным фондом площадью более 12,5 тыс. гектаров. Н. Хохалева принимала участие в освобождении хозяйствующих субъектов от уплаты в бюджет многомиллионных налоговых и других платежей [7].

Суды арестовали имущество председателя Совета судей Московской области, судьи Химкинского городского суда В. Татарова и заместителя председателя Воронежского областного суда Е. Кучинского. Тесть и теща В. Татарова приобрели имущество на сумму более 24,8 млн руб. – два нежилых и два жилых помещения, четыре земельных участка, автомобиль стоимостью не менее 46,4 млн руб. [8]. Е. Кучинский купил квартиру площадью 51 кв. метров стоимостью 15,6 млн руб. Его теща купила машину за 3,2 млн руб. [9].

Возбуждено уголовное дело в отношении бывших судей из Ростова-на-Дону, Советского районного суда Н. Цмакаловой и председателя этого суда Е. Коблевой, которые брали взятки за принятие неправосудных решений по гражданским, административным и уголовным делам [10].

Прекращена отставка судьи Верховного суда В. Момотова, у которого были изъяты около 100 объектов недвижимости в разных регионах, сеть бизнес-отелей общей стоимостью 9 млрд руб. [11].

Направлены в Генеральную прокуратуру материалы для предъявления исков судьям Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики А. Адзиновой и Арбитражного суда Москвы Д. Федоровой. Родственники А. Адзиновой оформили в собственность десять автомобилей, пять жилых домов общей площадью более 1 тыс. кв. метров, девять квартир, земельные участки. Общая стоимость приобретений составила больше 130 млн. руб. Д. Федорова купила недвижимость всего на 30 млн руб. [12].

Возбуждены уголовные дела в отношении судьи Арбитражного суда Калининградской области С. Ефименко по подозрению в получении взятки в 500 тыс. руб. через посредника, бывшего председателя Беловодского районного суда Луганской Народной Республики А. Горенко, который пытался получить крупную сумму от родственников лица, задержанного за наркотики [13].

Возбуждено уголовное дело в отношении председателя Арбитражного суда Луганской Народной Республики С. Костулина, который за взятку в 1,5 млн руб. гарантировал назначение минимального возможного наказания местному жителю [4].

Проводится широко масштабная акция против коррупционеров в Министерстве обороны Российской Федерации. Не рассматривая коррупционные дела, поскольку авторы ранее уже опубликовывали о них статью [14], приведем в таблице 1 только данные о размере взяток.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Таблица 1

Размеры взяток

Фамилия	Бывшая должность	Воинское звание	Размер взятки
Иванов Т.	Заместитель министра		4 млрд руб.
Попов П.	Заместитель министра	Генерал армии	Хищение бюджетных средств на 30 млн руб.
Кузнецов Ю.	Начальник Главного управления кадров	Генерал-лейтенант	80 млн руб.
Шамарин В.	Начальник Главного управления связи – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил	Генерал-лейтенант	36 млн руб.
Оглоблин А.	Начальник управления планирования связи Главного управления связи Вооруженных сил	Генерал-майор	10 млн руб.
Муминджанов В.	Заместитель командующего Ленинградским военным округом по материально-техническому обеспечению	Генерал-майор	20 млн руб.
Путилов Д.	Начальник автобронетанковой службы Центрального военного округа	Генерал-майор	10 млн руб.

Следует акцентировать внимание на том, что Т. Иванов первый раз был осужден к 13 годам лишения свободы. Его обвинили в растрате 216 млн руб. при покупке паромов для Керченской переправы и выводе более 3,9 млрд руб. из банка «Интеркоммерц» через финансовые схемы. У него были конфискованы 42 банковских счета, элитная квартира площадью более 300 кв. метров стоимостью свыше 500 млн руб., другие объекты недвижимости. Суд отказал в его иске, в котором содержалась просьба обязать Министерство обороны отправить его в зону Специальной военной операции. Т. Иванову было предъявлено новое обвинение по трем эпизодам получения взяток в особо крупном размере, о легализации денежных средств, незаконном обороте оружия [15].

Возбуждено уголовное дело против бывшего первого заместителя министра обороны Р. Цаликова о создании организованной преступной группы, которая совершала хищение бюджетных денег, занималась легализацией похищенного, брала взятки.

Р. Цаликову предъявлено обвинение в создании преступного сообщества с использованием своего служебного положения, двенадцати эпизодах растраты, отмывании полученным преступным путем денег, двух эпизодах взяток. Он владеет большим земельным участком стоимостью 1 млрд руб., другими земельными участками, домами и квартирой. Много объектов недвижимости были оформлено на его супругу и детей.

Продолжается работа по борьбе с коррупционерами в органах управления.

По коррупционным делам направлены иски бывшему депутату Государственной Думы и министру транспорта Краснодарского края А. Вороновскому, депутатам Государственной Думы А. Дорошенко и законодательного собрания Краснодарского края А. Карпенко.

А. Вороновский при содействии доверенных и подконтрольных ему людей оказывал влияние на управленческие решения региональных органов власти в области дорожной деятельности для незаконного обогащения. Им был создан фонд содействия строительству объектов социально-культурного значения «Моя Кубань». Шесть предприятий дорожной отрасли внесли в этот фонд более 1,9 млрд руб. Чтобы выиграть закупки, надо было делать откаты от 3 до 10 %. В теневой оборот, в среднем в год, уходило около 2 млрд руб. Ответчики – 30 человек получили коррупционное обогащение не менее 2,8 млрд руб.

Суд обратил в доход государства 19 предприятий, стоимость активов которых составляет 21,7 млрд руб., 207 объектов недвижимости на сумму свыше 1 млрд руб., доли в различных компаниях, средства на счетах, ценные бумаги. Суд взыскал с ответчиков эквивалент стоимости имущества, которое было реализовано, на общую сумму более 95 млн руб. [16].

Бывший губернатор Курской области А. Смирнов приговорен к 14 годам колонии строгого режима и штрафу в 400 млн руб. за получение 20,95 млн руб. от бизнесменов, похитивших средства при строительстве линии обороны на границе с Украиной. У него конфисковали сумму взятки и отобрали звание Заслуженного работника жилищно-коммунального хозяйства [17].

Задержан вице-губернатор Челябинской области А. Фалейчик, которого заподозрили в получении шести млн руб. за передачу имущественного комплекса детского лагеря директору лагеря в долгосрочную арену. Посредниками в получении взятки выступали два бывших вице-мэра Копейска по коммунальному хозяйству и общим вопросам, которые также были задержаны [18].

На скамье подсудимых оказались бывший мэр Сочи А. Копейгородский и его жена за получение

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

от местных коммерческих организаций взятки в размере 248 млн руб. Посредником была его супруга. А. Копейгородский обещал создать бизнесменам благоприятные условия для бизнеса и покровительство. Взятки уму платили ежемесячно в размере от 2,5 до 4,5 млн руб. Помимо этого, он похитил два земельных участка общей стоимостью 26 млн руб. [19].

Суд обратил в доход государства его имущество на сумму 1 млрд 673 млн 633 тыс. руб. С него взыскали 215 млн 237 тыс. 998 рублей как эквивалент стоимости имущества, отчужденного к моменту подачи искового заявления [20].

Отправлено в суд уголовное дело на бывшего главу городского округа Серпухова Московской области за получение при посредничестве двух своих заместителей и директора комбината благоустройства взятки от двух предпринимателей почти в 10 млн руб. за покровительство деятельности организаций, с которыми были заключены муниципальные контракты. Он получил в качестве взятки четыре участка от коммерсанта за отзыв исполнительного листа о сносе объекта капитального строительства, возведенного в нарушении условий заключенного с администрацией договора аренды земельного участка [21].

Заключение.

Проделана значительная работа по выявлению и наказанию коррупционеров с высоким правовым статусом. Необходимо иметь в виду, что на коррупционные иски не распространяются сроки давности. Поэтому такая работа будет продолжаться. В то же время, как нам представляется, большой объем работы, проводимый правоохранительными органами по отношению к вышеуказанным категориям государственных и судебных органов, свидетельствует о невысокой результативности этих мер, когда, даже в условиях Специальной военной операции, продолжающейся уже более четырех лет, представители элитной части нашего общества совершают тяжкие уголовные преступления, подрывая обороноспособность нашего государства, нанося ему немалый экономический ущерб, а также подрывая в обществе авторитет государственной власти.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем актуальным ужесточить уголовное наказание по отношению к названным представителям, в первую очередь, силового блока, квалифицируя их действия как государственную измену.

Помимо этого, за тяжкие коррупционные преступления, совершаемые представителями органами государственной власти, силового блока и правоохранительных органов, с учетом глобальных масштабов, которая приняла среди них коррупция, применять для этой категории преступников смертную казнь.

И эти законодательные меры, вне всякого сомнения, найдут общественную поддержку, дополнив комплексный подход к государственной политике комплексного подхода в борьбе с коррупцией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Козлова Н. Меры защиты // Российская газета. 2026. 4 марта.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL : https://ivo.garant.ru
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. URL : https://ivo.garant.ru
4. Куликов В. Судный день // Российская газета. 2026. 4 марта.
5. Орлов П. Дела семейные // Российская газета. 2026. 28 апреля.
6. Орлов П. Семейный подряд // Российская газета. 2026. 7 апреля.
7. Павловская Т. Итог Хахалевых // Российская газета. 2026. 8 июня.
8. Куликов В. Откуда домишки // Российская газета. 2026. 16 марта.
9. Куликов В. Семейные тайны // Российская газета. 2026. 27 марта.
10. Куликов В. Попали в аварию // Российская газета. 2026. 3 апреля.
11. Чепрунова Н. Отставка отменяется // Российская газета. 2026. 26 мая.
12. Чепрунова Н. Жизнь не по средствам // Российская газета. 2026. 27 мая.
13. Куликов В. Снять мантии // Российская газета. 2026. 29 мая.
14. Коррупция должностных лиц в государственных и муниципальных органах власти / А.Н. Аверин [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 12. С. 279–287. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-12-1 EDN: MQKHBP

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

15. Козлова Н. Второе дело // Российская газета. 2026. 13 апреля.
16. Белова И. Откат вернулся // Российская газета. 2026. 20 февраля.
17. Скрипка А. Контузило на взятки // Российская газета. 2026. 7 апреля.
18. Пинкус М. На зарплату не прожил // Российская газета. 2026. 13 февраля.
19. Петров И. Семейный подряд // Российская газета. 2026. 20 марта.
20. Белова И. Глоток вина за 100 тысяч // Российская газета. 2026. 19 января.
21. Чепрунова Н. Брали вместе // Российская газета. 2026. 14 апреля.
22. Кочергина Э.Н. Факторы, способствующие распространению коррупции // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2020. № 2(41). URL : Alley-science.ru EDN: YTGGJX
23. Духовно-нравственные источники коррупции в современном российском обществе / М.Ю. Попов [и др.] // Наука. Образование. Современность. 2025. № 2. С. 85–93. DOI: 10.24412/2658-7335-2025-2-14 EDN: KUXPYC
24. Попов М.Ю. Коррупция как форма элитной девиации // Общество и право. 2009. № 5(27). С. 49–54. EDN: ONLRXV

References:

1. Kozlova N. Protective measures / / Rossiyskaya gazeta. 2026. March 4.
2. Federal Law № 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption». URL : https://ivo.garant.ru
3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996. URL : https://ivo.garant.ru
4. Kulikov V. Judgment Day // Rossiyskaya gazeta. 2026. March 4.
5. Orlov P. Family gods // Rossiyskaya gazeta. 2026. April 28.
6. Orlov P. Family contract // Rossiyskaya gazeta. 2026. April 7.
7. Pavlovskaya T.N. The result of the Khakhalevs // Rossiyskaya gazeta. 2026. June 8th.
8. Kulikov V. Where are the houses from // Rossiyskaya gazeta. 2026. March 16.
9. Kulikov V. Family threads // Rossiyskaya gazeta. 2026. March 27.
10. Kulikov V. Had an accident // Rossiyskaya gazeta. 2026. April 3.
11. Cheprunova N. The resignation is cancelled // Rossiyskaya gazeta. 2026. May 26.
12. Cheprunova N. Life is beyond our means // Rossiyskaya Gazeta. 2026. May 27.
13. V. Kulikov. Take off your robe // Rossiyskaya gazeta. 2026. May 29.
14. Corruption of officials in state and municipal authorities / A.N. Averin [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 12. P. 279–287. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-12-1 EDN: MQKHBP
15. Kozlova N. The second case // Rossiyskaya gazeta. 2026. April 13.
16. Belova I. The rollback is back // Rossiyskaya gazeta. 2026. February 20th.
17. Skripka A. Concussion on a bribe // Rossiyskaya Gazeta. 2026. April 7.
18. Pinkusa M. I didn't live on a salary // Rossiyskaya Gazeta. 2026. February 13.
19. Petrov I. Family contract // Rossiyskaya gazeta. 2026. March 20th.
20. Belova I. A sip was born for 100 thousand // Rossiyskaya gazeta. 2026. January 19th.
21. Cheprunova N. Was taken together // Rossiyskaya gazeta. 2026. April 14th.
22. Kochergina E.N. Factors contributing to the spread of corruption// Scientific and practical electronic journal Alley of Science. 2020. № 2(41). URL : Alley-science.ru EDN: YTGGJX
23. Spiritual and moral sources of corruption in modern Russian society / M.Yu. Popov [et al.] // Science. Education Modernity 2025. № 2. P. 85–93. DOI: 10.24412/2658-7335-2025-2-14 EDN: KUXPYC
24. Popov M.Yu. Corruption as a form of elite deviation / M. N. Y. N. Popov / / Society and law. 2009. № 5(27). P. 49–54. EDN: ONLRXV

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Хорольский Геннадий Валентинович
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
popov-52@mail.ru

Попова Елена Альбертовна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина
elenap2672@yandex.ru

Gennady V. Khorolsky
Candidate of Legal Sciences,
Head of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
popov-52@mail.ru

Elena Al. Popova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law Disciplines,
Derzhavin Tambov State University
elenap2672@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-4
УДК 347

Attribution
cc by

ПРИЗНАНИЕ СДЕЛОК ВЗАИМОСВЯЗАННЫМИ В КОНТЕКСТЕ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Букреев В.В.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена выявлению характера связи категории признания сделок взаимосвязанными с институтом способов защиты гражданских прав, их соотношения. Для достижения этой цели автором, в процессе анализа доктринальных материалов, выявляются ключевые признаки способов защиты гражданских прав. На основе материалов судебной практики обнаруживается наличие этих признаков у исследуемой категории. В целях проверки возможности использования требования о признании сделок взаимосвязанными как самостоятельного способа защиты права осуществляется поиск места данной категории в системе способов защиты гражданских прав, выдвигаются гипотезы о потенциальных сценариях применения категории в таком качестве. По результатам делаются выводы о том, что: признание сделок взаимосвязанными представляет собой не что иное, как самостоятельный способ защиты гражданских прав; требование о признании сделок взаимосвязанными является одним из вариантов положительного иска о признании, позволяющего внести ясность в правую квалификацию обязательственных правоотношений отношений. Предлагается ввести нормативное регулирование признания сделок взаимосвязанными.

Ключевые слова: частное право, гражданское право, способы защиты гражданских прав, защита обязательственных прав, иск о признании, признание сделок взаимосвязанными, взаимосвязанные сделки, взаимосвязанные договоры.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

RECOGNITION OF TRANSACTIONS AS LINKED IN THE CONTEXT OF WAYS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Vasily V. Bukreev
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. This article explores the relationship between the category of recognizing transactions as linked and the institution of civil rights protection methods, as well as their interrelationships. To achieve this goal, the author analyzes doctrinal materials to identify key features of civil rights protection methods. Based on case law, the presence of these features is demonstrated in the category under study. To test the feasibility of using the requirement to recognize transactions as linked as an independent method of protecting rights, the position of this category within the system of civil rights protection methods is explored, and hypotheses are put forward regarding potential scenarios for its application in this capacity. Based on the results, the author concludes that: recognizing transactions as linked represents nothing more than an independent method of protecting civil rights; and the claim for recognition transactions as linked is one of the options for a positive claim for recognition, allowing for clarification of the legal classification of contractual legal relations. It is proposed to introduce regulatory framework for recognizing transactions as linked.

Keywords: private law, civil law, methods of protection of civil rights, protection of obligations rights, claim for recognition, recognition of transactions as linked, linked transactions, linked contracts.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Категория взаимосвязанных сделок используется в отечественном правопорядке для установления реальной сущности сложившихся между сторонами правоотношений, чтобы затем давать этим правоотношениям надлежащую и исчерпывающую правовую оценку [1, с. 42]. Для этого

© Букреев В.В.

несколько сделок, формально независимых друг от друга, но имеющих признаки взаимосвязанности, как бы объединяются правоприменителем в одну единую сделку (единое правоотношение). Процесс такого объединения нескольких сделок можно обозначить как признание сделок взаимосвязанными.

Механизм признания сделок взаимосвязанными не имеет нормативного закрепления. При этом в последнее время он получил существенное распространение в судебной практике:

Участники имущественных отношений заявляют о взаимосвязанном характере сделок, представляют доказательства наличия у сделок признаков взаимосвязанности.

Правоприменитель дает оценку их доводам и доказательствам и, в результате, признает или не признает сделки взаимосвязанными, что может оказывать существенное влияние на дальнейшую квалификацию порожденных ими прав и обязанностей.

В ситуации применения юрисдикционных способов защиты права, участники имущественных отношений также заявляют определенные требования (например, требование о взыскании убытков), доказывают возникновение всех обстоятельств, составляющих соответствующий юридический состав (например, наличие и состав убытков, противоправный характер деяния, причинную связь между деянием и причинением убытков), а решение правоприменителя относительно удовлетворения или отказа в удовлетворении данных требований сказывается на юридической судьбе сложившихся между сторонами правоотношений.

Указанные обстоятельства обнаруживают определенную корреляцию между механизмом признания сделок взаимосвязанными и механизмом реализации способов защиты гражданских прав.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении характера связи обозначенных категорий, соотношения категории признания сделок взаимосвязанными с институтом способов защиты гражданских прав.

Обсуждение. Результаты.

Чтобы определить, является ли признание сделок взаимосвязанными способом защиты права как таковым, необходимо выявить ключевые признаки последнего.

А.П. Сергеев определяет способы защиты права как закрепленные законом материально правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя [2, с. 546].

В.В. Витрянский понимает эту категорию более широко, указывая на то, что целью ее применения может являться, например, пресечение или предотвращение нарушений права [3, с. 781].

Д.Н. Лапытов отмечает, что способы защиты права могут применяться также для «надлежащей реализации» права [4, с. 116], и в целом направлены на «достижение целей защиты гражданских прав» [4, с. 116].

Таким образом, у признания сделок взаимосвязанными можно будет обнаружить признаки способа защиты гражданских прав в том случае, если эта категория позволяет достигать целей защиты гражданских прав, например, путем пресечения или предотвращения нарушений права, надлежащей реализации прав.

Чтобы проверить исследуемую категорию на предмет соответствия этому критерию, необходимо проследить, как именно она проявляется на практике.

В деле № А12-4854/2025 прокуратура просила признать недействительными 4 сделки, заключенные администрацией муниципального образования в нарушение требований закона без применения конкурентных процедур. Возражая относительно удовлетворения требований, ответчики указывали на то, что стоимость каждой из сделок не превышала шестисот тысяч рублей, что, в силу п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5], создало возможность их заключения без проведения торгов путем закупки у единственного поставщика.

Между тем, судом было установлено, что у совершенных сделок имеются признаки взаимосвязанности, в связи с чем они образуют собой единую сделку,поэтому их необходимо оценивать на предмет соответствия требованиям закона в совокупности. Поскольку общая стоимость 4-х сделок составила более двух миллионов рублей, возражения ответчиков были отклонены, и сделки признаны недействительными [6].

В деле № А27-3035/2021 суд рассматривал заявление о признании недействительными договоров по отчуждению принадлежащего должнику-банкроту транспортного средства по заниженной стоимости от должника покупателю 1, а затем от покупателя 1 покупателю 2 и применении последствий недействительности. Судом было установлено, что указанные сделки носят взаимосвязанный характер, представляют собой единую цепочку взаимосвязанных договоров. Это, в свою очередь, во-первых, позволило суду, с учетом иных обстоятельств дела, сделать вывод о том, что данные договоры направлены на причинение вреда имущественным правам кредиторов и являются недействительными. Во-вторых, дало возможность для применения в качестве последствия недействительности сделок солидарного взыскания с покупателя 1 и покупателя 2 действительной стоимости транспортного средства [7].

© Букреев В.В.

Несложно заметить, что в обоих делах признание сделок взаимосвязанными, тем или иным образом, способствовало обеспечению защиты гражданских прав. В первом деле оно позволило обнаружить наличие оснований для признания сделок недействительными. Во втором, помимо этого, также привело к возможности применения солидарной реституции, что повысило степень защищенности прав кредиторов должника.

Из приведенных примеров видно, что признание сделок взаимосвязанными, как правило, используется для целей защиты гражданских прав одновременно с иными мерами. При этом в обозначенных случаях применение исследуемой категории не привело к восстановлению нарушенных прав непосредственно, а лишь позволило обнаружить истинную сущность сложившихся между сторонами правоотношений, что, в свою очередь, создало возможность для применения иных способов защиты, непосредственно обеспечивших восстановление нарушенных гражданских прав. В этой связи, не вполне ясно, способна ли данная категория обеспечивать цели защиты гражданских прав самостоятельно.

Для ответа на этот вопрос соотнесем категорию признания сделок взаимосвязанными со схожими с ней способами защиты прав, получившими более существенную доктринальную проработку. Так, А.В. Егоров подразделяет юрисдикционные способы защиты гражданских прав на: иски о присуждении, преобразовательные иски и иски о признании (положительные и отрицательные) [8, с. 220–221].

В результате признания сделок взаимосвязанными не происходит присуждения одной из сторон чего-либо, на другую сторону не возлагается исполнение каких-либо обязательств. В этой связи, требование о признании сделок взаимосвязанными нельзя назвать требованием о присуждении. Не носит такое требование и преобразовательного характера, который может заключаться в прекращении или изменении правоотношения вследствие удовлетворения требования [4, с. 177]. Хотя правовая квалификация взаимосвязанных сделок в составе единой сделки отличается от квалификации аналогичных сделок, взятых в отдельности друг от друга, признание их взаимосвязанными нельзя уравнять с изменением правоотношения. Ведь на момент заключения сделок эти сделки уже обладают свойством взаимной связи. Следовательно, акт правоприменительного органа, которым признается наличие этого свойства, не изменяет правоотношение, а лишь констатирует его истинную сущность.

Д.Н. Лапытов полагает, что констатация (подтверждение) наличия определенного права, устранения правовой неопределенности и формализации существующего правоотношения свойственны такому способу защиты права, как признание права [9, с. 11] или, в более широком смысле, требованию о признании. Иски о признании принято делить на отрицательные (заключающиеся в признании отсутствия правоотношения) и положительные (подразумевающие констатацию наличия правоотношения).

По мнению А.С. Старовойтовой, последние требования, в контексте обязательственных правоотношений, используются, например, в ситуации возникновения спора относительно наличия договора и его правовой квалификации [10, с. 12].

Как нам представляется, именно такой способ защиты (положительное требование о признании в ситуации спора относительно наличия договора или его правовой квалификации) наиболее схож с ситуацией заявления требования о признании сделок взаимосвязанными.

Л.Ю. Василевская полагает, что применение признания права к обязательственным правоотношениям не имеет практического значения, поскольку, само по себе, установление факта существования того или иного обязательственного права не влечет каких-либо позитивных правовых последствий, а требует дальнейшего применения иных способов защиты [11, с. 19].

Несколько иную позицию занимает А.С. Старовойтова. Она отмечает, что ситуация правовой неопределенности относительно наличия определенного обязательственного правоотношения может ограничивать действия управомоченного лица, сомневающегося в наличии у него тех или иных субъективных прав, вытекающих из этого правоотношения. Отмечается, что такая неопределенность может ограничивать возможности по уступке права, исполнению обязательства третьим лицом, удержанию вещи и др. в ситуации, когда должник не признает наличие соответствующих правоотношений (а значит и наличие уступаемого права, исполняемого третьим лицом обязательства и так далее). В этой ситуации, по мнению А.С. Старовойтовой, иск о признании обязательственных правоотношений не только может, но и должен применяться [12, с. 79–80].

Полагаем, что аналогичная ситуация складывается и при признании сделок взаимосвязанными. С одной стороны, как было отмечено ранее, такое требование обычно предъявляется не само по себе, а в совокупности с иными – взаимосвязанный характер сделок устанавливается только для того, чтобы правильно квалифицировать обязательственные правоотношения. Их надлежащая квалификация, в свою очередь, отрывает возможности для применения других способов защиты права. При таких обстоятельствах можно говорить лишь о вспомогательном характере требования о признании сделок взаимосвязанными, поскольку конечная цель управомоченного лица заключается в применении иного способа защиты.

Однако ситуация меняется в том случае, если, само по себе, установление правовой определенности относительно содержания правоотношения, оформленного взаимосвязанными сдел-

© Букреев В.В.

ками, способствует достижению целей защиты гражданских прав. Хороший пример обозначенной ситуации можно обнаружить в сфере лизинговых правоотношений.

В соответствии с позицией, изложенной в п. 3.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», в случае расторжения договора выкупного лизинга возникает необходимость соотнесения взаимных предоставлений, совершенных сторонами договора, и определения сальдо этих предоставлений – суммы завершающего обязательства, подлежащего выплате одной из сторон другой [13].

В развитие этой позиции, в п. 15 «Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга)», утв. Президиумом ВС РФ 27.10.2021, отмечено, что в случае, если несколько договоров лизинга являются взаимосвязанными, сумма завершающего обязательства по ним определяется не по каждому из договоров лизинга, а в совокупности [14].

Соответственно, если стороны заключили и впоследствии расторгли несколько договоров выкупного лизинга, то порядок расчетов по ним будет зависеть от наличия или отсутствия у этих договоров взаимосвязанного характера.

Представим ситуацию, в которой по одному из заключенных между сторонами договоров лизинга, сальдо сложилось в пользу лизингодателя, а по-другому – в пользу лизингополучателя. Если эти договоры были взаимосвязаны, то сложившиеся по ним суммы сальдо подлежат дальнейшему сальдированию – должен быть определен совокупный сальдированный результат по обоим договорам. Однако если договоры представляют собой независимые друг от друга сделки, у каждой из сторон возникает обязательство выплатить другой причитающуюся ей сумму сальдо по каждому из договоров в отдельности.

Если стороны имеют разногласия относительно наличия или отсутствия у этих договоров взаимосвязанного характера, возникает правовая неопределенность относительно вытекающих из них обязательств. Стороны не могут быть уверены в том, у кого и в каком объеме возникла обязанность по выплате суммы сальдо. На первый взгляд, кажется, что данная ситуация может быть легко разрешена путем совершения одной из сторон зачета встречных однородных требований. Ведь зачет прекратит встречные обязательства сторон вне зависимости от наличия или отсутствия у договоров свойства взаимной связи. Однако такой механизм применим не во всех случаях. В частности, если в отношении одной из сторон инициирована процедура банкротства, прекращение ее обязательств зачетом, по общему правилу, не допускается (п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 [15]). При таких обстоятельствах определить, у кого и в каком объеме возникло обязательство по выплате суммы сальдо, возможно только после разрешения вопроса о взаимосвязанном характере сделок.

Подобные ситуации регулярно возникают на практике, например, по обстоятельствам дела № А40-271613/2021 между лизингодателем и лизингополучателем было заключено 5 договоров выкупного лизинга. По 3-м договорам сальдо сложилось в пользу лизингодателя (в размере 53 млн руб.), по 2-м другим договорам – в пользу лизингополучателя (в размере 42 млн руб.). Лизингополучатель, признанный банкротом, просил взыскать с лизингодателя сальдо только по 2-м договорам (42 млн руб.). Суд первой инстанции решил, что договоры являются взаимосвязанными, в связи с чем отказал в удовлетворении требований, поскольку совокупное сальдо по всем 5-ти договорам сложилось в пользу лизингодателя. Суд апелляционной инстанции счел, что взаимосвязанность договоров лизинга не доказана, в связи с чем взыскал с лизингодателя 42 млн руб. Суд кассационной инстанции поддержал суд первой инстанции [16].

В данном деле сама по себе констатация взаимосвязанного характера сделок позволила сделать вывод о необоснованности требований лизингополучателя, что способствовало обеспечению защиты прав лизингодателя. Между тем, несложно заметить, что требование лизингодателя о признании договоров взаимосвязанными рассматривалось судом в рамках проверки обоснованности требования лизингополучателя о выплате суммы сальдо по договорам лизинга.

На наш взгляд, из этого обстоятельства не следует, что лизингодатель не был вправе предъявить требование о признании договоров лизинга взаимосвязанными до того, как лизингополучатель предъявил к нему требование о взыскании денежных средств. Напротив, нам представляется, что лизингодатель опрометчиво этого не сделал.

На сумму невыплаченного сальдо начисляются проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) [17]. Эти проценты начинают начисляться с даты, когда лизингодателю стало известно о том, что сальдо сложилось в пользу лизингополучателя – по общему правилу, с момента продажи изъятого предмета лизинга (ответ на вопрос 2, «Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2016)», утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016 [18]). Иными словами, в ситуации, когда лизингодатель не уверен, являются ли договоры лизинга взаимосвязанными, он встает перед выбором либо не выплачивать лизингополучателю сумму сальдо, либо выплатить ее. В первом случае он принимает риск начисления на эту сумму процентов по ст. 395 ГК РФ в случае, если впоследствии лизингополучатель предъявит к нему требование и будет установлено, что договоры лизинга не были взаимосвязанными. Во втором, лизингодатель несет финансовые потери на выплату сальдо, которые мог бы не нести в случае, если бы договоры лизинга были признаны взаимосвязанными.

© Букреев В.В.

В указанной ситуации лизингодатель мог бы снять с себя все обозначенные риски путем заявления самостоятельного требования о признании договоров взаимосвязанными. По результатам рассмотрения требования в отношения между сторонами была бы внесена ясность, наличие или отсутствие необходимости выплаты суммы сальдо стало бы очевидно. Иными словами, заявление требования о признании сделок взаимосвязанными способствовало бы достижению целей защиты гражданских прав лизингодателя, поскольку предотвратило бы нарушение прав лизингодателя, способствовало бы надлежащей реализации его прав.

Устранение правовой неопределенности в результате рассмотрения требования о признании сделок взаимосвязанными, может способствовать достижению этих целей и в других случаях, когда те или иные обязательства возникают у стороны сделки только в случае признания сделки взаимосвязанными с другими. Из указанного следует, что категория признания сделок взаимосвязанными соответствует ранее обозначенным признакам способа защиты гражданских прав (позволяет достигать целей защиты гражданских прав, например, путем пресечения или предотвращения нарушений права, надлежащей реализации прав). При этом достижение целей защиты гражданских прав возможно не только путем одновременного применения исследуемой категории с другими способами защиты, но и путем предъявления только требования о признании сделок взаимосвязанными.

Для применения способа защиты требуется наличие оснований защиты, которые характеризуются как юридические факты, оправдывающие применения способов защиты [4, с. 56]. Представляется, что в ситуации признания сделок взаимосвязанными, в качестве таких оснований будут выступать признаки взаимосвязанности, поскольку сделки могут быть признаны взаимосвязанными только в том случае, если это свойство у них имеется как таковое. То обстоятельство, что сделки обладают свойством взаимной связи вне зависимости от факта признания его судом на наш взгляд не препятствует заявлению соответствующего требования.

Аналогичная ситуация складывается применительно к требованию о признании недействительными ничтожных сделок. Так, в ст. 12 ГК РФ в качестве способа защиты права поименовано только требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки [17]. Это вызвано тем обстоятельством, что ничтожные сделки являются недействительными вне зависимости от признания их таковыми судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ) [17].

Тем не менее, признание ничтожных сделок недействительными квалифицируется в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав как доктринальном уровне, так и в судебной практике [19]. Подобную трактовку можно применить и к требованию о признании сделок взаимосвязанными.

При этом возможность применения того или иного способа защиты права связывается с фиксацией такого способа защиты в законе (ст. 12 ГК РФ) [17].

Упоминание о возможности признания сделок взаимосвязанными можно встретить в отдельных нормативно-правовых актах. Например, в п. 1 ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» указано, что крупной сделкой может быть признана не только одна, но и несколько взаимосвязанных сделок [20], в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ зафиксировано, что посредством нескольких взаимосвязанных сделок могут быть достигнуты определенные пороговые значения (стоимостной критерий сделок, которые могут быть оспорены на основании п. 1 ст. 61.2 и ст. 61.3 указанного закона, сделок, которые могут быть совершены только с согласия временного управляющего и пр.) [21]. В то же время, потребность в этой категории возникает и в тех сферах, где она нормативного закрепления не имеет (например, для целей уже упомянутого п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд») [5].

В связи с изложенным, нам представляется целесообразным закрепить в законе возможность признания сделок взаимосвязанными как универсальной категории – способа защиты, сфера применения которого не ограничивается отдельными сферами правового регулирования.

Заключение.

При таких обстоятельствах, можно констатировать, что признание сделок взаимосвязанными представляет собой не что иное, как самостоятельный способ защиты гражданских прав. Требование о признании сделок взаимосвязанными является одним из вариантов положительного иска о признании, позволяющего внести ясность в правую квалификацию обязательственных правоотношений.

Требование о признании сделок взаимосвязанными, преимущественно, применяется одновременно с другими способами защиты прав. В результате признания сделок взаимосвязанными устанавливается истинная сущность, сложившихся между сторонами правоотношений, что, в свою очередь, открывает возможность для применения иных способов защиты, непосредственно обеспечивающих восстановление нарушенных гражданских прав. В то же время, категория признания сделок взаимосвязанными может выступать и как самостоятельный способ защиты права в ситуации, когда, само по себе, устранение правовой неопределенности относительно

© Букреев В.В.

содержания правоотношения, оформленного взаимосвязанными сделками, способствует достижению целей защиты гражданских прав (например, позволяет достоверно определить возникло ли у стороны то или иное обязательство).

Установлено, что основанием для признания сделок взаимосвязанными выступает обнаружение у них признаков взаимосвязанности. Определено, что факт наличия у сделок взаимосвязанного характера вне зависимости от признания их таковыми судом не препятствует предъявлению соответствующего требования.

На основании изложенного предложено закрепить в законе возможность признания сделок взаимосвязанными как универсальной категории – способа защиты, сфера применения которого не ограничивается отдельными сферами правового регулирования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Букреев В.В. Взаимосвязанные сделки в различных сферах правового регулирования: признаки и цели применения // Современное право. 2026. № 3. С. 38–43. EDN IXQVTP
2. Гражданское право : учебник : в 3-х томах / Е.Н. Абрамова [и др.]. 2-е издание, переработанное и дополненное. М. : ООО «Проспект», 2020. Т. 1. 1040 с. – EDN GNAEGI.
3. Брагинский М.И. Договорное право : в 5 кн. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2011. 847 с. EDN QSCEAT.
4. Латыпов Д.Н. Защита гражданских прав в Российской Федерации : монография. М. : Статут, 2023. 248 с. ISBN 978-5-8354-1950-0
5. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 декабря 2025 г. № Ф06-7849/2025 по делу № А12-4854/2025 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 октября 2025 г. № Ф04-4830/2022 по делу № А27-3035/2021 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Основы цивилистики : учеб. пособие / Р.Х. Абдрашитов [и др.]; Под ред. А.В. Егорова и Э.А. Евстигнеева. М. : Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. 259 с.
9. Латыпов Д.Н. Признание права как способ защиты гражданских прав : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Латыпов Денис Наилевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2010. 30 с.
10. Старовойтова А.С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Старовойтова Анна Сергеевна; Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2020. 29 с.
11. Василевская Л.Ю. Иск о признании права: проблемы определения и толкования // Судья. 2011. № 6. С. 17–22. EDN UYPZSM
12. Старовойтова А.С. Признание права как способ защиты обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2(99). С. 76–84. EDN ZAMRZR
13. Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденный Президиумом ВС РФ 27 октября 2021 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 января 2023 г. № Ф05-29732/2022 по делу № А40-271613/2021 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
18. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2016), утвержденный Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Долгов С.Г. Признание ничтожной сделки недействительной как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2023. № 6. С. 9–13. EDN NOADGE

© Букреев В.В.

20. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
21. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

References:

1. Bukreev V.V. Interrelated transactions in various areas of legal regulation: features and purposes of application // Modern law. 2026. № 3. P. 38–43. EDN IXQVTP
2. Civil Law : textbook : in 3 vol. / E.N. Abramova [et al.]. 2nd edition, revised and supplemented. M. : Prospect Limited Liability Company, 2020. Vol. 1. 1040 p. EDN GNAEGI
3. Braginsky M.I. Contract law : in 5 books / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 3rd ed., erased. M. : Statute, 2011. – 847 p. – EDN QSCEAT.
4. Latypov D.N. Protection of civil rights in the Russian Federation : monograph. M. : Statute, 2023. 248 p. ISBN 978-5-8354-1950-0
5. Federal Law of April 5, 2013 № 44-FZ «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated December 17, 2025 № F06-7849/2025 in case № A12-4854/2025 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».
7. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated October 17, 2025 № F04-4830/2022 in case No. A27-3035/2021 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».
8. Fundamentals of Civil Law : textbook / R.Kh. Abdrashitov [et al.]; Edited by A.V. Egorov and E.A. Evstigneev. M. : Association of graduates of the RSPL, 2020. 259 p.
9. Latypov D.N. Recognition of rights as a way of protecting civil rights: abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Latypov Denis Nailevich; Place of protection: Ural state legal academy. Ekaterinburg, 2010. 30 p.
10. Starovoytova A.S. Recognition of law as a way to protect civil rights: problems of theory and practice : abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Starovoytova Anna Sergeevna; Place of protection: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL). M., 2020. 29 p.
11. Vasilevskaya L.Yu. Claim for recognition of rights: problems of definition and interpretation // Judge. 2011. № 6. P. 17–22. EDN UYPZSM
12. Starovoytova A.S. Recognition of rights as a way to protect obligatory rights // Actual problems of Russian law. 2019. № 2(99). P. 76–84. EDN ZAMRZR
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014, № 17 «On Certain Issues Related to the Purchase Lease Agreement" // Accessed from the «ConsultantPlus» legal reference system.
14. Review of judicial practice on disputes related to financial lease (leasing) agreements, approved by the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on October 27, 2021 // Accessed from the «ConsultantPlus» legal reference system.
15. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 29, 2001, № 65 // Accessed from the «ConsultantPlus» legal reference system.
16. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 19, 2023 № F05-29732/2022 in case № A40-271613/2021 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».
17. Civil Code of the Russian Federation (Part One) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
18. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2016), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2016 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».
19. Dolgov, S.G. Invalidation of a Void Transaction as a Method of Protecting Civil Rights // Civil Law. 2023. № 6. P. 9–13. EDN NOADGE
20. Federal Law of February 8, 1998 № 14-FZ «On Limited Liability Companies» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. Art. 785.
21. Federal Law of October 26, 2002 № 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

Информация об авторе

Букреев Василий Витальевич
аспирант юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0008-2991-5163
lglwrtng@yahoo.com

Vasily V. Bukreev
Postgraduate Student at the Faculty of Law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
ORCID iD: 0009-0008-2991-5163
lglwrtng@yahoo.com

© Букреев В.В.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Букреев В.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-7
УДК 343.9

Attribution
cc by

АРХИТЕКТУРА СИСТЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Игнатов А.Н.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. В статье на основе системного понимания преступности и положений теории архитектуры систем обосновывается научная продуктивность выделения архитектуры системы преступности как самостоятельного уровня ее описания. Архитектура системы преступности рассматривается и как уровень теоретического и прикладного описания преступности как динамической, открытой, нелинейной, стохастической, поликомпонентной, гетерогенной, самоорганизующейся, адаптивной, биосоциальной системы. В отличие от традиционного структурного анализа, архитектурный подход позволяет фиксировать не только состав и соотношение видов преступности, но и устойчивые конфигурации связей ее компонентов, принципы самоорганизации и эволюции, а также архитектурно значимые элементы системы, воздействие на которые обеспечивает системные эффекты противодействия. Предлагается авторская дефиниция архитектуры системы преступности, раскрываются ее компоненты и принципы построения, а также показывается значение архитектурного анализа системы преступности для выработки криминологической политики, разработки эффективных стратегий противодействия преступности и совершенствования антикриминальной практики.

Ключевые слова: преступность, криминальное поведение, системный подход, архитектура системы, сетевые структуры, самоорганизация, адаптивность, цифровизация, противодействие преступности.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CRIME SYSTEM ARCHITECTURE: FORMULATING THE PROBLEM

Aleksandr N. Ignatov
Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named After V.Ya. Kikot

Abstract. Based on a systemic understanding of crime and the tenets of systems architecture theory, this paper substantiates the scientific utility of identifying the architecture of the crime system as an independent level of its description. The architecture of the crime system is viewed as a level of theoretical and applied description of crime as a dynamic, open, non-linear, stochastic, multi-component, heterogeneous, self-organizing, adaptive, biosocial system. Unlike traditional structural analysis, the architectural approach allows for capturing not only the composition and ratio of crime types, but also the stable configurations of connections among its components, the principles of self-organization and evolution, as well as the architecturally significant elements of the system, targeting which ensures systemic effects in countering crime. The author provides a definition of the architecture of the crime system, reveals its components and construction principles, and demonstrates the significance of architectural analysis of the crime system for shaping criminological policy, developing crime counteraction strategies, and improving anti-criminal practices.

Keywords: crime, criminal behavior, systems approach, systems architecture, network structures, self-organization, adaptability, digitalization, countering crime.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В современной криминологии под влиянием общих методологических трансформаций в познании действительности наблюдается усиление междисциплинарных связей и выработка интегративных теорий преступности. Все более отчетливо выражается сдвиг от редукционистского

© Игнатов А.Н.

восприятия преступности как простой, статистически фиксируемой совокупности преступлений к ее осмыслению как сложного системного феномена. Сугубо количественная регистрация преступных деяний и лиц, их совершивших, хотя и необходима для эмпирического изучения преступности, обладает ограниченной гносеологической продуктивностью. Она фиксирует внешние проявления, но не раскрывает внутренних механизмов самовоспроизводства и адаптации преступности, ее взаимосвязей с правовой, экономической, политической и культурной средой. Преступность проявляется как многоуровневое образование, включающее преступные практики, субъекты и группы, криминальные рынки и инфраструктуру, которые в постоянном взаимодействии формируют наблюдаемую криминальную реальность. Системный подход, восходящий к общей теории систем [1; 2; 3; 4; 5], подчеркивает целостность, открытость и эмерджентность подобных образований.

Он позволяет выявить фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – преступное (уголовно-запрещенное) поведение человека по отношению к другому человеку или обществу в целом, которое конституируется спецификой природы человека как биосоциального существа, проявление которого на массовом уровне и образует феномен преступности [6]. В соответствии с системным подходом преступность следует рассматривать как динамическую, открытую, нелинейную, стохастическую, поликомпонентную, гетерогенную, самоорганизующуюся, адаптивную, биосоциальную систему [7].

Однако, признавая преступность системой, наука неизбежно сталкивается с вопросами: как устроена данная система, какова ее внутренняя конфигурация, как она меняется в пространстве и во времени? Таким образом, для аналитического и прикладного использования системного подхода в исследовании преступности требуется категориальный аппарат, способный описывать не только состав системы преступности, но и принципы ее устройства – структурные решения, обеспечивающие ее целостность и изменчивость. В качестве такого инструмента выступает категория архитектуры системы, разработанная в теории сложных систем и системной инженерии [8; 9].

Результаты.

В теории систем и системной инженерии понятие архитектуры сформировалось как инструмент описания и проектирования сложных объектов, в которых «целое» не выводится из простой суммы частей. В теории архитектуры систем под архитектурой понимается совокупность структурных решений, определяющих организацию системы, ее компоненты и способы их взаимодействия, а в стандартах архитектурного описания – набор взаимосвязанных представлений, фиксирующих состав, связи, ограничения и принципы эволюции системы [10]. Международный стандарт ISO/IEC/IEEE 42010:2011 «Системная и программная инженерия. Описание архитектуры» и идентичный ему национальный стандарт Российской Федерации определяют архитектуру как фундаментальные концепты (понятия) или свойства системы в окружающей ее среде (контексте, определяющем параметры и обстоятельства всех воздействий на систему), воплощенные в элементах, отношениях и принципах проектирования и эволюции (развития) [11].

Во всех указанных трактовках инвариантно присутствуют три ключевых элемента:

1) выделение компонентов (элементов, подсистем);

2) фиксация их связей и взаимодействий,

3) указание принципов, задающих устойчивость и допустимые траектории развития системы.

Тем самым архитектура выступает не просто описанием структуры, а совокупностью ключевых структурных решений, определяющих организацию системы, ее компоненты и способы их взаимодействия.

Следует отметить, что перенос категории «архитектура системы» в криминологию требует методологических уточнений. Прежде всего необходима ее адаптация к специфике социально-нормативных систем, предполагающей понимание того, что преступность формируется рефлексивными акторами, опирается на неформальные институты, использует ресурсы власти, насилия, информации и доверия и постоянно переопределяет границы допустимого [12; 13; 14]. Архитектура системы преступности не является «проектом» в инженерном смысле, поскольку преступность не конструируется единым субъектом, а возникает и воспроизводится в результате массового криминального поведения, включенного в социальные и правовые контексты. Вместе с тем преступность как самоорганизующаяся система демонстрирует устойчивые конфигурации связей, типовые формы кооперации и конкуренции, повторяющиеся модели криминальных практик и их инфраструктурного обеспечения, а также механизмы адаптации к изменениям среды, включая правоохранительное воздействие. Следовательно, архитектура в данном случае понимается как аналитическая модель – она фиксирует не сущностное содержание преступности, а устойчивые и воспроизводимые структурные решения, которые фактически реализуются множеством акторов и обеспечивают функционирование системы.

Исходя из понимания архитектуры системы как ее принципиальной организации, воплощенной в элементах, их взаимоотношениях друг с другом и с окружающей средой, а также в принципах, направляющих ее проектирование и эволюцию, архитектуру системы преступности целесообразно определить как совокупность устойчивых и

© Игнатов А.Н.

воспроизводимых конфигураций (структурных решений), определяющих организацию преступности как системы, ее ключевые компоненты, их иерархию, типы связей и взаимодействий, а также принципы самоорганизации и развития в конкретном пространственно-временном континууме социальной и правовой среде, самодетерминации и самовоспроизводства, включая адаптацию к противодействию.

В отличие от понятия «структура преступности», традиционно связанного с распределением преступлений по видам и группам, архитектура системы преступности включает более широкий набор характеристик. Наряду с морфологией (составом) она описывает функциональную конфигурацию преступности, ее информационно-коммуникационные и ресурсные параметры, механизмы интеграции и дезинтеграции как системы, а также архитектурно значимые решения, трудно изменяемые без существенного воздействия на систему в целом.

Компоненты архитектуры системы преступности могут быть представлены в четырех взаимосвязанных функциональных плоскостях, в каждой из которых реализуются специфические задачи функционирования системы.

Во-первых, это субъектно-поведенческий компонент, включающий индивидов и группы, которые осуществляют криминальное (уголовно наказуемое) поведение в индивидуальных, групповых и организованных формах, а также жертв и иных вовлеченных лиц, без которых невозможно воспроизводство криминальных практик (например, посредников и «поставщиков возможностей» [15]). В системном определении преступности как массового криминального поведения части членов общества субъектно-поведенческий компонент выступает первичным носителем системообразующего признака преступности.

Во-вторых, это деятельностно-процессуальный компонент, отражающий типовые циклы преступной деятельности: формирование мотива и цели, поиск возможностей (орудий и средств, соучастников, условий совершения преступлений), совершение преступления, сокрытие его совершения, легализацию результатов преступной деятельности, нейтрализацию рисков и воспроизводство криминальной практики в дальнейшем.

В-третьих, это инфраструктурно-ресурсный компонент, включающий материальные, финансовые, технологические и информационные ресурсы, которые создают возможности для криминальных практик и обеспечивают их (транспорт, оружие, коммуникации, логистика, цифровые сервисы, коррупционные инструменты и пр.).

В-четвертых, это институционально-нормативная среда, в которой преступность существует как подсистема общества. Уголовный закон задает границы преступного, правоприменение формирует «рисковый профиль» и «цену» преступной деятельности, а социальные институты и культура определяют доступность девиантных практик и степень их стигматизации. При этом необходимо учитывать и обратную связь: институты уголовной юстиции, административный надзор, а также превентивная деятельность специализированных и неспециализированных субъектов одновременно ограничивают преступность и стимулируют ее адаптацию.

В теории сложных систем архитектура понимается как способ организации множества частей, взаимодействующих и образующих иерархии подсистем. Именно иерархичность рассматривается как условие устойчивости и управляемости сложных объектов. Применительно к преступности это означает необходимость различать уровни архитектуры данной системы.

Методологически важно различать как минимум три уровня архитектуры системы преступности. Микроуровень охватывает индивидуальное криминальное поведение, его биосоциальные предпосылки и ситуативные характеристики. На микроуровне анализируется архитектура преступления: конфигурация участников (преступник, соучастники, жертва, очевидцы), способ совершения, ситуация совершения преступления, а также меры сокрытия. На мезоуровне раскрывается архитектура криминальных практик, включая деятельность преступных сообществ, криминальные сети и криминальные рынки товаров и услуг (распределение ролей, каналы коммуникации, механизмы осуществления криминальных практик, логистику, финансовые потоки и пр.). На макроуровне рассматривается архитектура преступности как подсистемы общества, как всего комплекса видов преступного поведения и криминальных практик и институтов, встроенных в экономические, политические, культурные и иные процессы.

Многоуровневость означает, что изменения на одном уровне могут порождать трансформации на другом. Так, цифровые каналы коммуникации модифицируют как способы совершения преступлений (мошенничеств, вымогательств, хищений), так и мезоуровневые модели организации преступных сообщества, а также характеристики структуры и иных параметров преступности на макроуровне. При этом межуровневые связи носят двусторонний характер. Макроусловия формируют «поле возможностей», мотивацию и целеполагание преступного поведения. Мезоструктуры обеспечивают организационные и инфраструктурные ресурсы. В свою очередь, акторы микроуровня совершают конкретные преступления, которые в агрегированном виде изменяют и мезо- и макроуровни.

Архитектура системы преступности задает структуру системы, ее компоненты, их взаимосвязи и принципы взаимодействия. Она выступает «матрицей совместимости» криминальных практик и организационных форм, обеспечивая целостность при высокой вариативности пове-

© Игнатов А.Н.

дения отдельных акторов. В этом смысле архитектура системы преступности является не статическим описанием ее параметров, а динамической конфигурацией связей, поддерживающей жизнеспособность структуры в условиях внешнего давления и внутренних конфликтов.

Архитектура системы преступности определяется не только наличием компонентов, но и конфигурацией их взаимосвязей. На уровне элементарных взаимодействий (микроуровне) ключевым является отношение «преступник – объект посягательства – жертва (социальная система)», опосредованное правовыми запретами и социальными нормами. На уровне мезоструктур (преступных сообществ, криминальных сетей, рынков) связи принимают форму устойчивых ролей, распределения функций, координации, контроля, механизмов принуждения и пр. На уровне макросистемы проявляются обратные связи между состоянием преступности и параметрами общества, в частности, динамикой экономического развития, социальным неравенством, трансформациями государственных и общественных институтов, миграционными процессами, культурными сдвигами, технологическим развитием, а также геополитическими процессами [16]. Именно наличие разнотипных связей (генетических, функциональных, информационных, пространственных и прочих) и их иерархия придают преступности качества целостности и эмерджентности, при которых система в целом обладает свойствами, отсутствующими у отдельных преступлений.

Архитектурный анализ требует многомерного описания сложной системы – один и тот же объект должен быть представлен в разных проекциях, отвечающих различным исследовательским задачам. Данное требование составляет основу подхода, закрепленного в стандартах описания архитектуры систем. Применительно к преступности целесообразно выделять, по меньшей мере, следующие взаимодополняющие «архитектурные представления».

Структурное представление фиксирует состав и соотношение подсистем (видов преступности, криминальных рынков, типов криминальных сообществ и сетей). Функциональная проекция описывает функции преступности как подсистемы общества (перераспределение ресурсов, формирование теневых рынков, обеспечение альтернативных (нелегальных) механизмов доступа к благам, символическое насилие, поддержание субкультурной идентичности, стимулирование развития общества и совершенствования антикриминальной практики). Представление о преступности как процессе моделирует жизненный цикл преступного поведения, криминальных практик, а также типовые и футурологические сценарии воспроизводства и развития преступности. Информационно-коммуникационное представление раскрывает каналы коммуникации, координации и управления, включая современные цифровые коммуникации, платформенные технологии и пр. Ресурсный аспект отражает источники и механизмы пополнения кадрового потенциала криминалитета, материально-финансового обеспечения криминальных практик, потоки незаконных доходов и механизмы их легализации. Территориальное представление отображает пространственную организацию преступности (географическую и топографическую распределенность), а также криминальных связей (сети, узлы, «хабы», транзитные маршруты). Наконец, эволюционное представление фиксирует принципы изменения архитектуры под воздействием внешних и внутренних факторов, включая правоохранительное воздействие.

Принципы построения архитектуры системы преступности вытекают из общих закономерностей самоорганизации и воспроизводства сложных открытых и адаптивных систем, а также биосоциальной природы преступности. К ним относятся принципы иерархичности, функциональной дифференциации, распределенности управления, конкуренции, открытости для внешней среды, адаптивности и эволюционной вариативности, гибридизации и латентности.

Следует учитывать, что архитектура системы преступности динамична. Под воздействием множества факторов она трансформируется, потому не может быть описана как статичная схема. Целесообразно различать относительно инвариантные архитектурные решения (например, необходимость ресурсного обеспечения и коммуникации, потребность в легализации доходов) и переменные решения, зависящие от пространственно-временного континуума, уровня технологического развития и особенностей правового регулирования. Иными словами, архитектура преступности проявляет свойства сложных систем. Она включает устойчивые уровни и повторяющиеся модели, но допускает широкий диапазон вариативности на периферии, где происходит инновационное развитие криминальных практик.

Заключение.

Сущность построения любой архитектуры заключается в структурировании объекта, где структурирование означает упорядочивание элементов и связей. Исследование архитектуры системы преступности имеет принципиальное значение для понимание природы преступности и актуального состояния данного феномена, а также для выявления и прогнозирования функциональных и иных системных трансформаций преступности с целью выработки управляемого воздействия на нее.

Применение такого методологического инструментария познания, как категория «архитектура системы», позволяет комплексно исследовать преступность во всем многообразии ее системных свойств и характеристик. Разработанное определение архитектуры системы преступности как совокупности устойчивых и воспроизводимых

© Игнатов А.Н.

конфигураций (структурных решений) позволяет концептуализировать внутреннее устройство криминальной сферы. Понимание сложности и динамичности архитектуры системы преступности, а также принципов ее построения позволяет определить факторы, детерминирующие преступное поведение и влияющие на структурные параметры данной системы. В сочетании с возможностью выявления тенденций трансформации архитектуры системы преступности это имеет принципиальное значение для выработки криминологической политики, разработки эффективных стратегий противодействия преступности и совершенствования антикриминальной практики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / под ред Н.А. Головина; Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб. : Наука, 2007. 641 с. ISBN: 978-5-02-026871-5 EDN: QOHQND
3. Урсул А.Д. Общенаучный статус и функции системного подхода // Системные исследования: ежегодник. М. : Наука, 1977.
4. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М. : Наука, 1974. 280 с.
5. Горохов А.В. Основы системного анализа: учебное пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2019. 140 с. ISBN: 978-5-534-09459-6 EDN: EQLNUF
6. Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 1. С. 63–73. EDN: VVVLZP
7. Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-6 EDN: DGTVVT
8. Maier M.W. The Art of Systems Architecting. 3rd ed. / M.W. Maier, E. Rechtin. Boca Raton : CRC Press, 2009. 472 p. DOI: 10.1201/9781420058529
9. Gharajedaghi J. Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity. 3rd ed. Burlington : Morgan Kaufmann, 2011. 376 p.
10. Bass L. Software Architecture in Practice. 3rd ed. / L. Bass, P. Clements, R. Kazman. Boston : Addison-Wesley, 2013. 587 p.
11. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 ноября 2019 г. № 1190-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». URL : https://base.garant.ru/73429087
12. Гилинский Я.И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения : учеб. пособие / Я. Гилинский, В. Афанасьев; Санкт-Петербургский филиал Института социологии Российской академии наук. СПб., 1993. 167 с.
13. Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56. EDN: UASHXV
14. Лысак И.В. Общество как саморазвивающаяся система : учеб. пособие по курсу «Социальная философия» для студентов высших учебных заведений. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 112 с. ISBN: 978-5-8327-0263-6 EDN: QGVHXL
15. Игнатов А.Н. Коммодификация персональных данных как криминологический феномен // Общество и право. 2025. № 3(93). С. 25–30. EDN: SRIDJA
16. Игнатов А.Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 59–63. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-6-59-63 EDN: ERYCYD

References:

1. Bertalanfi L. background. General theory of systems: a critical review // Research on the general theory of systems. M. : Progress, 1969. P. 23–82.
2. Luhmann N. Social systems. An essay on general theory / Edited by N.A. Golovin; Transl. from German by I.D. Gaziev. SPb. : Nauka, 2007. 641 p. ISBN: 978-5-02-026871-5 EDN: QOHQND
3. Ursul A.D. General scientific status and functions of the system approach // System research : yearbook. M. : Nauka, 1977.
4. Sadovsky V.N. Foundations of the general theory of systems. M. : Nauka, 1974. 280 p.
5. Gorokhov A.V. Fundamentals of system analysis : textbook for universities. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 140 p. ISBN: 978-5-534-09459-6 EDN: EQLNUF

© Игнатов А.Н.

6. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2016. № 1. P. 63–73. EDN: VVVLZP
7. Ignatov A.N. Crime as a system // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 9. P. 97–104. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-6 EDN: DGTVVT
8. Maier M.W. The Art of Systems Architecting. 3rd ed. / M.W. Maier, E. Rechtin. Boca Raton : CRC Press, 2009. 472 p. DOI: 10.1201/9781420058529
9. Gharajedaghi J. Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity. 3rd ed. Burlington : Morgan Kaufmann, 2011. 376 p.
10. Bass L. Software Architecture in Practice. 3rd ed. / L. Bass, P. Clements, R. Kazman. Boston : Addison-Wesley, 2013. 587 p.
11. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 19, 2019 № 1190-st «On approval of the National Standard of the Russian Federation». URL : https://base .garant.ru/73429087
12. Gilinsky Ya.I. Sociology of deviant (deviant) behavior : textbook / Ya. Gilinsky, V. Afanasyev; St. Petersburg branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. SPb., 1993. 167 p.
13. Gilinsky Ya.I. On a systematic approach to crime // News of higher educational institutions. Law studies. 1981. № 5. P. 49–56. EDN: UASHXV
14. Lysak I.V. Society as a self-developing system : textbook the handbook of the course «Social Philosophy» for students of higher educational institutions. Taganrog : Publishing House of TTI SFU, 2008. 112 p. ISBN: 978-5-8327-0263-6 EDN: QGVHXL
15. Ignatov A.N. Commodification of personal data as a criminological phenomenon // Society and law. 2025. № 3 (93). P. 25–30. EDN: SRIDJA
16. Ignatov A.N. Influence of geopolitical factors on crime // Bulletin of Economic Security. 2023. № 6. P. 59–63. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-6-59-63 EDN: ERYCYD

Информация об авторе

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры криминологии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
ORCID ID: 0000-0002-0976-167X
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Chair of Criminology,
Moscow University of The Ministry
of Internal Affairs of Russian Federation
named After V.Ya. Kikot
ORCID ID: 0000-0002-0976-167X
aleksandrignatov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Игнатов А.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-9
УДК 340.1

Attribution
cc by

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕКЛАРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Калинина Е.А.
Пензенский государственный университет

Аннотация. Цель: теоретико-методологический анализ подходов к определению эффективности правовых норм и выработка оснований для оценки эффективности декларативных норм права. В статье рассматривается специфика декларативных норм, выявляются препятствия, возникающие при оценке их эффективности (отсроченный характер реализации, идеологическая составляющая, сложности квантификации). Проводится критический анализ четырех основных научных подходов к эффективности права. Сделана попытка обосновать, что плюралистический подход наиболее полно отражает природу декларативных норм права. Отмечается важность разграничения юридической и социальной эффективности. Предлагаются качественные критерии оценки эффективности декларативных норм. Сделан вывод о том, что под эффективностью декларативных норм можно понимать комплексную характеристику их способности благоприятно воздействовать на объективную действительность через закрепление ценностных ориентиров и снижение социальной конфликтности.

Ключевые слова: декларативные правовые нормы, эффективность права, механизм правового регулирования, плюралистический подход, юридическая эффективность, социальная эффективность, правосознание, социальная конфликтность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

EFFECTIVENESS OF DECLARATIVE LEGAL NORMS: METHODOLOGICAL APPROACHES AND CRITERIA FOR EVALUATION

Ekaterina A. Kalinina
Penza State University

Abstract. Theoretical and methodological analysis of approaches to determining the effectiveness of legal norms and development of grounds for assessing the effectiveness of declaratory norms of law. The article examines the specificity of declaratory norms, identifies obstacles arising when assessing their effectiveness (delayed nature of implementation, ideological component, difficulties of quantification). A critical analysis of four main scientific approaches to the effectiveness of law is carried out. An attempt is made to substantiate that the pluralistic approach most fully reflects the nature of declaratory norms of law. The importance of distinguishing between legal and social effectiveness is noted. Qualitative criteria for assessing the effectiveness of declaratory norms are proposed. It is concluded that the effectiveness of declaratory norms can be understood as a comprehensive characteristic of their ability to favorably influence objective reality through the consolidation of value orientations and reduction of social conflict.

Keywords: declaratory legal norms, effectiveness of law, mechanism of legal regulation, pluralistic approach, legal effectiveness, social effectiveness, legal consciousness, social conflict.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Норма выступает критерием оценки, средством контроля поведения людей, задает параметры и направления развития. Основой нормы часто выступает ценность. В особенности это свойственно правовым и социальным нормам. В них ценность формирует глубинные основания правил и определяет их содержание [1].

Полагаем, что одним из критериев эффективного нормотворчества и законодательной деятельности является учет ценностных оснований нормативной жизни.

© Калинина Е.А.

В этом контексте, осознание ценности юридической нормы тесно связано с пониманием ее истинной пользы. Польза нормы права заключается в ее востребованности, способности приносить реальную пользу участникам правоотношений. Под пользой здесь необходимо понимать регулятивный потенциал, которым наделена соответствующая правовая норма.

Следовательно, можно сказать, что ценна та правовая норма, которая способна воздействовать на общественные отношения, определять правила поведения и деятельности их субъектов. Однако о реальности такого воздействия можно говорить лишь при условии эффективности нормы права.

Обсуждение. Результаты.

Проблема эффективности правовых норм имеет давнюю традицию изучения в отечественной юридической науке. Свое начало она берет во второй половине XX века в работах таких ученых, как А.С. Пашков, Д.М. Чечот, Л.С. Явич, А.Б. Венгеров, И.С. Самощенко, В.И. Никитинский и др. [2].

При этом внимание исследователей акцентировалось преимущественно на нормах с ярко выраженной регулятивной направленностью, имеющих санкционный механизм защиты. Вопрос же эффективности декларативных норм права, закрепляющих преимущественно цели, идеалы и ценностные ориентиры, фактически системно не исследовался.

Декларативные нормы права представляют собой общеобязательные, формально-определенные правовые установления высокой степени абстракции. Они провозглашаются в торжественно-возвышенном стиле и не имеют прямой санкционной защиты. В механизме правового регулирования им принадлежит особая роль, заключающаяся в обеспечении единства и системной целостности права [3, с. 64]. Однако их специфика (идеологический характер, отсутствие прямой юрисдикционной санкции, особенности формы их реализации через воздействие на правовое сознание индивида, отложенный результат реализации) порождает методологические сложности в оценке их эффективности.

Долгое время в юридической литературе доминировало понимание права как совокупности норм-правил поведения, обеспеченных государственным принуждением. Такой узконормативный подход не позволял рассматривать декларативные правовые предписания в качестве самостоятельных норм права. Это создавало препятствия в их оценке с точки зрения эффективности.

Даже при преодолении этого доктринального барьера оценка эффективности декларативных норм сталкивается с методологическими сложностями. Так, к целям декларативных правовых норм можно отнести, например, формирование правосознания, повышение доверия к государственным институтам, провозглашение правового курса. Все они носят долгосрочный и стратегический характер, а их реализация отложена во времени. Это вызывает трудности при измерении их эффективности с помощью традиционных количественных критериев.

Кроме того, оценка эффективности декларативных норм требует учета их идеологической и ценностной составляющей. Измерение же таких категорий представляется весьма затруднительным.

Необходимо отметить существующее мнение о принципиальной невозможности оценить эффективность подобного рода норм. В основе данной позиции лежит тезис о том, что их действие проявляется опосредованно, только через регулятивные и охранительные нормы права [4, с. 36]. Однако отказ от оценки эффективности декларативных правовых норм означал бы освобождение законодателя от ответственности за качество принимаемых актов и допущение существования в праве нормативных положений, лишенных практического значения.

В науке сложилось несколько ключевых направлений в исследовании эффективности юридических норм.

Первый подход (позитивистский) базируется на разграничении «должного» и «сущего» [5]. Эффективность понимается как фактическое функционирование нормы в социальной реальности, соответствие поведения адресата установленной модели [6].

Полагаем, что такой подход практически неприменим к декларативным правовым нормам. Причиной служит отсутствие в их содержании конкретной поведенческой модели. Они выступают разновидностью исходных правовых предписаний и обладают высокой степенью обобщенности.

Декларативные нормы определяют характер, содержание и направленность всей системы правового регулирования. На их основе, по сути, происходит формирование такой системы [7].

Второй подход (функционально-целевой) определяет эффективность через степень достижения заложенной в норме социальной цели [8]. Однако, как отмечал Ф.Н. Фаткулин, цель и результат не охватываются самим содержанием правовой нормы [9, с. 318–319]. Кроме того, цели декларативных норм часто носят общий, стратегический характер. Это закономерно усложняет их верификацию. Но именно такие нормы задают вектор долгосрочного правового развития. В этом и видится их ценность, а не недостаток.

Третий подход связывает эффективность со способностью правовых норм разрешать социальные противоречия и снижать уровень социальной конфликтности [10, с. 215–216]. Ключе-

© Калинина Е.А.

вым критерием выступает степень минимизации конфликтного потенциала в регулируемой сфере.

Данный подход может быть продуктивен при оценке эффективности декларативных норм права. Это связано с тем, что, закрепляя в своем содержании значимые ценностные ориентиры, декларативные нормы способствуют согласованию социальных интересов. Следовательно, при создании таких норм в основе законотворчества должна лежать необходимость выявления и учета правообразующих интересов [11].

Четвертый подход (плюралистический) предполагает комплексное исследование эффективности юридических норм. Оно включает не только соотношение цели и результата, но и социальную значимость, психологическое восприятие, ценностное содержание. В методологическом плане он связан с широким философско-антропологическим подходом, где эффективность понимается как нахождение правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного способа существования личности [12].

Как отмечает С.А. Жинкин, разные уровни и грани права требуют разных подходов к оценке эффективности. Поэтому при ее изучении возникает необходимость интеграции различных научных методов и концепций понимания права [13].

В рамках плюралистического подхода обоснованно разграничение юридической и социальной эффективности правовых норм.

Юридическая эффективность – это степень обеспечения, заданного нормами желаемого поведения участников регулируемых правоотношений, обеспечиваемая государственным принуждением. Она отражает формальную реализацию складывающихся в обществе отношений [14, с. 14].

Под *социальной эффективностью* понимают характеристику действия норм, степень достижения ими объективно обоснованной социально обусловленной цели. Она выражается в социальной востребованности, полезности, соответствии балансу социальных интересов и снижении уровня деструктивной конфликтности. Социальная эффективность показывает, насколько правовые установления действительно принимаются и разделяются обществом [15].

Считаем, что для декларативных правовых норм ключевое значение имеет именно социальная эффективность. Она раскрывается через внутреннее убеждение субъектов реализации, степень глубины принятия заложенной в норме ценности индивидуальным и коллективным правосознанием. Как справедливо отмечал Е.Н. Ефимов, норма права, проникая в сознание, становится силой, способной повлиять на решение, а через него на поведение личности [16, с. 64].

По нашему мнению, оценка эффективности декларативных норм не может быть сведена к измерению отдельных параметров. Она требует комплексного подхода с приоритетом социальных результатов над формально-юридическими показателями.

Критериями эффективности декларативных правовых норм могут выступать:

1. *Степень интеграции провозглашенных идей в отраслевое законодательство.* Например, реализация декларативного положения о социальном государстве может оцениваться через анализ показателей правотворческой и бюджетно-финансовой активности государства в социальной сфере или через индекс общественного доверия к системе социальной защиты.

2. *Снижение уровня социальной напряженности в регулируемой сфере.* Социальная напряженность представляет собой отношение человека или группы к социальной реальности. Она определяется их актуальным представлением о соотношении нормы социального существования и действующей ситуации [17, с. 122].

Правовые нормы всегда несут в себе определенный идеологический или ценностный «заряд». Их расхождение с интересами адресатов может привести к возникновению социальных конфликтов.

Эффективность декларативной нормы может проявляться в способности снижать уровень конфликтного потенциала правового регулирования. Достижение такого результата представляется возможным, когда закрепленные в ней ценности учитывают правообразующие интересы.

3. *Изменение паттернов правомерного поведения субъектов.* Оценка эффективности декларативных норм возможна через анализ изменений паттернов правомерного поведения. В отличие от регулятивных норм, устанавливающих конкретные правила и опирающихся на санкционную защиту, декларативные нормы задают ценностно-смысловые ориентиры. Благодаря механизму правовой социализации они способны становиться частью внутреннего мира человека, формируя его правосознание и правовое поведение. Следствием это выступает вырабатывание устойчивого поведенческого образца, соответствующего этим ценностям. При этом он воспроизводится без какого-либо внешнего принуждения.

4. *Качественные характеристики правосознания.* Как отмечает А.С. Бондарев, правовая культура имеет «живую» часть, состоящую из знаний права, позитивных правовых убеждений и социально-правовой активности [18]. Можно сказать, что декларативные нормы права направлены именно на формирование живой части правовой культуры, поскольку эффективность правовых норм во многом зависит от психологических и идеологических факторов [19].

© Калинина Е.А.

Важно учитывать и опережающую функцию права, когда декларативные нормы принимаются до момента формирования общественного отношения с целью задать вектор их развития. Примером могут служить различные стратегические документы и программы, содержащие декларативные положения о приоритетах государственной политики. В таком случае об эффективности можно говорить лишь применительно к будущему, по мере изменения правосознания и возникновения соответствующих отношений [21].

Заключение.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно отметить следующее.

Эффективность декларативных норм права – это комплексная характеристика их способности благоприятно воздействовать на объективную действительность путем закрепления ценностных ориентиров и обеспечения достижение социально значимых целей.

Наиболее предпочтительным методологическим основанием нам представляется плюралистический подход, который снимает противоречия между количественными показателями эффективности и ценностно-идеологической природой декларативных норм.

Ключевое значение для декларативных правовых норм имеет разграничение юридической и социальной эффективности. Социальная эффективность, выражающая степень принятия заложенных ценностей правосознанием является приоритетной.

Критерии эффективности правовых норм должны строиться на приоритете социальных результатов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Мороз Е.Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4(55). С. 17–22.
2. Пашков А.С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11; Пашков А.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социалистического исследования) / А.С. Пашков, Л.С. Явич // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48; Венгеров А.Б. К методике изучения эффективности правовых норм / А.Б. Венгеров, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 70–78.
3. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2017. 221 с. EDN: MQXTZU
4. Порошин Е.А. Исполнимость нормативных правовых актов : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 185 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1988. 231 с.
6. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1(282). С. 212–232. EDN: KWVDIP
7. Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. 2017. № 1(50). С. 22–30. DOI: 10.24147/1990-5173.2017.1.22-30 EDN: YGTWNZ
8. Самощенко И.С. Изучение эффективности действующего законодательства / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 5–6.
9. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. 336 с.
10. Лапаева В.В. Социология права. М., 2004. 287 с. ISBN: 5-89123-459-9 EDN: QVTJBD
11. Червонюк В.И. Интерес как первопричина правообразования и доминанта изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 196–208. EDN: QVJALD
12. Нугаева Н.Р. Проблема эффективности права в истории отечественного правоведения // История государства и права. 2015. № 21. С. 8–13. EDN: UNNTTF
13. Жинкин С.А. О методологических принципах исследования эффективности норм законодательства // Российский следователь. 2008. №19. С. 33–35. EDN: JVXRUJ
14. Филипчик Т.В. Общетеоретические проблемы эффективности норм права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Мн., 2018. 26 с.
15. Пунченко С.И. О социальной эффективности норм права // Современное право. 2012. № 1. С. 39–40. EDN: ORDORJ

© Калинина Е.А.

16. Ефимов Е.Н. Элементарные понятия о государстве и праве. М., 1917. 128 с.
17. Плотников В.В. Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации / В.В. Плотников, А.Р. Каспаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 1(254). С. 118–125. EDN: MTVFXG
18. Бондарев А.С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1(31). С. 6–15. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-6-15 EDN: VVBHNB
19. Жинкин С.А. О влиянии психологических факторов на эффективность норм права // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 6(25). С. 74–76. EDN: MUMHRL
20. Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16. DOI: 10.12737/jrl.2020.038 EDN: FNKOLQ

References:

1. Moroz E.N. Legal norms and values as elements of the legal system // Siberian Law Bulletin. 2011. № 4(55). P. 17–22.
2. Pashkov A.S. Effectiveness of legal regulation and methods of its detection / A.S. Pashkov, D.M. Chechot // The Soviet State and Law. 1965. № 8. P. 3–11; Pashkov A.S. The effectiveness of the legal norm (on methodology and methodology of socialist research) / A.S. Pashkov, L.S. Yavich // Soviet State and law. 1970. № 3. P. 40–48; Vengerov A.B. Towards a methodology for studying the effectiveness of legal norms / A.B. Vengerov, V.I. Nikitinsky, I.S. Samoshchenko // Soviet State and Law. 1971. № 9. P. 70–78.
3. Baranov A.V. System-defining specialized norms of modern Russian law : dis. ... cand. jurid. sciences'. Omsk, 2017. 221 p. EDN: MQXTZU
4. Poroshin E.A. The enforceability of normative legal acts : dis. ... cand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2006. 185 p.
5. Kelsen G. Pure doctrine of law. M., 1988. 231 p.
6. Varlamova N.V. Effectiveness of legal regulation: rethinking the concept // News of higher educational institutions. Law studies. 2009. № 1(282). P. 212–232. EDN: KWVDIP
7. Baranov A.V. On the concept and place of specialized norms in the system of Russian law // Bulletin of Omsk University. 2017. № 1(50). P. 22–30. DOI: 10.24147/1990-5173.2017.1.22-30 EDN: YGTWNZ
8. Samoshchenko I.S. Studying the effectiveness of current legislation / I.S. Samoshchenko, V.I. Nikitinsky // The Soviet State and law. 1969. № 8. P. 5–6.
9. Fatkullin F.N. Problems of the theory of the state and law. Kazan, 1987. 336 p.
10. Lapaeva V.V. Sociology of Law. M., 2004. 287 p. ISBN: 5-89123-459-9 EDN: QVTJBD
11. Chervonyuk V.I. Interest as the root cause of legal education and the dominant of legislative changes // Legal technology. 2023. № 17. P. 196–208. EDN: QVJALD
12. Nugaeva N.R. The problem of the effectiveness of law in the history of Russian jurisprudence // History of the State and law. 2015. № 21. P. 8–13. EDN: UNNTTF
13. Zhinkin S.A. On the methodological principles of researching the effectiveness of legislation // A Russian investigator. 2008. № 19. P. 33–35. EDN: JVXRUJ
14. Filipchik T.V. General theoretical problems of the effectiveness of the norms of law : abstract of dis.. ... cand. jurid. sciences'. Mn., 2018. 26 p.
15. Punchenko S.I. On the social effectiveness of legal norms // Modern law. 2012. № 1. P. 39–40. EDN: ORDORJ
16. Yefimov E.N. Elementary concepts of the state and law. M., 1917. 128 p.
17. Plotnikov V.V. Social tension: factors of occurrence and actualization / V.V. Plotnikov, A.R. Kasparov // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2020. № 1(254). P. 118–125. EDN: MTVFXG
18. Bondarev A.S. Legal awareness is an integral and leading part of legal culture // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2016. № 1(31). P. 6–15. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-6-15 EDN: VVBHNB
19. Zhinkin S.A. On the influence of psychological factors on the effectiveness of legal norms // Jurist-Pravoved. 2007. № 6(25). P. 74–76. EDN: MUMHRL
20. Tikhomirov Yu.A. Law: a moment of rest or a proactive impact on social processes // Journal of Russian Law. 2020. № 4. P. 5–16. DOI: 10.12737/jrl.2020.038 EDN: FNKOLQ

Информация об авторе

Калинина Екатерина Александровна
преподаватель,
Средне-Волжский институт (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»;
аспирант,
Пензенский государственный университет
katierina.kalinina@mail.ru

Ekaterina A. Kalinina
Lecturer,
Middle Volga Institute (branch)
of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)»;
Postgraduate Student,
Penza State University
katierina.kalinina@mail.ru

© Калинина Е.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Калинина Е.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-11
УДК 316.343

Attribution
cc by

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ БРАК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Коблева З.Х.
Майкопский государственный технологический университет

Аннотация. В статье анализируется правовая неопределенность незарегистрированных брачных отношений в молодежной среде, набирающие популярность в российском социуме, несмотря на отсутствие юридической защищенности в вопросах социально-правовой сферы. Привлекательность подобных брачных союзов во многом обусловлена отсутствием взаимных обязательств между партнерами. Современные брачные практики, основанные на нежелании молодых людей оформлять свой брачный статус в правовом поле, ведут к многочисленным проблемам имущественного или наследственного характера, возникающие в ходе бракоразводного процесса. Цель данного исследования связана с формированием устойчивого интереса к правовому регулированию незарегистрированных форм брака в современной молодежной среде. Материалы и методы. Теоретической базой исследования стали труды отечественных ученых, изучавших правовые аспекты брачно-семейных отношений в условиях трансформации российского общества. Результаты и обсуждение. В ходе данного исследования было установлено, что для значительной части молодежи незарегистрированный брак сохраняет свою актуальность, происходит «игнорирование» традиционной формы брака, и как следствие – правовая неопределенность партнеров в браке, как фактор появления серьезных проблем в системе межличностной коммуникации партнеров в брачном союзе.

Ключевые слова: незарегистрированный брак, правовые аспекты, правовой режим имущества, молодежь, правовая неопределенность, трансформация, общество.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

UNREGISTERED MARRIAGE IN THE YOUTH ENVIRONMENT: LEGAL INDEFINITENESS

Zuret Kh. Kobleva
Maikop State Technological University

Abstract. The article analyzes the legal uncertainty of unregistered marriages among young people, which are gaining popularity in Russian society despite the lack of legal protection in the social and legal sphere. The attractiveness of such marriages is largely due to the lack of mutual obligations between partners. Modern marriage practices, based on the reluctance of young people to formalize their marital status in the legal field, lead to numerous problems of a property or inheritance nature that arise during the divorce process. Materials and methods. The theoretical basis of the study was the works of Russian scientists who studied the legal aspects of marriage and family relations in the context of the transformation of Russian society. Results and discussion. This study has shown that for a significant portion of young people, unregistered marriage remains relevant, and there is a tendency to «ignore» the traditional form of marriage, which can lead to legal uncertainty among married partners and cause serious problems in their interpersonal communication.

Keywords: Unregistered marriage, legal aspects, legal regime of property, youth, legal uncertainty, transformation, society.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современные брачные практики в молодежной среде формируются в условиях выраженной индивидуализации ценностей, которые включают в себя отказ от традиционной формы брачно-семейных отношений в пользу альтернативных форм брака, основанных на вариативности и многообразии.

Актуальность темы исследования связана с устойчивым исследовательским интересом в сфере формирования современных брачных практик молодежи вне правового поля, набира-

© Коблева З.Х.

ющие популярность в современном российском обществе.

Обсуждение.

В отечественной науке проблемам правового регулирования незарегистрированных брачных союзов посвящены работы таких ученых, как И.Р. Альбиков [1], С.А. Закирова [2]. О.Г. Зубарева [3]. М.М. Меркулов, М.А. Тугуз, [4] Е.В. Чигрина [5] и других.

Согласимся с исследовательской позицией Серебряковой А.А: «Тенденция последнего времени показывает увеличение количества пар, проживающих совместно, одной семьей без официальной регистрации брака в так называемых «фактических брачных» отношениях. Именно таким термином юристы определяют не подвергшийся регистрации государством союз женщины и мужчины» [6, с. 212].

Бесспорно, что официальный брак во многом удобнее незарегистрированного брака и попытки уравнивать статус фактического и официального браков с социально-правовой точки зрения достаточно сложно.

Результаты.

В ходе Всероссийской переписи населения в 2020 году было установлено увеличение количества незарегистрированных браков в российском обществе.

Так, в 2020 году, количество пар, проживающих вне официального брака составило 5,4 млн, что на 1 млн больше, в 2010 году [7]. Это, в свою очередь, свидетельствует о снижении значимости традиционных брачных практик и нежеланием регистрировать свой брачный союз.

Формирование брачных предпочтений в современной молодежной среде, чаще всего происходит в условиях сильной эмоциональной привязанности, где психологический комфорт и возможность постоянно находится рядом с партнером, отсутствие каких-либо серьезных обязательств придают особую привлекательность незарегистрированным формам брака. Многие молодые люди предпочитают «прорепетировать» свою будущую семейную жизнь.

В рамках нашего исследования мы проводили социологический опрос среди студентов Майкопского государственного технологического университета в возрасте от 18 до 21 года, в 2024–2025 году с целью выявления основных брачных тенденций молодежи в условиях трансформации российского общества. В опросе приняли участие 260 человек, методом случайной выборки, которые были распределены в 2 группы по гендерному признаку. Мы решили узнать, планируют ли молодые люди вступать в брак? (рис. 1).

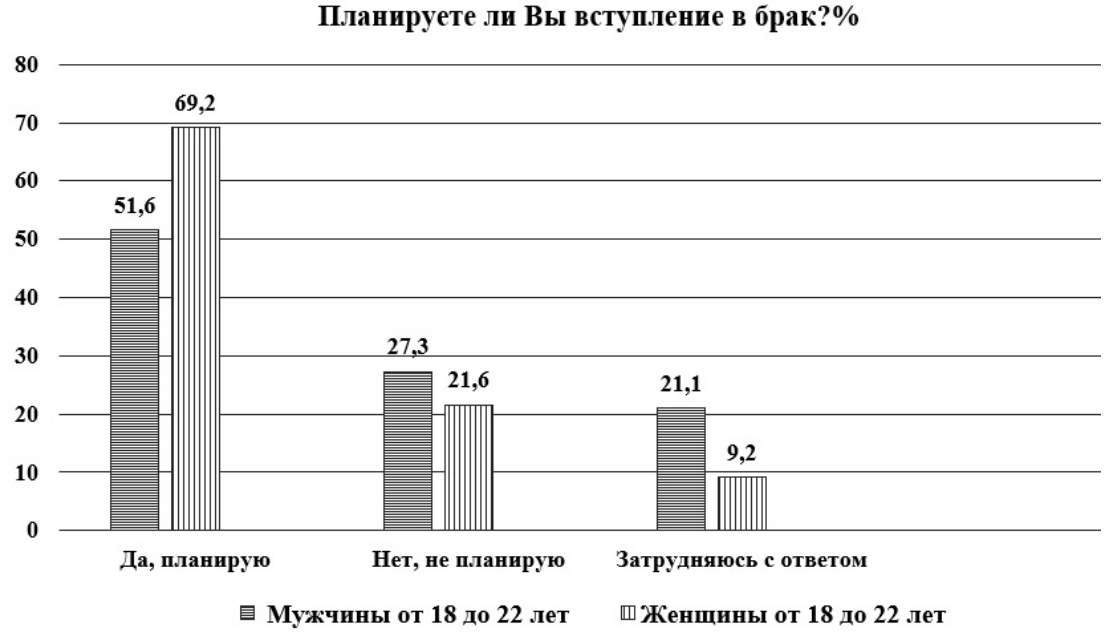

Рисунок 1

Выбор традиционного брачного союза определили для себя 69,8 % женщин и 51,6 % мужчин. Среди тех, кто не планирует брак оказались 27,3 % мужчин и 21,6 % женщин, для которых вопросы формирования брачно-семейных отношений не представляются актуальными в данный жизненный период.

В контексте нашего исследования, мы решили уточнить, является ли «штамп в паспорте» обязательным условием для начала совместной жизни?(рис. 2)

© Коблева З.Х.

Рисунок 2

Анализ полученных результатов свидетельствует о желании 53 % женщин и 41,6 % мужчин правового закрепления брачного статуса. Штамп в паспорте не является обязательным условием для создания семьи и дальнейшего совместного проживания для 43,2% мужчин и 42,9 % женщин. Вероятнее всего, для данной категории молодых людей незарегистрированный брак представляет наиболее востребованную форму брачно-семейных отношений, где отсутствуют взаимные обязательства партнеров. Примечательно, что среди тех, кто затруднился с выбором ответа оказались 15,2 % мужчин и всего 3,7 % женщин.

Как известно, многие молодые люди, получающие образование, предпочитают формат «пробного брака», в условиях которого устанавливается возможность более длительных отношений партнеров в браке, которые часто заканчиваются официальным заключением брака. Однако многие молодые люди предпочитают формировать свое финансовое и материальное благополучие исключительно автономно, тем самым обезопасив себя от «посягательств» на собственное имущество со стороны партнера.

Подобная тенденция в настоящее время набирает популярность в нашем обществе, поскольку отношения партнеров в условиях незарегистрированного брака могут не всегда быть основаны на взаимном доверии и чаще всего, характеризоваться как аморфные. В таком союзе один из партнеров может в любой момент отказаться от своего брачного статуса, поскольку не имеет никаких юридических обязательств по отношению к другому партнеру.

Мы решили узнать, насколько важно устанавливать правовой режим имущества партнеров в незарегистрированном браке (рис. 3).

Рисунок 3

© Коблева З.Х.

Количественный анализ проведенного нами опроса позволяет определить, что значительная часть наших респондентов: 73,8 % женщин и 61,2 % мужчин считают необходимым устанавливать юридический статус имущества партнеров во избежание последствий, в случае расторжения брака. Примечательно, что количество женщин, предпочитающих устанавливать правовой режим своего имущества выше, чем мужчин.

Среди тех, для кого имущественные взаимоотношения в браке не представляют особой ценности, оказались 31,6 % мужчин и 19,2 % женщин.

Примерно в равной пропорции, респонденты затруднились с выбором ответа по теме опроса, ввиду недостаточной информированности по теме нашего исследования.

Еще одним проявлением правовой неопределенности в незарегистрированных брачных союзах становится гендерное неравенство, характеризующееся нежеланием, чаще всего, мужчин регистрировать свой брачный статус. В свою очередь, женщины вынуждены выбирать именно данный формат брачных отношений в силу эмоциональной привязанности к партнеру, ущемляя себя в имущественных и наследственных правах, которыми наделены супруги в официальном браке. По этой причине, ролевая и психологическая совместимость партнеров в браке на основе гендерного паритета могут стать условием гармоничного союза.

Мы решили узнать, возможен ли в этих условиях гендерный паритет между партнерами в незарегистрированном браке? (рис. 4).

Рисунок 4

Количественный анализ проведенного нами опроса показал, что гендерный паритет в значительной степени, возможен в условиях незарегистрированного брачного союза. С этим согласились 39,6 % мужчин и 54,6 % женщин. Отметим важную особенность: количество женщин, для которых гендерное равенство в браке становится фактором гармоничного союза гораздо выше, чем мужчин.

Следует отметить, что 48,2 % мужчин не считают для себя возможным гендерный паритет в незарегистрированном брачном союзе, с ними согласились 41,2 % женщин.

На наш взгляд, подобные тенденции свидетельствуют о выраженной индивидуализации ценностей подрастающего поколения, широкой автономии личности в условиях отсутствия «штампа в паспорте», предусматривающие раздельный бюджет и строгий правовой режим имущества в брачном союзе, который не влечет за собой появление определенных правовых последствий.

Отсутствие правового регулирования взаимоотношений партнеров в незарегистрированном браке вызывает возникновение имущественных и наследственных случаев, которые в отличие от официального брака не регламентированы со стороны государства.

В рамках нашего исследования, мы решили уточнить, следует ли уравнивать права супругов в официальном браке и незарегистрированном брачном союзе? (рис. 5).

Опрос показал, что 43,6 % мужчин и 38,6 % женщин выразили свое согласие с возможностью уравнивания прав супругов в официальном

© Коблева З.Х.

браке и незарегистрированном брачном союзе, как подтверждение современных тенденций в контексте популяризации вариативности форм и моделей современной семьи, к числу которых относится незарегистрированный брак. При этом, количество мужчин, пожелавших уравнивать традиционный брак с сожительством, оказалось выше, чем женщин.

Рисунок 5

Значительная часть опрошенных нами респондентов (48,1 % мужчин, 58,6 % женщин) считают, что не следует официальный брак уравнивать с незарегистрированным ввиду серьезного влияния на сознание молодых людей новомодных тенденций в виде отказа от регистрации брака и отсутствия взаимных обязательств, в результате чего происходит падение «престижа» традиционной семьи в современном российском обществе.

Среди тех, кто затруднился с выбором ответа оказались 8,3 % мужчин и 2,8 % женщин, для которых брачно-семейные отношения в данный жизненный период не вызывают особого интереса по причине получения образования и недостаточной информированности по теме нашего исследования.

Заключение.

Таким образом, привлекательность незарегистрированного брака в современной молодежной среде становится все более распространенной практикой в современном обществе, в основе которой лежат устные договоренности партнеров, исключающие серьезные обязательства и правовые последствия в системе межличностной коммуникации.

В ходе проведенного нами исследования удалось выявить ряд особенностей, которыми характеризуется незарегистрированной брак с позиций правовой неопределенности:

– популяризация незарегистрированных форм и моделей современной семьи, предполагающие отказ от регистрации брачных отношений, вызывающие повышенный интерес у молодых людей;

– смещение интересов молодежи в плоскость материальных ценностей и заинтересованность в установлении правового режима имущества в браке;

– отсутствие правовой культуры молодых людей в выборе современных брачных практик, порождающие юридическую неопределенность в брачном союзе.

Одной из причин подобных тенденций является отсутствие правовой грамотности населения, и как следствие, появление множества правовых проблем, связанных с имущественными и наследственными вопросами. Тем не менее, многие пары, проживающие в условиях незарегистрированных брачных отношений, предпочитают обезопасить собственное имущество в правовом поле, не желая его делить ни с кем впоследствии. Подобная тенденция становится весьма популярной в современном обществе.

На наш взгляд, уравнивание в правах супругов, состоящих в официальном браке и тех, кто проживает в незарегистрированных брачных отношениях может привести к подрыву основ института семьи и брака, особенно в контексте положений Государственной семейной политики, направленных на сохранение базовых социальных институтов, среди которых институт традиционной семьи занимает важной место.

© Коблева З.Х.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Альбиков И.Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 14–15. EDN: TNEOTZ
2. Закирова С.А. Совершенствование законодательства в сфере сожительствующих отношений // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 4(47]. С. 121–125. EDN: NVWBVB
3. Зубарева О.Г. Фактические брачные отношения и проблемы правового регулирования трансформации семьи // Северо- Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 98–101. DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-2-98-101 EDN: XSNFJZ
4. Меркулов М.М. Правовой режим имущества лиц, состоящих в незарегистрированном браке / М.М. Меркулов, М.А. Тугуз // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 149–157. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-149-157 EDN: TBZLPV
5. Чигрина Е.В. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1108–1114. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(6).1108-1114 EDN: VAWCEF
6. Серебрякова А.А. Гражданский брак и определенность статуса лиц, фактически состоящих в брачных отношениях // 20 лет Конституции Российской Федерации. М. : Статут, 2014. С. 211–218.
7. Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Т. 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

References:

1. Albikov I.R. Protection of the rights and interests of persons in actual marital relations: problems and legal features of their resolution // Family and housing law. 2015. № 2. P. 14–15. EDN: TNEOTZ
2. Zakirova S.A. Improvement of legislation in the field of cohabiting relations // Lawyer-Jurist. 2011. № 4(47). P. 121–125. EDN: NVWBVB
3. Zubareva O.G. Actual marital relations and problems of legal regulation of family transformation // North Caucasian Law Bulletin. 2018. № 2. P. 98–101. DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-2-98-101 EDN: XSNFJZ
4. Merkulov M.M. The legal regime of property of persons who are in an unregistered marriage / M.M. Merkulov, M.A. Tuguz // North Caucasian Law Bulletin. 2022. № 1. P. 149–157. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-149-157 EDN: TBZLPV
5. Chigrina E.V. On the problems of legal regulation of de facto marital relations // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2015. Vol. 25. № 6. P. 1108–1114. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(6). 1108-1114 EDN: VAWCEF
6. Serebryakova A.A. Civil marriage and the certainty of the status of persons actually married // 20 years of the Constitution of the Russian Federation. M. : Statute, 2014. P. 211–218.
7. Results of the All-Russian Population Census-2020. Vol. 2. Age and gender composition and marital status. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

Информация об авторе

Коблева Зурет Халидовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики
факультета экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
zureta_01@mail.ru

Zuret Kh. Kobleva
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy
of the Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
zureta_01@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Коблева З.Х.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-12
УДК 340.15

Attribution
cc by

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЯХ XVI–XVII ВВ.

Кузьменко В.И.
Всероссийский государственный университет юстиции, Казанский филиал (РПА Минюста России)

Аннотация. Категория традиционных ценностей относится к числу понятий, которые не могут быть сведены только к нравственной, культурологической или религиозной характеристике общественной жизни. В юридической науке она приобретает самостоятельное значение, поскольку через нее раскрывается связь права с исторически сложившимися представлениями общества о должном, справедливом и социально приемлемом поведении. В статье со ссылками на исторические тексты XVI–XVII вв. приведен анализ подходов к категории гражданская идентичность через призму политико-правовых воззрений. Актуальность исследования обусловлена тем, что термин «гражданская идентичность» в его современном концептуальном значении, разумеется, не использовался в политической и правовой мысли XVI–XVII веков. Категория является продуктом значительно более позднего по существу, XIX–XX веков – концептуального развития. Методологическую основу статьи составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, аксиологический и системно-структурный методы. Автор приходит к выводу о том, что данная проблематика не была чужда мыслителям указанного периода. Вопросы о том, что означает принадлежать к данному государству, в чём состоят обязательства человека перед политическим и духовным сообществом, каков нормативный статус верности, служения и правды по отношению к государю и «земле» концептуально разработано в политической мысли Московского царства с высочайшей степенью рефлексивности.

Ключевые слова: традиционные ценности, гражданская идентичность, политико-правовые учения XVI–XVII веков, Соборное уложение 1649 г., Смутное время.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPT OF CIVIL IDENTITY IN POLITICAL AND LEGAL TEACHINGS OF THE 16TH AND 17TH CENTURIES

Valentina I. Kuzmenko
All-Russian State University of Justice, Kazan branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

Abstract. The category of traditional values is one of the concepts that cannot be reduced only to the moral, cultural or religious characteristics of public life. In legal science, it acquires an independent meaning, since through it the connection of law with the historically formed ideas of society about proper, fair and socially acceptable behavior is revealed. The article provides an analysis of approaches to the category of civil identity through the prism of political and legal views with references to historical texts of the XVI–XVII centuries. The relevance is due to the fact that the term «civil identity» in its modern conceptual meaning, of course, was not used in the political and legal thought of the XVI–XVII centuries. The category is a product of a much later conceptual development in the 19th and 20th centuries. The methodological basis of the article consists of historical-legal, formal-legal, comparative-legal, axiological and system-structural methods. The author comes to the conclusion that this problem was not alien to the thinkers of this period. The questions of what it means to belong to a given state, what are the obligations of a person to the political and spiritual community, what is the normative status of loyalty, service and truth in relation to the sovereign and the «land» are conceptually developed in the political thought of the Moscow Kingdom with the highest degree of reflexivity.

© Кузьменко В.И.

Keywords: traditional values, civic identity, political and legal doctrines of the XVI–XVII centuries, the Cathedral Code of 1649, the Time of Troubles.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Историко-правовое исследование традиционных ценностей показывает, что данная категория имеет глубокие корни в развитии отечественного правового сознания, хотя само словосочетание «традиционные ценности» [1, с. 65–70] является продуктом современного юридического языка.

Традиционные ценности в правоведении следует рассматривать не как внешнее по отношению к праву явление, а как аксиологическое основание правового регулирования, влияющее на содержание конституционных принципов, законодательных целей, методов толкования и правоприменительных ориентиров [2, с. 322–359].

Право не существует вне ценностной среды. Наиболее формализованные нормы выражают определенную модель общественного порядка, закрепляют представления о человеке, семье, государстве, свободе, ответственности и допустимых пределах индивидуального усмотрения.

В научном смысле, традиционные ценности представляют собой устойчивые социально-нравственные ориентиры, которые воспроизводятся в историческом развитии народа, признаются значимыми для сохранения его культурной идентичности и получают юридическое выражение в нормах публичного и частного права [3, с. 32-39]. Такое понимание позволяет отличить традиционные ценности от бытовых обычаев, политических лозунгов и временных идеологических установок. Реконструкция этих концепций применительно к современной проблематике гражданской идентичности является задачей современной историографии.

Обсуждение.

Последовательно обратимся к анализу основных концепций XVI–XVII вв. Послания старца Филофея Псковского [4], адресованные в первые десятилетия XVI века великому князю Василию III, содержат, пожалуй, наиболее радикальную и в то же время наиболее глубоко разработанную концепцию коллективной идентичности в истории отечественной политической мысли.

Суть концепции, известной под именем «Москва – Третий Рим», состоит в утверждении того, что Московское государство является последним и единственным хранителем истинного христианства на земле – после падения Рима, отпавшего в ересь, и гибели Константинополя, покорённого турками в 1453 году. «Два Рима падоша, – пишет Филофей, – а третий стоит, а четвертому не быти» [4].

Принципиальное значение этой концепции для проблемы гражданской идентичности состоит в следующем. Принадлежность к Московскому государству у Филофея не является нейтральным правовым фактом или простым следствием рождения на данной территории она онтологически нагружена. Идентичность здесь приобретает отчётливое телеологическое измерение. Она определяется через причастность к миссии, которая по своему масштабу превосходит любое частное существование. Это означает, что в концепции Филофея гражданская или, точнее, государственно-подданническая идентичность имеет принципиально иную структуру. Она не может быть сведена ни к правовой лояльности, ни к этнокультурной принадлежности, ни к историко-патриотическому чувству в их нынешнем понимании. Она представляет собой осознание своей включённости в исторический процесс, имеющий непреходящее значение. Гражданин (подданный) в этой концепции не является потребителем правопорядка – он является его хранителем и носителем, несущим перед историей и высшим порядком ответственность за то, чтобы доверенная ему ценность не была утрачена [5, с. 78–82].

Политические сочинения дворянина Ивана Семёновича Пересветова «Большая челобитная», «Малая челобитная», «Сказание о Магмете-салтане», «Сказание о царе Константине» были созданы в 1540-е годы [6] и адресованы Ивану IV. Они представляют собой один из первых в отечественной истории опытов систематической политической публицистики, и именно в них концепция гражданской идентичности получает наиболее отчётливое практически-правовое выражение.

Центральной категорией политической философии Пересветова является «правда». Понятие, охватывающее одновременно правовую справедливость, нравственный долг и политический порядок. Государство, построенное на правде, противостоит государству, поражённому «ленью и неправдой» вельмож. Принципиально важно при этом, что у Пересветова принадлежность к государству определяется не происхождением и не сословным статусом, но именно причастностью к правде – способностью и готовностью служить в соответствии с ней [7].

Применительно к проблеме гражданской идентичности, это означает следующее. Иван Пересветов разрабатывает концепцию, что современная политическая теория называет деятельной гражданственностью понимание принадлежности к государству не как пассивного статуса, но как активного самоосуществления через служение.

Гражданская ценность человека определяется у него не тем, кем он является по рождению, а тем, что он делает для государства и насколько его деятельность соответствует критерию прав-

© Кузьменко В.И.

ды. Это создаёт принципиально иную меритократическую и деятельностную модель гражданской идентичности, которая предполагает постоянное деятельное подтверждение принадлежности к сообществу через выполнение принятых на себя обязательств.

Не менее важна у Пересветова идея о том, что правда, как норма не является произвольным установлением власти, она объективна и стоит выше любого политического решения.

Игумен Волоцкого монастыря Иосиф (Санин), скончавшийся в 1515 году, является одним из наиболее значительных политических мыслителей в истории отечественной мысли. Его сочинения, прежде всего, «Просветитель» [8] и корпус посланий не только содержат богатую концепцию взаимоотношений светской и духовной власти, но и разрабатывают фундаментальные основания для понимания того, что означает принадлежность человека к государственному и церковному сообществу.

Центральной идеей Иосифа Волоцкого применительно к проблеме идентичности является концепция симфонии властей как взаимообусловленности и взаимопроникновения духовного и политического начал в устроении человеческой жизни.

В отличие от западноевропейских концепций разделения двух сфер светской и духовной, Иосиф Волоцкий настаивает на их органическом единстве: государство не может функционировать без нравственной нормы, освящённой церковью, а церковь не может выполнять свою миссию без защиты со стороны государственной власти. Это единство имеет принципиальное значение для понимания природы идентичности.

Если принять логику Иосифа Волоцкого, принадлежность к государственному сообществу не может быть чисто политической или чисто правовой, она неизбежно включает в себя нравственное измерение. Гражданская идентичность здесь понимается как целостная, охватывающая правовой, политический и нравственный аспекты человеческого существования в их нераздельности.

Чины поставления на царство – тексты обряда венчания московских государей – представляют собой важнейший, но нередко недооцениваемый источник для реконструкции политико-правовых представлений эпохи о природе государственного сообщества и принадлежности к нему.

Чин венчания Ивана IV Васильевича 1547 года [9], чин поставления Фёдора Иоанновича 1584 года и, особенно, торжественный чин венчания Михаила Фёдоровича Романова 1613 года содержат формулы, в которых взаимные отношения государя и подданных конституируются с высокой степенью юридической и нравственной определённости.

С точки зрения проблемы гражданской идентичности, принципиальное значение имеет акт принесения присяги, а именно целование креста на верность государю. Этот акт в контексте политической культуры XVI–XVII веков представлял собой не просто правовую формальность, но полноценный конститутивный акт идентичности, совершая который, человек включал себя в политическое сообщество с определёнными ценностными обязательствами.

Присяга связывала человека не только с конкретным государем как физическим лицом, но с Московским государством как политическим целым. Разрыв присяги воспринимался поэтому не только как уголовное преступление, но как разрушение идентичности, выпадение из сообщества, отречение от принятых на себя нормативных обязательств. Чин венчания Михаила Романова 1613 года имеет в данном контексте особое значение, поскольку совершался в условиях, когда само государство только что восстановилось после Смуты.

Документы эпохи Смутного времени и восстановления государственности это прежде всего Соборный приговор об организации Второго народного ополчения 1611 года и Утверждённая грамота Земского собора об избрании Михаила Фёдоровича Романова 1613 года. Они обладают особой концептуальной значимостью для понимания природы гражданской идентичности в политической мысли XVII века.

Соборный приговор 1611 года [10, с. 117–125], известный также как «Грамота нижегородского ополчения», провозглашает создание временного правительства «Совета всей земли», в условиях, когда центральная власть фактически прекратила существование.

Принципиальное значение этого документа для проблемы гражданской идентичности состоит в том, что он эксплицитно формулирует идею, которую можно назвать «народнособорной» концепцией государственной принадлежности.

Государство может временно утратить свои институциональные формы, но «земля» как нормативное сообщество и носитель ценностей, традиций и правового порядка продолжает существовать и сохраняет правосубъектность даже в условиях политической катастрофы.

Соборное уложение, принятое в 1649 году [11] при царе Алексее Михайловиче, представляет собой первый в отечественной истории систематизированный свод законов и является важнейшим памятником правовой культуры XVII века. С точки зрения проблемы гражданской идентичности оно значимо, прежде всего, тем, что в нём правовая принадлежность к государству впервые получает развёрнутое нормативное оформление, охватывающее все основные сферы социальной жизни. Структура Уложения отражает принципиальную для отечественной политико-правовой мысли идею иерархии ценностей.

© Кузьменко В.И.

Таким образом, Соборное уложение воспроизводит и юридически закрепляет целостную концепцию правовой идентичности, неоднократно рассмотренную нами в предшествующих источниках.

Результаты.

Системный сравнительный анализ концепции гражданской идентичности, который содержится в памятниках отечественной политико-правовой мысли XVI–XVII веков, позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих как научно-теоретическое, так и практическое значение.

Первый вывод может быть обозначен как концептуальное обеднение современного нормативного понимания гражданской идентичности. Богатое нормативно-ценностное содержание, разработанное отечественной политико-правовой мыслью на протяжении XVI–XVII веков многоуровневая структура идентичности, её телеологическое измерение, концепция «правды» как нормообразующего принципа, органическое единство правового и культурного измерений остаётся при этом полностью невостребованным.

Второй вывод связан с антиисторичностью категории гражданской идентичности в действующих стандартах. Эта категория вводится в тексты без какого-либо указания на историческую преемственность, что лишает её цивилизационной специфики и создаёт риск подмены отечественной концепции гражданственности универсалистскими западными моделями, не отражающими особенностей российской государственности и политической культуры.

Между тем, именно историческая укоренённость концепции гражданской идентичности является условием её убедительности и нормативной силы: категория, лишённая исторических корней, воспринимается как произвольная декларация, а не как выражение живой традиции.

Третий вывод касается разрыва между культурой и правом в нынешнем нормативном понимании гражданственности.

Четвёртый вывод связан с дефицитом телеологического измерения в нынешней концепции гражданственности. существование.

Заключение.

Современные стандарты формируют образ гражданина, прежде всего, как потребителя правопорядка – человека, пользующегося правами и выполняющего обязанности в рамках действующего законодательства.

Отечественная политико-правовая мысль XVI–XVII веков строила принципиально иной образ гражданина как субъекта миссии, носителя коллективной ответственности за сохранение государства, веры и культурного порядка, включённый в исторический процесс, масштаб которого превосходит его индивидуальное существование.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2(70). С. 65–70.
2. Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе / А.П. Алексеенко [и др.] // Правоведение. 2024. Т. 68. № 3. С. 332–359. DOI: 10.21638/spbu25.2024.302 EDN: DVIYFB
3. Ситкова О.Ю. От традиции к закону: перспективы имплементации традиционных ценностей в правовые // Вестник СГЮА. 2025. №4 (165). С. 32 - 39. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-4-32-39 EDN: MEWDJE
4. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 9: Конец XV-первая половина XVI века. 2006. 566 с.
5. Николаева Н.В. «Москва Третий Рим» – артикуляция русской идеи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 1. С. 78–82.
6. Первушин М.В. «Сказание О Магмет-салтане» Ивана Пересветова: Уроки для русского царя // ГДЛ. 2023. № 22. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/skazanie-o-magmet-saltane-ivana-peresvetova-uroki-dlya-russkogo-tsarya (дата обращения 14.06.2026). DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-407-418 EDN: THHPZY
7. Пересветов И.С. Сочинения / И.С. Пересветов; Сост. А.А. Зимин; Ред. Д.С. Лихачёв; ИРЛИ (Пушкинский дом). М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1956. 386 с.

© Кузьменко В.И.

8. Просветитель / Прп. Иосиф Волоцкий; Предисл. митр. Иоанн (Снычев); Отв. ред., авт. послесл. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 432 с.
9. Чин венчания на царство Ивана IV Васильевича // Большая российская энциклопедия. URL : https://old.bigenc.ru (дата обращения 14.06.2026).
10. Рыбалко Н.В. Реконструкция делопроизводства органов нижегородского самоуправления на этапе подъема земского движения в конце 1610 г. – начале 1611 г. (по материалам Соликамского архива) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 117–125. EDN: VNTPGF
11. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 55 с.

References:

1. Khuzhina O.N. Traditional spiritual and moral values in the context of Russia's historical legal heritage: the 9th – early 18th century // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2(70). P. 65–70.
2. Realization of traditional Russian spiritual and moral values in the legal system / A.P. Alekseenko [et al.] // Jurisprudence. 2024. Vol. 68. № 3. P. 332–359. DOI: 10.21638/spbu25.2024.302 EDN: DVIYFB
3. Sitkova O.Yu. From tradition to law: prospects for the implementation of traditional values in the legal system // Bulletin of the SSYAA. 2025. № 4(165). P. 32–39. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-4-32-39 EDN: MEWDJE
4. Library of literature of Ancient Russia / RAS. In-t rus. lit. (Pushkin House); edited by D.S. Likhachev and others. SPb. : Nauka Publ., 1997. Vol. 9: The end of the XV-the first half of the XVI century. 566 p.
5. Nikolaeva N.V. «Moscow The Third Rome» – articulation of the Russian idea // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2009. № 1. P. 78–82.
6. Pervushin M.V. «The Legend of Magmet-Saltan» by Ivan Peresvetov: Lessons for the Russian tsar // GDL. 2023. № 22. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/skazanie-o-magmet-saltane-ivana-peresvetova-uroki-dlya-russkogo-tsarya (date of application 06/14/2026). DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-407-418 EDN: THHPZY
7. Peresvetov I.S. Essays / I.S. Peresvetov; Comp. A.A. Zimin; Ed. by D.S. Likhachev; IRLI (Pushkin House). M.; L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 386 p.
8. The Enlightener / St. John the Baptist Joseph Volotsky; Preface. Mitr. John (Snychev), Editor-in-chief, author of the afterword by O.A. Platonov. M. : Institute of Russian Civilization, 2011. 432 p.
9. The order of the wedding to the kingdom of Ivan IV Vasilyevich // Great Russian Encyclopedia. URL : https://old.bigenc.ru (date of application 06/14/2026).
10. Rybalko N.V. Reconstruction of office work of Nizhny Novgorod self-government bodies at the stage of the rise of the zemstvo movement in late 1610 – early 1611 (based on the materials of the Solikamsk archive) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2015. № 5–6. P. 117–125. EDN: VNTPGF
11. Tikhomirov M.N. The Cathedral Code of 1649 : textbook for higher education. schools / M.N. Tikhomirov, P.P. Epifanov. M : Publishing House of Moscow. University, 1961. 55 p.

Информация об авторе

Кузьменко Валентина Игоревна
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин,
Всероссийский государственный университет юстиции, Казанский филиал (РПА Минюста России)
ORCID iD: 0000-0002-3551-0428
Kuzmenko_valya@mail.ru

Valentina I. Kuzmenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory, History of State and Law, Socio-Economic Disciplines,
All-Russian State University of Justice, Kazan branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
ORCID iD: 0000-0002-3551-0428
Kuzmenko_valya@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Кузьменко В.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-35
УДК 340.114.5

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Матюшенко К.Б.
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал

Аннотация. В статье исследуется проблема структурной организации правового менталитета как сложного социально-правового феномена. Автором анализируются существующие доктринальные подходы к структурированию правового менталитета, разработанные в рамках философской, социологической и юридической традиций. Выявляются методологические ограничения преобладающих дихотомических и стратификационных моделей структурной организации правоментальной сферы. Обосновывается эвристическая продуктивность функционального подхода к структурированию правового менталитета. Предлагается авторская функциональная структурная модель правового менталитета, базирующаяся на дифференциации его элементов по критерию выполняемых специфических функций в правовой жизнедеятельности субъектов. Разработанная модель включает четыре взаимосвязанные функциональные подсистемы: когнитивно-репрезентативную, аксиологически-нормативную, эмоционально-психологическую и праксиологическую. Раскрывается функциональное предназначение каждой подсистемы, их структурное содержание и механизмы взаимной детерминации. Обосновывается методологическая ценность предложенной модели для анализа деструктивных трансформаций правоментальной сферы в условиях социально-правовых изменений.

Ключевые слова: менталитет, правовой менталитет, структура правового менталитета, деструкция правового менталитета, функциональная модель, правовое сознание, правовое мышление, правовые ценности, правовые чувства, правовые установки, методология правовых исследований, структурно-функциональный анализ.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF LEGAL MENTALITY: A FUNCTIONAL MODEL

Kseniya B. Matyushenko
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. This article examines the structural organization of legal mentality as a complex socio-legal phenomenon. The author analyzes existing doctrinal approaches to structuring legal mentality, developed within the philosophical, sociological, and legal traditions. The methodological limitations of prevailing dichotomous and stratified models of the structural organization of the legal mental sphere are identified. The heuristic effectiveness of a functional approach to structuring legal mentality is substantiated. The author proposes a functional structural model of legal mentality, based on the differentiation of its elements based on the specific functions they perform in the legal activities of subjects. The developed model includes four interconnected functional subsystems: cognitive-representational, axiological-normative, emotional-psychological, and praxeological. The functional purpose of each subsystem, their structural content, and the mechanisms of mutual determination are revealed. The methodological value of the proposed model for analyzing destructive transformations of the legal-mental sphere in the context of socio-legal changes is substantiated.

Keywords: mentality, legal mentality, structure of legal mentality, destruction of legal mentality, functional model, legal consciousness, legal thinking, legal values, legal feelings, legal attitudes, legal research methodology, structural-functional analysis.

***Funding**:* Independent work.

© Матюшенко К.Б.

Введение.

Проблематика структурной организации правового менталитета представляет собой одну из наиболее сложных и вместе с тем недостаточно разработанных областей современной юридической науки. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к феномену правового менталитета как глубинной, устойчивой характеристики правосознания личности и социальных общностей, вопрос о его внутренней структуре остается дискуссионным и не получил исчерпывающего разрешения в доктрине. Между тем адекватное понимание структурной организации правового менталитета имеет не только теоретико-познавательное, но и существенное практическое значение, поскольку позволяет идентифицировать механизмы формирования, трансформации и деструктивного изменения правоментальной сферы, что особенно актуально в условиях интенсивных социально-правовых преобразований, переживаемых современным российским обществом.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является разработка структурной модели правового менталитета, обеспечивающей адекватное понимание механизмов его формирования и трансформации, а также позволяющей идентифицировать компоненты правоментальной сферы, подверженные деструктивным изменениям в условиях социально-правовых трансформаций.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

– провести анализ существующих доктринальных подходов к структурной организации менталитета в философской, социологической и юридической науке;

– выявить методологические ограничения существующих концепций структуры правового менталитета;

– обосновать критерии дифференциации структурных элементов правового менталитета;

– сконструировать структурную модель правового менталитета и раскрыть содержание ее основных компонентов;

– эксплицировать характер взаимосвязей между выделенными структурными элементами.

Методы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Системный подход позволяет рассматривать правовой менталитет как совокупность взаимообусловленных и взаимодетерминированных элементов, объединенных общностью функционального предназначения. Метод моделирования обеспечивает возможность конструирования описания структурной организации правового менталитета, опираясь на фундаментальные закономерности функционирования человеческой психики в правовой сфере. Структурно-функциональный анализ позволяет идентифицировать отдельные структурные составляющие правового менталитета и эксплицировать их функциональное предназначение. Компаративный метод используется для сопоставления различных доктринальных концепций структурной организации правового менталитета и выявления их преимуществ и недостатков.

Обсуждение.

Композиционное построение правового менталитета представляет собой многомерную научно-познавательную проблему, требующую комплексного методологического инструментария.

Исследование структурных характеристик столь сложного, синкретичного и самоорганизующегося феномена требует обращения к теоретическим основаниям моделирования и системного анализа.

Моделирование как эвристический прием позволяет конструировать описание изучаемой системы, опираясь на фундаментальные закономерности и методологические принципы соответствующей предметной области.

Системный подход, в свою очередь, предоставляет возможность рассматривать явления в качестве совокупности взаимообусловленных и взаимодетерминированных элементов, объединенных общностью функционального предназначения.

А.А. Богданов в числе первых исследователей, применивший методы системного анализа к идеальным объектам, констатировал: «И хоть какой продукт духовного творчества – научная теория, поэтическое произведение, система правовых либо нравственных норм, имеет свою архитектуру, составляет расчлененную совокупность частей, выполняющих разные функции, взаимно дополняя друг друга» [1].

Генезис научных представлений о структурной организации менталитета восходит к исследованиям школы «Анналов». Ж. Дюби разработал иерархическую модель, выделяя глубинные биологически детерминированные уровни ментальной организации. Следующий страт, согласно его концепции, формируют базисные репрезентации и поведенческие паттерны, характеризующиеся исторической устойчивостью и межпоколенческой трансляцией. Поверхностный уровень ментальной структуры образуют динамически изменяющиеся процессы, подверженные трансформации в каждом новом поколении [2].

Таким образом, в структуре менталитета дифференцировались уровни по критериям изменчивости, соотношения биологического и социокультурного начал, глубины залегания структурных компонентов. Феноменологическое многообразие манифестаций менталитета детермини-

© Матюшенко К.Б.

рует его сложносоставную структуру, проявляющуюся в поведенческом, когнитивном и аффективном измерениях. Преобладающее большинство исследователей признаёт доминирующую роль когнитивных аспектов в системной организации менталитета, конвергируя во мнении относительно наличия в его структуре ценностно-смыслового ядра.

При установлении структурных характеристик правового менталитета и его дифференциации от смежных явлений полагаем возможным согласиться с П.К. Дашковским в том, что наиболее оптимальным является структурно-семиотический подход, достаточно фундаментально разработанный и апробированный представителями структурализма как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции [3].

В рамках данного методологического подхода правовой менталитет подлежит рассмотрению на двух взаимодополняющих уровнях – структурно-аналитическом и знаково-символическом.

Первый предполагает исследование отдельных структурных составляющих правового менталитета, которые, в свою очередь, образуют систему специфическим образом реализуемых элементов.

В рамках второго уровня осуществляется семантическая интерпретация зафиксированного феномена[4].

В этом контексте, заслуживает внимания модель, предложенная О.Г. Усенко, который предпринял попытку визуализации структуры менталитета посредством архитектурной метафоры. Согласно его воззрениям, менталитет может быть репрезентирован в качестве сложносоставной конструкции, где фундаментальное основание образует сфера «коллективного бессознательного», тогда как верхний уровень конституирует индивидуальное сознание.

Структурную композицию менталитета, по мнению исследователя, формируют:

– установочные диспозиции;

– ценностные репрезентации;

– аксиомы сознания;

– система универсальных оппозиций;

– сфера переживаний;

– стереотипизированные паттерны мышления;

– семиотика поведенческих практик [5].

Данная теоретическая модель, несмотря на ее общефилософский характер, обладает значительным эвристическим потенциалом для понимания правового менталитета, поскольку акцентирует внимание на многослойности и иерархичности ментальных структур, что особенно релевантно при анализе деструктивных процессов, которые могут затрагивать различные уровни правоментальной организации с неодинаковой интенсивностью.

Альтернативную исследовательскую оптику предлагает А.И. Рёдель, концептуализирующий структуру менталитета через дихотомию ядра и периферии, в соответствии с которой ценностно-смысловое ядро конституируют устойчивые духовные ценности, их приоритетную иерархию и этнокультурные архетипы, детерминирующие своеобразие мировосприятия и жизненных практик. Периферию создают темпоральные, новообразованные или заимствованные ценности, смещения в их иерархии. Обмен элементами ядра и периферии инициирует эволюционные и революционные процессы в ментальности. Транзит из периферии в ядро получают лишь те ценности и смыслы, которые изоморфно интегрируются в его состав или не диссонируют с ним [6].

Данная концептуальная схема нам представляется методологически продуктивной для анализа российского правового менталитета, поскольку позволяет дифференцировать устойчивые, исторически укорененные компоненты правового сознания от относительно поверхностных, конъюнктурных наслоений, что критически важно при исследовании трансформаций правоментальной сферы.

Современные социологические исследования дифференцируют в структурной организации менталитета три уровня.

Первый – партикулярная культура – формируется на уровне социального бессознательного, манифестирующего себя в циклическом процессе при движении из сферы приватной жизни в социальное человеческое сообщество и в обратном направлении. На данном уровне конституируется личность, ее социальные роли, а также характер взаимодействия с другими индивидами.

Второй уровень – духовная самоопределенность – характеризует культуру конкретной социальной общности, ее специфику и адаптационные способности. На этом уровне артикулируются правила социального взаимодействия и формулируются правовые позиции.

Третий уровень – социальный отклик – формируется естественной и целенаправленной реакцией людей на специфические символические и функциональные социальные образования: политику, власть, государство.

Социологические исследования и опросы общественного мнения, рефлексирующие в настоящее время отношение граждан к действующему праву и правовым институтам, представляют собой индикаторы манифестации третьего уровня современного национального менталитета российского общества [7].

© Матюшенко К.Б.

Е.Б. Шестопал, анализируя смысловую структуру близкого к правовому менталитету понятия «политический менталитет», дифференцирует его структуру на два блока элементов: познавательные и мотивационные.

К познавательным отнесены знания о политике, информированность, интерес, убеждения, способ мышления (когнитивный стиль).

К мотивационным же относятся потребности, ценности, установки, чувства, которые в содержательном плане непосредственно зависят от познавательного блока элементов[8].

Экстраполируя данную бинарную схему на правовую материю, мы полагаем возможным выделить в структуре правового менталитета:

– когнитивно-гносеологический компонент, включающий правовые знания, представления о праве, юридические убеждения и специфический правовой стиль мышления;

– аксиологически-мотивационный компонент, охватывающий правовые потребности, ценностные правовые ориентации, правовые установки и правовые чувства.

Обращаясь к специфической правовой проблематике структурной организации менталитета, следует отметить, что в юридической науке данный вопрос остается недостаточно разработанным, хотя отдельные исследователи предпринимали попытки концептуализации структуры правового менталитета.

Так, детализированную концепцию структуры правового менталитета предложил Р.С. Байниязов, который указывает на то, что правовой менталитет складывается из специфического набора стереотипов, установок, идей, моделей поведения, привычек и ценностей.

Принципиально значимым нам представляется то обстоятельство, что исследователь не инкорпорирует в правовой менталитет бессознательный правовой уровень (юридическое подсознание), квалифицируя их как разноплановые явления в структуре правосознания. Автором было акцентировано внимание на том обстоятельстве, что юридическому бессознательному имманентны неосознаваемые юридико-этические реакции, импульсы, правовые инстинкты, внезапные «вспышки» рациональности, пробуждение юридической интуиции [9].

Эта позиция, однако, нам представляется дискуссионной, поскольку исключение бессознательного компонента из структуры правового менталитета редуцирует аналитические возможности данной категории, особенно при исследовании глубинных, нерефлексируемых паттернов правового поведения российских граждан.

Альтернативный подход демонстрирует Д.В. Меняйло, выделяющий в структуре правового менталитета два взаимодействующих уровня сознательного и бессознательного – совокупность осознаваемых и неосознаваемых представлений, стереотипов, ценностно-правовых ориентаций, правовых аттитюдов и установок определенной социальной общности в сфере политико-правовой повседневности [10].

Данная концепция нам представляется более адекватной реальной структуре правового менталитета, поскольку учитывает, как рациональные, рефлексируемые компоненты правового сознания, так и иррациональные, автоматизированные, привычные паттерны правомерного или противоправного поведения, которые зачастую не подвергаются критической рефлексии со стороны субъектов.

Конвергентную с воззрениями Д.В. Меняйло, но, вместе с тем, более операционализированную структурную модель правового менталитета предлагает О.В. Довлекаева, которая эксплицирует триадическую композицию данного феномена, инкорпорирующую осознанные и неосознанные компоненты.

Согласно ее доктринальной позиции, правовой менталитет включает в себя следующие элементы:

– осознанные и неосознанные представления о правовой реальности, выполняющие функцию когнитивного мотива правового поведения;

– ценностные правовые ориентации, носящие как осознанный, так и неосознанный характер и выполняющие функцию ценностного мотива правового поведения – правовые аттитюды и установки;

– осознанные готовности и неосознанные предрасположенности реагировать определенным образом на ситуацию» [11].

Методологическая ценность данной концепции заключается в том, что она не только идентифицирует структурные компоненты правового менталитета, но и артикулирует их функциональное предназначение в качестве мотивационных детерминант правового поведения.

Наиболее комплексную и детализированную структурную модель правового менталитета разработал Р.М. Овчиев, постулирующий наличие четырех элементов, образующих целостность данного феномена и раскрывающих его сущность и социальное предназначение.

Первый элемент – когнитивный, охватывающий правовое мировоззрение и правовое мышление. Обращаясь к воззрениям П.П. Баранова [12], автор подчеркивает, что такие явления, как юридическое мировоззрение и правовое мышление, традиционно составляют часть правовых явлений, входящих в сферу духовного мира человека, а основу юридических взглядов конституирует «совокупность идей, взглядов и представле-

© Матюшенко К.Б.

ний правового характера, которые разделяются человеком» [13].

Второй элемент правового менталитета, согласно концепции Р.М. Овчиева, может быть репрезентирован как оценочный, демонстрирующий, каким образом в сознании общества или конкретного человека опосредуются правовые ценности, каковы его ценностные ориентации. В сознании индивида находят свое отражение четыре типа оценочных отношений: к праву как таковому (то есть, к правовой реальности вообще); к государственно-правовой системе, в которой живет конкретный человек; к правовому поведению окружения; к собственному правовому поведению (так называемая самооценка личности).

Третий элемент, формирующий правовой менталитет – коммуникативный – непосредственно коррелирует с правовыми традициями, присущими данному типу социальной организованности, репрезентирующими собой опыт, который аккумулирует правовые ценности, в определенных пространственно-временных рамках транслируется от одного поколения к другому и приобретает устойчивые формы своего внешнего выражения, манифестирует себя в государственно-правовом пространстве данного общества. Именно традиции в организованных социальных общностях объединяют правовые ценности и обеспечивают их межпоколенческую трансмиссию.

Четвертая конституента правового менталитета – сензитивный элемент, характеризующий эмоциональную сферу человека и отражающий его правовую психологию, которая охватывает совокупность ценностных отношений, настроений, желаний и переживаний, характерных для личности или для конкретного общества в целом. Эмоционально-психологический компонент правового менталитета российских граждан включает специфические правовые чувства, аффективные реакции на правовые феномены, эмоциональное отношение к праву, государству, правоохранительным органам, что существенно влияет на характер и направленность правового поведения.

Анализ представленных доктринальных подходов к структурной организации правового менталитета позволяет констатировать, что большинство исследователей, при всем разнообразии предлагаемых концептуальных схем, ориентируются преимущественно на дихотомические модели структурирования (сознательное/бессознательное, ядро/периферия, внешнее/внутреннее) либо на стратификационные модели, основанные на глубине залегания элементов в психике субъекта.

Вместе с тем, нам представляется, что такие подходы, обладая несомненной эвристической ценностью для общетеоретического анализа правового менталитета, не в полной мере учитывают специфику последнего как функционально дифференцированного феномена, элементы которого выполняют различные роли в детерминации правового поведения и правовой жизни субъектов.

Вместе с тем, критически важным является не столько определение уровней глубины или степени осознанности элементов правоментальной сферы, сколько понимание того, какие именно функциональные компоненты правового менталитета подвергаются трансформациям (в том числе деструктивным), каковы механизмы и последствия разрушения каждой из функциональных подсистем.

В этой связи, методологически обоснованным нам представляется предложить функциональную структурную модель правового менталитета, базирующуюся на дифференциации его элементов не по критериям глубины залегания или степени рефлексивности, а по критерию выполняемых ими специфических функций в правовой жизнедеятельности субъектов. Данная модель позволяет, с одной стороны, интегрировать достижения предшествующих исследователей, а с другой – обеспечить адекватный инструментарий для анализа динамических процессов в правоментальной сфере.

Результаты.

Итак, согласно предлагаемой концепции, структура правового менталитета может быть репрезентирована как система четырех взаимосвязанных и взаимообусловленных функциональных подсистем:

– когнитивно-репрезентативной подсистемы – она обеспечивает познание, отражение и осмысление правовой реальности; включает правовые знания, представления, образы права, стереотипы правового восприятия, способы правового мышления;

– аксиологически-нормативную подсистему – она обеспечивает оценку правовых явлений и формирование нормативных ожиданий; включает правовые ценности, идеалы, иерархию правовых приоритетов, нормативные правовые ожидания;

– эмоционально-психологическую подсистему – она обеспечивает эмоциональное переживание правовой реальности; включает правовые чувства, переживания, эмоциональные установки по отношению к праву, правовые аффекты;

– праксиологическую подсистему – она обеспечивает трансформацию ментальных структур в правовое поведение; включает правовые установки, аттитюды, поведенческие паттерны, правовые навыки, диспозиции к правомерному или противоправному поведению.

Выделение именно перечисленных подсистем детерминировано логикой функционирования человеческой психики в правовой сфере: от вос-

© Матюшенко К.Б.

приятия и познания правовой реальности – через ее аксиологическую оценку и эмоциональное переживание – к формированию готовности действовать определенным образом в правовом пространстве.

Каждая из этих подсистем обладает относительной автономией, однако их интегрированное функционирование обеспечивает целостность правового менталитета как единого феномена.

Так, когнитивно-репрезентативная подсистема выполняет гносеологическую функцию, обеспечивая познание и осмысление правовой реальности. Она инкорпорирует правовые знания различной степени систематизации – от фрагментарных обыденных представлений до концептуализированных правовых теорий, правовые образы и репрезентации, формирующиеся через опыт взаимодействия с правовыми институтами и правовую социализацию, а также правовые концепты, способы правового мышления и стереотипы правового восприятия. Функциональное предназначение данной подсистемы заключается в создании относительно устойчивой картины правовой реальности, обеспечивающей субъектам правовую ориентацию, прогнозирование правовых последствий действий и понимание правовых требований.

Аксиологически-нормативная подсистема выполняет оценочную и регулятивную функции, обеспечивая ценностную квалификацию правовых явлений и формирование нормативных ожиданий. Она включает правовые ценности различных уровней – от фундаментальных (справедливость, свобода, безопасность, достоинство) до инструментальных (законность, правопорядок), правовые идеалы, репрезентирующие представления о совершенном правовом устройстве, нормативные правовые ожидания к функционированию институтов и иерархию правовых ценностей, определяющую приоритеты в ситуациях конфликтов. Функциональное предназначение данной подсистемы – обеспечение аксиологической легитимации правовых норм, формирование ценностного отношения к праву, создание нормативной основы для оценки правового поведения и выполнение мотивационной функции.

Эмоционально-психологическая подсистема выполняет аффективную функцию, обеспечивая эмоциональное переживание правовой реальности. Она включает правовые чувства различной модальности – от позитивных (уважение к праву, чувство защищенности, удовлетворение от справедливого разрешения конфликта) до негативных (правовая фрустрация, незащищенность, страх перед правоохранительными органами, возмущение несправедливостью), правовые переживания, эмоциональные установки по отношению к праву и правовые аффекты в ситуациях острых конфликтов. Функциональное предназначение подсистемы – обеспечение эмоциональной окрашенности правового опыта, формирование эмоциональной связи с правовой реальностью, мобилизация психической энергии для правовой активности и выполнение сигнальной функции, индицирующей соответствие или несоответствие правовой реальности ценностным ожиданиям.

Праксиологическая подсистема выполняет регулятивно-поведенческую функцию, обеспечивая трансформацию правовых знаний, ценностей и чувств в конкретные формы правового поведения. Она инкорпорирует правовые установки как осознанные готовности действовать определенным образом, правовые аттитюды как неосознанные предрасположенности к поведенческим моделям, поведенческие правовые паттерны и стереотипы как привычные автоматизированные способы реагирования, правовые навыки и компетенции, диспозиции к правомерному или противоправному поведению. Функциональное предназначение подсистемы – реализация правового менталитета в конкретном поведении, трансформация ментальных структур в правовую практику, детерминация выбора правомерных или противоправных стратегий поведения и выполнение адаптивной функции.

Принципиально важным является понимание того, что выделенные четыре функциональные подсистемы правового менталитета не существуют изолированно, а находятся в отношениях взаимной детерминации и функциональной взаимозависимости:

Когнитивно-репрезентативная подсистема обеспечивает информационную основу для функционирования аксиологически-нормативной: невозможно оценивать то, о чем не имеешь представления.

Аксиологически-нормативная подсистема детерминирует селективность когнитивных процессов: субъекты склонны воспринимать и запоминать ту правовую информацию, которая согласуется с их ценностными ориентациями.

Эмоционально-психологическая подсистема придает энергетический заряд правовым знаниям и ценностям, трансформируя их из абстрактных конструкций в личностно значимые феномены.

Праксиологическая подсистема интегрирует когнитивные, аксиологические и эмоциональные компоненты, реализуя их в конкретных формах правового поведения, которое, в свою очередь, генерирует новый правовой опыт, корректирующий содержание всех предшествующих подсистем.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что существующие в юридической науке дихотомические и стратификационные модели структурирования правового менталитета, несмотря на их теоретическую значимость, не

© Матюшенко К.Б.

обеспечивают адекватного понимания механизмов детерминации правового поведения и процессов трансформации правоментальной сферы.

Обоснованная функциональная структурная модель правового менталитета, основанная на выделении четырех взаимообусловленных подсистем (когнитивно-репрезентативной, аксиологически-нормативной, эмоционально-психологической и праксиологической), позволяет идентифицировать специфические механизмы функционирования каждого структурного компонента и характер их взаимодействия в процессе детерминации правового поведения субъектов.

Следует подчеркнуть, что деструктивные процессы в правовом менталитете носят системный характер: деформации одной функциональной подсистемы неизбежно индуцируют дисфункции в других компонентах правоментальной структуры, что обусловливает необходимость комплексного подхода к диагностике и коррекции правоментальных деструкций.

Предложенная модель создает методологический фундамент для эмпирических исследований динамики правового менталитета российского общества, разработки критериев диагностики состояния правоментальной сферы и формирования научно обоснованной правовой политики в области правовой социализации и правового воспитания населения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 книгах. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. 155 с.
2. Дюби Ж. История ментальностей / Ж. Дюби; Сост. Е.М. Михина // История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. 20 с.
3. Дашковский П.К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2002. Т. 2. С. 3–43. EDN: SMVLCF
4. Забелина Н.А. Менталитет и ментальность // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2007. № 1 (1). С. 19–25. EDN: NBQGRV
5. Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994. С. 4.
6. Рёдель А.И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу // Социологические исследования. 2000. № 12. 117 с.
7. Соломатова С.Н. Влияние особенностей российского менталитета на процесс становления гражданского общества в России // Омский научный вестник. 2007. № 4(58). 111 с. EDN: JXBYXT
8. Шестопал Е.Б. Политическая психология : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Аспект Пресс», 2022. 254 с.
9. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 255 с. EDN: NOYYGN
10. Меняйло Д.В. Правовой менталитет : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 64 с. EDN: NMGNPF
11. Довлекаева О.В. Правовой менталитет: социально-философский анализ : дис. … канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2007. 12 с. EDN: YGVOKC
12. Баранов П.П. Правовая сфера духовного мира человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. 56 с. EDN: WYPVED
13. Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет : дис. … канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2006. 86 с. EDN: NODCOX

References:

1. Bogdanov A.A. Tectology: a universal organizational science : in 2 books. M. : Ekonomika, 1989. Book 1. 155 p.
2. Duby J. The history of mentalities / J. Duby; Comp. E.M. Mikhina // The history of mentalities, historical anthropology: Foreign studies in reviews and abstracts. M., 1996. 20 p.
3. Dashkovsky P.K. On the question of the relationship between the categories «mentality» and «mentality»: a historical and philosophical aspect // Philosophical descriptions. Barnaul : Altai State University, 2002. Vol. 2. P. 36–43. EDN: SMVLCF

© Матюшенко К.Б.

4. Zabelina N.A. Mentality and mentality // Theory of language and intercultural communication. 2007. № 1(1). P. 19–25. EDN: NBQGRV
5. Usenko O.G. On the definition of the concept of «mentality» // Russian history: problems of mentality. M., 1994. 4 p.
6. Redel A.I. Russian mentality: towards sociological discourse // Sociological Research. 2000. № 12. 117 p.
7. Solomatova S.N. The influence of the peculiarities of the Russian mentality on the process of formation of civil society in Russia // Omsk Scientific Bulletin. 2007. № 4(58). 111 p. EDN: JXBYXT
8. Shestopal E.B. Political psychology : textbook. 6th ed., revised M. : Aspect Press Publishing House, 2022. 254 p.
9. Bainiyazov R.S. Legal awareness and legal mentality in Russia : dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2006. 255 p. EDN: NOYYGN
10. Menyailo D.V. Legal mentality : dis. ... Candidate of Legal Sciences. Volgograd, 2003. 64 p. EDN: NMGNPF
11. Dovlekaeva O.V. Legal mentality: socio-philosophical analysis : dis. ... Candidate of Philosophical Sciences. Rostov-on/D., 2007. 12 p. EDN: YGVOKC
12. Baranov P.P. The legal sphere of the spiritual world of man // North Caucasian Law Bulletin. 1998. № 1. 56 p. EDN: WYPVED
13. Ovchiev R.M. Legal culture and the Russian legal mentality : dis. ... Candidate of Legal Sciences. Rostov-on/D., 2006. 86 p. EDN: NODCOX

Информация об авторе

Матюшенко Ксения Борисовна
старший преподаватель
кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
martinkb@inbox.ru

Kseniya B. Matyushenko
Senior Lecturer at the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
martinkb@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Матюшенко К.Б.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-15
УДК 340.15

Attribution
cc by

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Мирова М.А.
Московский государственный институт международных отношений

Аннотация. В статье исследуется историческое развитие принципа самоопределения народов – от политико-философской идеи до самостоятельного принципа современного международного права. Цель исследования – проследить генезис принципа самоопределения народов в международном праве и показать, как политико-философская идея, укоренённая в учениях о народном суверенитете, трансформировалась в самостоятельный принцип современного международного права. Методология основана на историко-правовой и формально-юридический методы, толкование договорных источников и анализ судебной практики и доктрины. В работе установлено, что самоопределение восходит к естественно-правовым учениям раннего Нового времени, связывавшим «народ» с народным суверенитетом и правом на сопротивление. В рамках правового позитивизма оно не признавалось субъективным правом народов, что подтверждают решение Постоянной палаты международного правосудия по делу «Лотус» и доклад по Аландским островам Переход в международно-правовую сферу связан с Уставом ООН 1945 г., деколонизацией и резолюциями Генеральной Ассамблеи, а нормативное закрепление – с общей статьей 1 Пактов о правах человека 1966 г. и Декларацией о принципах международного права 1970 г. Автор заключает, что самоопределение утвердилось как самостоятельный принцип позитивного международного права.

Ключевые слова: самоопределение народов, деколонизация, народный суверенитет, правовой позитивизм, естественно-правовая доктрина, история международного права, история правовых учений, права человека.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF SELF-DETERMINATION OF PEOPLES

Malika A. Mirova
Moscow State Institute of International Relations

Abstract. This article examines the historical development of the principle of self-determination of peoples – from a political-philosophical idea to an autonomous principle of modern international law. The aim is to trace its genesis and to show how an idea rooted in doctrines of popular sovereignty was transformed into an autonomous principle of international law. The methodology rests on the historical-legal and formal-legal methods, the interpretation of treaty sources, and the analysis of judicial practice and doctrine. The study establishes that self-determination originates in the natural-law doctrines of the early modern period, which linked «the people» with popular sovereignty and the right of resistance. Under legal positivism it was not recognised as a subjective right of peoples, as confirmed by the Permanent Court of International Justice in the Lotus case and the report on the Åland Islands. Its transition into the international-legal sphere is associated with the Charter of the United Nations of 1945, decolonisation, and General Assembly resolutions, while its normative consolidation is linked to common Article 1 of the Covenants on Human Rights of 1966 and the Declaration on Principles of International Law of 1970. The author concludes that self-determination has become established as an autonomous principle of positive international law.

Keywords: self-determination of peoples, decolonisation, popular sovereignty, legal positivism, natural-law doctrine, history of international law, history of legal doctrines, human rights.

Funding: Independent work.

© Мирова М.А.

Введение.

Идея самоопределения народов начала формироваться до появления современных международно-правовых норм, способных придать ей юридически обязывающий характер.

Принцип самоопределения народов прошёл длительный путь – от политического движения, которое развивалось в различных странах в связи со стремлением избавиться от колониальной зависимости, до нормы международного права.

Данный процесс не носил линейный характер, напротив, каждый этап нормативного закрепления этого принципа сопровождался острыми политическими противоречиями между колониальными державами и народами, которые стремились к независимости, а его юридическое содержание формировалось под воздействием множества факторов: смены доктринальных парадигм международного права, двух мировых войн, внутренних вооружённых конфликтов в рамках процесса деколонизации и постепенного определения категории прав человека в международной правовой системе.

Цель настоящего исследования – проследить генезис принципа самоопределения народов в международном праве и показать, каким образом политико-философская идея, укоренённая в учениях о народном суверенитете, трансформировалась в самостоятельный принцип современного международного права.

Его методологическую основу составляют историко-правовой и формально-юридический методы, толкование договорных источников, а также анализ международной судебной практики и доктрины.

Структура работы отражает логику этого перехода: вначале анализируется историческая эволюция концепции от естественно-правовых учений до договорной кодификации, после чего раскрываются теоретико-правовые результаты данной эволюции.

Обсуждение.

Ранние теории так называемого «права на сопротивление» прослеживаются, в частности, в трудах Гуго Гроция, который обосновывал «право на сопротивление» через идеи народного суверенитета и естественного права на наказание [1, с. 12–13].

Ключевым понятием в развитии всей естественно-правовой мысли раннего Нового времени по этому вопросу было понятие «народ».

Так, суверенитет государства С. Пуфендорфом обосновывался через концепцию общественного договора, в котором «народ» выступал источником верховной власти [2, с. 84–85].

Э. де Ваттель описывал международное сообщество как совокупность суверенных наций, каждая из которых управляет собой посредством собственной воли и законами, – подход, в котором независимость выступала не просто правом народа, но и признаком государства [3, с. 26, 28].

Учение о народном суверенитете, развитое в работах Дж. Локка, также оказало значительное влияние на представления о легитимности государственной власти, связав её с согласием управляемых и обозначив возможность сопротивления властям, нарушающим естественные права человека [4, с. 146, 169–170, 212–213].

Тем не менее, переход от этих идей отдельных философов-гуманистов к нормам международного права, носящим общеобязательный характер, требовал длительного исторического развития.

До окончательного оформления самого понятия и содержания принципа самоопределения отдельные его элементы находили отражение в декларациях независимости, то есть в декларативных документах, которым население прежде зависимой территории объявляли свою независимость [5, с. 536].

Первым примером такой декларации стала Декларация независимости США 1776 года, в которой были выражены требования об освобождении от колониальной зависимости, а также о праве американского народа на представление своих интересов. Тем самым, Декларация независимости закрепила право на самоопределение как на национальном уровне, так и на международном, так как данный документ создал правовые последствия для всего международного сообщества, буквально обозначив создание нового субъекта права. Такая двойственная природа отражена в содержании права на самоопределение в современном международном праве, из-за чего данный документ в доктрине характеризуется как исторический и концептуальный исток для оформления данного принципа [6, с. 106].

В дальнейшем, преобладание правового позитивизма как юридической философии оказало влияние, в том числе, на отношение к праву народов на самоопределение.

Постоянная Палата Международного Правосудия в решении по делу «Лотус» сформулировала классическое позитивистское понимание международного права, согласно которому «международное право регулирует отношения между независимыми государствами.

Нормы права, обязывающие государства, проистекают, таким образом, из их собственной воли» Естественно-правовые представления о правах народов, народном волеизъявлении и легитимности политической власти были оттеснены данным пониманием международного права как правопорядка, основанного в первую очередь на воле и согласии суверенных государств [7, с. 1–3, 9–10].

© Мирова М.А.

При таком подходе волеизъявления народов, не подкрепленные признанием со стороны государств или закреплением в позитивных источниках международного права, не могли рассматриваться в качестве источников прав.

Международное право в период до окончания Первой мировой войны не регулировало положения народов, проживающих внутри государств или на территориях, находящихся под их контролем, и обращение с ними составляло исключительную прерогативу государства. Именно после Первой мировой войны вопросы самоопределения начали переходить из области политической философии в сферу международного права. Было, в том числе, предложение о том, чтобы включить понятие «самоопределение» в Устав Лиги Наций, и соответствующая формулировка содержалась в третьем проекте Устава от 20 января 1919 г., предусматривавшем обязательство государств-участников уважать «политическую независимость и территориальную целостность» в случае, если территориальные изменения соответствуют «принципу самоопределения народов» [8, с. 139]. Это предложение, однако, не получило поддержки и не вошло в окончательную редакцию документа.

В докладе по вопросу об Аландских островах 1920 г. Совет Лиги Наций признал, что принцип самоопределения занимает значимое место в политической мысли того времени, однако подчеркнул, что он не был закреплен в Уставе Лиги Наций, а отдельные упоминания в международных договорах не позволяют рассматривать его как общую норму позитивного международного права. В этой связи, было указано на то, что позитивное международное право не предоставляет национальным группам права на отделение от существующего государства исключительно на основании выраженного ими желания.

В рамках данного доклада, особое внимание было в том числе уделено территориальному вопросу: так, Совет Лиги Наций категорически указал на невозможность отчуждения территории государства без согласия последнего сугубо в силу волеизъявления определённого народа.

Тем самым, данное заключение отразило характерный для того периода подход, при котором самоопределение воспринималось прежде всего, как политический принцип, реализация которого зависела от согласия государств и общего международно-правового контекста, а не как субъективное право народа на одностороннее изменение государственной принадлежности территории.

В качестве альтернативы прямого признания права народов на самоопределение, была введена мандатная система. Тем не менее, распространённое в западной доктрине представление о мандатной системе Лиги Наций как о начальном этапе нормативного признания права народов на самоопределение не соответствует исторической действительности и последствиям внедрения этой системы.

Всестороннее изучение материалов Парижской мирной конференции 1919 г., практики держав-мандатариев и долгосрочных последствий проведённого ими территориального переустройства приводит к иному выводу: мандатная система не только не обеспечила реализации права на самоопределение многих народов подмандатных территорий, но и заложила правовые и территориальные основания для значительного числа неразрешённых международных конфликтов современности [9, с. 67].

Следовательно, в XIX – начале XX в. самоопределение сохраняло преимущественно политико-философское значение. При этом понятие «независимость» в рамках позитивистской парадигмы рассматривалась не как право народов, а как свойство государственного суверенитета, а именно внешнее проявление суверенитета, которое заключается в свободе принимать решения относительно внешней политики [10, с. 231–232].

Впервые право на самоопределение народов, в качестве одной из основ международного права, было признано с принятием Устава ООН в 1945 г.: среди целей ООН было закреплено развитие дружественных отношений между государствами «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». Помимо этого, статья 55 воспроизвела эту формулировку в контексте международного экономического и социального сотрудничества, связав её с «созданием условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями».

Включение принципа самоопределения в Устав ООН, универсальный многосторонний договор с наибольшим количеством государств-участников, ознаменовало его переход из области политического дискурса в международно-правовую сферу.

Вместе с тем, Устав ООН не раскрывает конкретного содержания этого правила, и последующая конкретизация принципа самоопределения происходила под воздействием процесса деколонизации, который коренным образом изменил состав международного сообщества.

Так, в рамках уже системы ООН благодаря сотрудничеству группы арабо-азиатской государств вопросы деколонизации и самоопределения были выдвинуты на передний план. Эта группа, объединявшая государства Лиги арабских государств (Египет, Ирак, Ливан, Саудовскую Аравию, Сирию, Йемен), Иран, Афганистан и азиатские государства (Афганистан, Бирму, Индию, Иран, Пакистан, Филиппины), координировала

© Мирова М.А.

голосование по ключевым колониальным вопросам и продвигала альтернативные проекты резолюций в противовес позиции колониальных держав [11, с. 254–256].

На пятой сессии Генеральной Ассамблеи делегации Афганистана и Саудовской Аравии внесли предложение о закреплении самоопределения в качестве индивидуального права человека в разрабатываемом Пакте о правах человека. В результате, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 421D(V) от 4 декабря 1950 г., поручившую Комиссии по правам человека «изучить пути и средства, которые обеспечили бы право народов и наций на самоопределение», – тем самым самоопределение было впервые формально квалифицировано как вопрос прав человека.

Резолюция Генеральной Ассамблеи № 545 (VI) от 5 февраля 1952 г. подтвердила, что право народов на самоопределение должно быть включено в проектируемые пакты о правах человека, а Резолюция № 637 (VII) от 16 декабря 1952 г. провозгласила, что «право народов и наций на самоопределение является предпосылкой полного осуществления всех основных прав человека».

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 1960 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН в рамках Резолюции 1514, стала еще одним нормативным закреплением того, что «все народы имеют право на самоопределение» и что «в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие». Декларация была принята 89 голосами «за» при отсутствии голосов «против» (9 государств воздержались, в их числе – ведущие колониальные державы) – это свидетельствует о почти единогласном согласии международного сообщества с универсальным характером принципа самоопределения, не ограниченного никакими мандатами.

Принятая позже резолюция 1541 (XV) от 15 декабря 1960 г. конкретизировала способы реализации права на самоопределение применительно к несамоуправляющимся территориям, выделив три формы: становление суверенным независимым государством, свободное объединение с независимым государством или интеграция с независимым государством. Принципиальным условием правомерности любой из этих форм является «свободный и подлинный выбор» соответствующего народа, сделанный «путем применения понятных и демократических методов».

Международные пакты о правах человека 1966 г. завершили процесс договорной кодификации права на самоопределение. Общая статья 1 пункт 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах установила: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права, они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН (далее – Декларация о принципах международного права 1970 г.), принятая Генеральной Ассамблеей уже консенсусом, развила содержание принципа, закрепив право народов свободно определять свой политический статус и обязанность государств содействовать его осуществлению; принцип V Декларации придал самоопределению статус одного из основных принципов международного права, стоящего в одном ряду с принципами суверенного равенства, невмешательства, запрета применения силы и добросовестного выполнения обязательств. Одновременно, Декларация ввела так называемую «защитную оговорку», согласно которой ничто в её тексте не должно толковаться как санкционирование действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, «соблюдающего в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» и имеющего «правительство, представляющее весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». Эта оговорка стала основой для существующих по сей день доктринальных дискуссий о соотношении внешнего самоопределения и территориальной целостности государства.

Результаты.

Рассмотренная историческая эволюция позволяет увидеть в самоопределении не только последовательно расширявшийся комплекс международно-правовых предписаний, но и пример изменения самой юридической конструкции права.

На первоначальном этапе самоопределение существовало как политико-правовая идея, обосновывавшая происхождение публичной власти из воли народа, допустимость сопротивления тирании и возможность учреждения нового политического порядка.

В современном праве оно одновременно выступает основополагающим принципом, субъективным коллективным правом и основанием для определенных обязанностей государств. Следовательно, его развитие следует характеризовать не как простое накопление международных актов, а как переход от ценностного и доктринального обоснования к позитивно-правовому оформлению соответствующего притязания [12, с. 11–14; 13, с. 625–626].

© Мирова М.А.

В естественно-правовых учениях XVII–XVIII вв. народ рассматривался как первоначальный носитель верховной власти, передающий полномочия правителю или учреждаемым органам посредством общественного договора. Тем самым, была сформирована основная идея самоопределения — зависимость легитимности публичной власти от воли управляемых, однако эта воля еще не порождала самостоятельного международно-правового притязания [2, с. 84–85].

Исторически первой, таким образом, сложилась внутренняя сторона самоопределения, связанная с источником и организацией власти, тогда как возможность выбора международно-правового статуса территории получила признание значительно позднее. В условиях правового позитивизма, выводившего обязательность международных норм из согласованной воли государств, народ, не обладавший самостоятельной правосубъектностью, не мог противопоставить свое волеизъявление государству, которое выступало основным создателем права и носителем территориального верховенства [7, p. 1–10].

Вместе с тем, позитивизм сыграл двойственную роль: препятствуя признанию политических требований народов юридически обязательными без их формального закрепления, он одновременно обусловил особое значение Устава ООН, Международных пактов о правах человека и последующей практики государств, благодаря которым идея народного суверенитета была преобразована в норму позитивного международного права.

Для теоретико-правовой характеристики самоопределения принципиально важно разграничивать его существование как принципа права и как субъективного права. В общей теории права принципы рассматриваются не как политические декларации, а как наиболее обобщенные нормативные начала, определяющие содержание, направленность, толкование и применение иных правовых предписаний.

С.С. Алексеев подчеркивал, что основополагающие принципы представляют собой выражение права и служат основой для его применения и толкования [14, с. 144–145].

Аналогичным образом А. Кассезе характеризовал самоопределение как «зонтичный» принцип, объединяющий совокупность более конкретных правил [12, p. 128]. К ним относятся запрет иностранного подчинения и эксплуатации, требование свободного и подлинного волеизъявления, допустимые формы определения статуса несамоуправляющейся территории, а также обязанности государств уважать осуществление соответствующего права и содействовать ему.

Следовательно, принцип самоопределения выполняет системообразующую и интерпретационную функции, тогда как отдельные нормы, развивающие его содержание, закрепляют конкретные дозволения, запреты и обязанности.

Одновременно, самоопределение является субъективным коллективным правом, носителем которого выступает народ. Это имеет общетеоретическое значение, поскольку право принадлежит не государству и не отдельному индивиду, а коллективному образованию, границы и критерии определение которого не всегда формально определены. Такое право не сводится к совокупности сумме индивидуальных прав членов соответствующей общности: его предметом является коллективный выбор политического статуса и направления экономического, социального и культурного развития. При этом признание народа носителем права не означает автоматического наделения его всей совокупностью качеств, присущих государству как полному субъекту международного права. Речь идет о функциональной и ограниченной правосубъектности, возникающей применительно к определенному кругу отношений [15, p. 78–84].

В правоотношении самоопределения народ выступает управомоченной стороной; государство, осуществляющее власть над соответствующей территорией, – основным носителем обязанностей, а иные государства в силу характера обязательства erga omnes обладают юридическим интересом в его соблюдении.

Развитие самоопределения повлекло и трансформацию понятия суверенитета. Классическая позитивистская модель связывала суверенитет прежде всего с независимостью государства, эффективным контролем над территорией и невмешательством во внутренние дела.

Самоопределение ввело в данную конструкцию категорию народного суверенитета, поставив вопрос о юридическом основании государственной власти. Как отмечается в доктрине, благодаря праву на самоопределение народный суверенитет из средства политической легитимации превратился в юридически значимую категорию [13, p. 628–630].

Государственный суверенитет при таком подходе не исключается, но приобретает функциональный характер: государство осуществляет территориальное верховенство не вопреки воле населения, а в качестве формы политической организации народа. Именно этим объясняется сочетание в Декларации 1970 г. права народов свободно определять свой статус с защитой территориальной целостности государств, представляющих все население соответствующей территории.

Данная формула закрепила компромисс между стабильностью существующего государственного порядка и требованием легитимности публичной власти.

© Мирова М.А.

Особенность самоопределения как правовой категории состоит также в высокой степени смысловой открытости. Нормативные тексты не дают исчерпывающего определения понятий «народ», «свободный выбор» и «политический статус», а также не устанавливают универсальной границы между внутренней автономией и допустимостью внешнего отделения.

В терминологии Г.Л.А. Харта, подобные понятия обладают «открытой текстурой»: наряду с ядром относительно бесспорных случаев они имеют область неопределенности, в которой применение нормы требует толкования и учета конкретного контекста [10, p. 124–136].

В отношении самоопределения такое ядро сформировалось, прежде всего, применительно к колониальным народам, тогда как его применение за пределами деколонизации остается дискуссионным. Неопределенность здесь является не только недостатком юридической техники, но и результатом исторического компромисса: широкая формулировка обеспечила признание принципа государствами с различными политическими интересами, но одновременно оставила значительное пространство для конкурирующих толкований [13, p. 609–625].

Заключение.

Таким образом, генезис самоопределения отражает более общую закономерность развития права: первоначально сложившаяся в политико-правовой доктрине идея проходит стадии общественного признания, формального закрепления и последующей конкретизации в системе субъективных прав и юридических обязанностей.

История самоопределения демонстрирует взаимодействие естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, изменение представлений о субъекте права и постепенное ограничение государственно-центричной модели международного правопорядка.

Именно в этом теоретико-историческом измерении самоопределение представляет собой не только институт международного права, но и значимый пример превращения политической идеи в нормативный принцип, а затем – в юридический механизм легитимации и ограничения публичной власти.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Weatherall T. The Right to Self-Determination in International Law. New-York : Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197798119.001.0001
2. Pufendorf S. von. On the Duty of Man and Citizen According to the Natural Law in Two Books / Transl. by F.G. Moore. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. 113 p. URL : https://lonang.com/wp-content/download/Pufendorf-DutyOfManAndCitizen.pdf (date of application 17.05.2026).
3. Vattel E. de. The Law of Nations or the Principles of Natural Law in Four Books / transl. by J. Chitty. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. URL : https://lonang.com/wp-content/download/Vattel-LawOfNations.pdf (date of application 17.05.2026).
4. Locke J. Two Treatises of Government // The Works of John Locke : in 10 vol. A new ed., corrected. London : Printed for Thomas Tegg [et al.]. 1823. Vol. 5. P. 207–485.
5. Ермак К.А. Право народов на самоопределение и принцип территориальной целостности – коллизия или мнимое противоречие? // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конференции : в 3 ч. Минск, 10–21 мая 2021 г. / Белорусский государственный университет; редкол. В.Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. Мн. : БГУ, 2021. Ч. 2. С. 535–538. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/294097 (дата обращения 17.05.2026). EDN: VALCLM
6. Crawford J. Opinion: Third Party Obligations with Respect to Israeli Settlements in the Occupied Palestinian Territories. London : Matrix Chambers, 2012. 60 p. URL : https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/tucfiles/LegalOpinionIsraeliSettlements.pdf (дата обращения 17.05.2026).
7. Lee H.E. Positivism in International Law: State Sovereignty, Self-Determination, and Alternative Perspectives / H.E. Lee, S. Lee // Asian Yearbook of International Law. 2010. Vol. 16. P. 1–24. DOI: 10.1163/9789004379695_002
8. Kattan V. From Coexistence to Conquest: International Law and the Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1891–1949. London; New-York : Pluto Press, 2009. XXXI. 416 p. DOI: 10.2307/j.ctt183p4h6
9. Matz N. Civilization and the Mandate System under the League of Nations as Origin of Trusteeship // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 47–95. DOI: 10.1163/138946305775160483

© Мирова М.А.

10. Hart H.L.A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2012.
11. Ewing C. «With a Minimum of Bitterness»: Decolonization, the Right to Self-Determination, and the Arab-Asian Group // Journal of Global History. 2022. Vol. 17. № 2. P. 254–271. DOI: 10.1017/S1740022822000055 EDN: QRKQEM
12. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge; New-York : Cambridge University Press, 1995. XVIII. 365 p.
13. Saul M. The Normative Status of Self-Determination in International Law: A Formula for Uncertainty in the Scope and Content of the Right? // Human Rights Law Review. 2011. Vol. 11. № 4. P. 609–644. DOI: 10.1093/hrlr/ngr025
14. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 1995. 320 с. ISBN: 5-85639-093-8 EDN: RLSTNL
15. Summers J. Peoples and International Law: How Nationalism and Self-Determination Shape a Contemporary Law of Nations. 2nd ed. Leiden; Boston : Martinus Nijhoff, 2014. 630 p.

References:

1. Weatherall T. The Right to Self-Determination in International Law. New-York : Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197798119.001.0001
2. Pufendorf S. von. On the Duty of Man and Citizen According to the Natural Law in Two Books / Transl. by F.G. Moore. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. 113 p. URL : https://lonang.com/wp-content/download/Pufendorf-DutyOfManAndCitizen.pdf (date of application 17.05.2026).
3. Vattel E. de. The Law of Nations or the Principles of Natural Law in Four Books / transl. by J. Chitty. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. URL : https://lonang.com/wp-content/download/Vattel-LawOfNations.pdf (date of application 17.05.2026).
4. Locke J. Two Treatises of Government // The Works of John Locke : in 10 vol. A new ed., corrected. London : Printed for Thomas Tegg [et al.]. 1823. Vol. 5. P. 207–485.
5. Ermak K.A. The right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity – a conflict or an imaginary contradiction? // 78th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University: conference proceedings: at 3 p.m. Part 2, Minsk, May 10–21, 2021 / Belarusian State University; editor: V.G. Safonov (chief editor) [et al.]. Mn. : BSU, 2021. P. 535–538. URL : https://elib.bsu.by/handle/123456789/294097 (date of application 05/17/2026). EMAIL address: VALCLM
6. Crawford J. Opinion: Third Party Obligations with Respect to Israeli Settlements in the Occupied Palestinian Territories. London : Matrix Chambers, 2012. 60 p. URL : https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/tucfiles/LegalOpinionIsraeliSettlements.pdf (date of application 17.05.2026).
7. Lee H.E. Positivism in International Law: State Sovereignty, Self-Determination, and Alternative Perspectives / H.E. Lee, S. Lee // Asian Yearbook of International Law. 2010. Vol. 16. P. 1–24. DOI: 10.1163/9789004379695_002
8. Kattan V. From Coexistence to Conquest: International Law and the Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1891–1949. London; New-York : Pluto Press, 2009. XXXI. 416 p. DOI: 10.2307/j.ctt183p4h6
9. Matz N. Civilization and the Mandate System under the League of Nations as Origin of Trusteeship // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 47–95. DOI: 10.1163/138946305775160483
10. Hart H.L.A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2012.
11. Ewing C. «With a Minimum of Bitterness»: Decolonization, the Right to Self-Determination, and the Arab-Asian Group // Journal of Global History. 2022. Vol. 17. № 2. P. 254–271. DOI: 10.1017/S1740022822000055 EDN: QRKQEM
12. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge; New-York : Cambridge University Press, 1995. XVIII. 365 p.
13. Saul M. The Normative Status of Self-Determination in International Law: A Formula for Uncertainty in the Scope and Content of the Right? // Human Rights Law Review. 2011. Vol. 11. № 4. P. 609–644. DOI: 10.1093/hrlr/ngr025
14. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 1995. 320 с. ISBN: 5-85639-093-8 EDN: RLSTNL
15. Summers J. Peoples and International Law: How Nationalism and Self-Determination Shape a Contemporary Law of Nations. 2nd ed. Leiden; Boston : Martinus Nijhoff, 2014. 630 p.

Информация об авторе

Мирова Малика Абдулмажидовна
юрист,
ООО «ГРАНДСТРОЙМИР»;
международно-правовой факультет,
Московский государственный институт
международных отношений
MirovaMalika@yandex.ru

Malika A. Mirova
Lawyer,
GRANDSTROYMIR Limited Liability Company,
Faculty of International Law,
Moscow State Institute of International Relations
MirovaMalika@yandex.ru

© Мирова М.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Мирова М.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-22
УДК 34

Attribution
cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА NFT-ТОКЕНОВ КАК ПРЕДМЕТА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Сачков А.Н.
Ассоциация Евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Евросиб»

Аннотация. В статье предпринят уголовно-правовой анализ сущности NFT-токенов как предмета преступления, предусмотренного ст. 1722 УК РФ, связанного с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Проанализированы формы оборота NFT в механизмах неправомерного привлечения средств, включая использование токенов в псевдоинвестиционных схемах, и выявлены критерии их отнесения к предмету преступления. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода в уголовно-правовой оценке деяний, совершённых с использованием NFT, учитывающего их цифровую природу, экономическую ценность и привлечение в инвестиционную деятельность, а также предложены направления совершенствования уголовно-правовой охраны цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: NFT-токены, иное имущество, цифровые активы, блокчейн, инвестиционные схемы, привлечение денежных средств, общественные отношения, предмет преступления, уголовно-правовая квалификация, имущественные отношения.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF NFT TOKENS AS AN OBJECT OF ORGANIZING ACTIVITIES TO ATTRACT MONEY AND OTHER PROPERTY

Andrey N. Sachkov
Association of Euro-Siberian Self-Regulatory Organizations of Insolvency Managers «Eurosib»

Abstract. The article undertakes a criminal law analysis of the essence of NFT tokens as the subject of a crime under Article 1722 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the organization of activities to attract funds and (or) other property. The forms of NFT turnover in the mechanisms of illegal fundraising, including the use of tokens in pseudo-investment schemes, are analyzed, and criteria for their attribution to the subject of a crime are identified. The conclusion is made about the need for a differentiated approach in the criminal law assessment of acts committed with the use of NFT, taking into account their digital nature, economic value and involvement in investment activities, and also the directions of improvement of criminal law protection of digital financial assets are proposed.

Keywords: NFT-tokens, other property, digital assets, blockchain, investment schemes, raising funds, social relations, subject of crime, criminal law qualification, property relations.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В условиях стремительного усложнения цифрового имущественного оборота и постепенного стирания границ между материальными и виртуальными формами активов особое значение приобретает вопрос о правовой природе non-fungible tokens (далее – NFT) как самостоятельного феномена цифровой экономики. Их появление можно рассматривать как, своего рода, «точку разрыва» с традиционной логикой взаимозаменяемых цифровых единиц, поскольку NFT фиксируют не просто факт существования цифрового объекта, а закрепляют его уникальность в распределённой информационной среде.

© Сачков А.Н.

Технологически NFT формируются на основе блокчейн-инфраструктуры с использованием смарт-контрактов стандартов ERC-721 и ERC-1155, что обеспечивает их неизменяемую идентификацию и прослеживаемость оборота. Практика оборота показывает, что стоимость таких токенов формируется не только исходя из характеристик базового объекта, но и за счёт редкости, репрезентативной ценности и рыночного спроса. Так, один и тот же цифровой арт-объект, закреплённый в форме NFT, может многократно менять свою рыночную оценку в зависимости от контекста оборота, подобно тому, как антикварная вещь приобретает дополнительную ценность за счёт своей истории и уникальности.

Именно эта особенность обусловливает функциональную амбивалентность NFT: с одной стороны, они выступают в качестве цифрового «якоря» конкретного актива, а с другой выполняют роль удостоверяющего инструмента, обеспечивающего фиксацию и передачу имущественных и связанных с ними неимущественных прав в цифровой среде, включая метавселенную [1, с. 58]. В результате NFT становятся не просто технологическим продуктом, а элементом нового типа имущественных отношений, где оборот активов приобретает ускоренный, децентрализованный и трансграничный характер.

Указанные особенности обусловливают формирование особого цифрового пространственного континуума, в рамках которого осуществляется оборот NFT-токенов и складываются новые модели экономических отношений, приобретающих значение для уголовно-правовой охраны. Речь идёт о среде, в которой имущественные связи постепенно утрачивают привязку к традиционным территориальным и институциональным рамкам, трансформируясь в распределённую цифровую систему взаимодействия участников.

Обсуждение.

В доктрине цифровой экономики данный феномен обозначается как «метавселенная», представляющая собой целостную цифровую экосистему, объединяющую виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и расширенную реальность (XR) с реальной средой [2, с. 139]. В рамках этой системы интегрируются современные технологии, включая блокчейн, смарт-контракты, NFT, криптовалюту, искусственный интеллект и глобальные сети передачи данных. Такая конвергенция создаёт условия для появления уникальных имущественных отношений, в которых NFT-токены могут выступать как самостоятельные объекты экономического оборота, обеспечивая возможность привлечения денежных средств и иного имущества.

На российском рынке уже сформировалась локальная инфраструктура метавселенных, активно использующая зарубежные платформы. Среди ключевых участников игровые проекты, такие как Roblox и Fortnite, а также ивент-площадки, формируемые по типу Spatial, предоставляющие возможности для коммерческой деятельности и привлечения инвестиций за счёт вовлечённой аудитории [3, с. 119].

Использование NFT в качестве инструмента противоправной деятельности порождает новые формы экономической преступности и создает комплекс рисков. NFT-токены одновременно выступают как самостоятельный объект имущественных отношений и как элемент механизма совершения преступления, что требует дифференцированного подхода к их уголовно-правовой оценке. Их цифровая природа, техническая уникальность и возможность участия в инвестиционных схемах делают необходимым уточнение критериев признания NFT предметом преступления, предусмотренного ст. 1722 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и выделение специфических признаков, отражающих роль токена в схемах противоправного привлечения денежных средств и иного имущества [4, с. 169].

Уникальность NFT и способность участвовать в имущественном обороте позволяют рассматривать NFT в качестве потенциального предмета преступления, в том числе в составах, предусматривающих ответственность за посягательства на имущественные отношения. Вместе с тем децентрализованный характер их функционирования, а также разрыв между цифровой формой токена и реальным содержанием закреплённых за ним прав создают дополнительные сложности для правоприменения, включая вопросы идентификации объекта посягательства, определения объёма причинённого вреда и разграничения смежных составов преступлений.

Указанное обстоятельство предопределяет необходимость уточнения содержания объекта уголовно-правовой охраны с учётом цифровой природы соответствующих активов. В этом смысле, объект преступления приобретает комплексный характер: он охватывает не только имущественные отношения, связанные с перераспределением денежных средств и иных активов, но и охраняемые законом интересы участников инвестиционной деятельности, включая их право на достоверную информацию о характере привлекаемых средств, добросовестность организатора и наличие реальной хозяйственной деятельности. Нарушение этих условий, в том числе посредством использования NFT-токенов в качестве формального инвестиционного инструмента, свидетельствует о посягательстве на устойчивость финансового оборота и подрыве доверия к цифровым формам инвестирования.

В логической связи с характеристикой объекта преступления возникает необходимость обращения к категории «иное имущество», используемой законодателем в конструкции ст. 1722 УК РФ. Данная категория носит обобщающий и

© Сачков А.Н.

оценочный характер, что обусловливает необходимость её доктринального осмысления, особенно в условиях появления новых цифровых форм имущественных благ.

В уголовно-правовой науке под имуществом традиционно понимаются вещи, имущественные права и иные объекты гражданского оборота, обладающие экономической ценностью и способные участвовать в имущественных отношениях [5, с. 65]. Вместе с тем, использование термина «иное имущество» позволяет охватить более широкий круг активов, включая те, которые не имеют устоявшегося правового режима, но фактически выполняют экономические функции.

В этом контексте, особую актуальность приобретает вопрос о признании NFT-токенов в разновидностью «иного имущества». Нам представляется, что такая квалификация возможна при наличии совокупности признаков, характеризующих NFT как объект имущественных отношений. Прежде всего, речь идёт о наличии у токена экономической ценности, выражающейся в способности быть предметом стоимостной оценки и отчуждения. Кроме того, NFT обладает оборотоспособностью, позволяющей ему участвовать в гражданском и инвестиционном обороте, а также индивидуализированностью, обеспечивающей возможность его идентификации как самостоятельного актива. Наконец, принципиальное значение имеет функциональная способность NFT использоваться в качестве инструмента привлечения денежных средств и (или) иного имущества, что непосредственно соотносится с конструкцией рассматриваемого состава преступления.

Развивая данное положение, следует поддержать мнение О.Г. Бельдиной и С.Н. Бурлака, согласно которому NFT-токен в рамках противоправных схем может выполнять двойственную роль. С одной стороны, он выступает как предмет имущественного посягательства, поскольку вовлекается в оборот в качестве объекта инвестирования. С другой стороны, он функционирует как элемент механизма совершения преступления, обеспечивая внешнюю легитимность деятельности по привлечению средств [6, с. 289]. Именно эта особенность позволяет использовать NFT для маскировки схем, не обеспеченных реальной экономической деятельностью, что затрудняет их выявление и уголовно-правовую квалификацию.

Сопоставление NFT-токенов с традиционными объектами имущественных посягательств позволяет выявить как сходство, так и принципиальные различия. Общим, по мнению Д.А. Каткова, является наличие экономической ценности и участие в имущественном обороте, что позволяет рассматривать NFT в одном ряду с денежными средствами, ценными бумагами и иными активами [7, с. 250]. Вместе с тем, их цифровая природа, выражающаяся в существовании исключительно в форме записи в распределённом реестре, а также опосредованный характер связи с репрезентируемым объектом существенно усложняют определение объёма правомочий владельца и оценку причинённого ущерба.

В то же время, указанное сходство не исключает необходимости дифференцированного подхода к оценке роли NFT-токенов в механизме преступлений экономической направленности, что особенно проявляется при их использовании в конструкциях, образующих признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества (ст. 1722 УК РФ). В данном контексте, NFT-токены могут выступать в качестве предмета преступления, прежде всего, в содержании признаков объекта привлечения иного имущества, когда их приобретение позиционируется как инвестиционная операция, направленная на получение дохода или иной выгоды.

Формы использования NFT в механизме преступления варьируются в зависимости от способа организации противоправной деятельности. Наиболее распространённой является модель, при которой токены используются как инструмент маскировки противоправной деятельности, придавая ей видимость легального цифрового бизнеса [8, С. 148].

В этой связи, особую значимость приобретает выработка критериев отнесения NFT к предмету преступления. К их числу следует отнести наличие экономической ценности токена, его вовлечённость в оборот в качестве инвестиционного инструмента, а также функциональную связь с процессом привлечения денежных средств или иного имущества.

Наконец, существенное значение имеет разграничение анализируемого состава с иными преступлениями экономической направленности. В частности, в отличие от мошенничества, где ключевым элементом выступает обман как способ завладения имуществом, в составе ст. 1722 УК РФ акцент смещён на сам механизм привлечения средств при отсутствии законной деятельности.

В свою очередь, от легализации (отмывания) денежных средств соответствующие деяния отличаются отсутствием цели придания правомерного вида ранее полученным преступным доходам, а от незаконной предпринимательской деятельности направленностью не на извлечение прибыли от хозяйственной деятельности, а на перераспределение привлечённых средств между участниками.

Квалификация противоправных действий в сфере оборота NFT-токенов требует учёта специфики цифровых активов и инфраструктуры, обеспечивающей их существование. Метаданные, закреплённые в блокчейне, распределённых файловых системах или централизованных серверах, как говорилось ранее, представляют собой имущественно значимые сведения, формирую-

© Сачков А.Н.

щие права на конкретный NFT. Поскольку NFT-токен как предмет может быть использован в механизмах привлечения денежных средств и (или) иного имущества, любое вмешательство в инфраструктуру, обеспечивающую его функциональность, напрямую затрагивает охраняемые законом имущественные отношения и представляет потенциальный объект уголовно-правового регулирования.

С точки зрения уголовно-правовой практики, можно выделить два основных типа рисков, связанных с нарушением целостности и доступа к NFT:

– во-первых, риски неправомерного получения метаданных, позволяющие злоумышленнику присвоить цифровой актив или получить возможность распоряжаться им в обход законного владельца;

– во-вторых, риски разрушения или модификации метаданных, что приводит к нарушению функциональности токена, утрате закреплённых прав и экономической ценности NFT.

В первом случае содеянное должно квалифицироваться как «незаконное получение данных из информационной системы», поскольку вмешательство осуществляется в защищённую систему с целью завладения информацией, обладающей экономическим содержанием.

Во втором имеет место нарушение норм, регулирующих сохранность компьютерной информации, что отражается на имущественных интересах владельцев токенов и может квалифицироваться как преступление в сфере компьютерной информации с учетом наступления имущественных последствий, в том числе утраты стоимости NFT как «пустого» права.

Результаты.

В контексте ст. 1722 УК РФ, NFT-токен следует рассматривать как предмет преступления при его использовании в схемах привлечения денежных средств или иного имущества, когда организатор обещает доход или иные выгоды участникам за счёт привлечённых средств последующих вкладчиков без наличия реальной инвестиционной деятельности.

Любые действия, нарушающие целостность или доступ к метаданным NFT, усиливают общественную опасность такого деяния, поскольку ставят под угрозу имущественные права инвесторов, подрывают доверие к цифровым финансовым инструментам и создают возможность перераспределения средств вне установленной законной схемы.

При этом необходимо учитывать критерии, обеспечивающие отграничение рассматриваемого состава от смежных с ним деяний. Так, неправомерное получение метаданных не должно смешиваться с классическим мошенничеством, так как здесь отсутствует обман в традиционном для уголовно-правовой доктрины понимании ключевым признаком является вмешательство в цифровую инфраструктуру и нарушение имущественных прав.

Разрушение метаданных, приводящее к утрате стоимости токена, отличается от традиционного уничтожения имущества тем, что объектом воздействия является цифровая запись, а последствия напрямую затрагивают имущественные интересы владельца NFT. Кроме того, действия в отношении NFT не всегда коррелируют с легализацией доходов или незаконной предпринимательской деятельностью, поскольку цель злоумышленника заключается именно в создании схем привлечения средств, маскируемых под легитимные инвестиционные операции.

Таким образом, уголовно-правовая квалификация действий, связанных с нарушением целостности или неправомерным присвоением NFT, должна сочетать традиционные подходы к охране имущественных отношений с учётом специфики цифровых активов: незаконное получение метаданных квалифицируется как незаконное получение информации из информационной системы, разрушение метаданных, как уничтожение компьютерной информации, а последующий имущественный ущерб, как посягательство на имущественные права, что в совокупности отражает комплексную общественную опасность преступлений с использованием NFT в механизмах привлечения денежных средств и (или) иного имущества.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд принципиально важных выводов относительно уголовно-правовой охраны NFT-токенов как предмета преступления, предусмотренного ст. 1722 УК РФ.

Во-первых, NFT-токены, обладая экономической ценностью, индивидуализированностью и оборотоспособностью, могут рассматриваться в качестве «иного имущества», что позволяет их отнести к предмету преступления в составе организации деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества.

Во-вторых, специфическая цифровая природа NFT, выражающаяся в существовании токена исключительно в форме записи в распределённом реестре и опосредованной связи с репрезентируемым объектом, создаёт дополнительные риски для имущественных интересов владельцев и требует дифференцированного подхода к квалификации противоправных деяний.

В-третьих, анализ диспозиции ст. 1722 УК РФ и доктринальных подходов к квалификации преступлений показывает необходимость разграничения преступлений с использованием NFT от смежных составов, таких как мошенничество, легализация доходов и незаконная предпринимательская деятельность.

© Сачков А.Н.

В целом выявленные особенности NFT как предмета преступления подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования механизма уголовно-правовой охраны цифровых финансовых инструментов с учётом технологических особенностей и имущественной значимости токенов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дин Ю. Природа правовых благ NFT и их уголовно-правовая охрана в контексте метавселенной. Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 2(219). С. 56–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065 EDN: AQKXGO
2. Мальсагова Р.Г. Условия формирования финансовой метавселенной государственного сектора Российской Федерации / Р.Г. Мальсагова, С.А. Ефремова // Финансовые рынки и банки. 2023. № 12. С. 138–147.
3. Юхно А.С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 108–126. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_108_126 EDN: MLKYGZ
4. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием криптовалют // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4(115). С. 167–180.
5. Шульга А.В. Имущественные права как предмет хищения средств с лицевого счета абонента мобильной связи // Общество и право. 2013. № 4(46). С. 64–69.
6. Бельдина О.Г. NFT-токен: проблемы правового регулирования / О.Г. Бельдина, С.Н. Бурлака // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 288–290. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_288 EDN: LJXUSG
7. Катков Д.А. Правовой статус NFT: роль и значение в современной цифровой реальности // Скиф. 2023. № 6(82). С. 249–254.
8. Катаева Е.В. Технология NFT как инструмент защиты авторских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 147–150. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-1-147-150 EDN: KEDPLX

References:

1. Dean Yu. The nature of NFT legal benefits and their criminal protection in the context of the metaverse. Lex Russica (Russian Law). 2025. Vol. 78. № 2(219). P. 56–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065 EDN: AQKXGO
2. Malsagova R.G. Conditions for the formation of the financial metaverse of the public sector of the Russian Federation / R.G. Malsagova, S.A. Efremova // Financial markets and banks. 2023. № 12. P. 138–147.
3. Yukhno A.S. Overview of trends in the development of the metaverse market // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 6. P. 108–126. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_108_126 EDN: MLKYGZ
4. Peretolchin A.P. Criminal liability for crimes committed using cryptocurrencies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(115). P. 167–180.
5. Shulga A.V. Property rights as a subject of embezzlement of funds from the personal account of a mobile subscriber // Society and Law. 2013. № 4(46). P. 64–69.
6. Beldina O.G. NFT token: problems of legal regulation / O.G. Beldina, S.N. Burlaka // Law and the State: theory and practice. 2023. № 11(227). P. 288–290. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_288 EDN: LJXUSG
7. Katkov D.A. The legal status of NFT: its role and significance in modern digital reality // Skif. 2023. № 6(82). P. 249–254.
8. Kataeva E.V. NFT technology as a tool for copyright protection // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 12-1. P. 147–150. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-1-147-150 EDN: KEDPLX

Информация об авторе

Сачков Андрей Николаевич
кандидат юридических наук,
арбитражный управляющий,

Andrey N. Sachkov
Candidate of Legal Sciences,
Arbitration Administrator,

© Сачков А.Н.

Ассоциация Евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Евросиб»
sachkov_a@mail.ru

Association of Euro-Siberian Self-Regulatory Organizations of Arbitration Managers «Eurosib»
sachkov_a@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Сачков А.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-29
УДК 342.8

Attribution
cc by

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ ИНСТИТУТА ИНОСТРАННОГО (МЕЖДУНАРОДНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ

Чимаров Н.С.
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Актуальность. Необходимость проведения подлинных, открытых и справедливых выборов – задача, исполнение которой невозможно в формате замкнутой системы отношений. В своем изначальном понимании идея наднационального контроля за организацией избирательного процесса была продиктована стремлением создать инструмент по обеспечению демократических начал. Вопреки ожиданием, развитие транснациональных связей не способствует качественному улучшению системы электорального мониторинга, но порождает ряд политических коллизий. В этой связи, особый интерес представляет современное состояние рассматриваемого института, его значение для существующей модели межгосударственного взаимодействия. Цель: настоящая публикация посвящена научному анализу проблем политико-правовой адаптации института международного наблюдения в контексте существующих глобальных вызовов. Автор обращает внимание на исключительную значимость регионального фактора как условия, лежащего в основе современной модели наднационального электорального мониторинга. Отмечается роль отдельных ведущих геополитических центров, таких как ОБСЕ, ЕС, СНГ, а также группы негосударственных акторов в сфере организации избирательного процесса. На основе проведенного исследования формулируются выводы относительно специфики современного состояния института иностранного (международного) наблюдения. Методы: в процессе проведенного исследования автор использовал общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (эвристический и аксиологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации представлен анализ актуальных правовых материалов надгосударственного характера, свидетельствующих о трансформации самой системы избирательных отношений, выходе ее за рамки вопросов сугубо национального характера. Выводы: материалы публикации могут быть использованы при проведении научных исследований в областях международного и избирательного права, а также для более углубленного изучения в ходе преподавания учебных дисциплин, предметом которых выступает изучение динамики развития избирательного права на современном этапе общественных отношений.

Ключевые слова: избирательное право, иностранное (международное) наблюдение, легитимность, международная организация, международная неправительственная организация, международное сотрудничество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN POLITICAL AND LEGAL CONTEXT OF THE INSTITUTE OF FOREIGN (INTERNATIONAL) OBSERVERS

Nikolay S. Chimarov
North-Western Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Abstract. Relevance: The need for genuine, open and fair elections is a task that cannot be carried out in a closed system of relations. In its original understanding, the idea of supranational control over the organization of the electoral process was dictated by the desire to create a tool to ensure democratic principles. Contrary to expectations, the development of transnational relations does not contribute to a qualitative improvement of the electoral monitoring system, but generates a number of political conflicts. In this regard, the current state of the institution in question and its significance for

© Чимаров Н.С.

the existing model of interstate cooperation are of particular interest.Purpose: This publication is devoted to a scholarly analysis of the political and legal adaptation of the institution of foreign (international) election observation in the context of existing global challenges. The author emphasizes the exceptional importance of the regional factor as a fundamental condition underlying the contemporary model of supranational electoral monitoring. Particular attention is paid to the role of major geopolitical centers, such as the OSCE, EU and CIS, as well as to groups of non-governmental actors involved in the organization of electoral processes. Based on the conducted research, conclusions are drawn regarding the specific features of the current state of the institution of foreign (international) election observation. Methods: In the course of the study, the author employed general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction), specialized scientific methods (heuristic and axiological approaches), as well as the content analysis method. Research Results: The publication presents an analysis of current supranational legal materials demonstrating the transformation of the electoral relations system itself and its evolution beyond issues of an exclusively national character. Conclusions: The findings of this publication may be used in further research in the fields of international law and electoral law, as well as for more in-depth study in the teaching of academic disciplines concerned with the dynamics of the development of electoral law at the present stage of social relations.

Keywords: electoral law, foreign (international) observation, legitimacy, international organization, international non-governmental organization, international cooperation.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Электоральное наблюдение представляет собой комплексный правовой институт, регламентация которого обеспечивается как в пространстве отдельно взятого государства, так и на международном уровне.

Доступ представителей иных политических единиц к оценке демократического механизма предопределяется необходимостью поддержания, открытого и дружественного международного диалога. В свою очередь, гармонизация правовых установлений в соответствии с ожиданиями оценивающей стороны является одним из наиболее доступных способов достижения консенсуса. Подобное взаимодействие порождает отдельный слой нормативных и методических документов, совокупно определяющий современный контекст функционирования системы иностранного (международного) наблюдения.

Собственно, институциональное воплощение механизмов легитимации является базовым индикатором общественного развития. Предполагается, что в реалиях XXI в. государства преодолевают рубеж декларативного признания и создают эффективные инструменты политического управления, основанные на принципах гуманизма, транспарентности, публичной этики и т.п. Такие условия вовсе не являются абстракцией, но буквально составляют международный стандарт «Благого управления» (от англ. «Good Governance»). Изначально закрепленная в актах ООН, концепция получает более детальное выражение на региональном уровне. К примеру, в документах Совета Европы указанные принципы связываются с положением об организации свободных и честных выборов [1]. Впрочем, подобная интерпретация не является эксклюзивной и получает последующее широкое распространение. В своем исследовании, посвященному анализу электорального опыта Индии и Пакистана, авторский коллектив под руководством С.А. Аршада придерживается тезиса о том, что институт наблюдения на выборах является основой для формирования вышеозначенных элементов, характеризующих качество публичного управления в государстве [2, p. 3728].

Стоит отметить, что оценка качества электоральных механизмов основывается на существующих «избирательных стандартах», производных от фундаментальных в своей значимости источников международного права. Вопреки ожиданиям, подобный базис не приводит к созданию единой организационно-правовой материи. Не в последнюю очередь это связано с попыткой стандартизации дефиниций, имеющих особое аксиологическое позиционирование в глазах отдельных государств («выборы», «демократия», «права человека» и т.п.).

В свою очередь, локальное в масштабе мировых процессов направление «наблюдения за выборами» неизменно приводит к столкновению интересов задействованных сторон. Как следствие, расширение коммуникативных связей приводит к увеличению числа потенциально конфликтных ситуаций, что и предполагает определенное переосмысление роли международных наблюдателей на современном этапе общественного развития.

Обсуждение. Результаты.

Признавая функциональную значимость института международного наблюдения за выборами, необходимо отметить, что деятельность самих миссий нередко отождествляется с вмешательством во внутренние дела государства. На практике, грань между квалифицированным и ангажированным результатом наблюдения является довольно условной. Как следствие, публичное исследование наблюдателем национального механизма ротации власти может привести к

© Чимаров Н.С.

злоупотреблению своим положением «амбассадора» демократических начал.

Исходя из сложившейся практики, деятельность наблюдателей предполагает здравую критику, необходимую для совершенствования политической системы государства. Закономерно, что в зарубежной научной среде популярным становится нарратив об априори положительной оценке данных миссий. Представляется, что подобное видение позволяет исследовать вопрос лишь с перспективы одной точки зрения. Редкий пример альтернативного подхода упоминается в работе С. Парк, согласно выводам которого, система международного наблюдения сталкивается с рядом факторов ограничительного характера. Так, даже высококвалифицированные или заслуживающие доверия субъекты внешнего контроля могут давать мягкие оценки из-за геополитического давления со стороны государств-доноров.

Другими проблемами становятся недостаток ресурсов, объема знаний, языковой барьер и поверхностное понимание специфики политической организации конкретных стран. Такие пробелы способны приводить к делегитимации иностранных субъектов в глазах населения проверяемой страны [3, p. 998].

В контексте последующего анализа данной темы, небезынтересным видится научная позиция отдельных ученых, согласно которой институт иностранного (международного) наблюдения неразрывно связан с «экспортируемой» западными государствами системой ценностей. Сопутствующие принципы проведения «заслуживающих доверия выборов» позволяют поддерживать политические контакты, прежде всего именно с этими странами [4, p. 50–51].

Истоки электорального правопонимания крайне важны для выявления причин современного сегментированного подхода к определению ключевых дефиниций и институтов. Будучи основанным на опыте конкретных стран, составляющих однородное геополитическое пространство, данный формат укореняется в качестве международного ориентира.

В наднациональном измерении подобное конструирование правовых принципов вовсе не является нетипичным. В частности, автор настоящего исследования разделяет точку зрения М. Хакими и Дж.К. Когана, согласно которой международное право не может существовать в отрыве от действий национальных властей и не должно восприниматься как антитеза государственной воле [5, p. 282–283].

Между тем, применительно к адаптации опыта конкретных стран, следует учитывать, что электоральные отношения содержат в себе политический элемент, целесообразность воздействия на который и является тем самым камнем преткновения в достижении глобального консенсуса. В исторической перспективе сложившаяся система электорального мониторинга тесно связана с успешной практикой адаптации европейским регионом универсальных актов, направленных на борьбу с неравенством и дискриминацией. Фактор первенства играет исключительно важную роль, поскольку он предопределяет монополию на созидание политических, социальных и правовых столпов – идею, старательно поддерживаемую самими европейскими учреждениями.

В своем исследовании Р. Дэндой и Х. Гальегильос отмечают, что ОБСЕ и ЕС занимают лидирующие позиции в мире среди всех организаций, способствующих проведению миссий международного наблюдения. При этом, в период 1993–2022 гг. общий процент проводимых миссий наблюдений в странах Европы составил всего 8.12 %. В основной массе, контрольные мероприятия проводились в регионах Африки, Америки и Азии [6].

В этом контексте, следует отметить, что современными примерами внешнего мониторинга являются миссии наблюдения в Эквадоре, Гайане, Малави, Боливии, Бангладеше и Перу (2025–2026 гг.).

Юридическая обоснованность организации подобных миссией представляет собой отдельный вопрос. Формально речь идет о направлении проверяемым государством официального приглашения.

Между тем, сохраняющаяся практика легитимации правительств и отдельные эпизоды, подобные военному воздействию на Венесуэлу в 2026 г., предопределяют необходимость поддержания безопасной модели межгосударственной интеракции, что следует принимать во внимание при разговоре о свободном выборе пула международных наблюдателей.

Отождествление прав человека с практикой конкретных региональных институтов приводит к созданию формулы: «следование европейским стандартам – следование самой демократии». Примечательно, что на фоне появления в 2000-х гг. новых альтернативных подходов к правовому регулированию избирательных стандартов (инициативы СНГ и АОВСЕ), Советом Европы была определена цель по организации кодификационной работы избирательных правил на правах «хранителя демократии в Европейском регионе» [7].

Безусловно, опыт европейских организаций по означенному направлению не является эксклюзивным. Актуальная электоральная практика основывается, прежде всего, на факторе регионального участия. К примеру, для СНГ исторической вехой в вопросе гармонизации электоральных предписаний стало принятие в 2002 г. Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ, а также Рекомендаций для международных наблюдателей СНГ по наблюдению за выборами, актуальная версия которых

© Чимаров Н.С.

изложена в новой редакции от 05.12.2022 г. Отмеченное свидетельствует о стремлении государств-участников СНГ определить границы собственного суверенитета, где влияние актов Совета Европы, ОБСЕ и ЕС не носило бы определяющий характер. Постепенно опыт региона стал более комплексным и сегодня институт электорального наблюдения более детально раскрывается в отдельных Модельных законодательных актах СНГ.

Локализация института наблюдения обладает своими недостатками и сужает пространство международного сотрудничества. Но, как было отмечено ранее, невозможно полностью исключать политический фактор, а именно сохраняющиеся противоречия в дипломатическом диалоге между представителями СНГ и западными странами. С точки зрения европейских институтов, взаимная замкнутая оценка электорального потенциала является примером неэффективного мониторинга. Однако, как справедливо отмечает Н.Н. Новик, в ходе прошедших в России президентских выборов 2024 г. государство выполнило свои обязательства по приглашению наблюдателей. В итоге данный электоральный процесс контролировался представителями 129 стран, что едва ли позволяет говорить об отсутствии транспарентности [8].

Определенной попыткой преодоления регионального фактора следует считать увеличение числа специализированных международных неправительственных организаций. Применительно к сфере избирательного процесса таковыми учреждениями являются Международный фонд избирательных систем (IFES), Международная организация по мониторингу демократии (DPI), Азиатское сообщество за свободные выборы (ANFREL), Сообщество наблюдателей за выборами Западной Африки (WAEON), Ассоциация женщин-судей избирательных органов стран Америки (AMEA) и т.п. К сожалению, увеличение числа контролирующих субъектов, в данном случае, создает осложнения иного типа. Так, традиционно важным считается вопрос о легитимности издаваемых решений, поскольку деятельность неправительственных организаций сталкивается с проблемами эффективного контроля. Так или иначе, по состоянию на сегодняшний день, такие структуры становятся силой, которую необходимо принимать во внимание. Наибольшая сложность заключается в практике одностороннего воздействия. Как правило, не получив аккредитацию, наблюдатели от неправительственных организаций оставляют за собой право интерпретации результатов, порой не ограничиваясь только электоральными рамками. Подобная политика едва ли способствует гармоничной интеракции сторон.

Несмотря на универсальный характер означенной проблемы, государства ограничены в возможных рычагах давления, фактически имея возможность лишь установить «фильтр» учреждений, с которыми функционально возможно построить эффективный диалог. Отсутствие должного механизма сдерживания предопределяется самой природой свободы выбора в системе межгосударственного взаимодействия, однако, отсутствие ограничений в равной степени ведет к усилению негласного мировоззренческого противостояния между регионами и к дальнейшей сегментации международного пространства. В конечном счете проблема выходит далеко за рамки собственно электоральных отношений.

Заключение.

Сложившийся дисбаланс наднациональных механизмов в пользу т. н. «стран западной демократии» определяет те проблемы, с которыми сегодня сталкивается институт иностранного (международного) наблюдения.

Исследуя особенности эволюции мониторинговых механизмов, Н.В. Гришин и А.М. Линдерс отмечают, что, будучи в целом востребованным на международной арене для реалий XXI в. подобный формат не смог в полной мере зарекомендовать себя как эффективный способ по осуществлению демократического транзита. Причинами этого являются не только естественная динамика институционального развития, но также и различный объем задач, который был возложен на наблюдательские миссии в различные исторические периоды. Другими словами, возможности контролирующих субъектов не всегда успевают за прогрессивным развитием современной парадигмы общественных отношений [9, с. 133–134].

Немаловажным обстоятельством является также тот факт, что предлагаемые в настоящее время критерии оценки международного наблюдения за ходом избирательного процесса предопределяют содержательную сторону возникшего кризиса доверия к действующему институту международного доверия, в его «западном» оформлении.

В условиях высокой геополитической конкуренции и одновременного усиления национального самосознания, сопряженного с нарождающейся демократией в странах различных регионов мира, западная модель несомненной политизации института международного наблюдения за проводимыми выборами корреспондирует альтернативному подходу к организации наблюдения за волеизъявлением электората, утрачивая при этом свою прежнюю привлекательность для государств, уверенно идущих по пути укрепления институтов демократии и достижения подлинного верховенства права. Свидетельством тому может служить формирование вариативных транснациональных связей по вопросу организации процесса электорального мониторинга, в т.ч. с привлечением негосударственных акторов.

Характеризуя институт электорального наблюдения, необходимо учитывать также то обстоятельство, что несмотря на продолжающуюся

© Чимаров Н.С.

дискуссию представителей научного и экспертного сообщества, в части выдвижения полярных суждений о беспристрастности производимой международными наблюдателями оценки за ходом избирательных кампаний, в действительности речь идет о наблюдении за выборами как важном инструменте легитимации власти, концептуально связанным с действием международных правовых избирательных стандартах.

В контексте стремления различных государств к соблюдению общепринятых универсальных подходов к организации избирательного процесса и обеспечению подлинной легитимации избираемых властных структур, в настоящее время просматривается тенденция к сохранению международной коммуникации в ее электоральном измерении, не противоречащей новым формирующимся моделям организации международного наблюдения за выборами на локальном уровне и в виде отдельных региональных объединений, примером которых может служить такая региональная международная организация как СНГ. Таким образом, отмеченная тенденция регионального обособления в решении проблемы электорального наблюдения свидетельствует о несомненной гибкости института международного наблюдения за выборами и его новых горизонтах своего развития.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Recommendation of the Committee of Ministers to member States on the principles of good democratic governance. CM/Rec(2023)5. 6.09.2023 // Committee of Ministers (Council of Europe). 4 p.
2. The Role of Electoral Las in Promoting Good Governance and Ensuring True Democracy / S.A. Arshad [et al.] // The Critical Review of Social Sciences Studies. 2025. № 3(1). P. 3727–3743. DOI: 10.59075/1c284450
3. Park S. When international meets domestic: The interactive effect of domestic and international election observers // International Interactions. 2025. № 6(51). P. 992–1022. DOI: 10.1080/03050629.2025.2545319 EDN: FMAJLU
4. Okeke C.C. Empirical Assessment of the Contributions of Foreign Election Observer Missions to Credibility of 2023 General Elections in Nigeria / C.C. Okeke, J.C. Okafor, C.H. Obi // IGIRIGI: A Multi-Disciplinary Journal of African Studies. 2025. № 5(5). P. 45–58.
5. Hakimi M. The End of the U.S.-Backed International Order and the Future of International Law / M. Hakimi, J.K. Cogan // American Journal of International Law. 2025. № 2(119). P. 279–290. DOI: 10.1017/ajil.2025.9 EDN: DSTWKM
6. Dandoy R. 30 years of EU election observation missions around the world / R. Dandoy, B.J. Galleguillos; Ed. by R. Dandoy // Actas del Congreso de Estudios Europeos 2023. Quito : USFQ Press, 2025. P. 44–58.
7. Resolution 1320 «Code of Good Practice in Electoral Matters» // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 30.01.2003. URL : https://pace.coe.int/en/files/17082/html (date of application 07.05.2026).
8. Новик Н.Н. Работа международных наблюдателей на президентских выборах в России в 2024 году: особенности и результаты // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с Международным участием. Москва, 05–07 декабря 2024 г. М. : ООО Изд-во «Аспект Пресс», 2024. С. 457–458. EDN: TXCAGN
9. Гришин Н.В. История международного наблюдения за выборами / Н.В. Гришин, А.М. Линдерс // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15 EDN: WROFVR

References:

1. Recommendation of the Committee of Ministers to member States on the principles of good democratic governance. CM/Rec(2023)5. 6.09.2023 // Committee of Ministers (Council of Europe). 4 p.
2. The Role of Electoral Las in Promoting Good Governance and Ensuring True Democracy / S.A. Arshad [et al.] // The Critical Review of Social Sciences Studies. 2025. № 3(1). P. 3727–3743. DOI: 10.59075/1c284450
3. Park S. When international meets domestic: The interactive effect of domestic and international election observers // International Interactions. 2025. № 6(51). P. 992–1022. DOI: 10.1080/03050629.2025.2545319 EDN: FMAJLU
4. Okeke C.C. Empirical Assessment of the Contributions of Foreign Election Observer Missions to Credibility of 2023 General Elections in Nigeria / C.C. Okeke, J.C. Okafor, C.H. Obi // IGIRIGI: A Multi-Disciplinary Journal of African Studies. 2025. № 5(5). P. 45–58.

© Чимаров Н.С.

5. Hakimi M. The End of the U.S.-Backed International Order and the Future of International Law / M. Hakimi, J.K. Cogan // American Journal of International Law. 2025. № 2(119). P. 279–290. DOI: 10.1017/ajil.2025.9 EDN: DSTWKM
6. Dandoy R. 30 years of EU election observation missions around the world / R. Dandoy, B.J. Galleguillos; Ed. by R. Dandoy // Actas del Congreso de Estudios Europeos 2023. Quito : USFQ Press, 2025. P. 44–58.
7. Resolution 1320 «Code of Good Practice in Electoral Matters» // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 30.01.2003. URL : https://pace.coe.int/en/files/17082/html (date of application 07.05.2026).
8. Novik N.N. The work of international observers at the presidential elections in Russia in 2024: features and results // Russia in a Polycentric World order: challenges and New Development paradigms: Proceedings of the X All-Russian Congress of Political Scientists of the Russian Academy of National Sciences with International Participation. Moscow, December 05–07, 2024. M. : Aspect Press Publishing House, LLC, 2024, P. 457–458. EDN: TXCAGN
9. Grishin N.V. The history of international election observation / N.V. Grishin, A.M. Linders // Bulletin of Tomsk State University. History. 2024. № 87. P. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15 EDN: WROFVR

Информация об авторе

Чимаров Николай Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры международного
и гуманитарного права,
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0002-0661-1035
kolomyagi4@gmail.com

Nikolay S. Chimarov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of International and Humanitarian Law,
North-Western Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ORCID iD: 0000-0002-0661-1035
kolomyagi4@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Чимаров Н.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-30
УДК 316.334.4

Attribution
cc by

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

Чимаров С.Ю.
Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: произошедшее в августе 2024 года интегрирование в систему морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел России самостоятельного направления в виде политико-воспитательной работы, предопределяет актуальность рассмотрения теоретико-правовых основ данного вида воспитания каждого «солдата правопорядка», имеющих важное значение не только для его легитимации, но и для выявления юридического и мировоззренческого смысла рассматриваемой политико-воспитательной работы. Цель: на основе анализа действующих правовых источников и отдельных выводов представителей научной мысли, выявить место и важность политического компонента в общей системе воспитания личного состава российских органов внутренних дел, предложив при этом авторское видение в контексте исследуемого вопроса. Методы: основу проведенного исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция). Наряду с отмеченным, автором задействован историко-правовой метод, позволивший исследовать сущностные положения нормативной правовой базы, в части их нацеленности на политико-воспитательный аспект работы с личным составом российских органов внутренних дел, а также использован потенциал познавательных методов эвристики и аксиологии. Результаты: в публикации представлено авторское видение предназначения политико-воспитательной работы в органах внутренних дел, квинтэссенцию которого составляет акцент на особой значимости политического компонента в процессе формирования профессионального мировоззрения сотрудников органов внутренних дел России. Выводы и заключения: материалы представленной публикации свидетельствуют: во-первых, о важности учета концептов политики, морали и права в ходе организации политико-воспитательной работы с личным составом отечественных органов внутренних дел и формирования профессионального мировоззрения проходящих в них службу сотрудниках; во-вторых, о наличии в настоящее время обширного числа нормативных правовых актов, положения которых позволяют на практике реализовать различные направления политико-воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел России.

Ключевые слова: теория права, государство, конституционный строй, защита Отечества, политика, воспитание, органы внутренних дел.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THEORETICAL AND LEGAL BASIS OF POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA

Sergey Yu. Chimarov
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: the integration of political education into the system of moral and psychological support for the activities of Russian internal affairs agencies in August 2024 necessitates examining the theoretical and legal foundations of this type of education for each «soldier of law and order». These foundations are crucial not only for its legitimization but also for identifying the legal and ideological implications of this type of education. Objective: Based on an analysis of current legal sources and selected findings by scholars, this study identifies the place and importance of the political component in the overall system of education for personnel of Russian internal affairs agencies, while offering the author's perspective on the issue under study. Methods: The study is based on general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction). In addition to the above, the author utilized a historical and legal method to explore the essential provisions of the regulatory

© Чимаров С.Ю.

framework, as they relate to the political and educational aspects of working with personnel in Russian internal affairs agencies. He also utilized the potential of cognitive methods such as heuristics and axiology. Results: the publication presents the author's vision of the purpose of political and educational work in the internal affairs agencies, the quintessence of which is an emphasis on the special significance of the political component in the process of shaping the professional worldview of the employees of the internal affairs agencies of Russia. Findings and Conclusions: the materials of the presented publication demonstrate: firstly, the importance of taking into account the concepts of politics, morality, and law in organizing political and educational work with the personnel of domestic internal affairs agencies and shaping the professional worldview of the employees serving in them; secondly, the current existence of a large number of regulatory legal acts, the provisions of which make it possible to practically implement various areas of political and educational work with the personnel of the internal affairs agencies of Russia.

Keywords: theory of law, state, constitutional order, defense of the Fatherland, politics, education, internal affairs agencies.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Фактор перевода на рубеже 1980–1990-х годов отечественной системы государственного управления и соответствующих институтов советского государства на путь департизации, а по сути – их деполитизации и внедрения в общественное сознание важности идеи тотальной либерализации всех сфер жизни общества и государства, помноженной на идею их деидеологизации, несомненно, способствовал утрате идеологического компонента в системе воспитательной работы как с населением вообще, так и с государственными служащими, в частности.

Искусственное внедрение в сознание общества и военнослужащих идейного концепта «армия вне политики», оказавшееся свойственным и для системы МВД России, привело к демонтажу прежнего уклада политико-воспитательной работы в органах внутренних дел (далее – ОВД), более чем на три десятилетия. Указанные изменения произошли в духе афористичного замечания немецкого религиозного реформатора М. Лютера, свидетельствовавшего о безрассудности тех действий, при которых с «ушатом воды выбрасывают ребенка» (от нем. «Schütte das Kind nicht mit schmutzigem Wasser aus dem Bade aus»).

Обсуждение.

Методологическим и философско-правовым обоснованием несомненного значения в работе по воспитанию общества и отдельных его представителей тесно связанной с идеологией политики, выступают отдельные умозаключения таких выдающихся ученых как Г. Гегель и И. Кант.

Выявляя роль идеологии и ее несомненную взаимосвязь с компонентом «политика» в системе воспитательной работы, Г. Гегель в своем письме немецкому философу Ф. Шеллингу обосновал назначение свода идей в жизни любого общества. Данное обоснование базируется на признании прочной сопряженности между совокупностью идей относительно того, как «что-либо должно быть» и преодолением индифферентности индивидов к происходящему вокруг них. При этом, обладая особой «живительной силой» – обращенной к идее Отечества и его конституции, идеи способствуют возвышению души личности до такого уровня, при достижении которого индивид окажется в состоянии даже принести себя в жертву ради признаваемых им идей, преодолевая присущее ему своекорыстие [1, с. 224].

Наряду с отмеченным, Г. Гегель в своем письме Ракову, под именем которого в гегелевской корреспонденции проходил немецкий философ Ф. Умбрейт, акцентирует внимание на том феномене политики, подлинное назначение которого заключается в аккумулировании практически всех интересов, касающихся общества, государства и каждого отдельного индивида [1, с. 521].

Анализ изложенных умозаключений титана немецкой классической философии позволяет утверждать о безусловной опасности для социума и личности их безыдейности, сочетаемой с отсутствием политически выверенных ориентиров, приводящих к бездуховности и покорному принятию идеалов и ценностей, чуждых конкретной нации и традиционному укладу развития отдельных народов (этносов), их языку, культуры и веры.

В контексте исследуемого вопроса, наиболее подробно следует остановиться на целесообразности учета в политико-воспитательной работе с личным составом ОВД гегелевского понимания проблемы соотношения морали и политики. Подвергая сомнению существующую точку зрения относительно противопоставления двух указанных систем социальных норм, Г. Гегель, в части подтверждения определенного соответствия политики моральным концептам, указывает на необходимость, в первую очередь, думать о благе государства и с учетом конкретных условий его существования, учитывать моральные заповеди, распространяющие свое действие на поведение отдельных лиц, являющихся гражданами данного государства.

В этой связи, философ заключает о поверхностности любого подхода в форме «мнимого непра́ва» к противопоставлению морали и поли-

© Чимаров С.Ю.

тики, как противоречащего общим представлениям о морали, природе государства и его отношению к моральным ценностям. Именно по этой причине, государство следует воспринимать в качестве нравственной субстанции [2, с. 368], – констатирует Г. Гегель.

Как нам представляется, осознание данного факта каждым сотрудником ОВД, наделенного от имени государства большими полномочиями по правовому, суть, справедливому разрешению возникающих в государстве и в жизни каждого отдельного человека проблемных ситуаций, является важным условием не только эффективности, выполняемых сотрудниками ОВД возложенных на них задач, но и повышения уровня доверия общества в целом к деятельности МВД России.

Проблему соотношения морали и политики, представленную в отмеченной работе Г. Гегеля «Философия права» (1820), ранее рассмотрел немецкий философ И. Кант в своем трактате «К вечному миру» (1795).

Согласно кантовской идее, любое подчинение морали интересам политики заключается в приверженности стороне «политического моралиста», в то время как обратное подчинение политики требованиям морали свидетельствует о позиции «морального политика».

На самом деле, подлинность надлежащей гармонии между моралью и правом обеспечивается лишь на основе права, а условием данной гармонии является гласность.

Как следует из учения И. Канта по данному вопросу, мораль вооружает человека внутренним законом, следуя канонам которого он придерживается нравственно приемлемой модели поведения; формальный характер права, содействуя защите общества и человека от произвола, позволяет силой права и его принципов соблюдать равновесие между внутренним убеждением человека и внешним принуждением к соблюдению им должного правового предписания [3, с. 46].

В статье «Заявление по поводу наукоучения Фихте», И. Кант делает важный вывод о целесообразности, во имя поддержания в государстве общественного согласия, придерживаться необходимого согласия между политикой и правом, руководствуясь при этом правилом исключительного и повсеместного применения политики к праву: а не наоборот [4, с. 261].

Данный вывод имеет определяющее значение для механизма правового управления в любом государстве, провозгласившего себя в качестве правового и, как представляется, для интегрированных в структуру этого механизма правоохранительных органов, включая ОВД.

Отмеченный тезис подтверждается пониманием И. Кантом сущности воспитания, представленного им в его лекции «О педагогике».

Как следует из указанного сочинения, воспитание означает сочетание:

– во-первых, ухода суть попечения о личности;

– во-вторых, дисциплины и, в первую очередь, выдержки;

– в-третьих, обучения, сочетаемого с образованием.

В контексте соотношения политики и права, особого внимания заслуживает оценочное суждение философа о роли дисциплины в системе политического воспитания, заключающейся в привитии человеку способности подчинять его «законам человечности» и чувствовать их силу [4, с. 399–400].

Представленный анализ отдельных теоретико-правовых аспектов в отношении политики, морали, права и воспитания, и их учет в системе политико-воспитательной работы с личным составом ОВД, контуры которой закреплены приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 [5], позволяет обратить внимание на некоторые выводы русского философа И.А. Ильина, указавшего на важность формирования духовности человека как одной из задач политико-воспитательной работы, непосредственно связанной с его патриотизмом и имеющей очевидное значение для повышения уровня профессионального мировоззрения личного состава ОВД.

По мысли данного философа, консолидация людей на началах патриотизма является одним из главных способов укрепления духовных начал общества, способствующих духовному развитию отдельной личности. При этом только духовно развитая личность, оказавшись в сложной для нее ситуации, в состоянии преодолеть персональный страх перед возможными последствиями для своей жизни и решить поставленные задачи.

Более того, только духовное творчество конкретного человека и общества в целом, инициируемое в ходе целенаправленно проводимой политико-воспитательной работы, позволяет каждому народу развязать на «отдельные нити духовной ткани» многие узлы реальной действительности, появление которых обусловлено «расою, национальностью и языком, климатом и природою, общественным укладом и воспитанием [6, с. 97].

Вместе с тем, задачей государства является не насильственное насаждение в сознание общества и каждого отдельного человека идеи патриотической солидарности, а поддержание в общественном укладе духа государственного патриотизма и политического добровольчества.

В этой связи, политическое воспитание населения страны является одной из ключевых задач государства. По оценке И.А. Ильина, отмеченное означает, что вовлечение широких слоев насе-

© Чимаров С.Ю.

ления в политическую жизнь должно быть обеспечено государством до момента формального закрепления за ними их «публичной дееспособности» [6, с. 129].

Обращаясь к отечественному опыту правовой регламентации наиболее значимых аспектов политико-воспитательной работы и их учета в практической деятельности субъектов данного вида воспитания личного состава ОВД, необходимо указать на то обстоятельство, что вся система политико-воспитательной работы в ОВД должна быть настроена на защиту конституционного строя России, правовая основа которого закреплена в главе 1 Конституции Российской Федерации.

В контексте отмеченного, следует согласиться с научной позицией ученого-конституционалиста О.Г. Румянцева, признающего Основной закон нашей страны в качестве основы развития правосознания и правовой культуры в обществе, а также высшей формы закрепления ценностей, институтов и норм конституционного строя [7, с. 24–25].

Раскрывая содержание конституционного строя России через систему социально-правовых отношений и институтов, деятельность которых однозначно организована в соответствии с нравственными и конституционными предписаниями, указанный специалист возводит данные предписания в разряд основополагающих регуляторов, назначение которых сводится к закреплению в правосознании и на практике устойчивых, юридически обоснованных и гуманных связей между различными акторами социального взаимодействия, включая человека и государство [7, с. 23–24].

Важным признаком Конституции Российской Федерации и института защиты конституционного строя является наличие у них прочных идейных и духовных основ, а именно – общепризнанных и выработанных в ходе истории государства гуманных ценностей, норм и идеалов, что свидетельствует о политико-правовом характере конституционного строя [7, с. 21] и подтверждается суждением отдельных авторов, отмечающих основу конституционного строя в качестве политико-правовых ориентиров в общей системе регулирования общественных отношений [7, с. 30].

В современных условиях вешнего давления на Россию с применением военной силы со стороны недружественных ей стран особого внимания при организации политико-воспитательной работы в ОВД заслуживают положения ч. 1. ст. 59 Конституции Российской Федерации – закрепляющей защиту Отечества в качестве долга и обязанности гражданина Российской Федерации, а также конституционные установления ст. 56 – устанавливающей правовые основы регулирования чрезвычайного положения, ст. 87 – касающейся введения военного положения и ст. 67 – закрепляющей необходимость защиты государством своего суверенитета и территориальной целостности.

Акцентируя внимание на особенностях защиты сотрудниками ОВД конституционного строя России посредством их участия в обеспечении обороны страны, Ю.И. Ильин обоснованно обращает внимание на то обстоятельство, что Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» прямо относит Министерство внутренних дел к субъектам, занимающимся обороной Российской Федерации [8, с. 57].

При этом, руководствуясь закрепленным в ст. 1 данного законодательного акта содержанием понятия «оборона», необходимо всеми силами и средствами политико-воспитательной работы доводить до личного состава ОВД характер и подлинный смысл предпринимаемых руководством страны и Министерства внутренних дел совокупности предписанных мер по обеспечению обороны российского государства.

Анализ отечественной военной и теоретико-правовой мысли относительно особенностей института военного положения и места в его функционировании ОВД подтверждает необходимость более обстоятельного изучения указанного вопроса и перестройки мировоззрения личного состава всей системы МВД России, образно выражаясь, «с мирного на военный лад». При этом одним из направлений политико-воспитательной работы в ОВД в указанном аспекте выступает «переосмысление института военного положения ввиду произошедших изменений в концепции современных войн, их усложнения посредством слияния различных, в том числе латентных, методов противоборства, что в настоящее время совокупно характеризуется концепцией гибридной прокси-войны» [9, с. 247–248]. Указанное, применительно к организации политико-воспитательной работы в период действия военного положения и степени участия при этом ОВД, относится и к периоду введения чрезвычайного положения.

Подводя итог роли Конституции Российской Федерации в закреплении базовых правовых положений для политико-воспитательной работы в ОВД, необходимо обратить внимание на важность конституционных установлений, способствующих формированию у сотрудников необходимого уровня правовой культуры и правосознания [10, с. 108].

Проводя различие, с одной стороны – между морализаторством или нравоучительством суть проповедованием банальных житейских истин и/или моральных догм, а также вербальной эквилибристикой на отвлеченные политические темы, и с другой – политико-воспитательной работой, направленной на приобщение личности к «пульсу времени» и перипетиям конкретного временного периода истории развития Отечества, необходимо обратить внимание на целеполагание политико-воспитательной работы,

© Чимаров С.Ю.

заключающееся в формировании отношения человека к Отечеству и восприятия им своего предназначения, а также в необходимости служения Отечеству в строгом соответствии с действующими правовыми предписаниями, в первую очередь, конституционного порядка.

Иллюстрацией к данным тезисам может служить вывод, который сформулировал Н.С. Бондарь, обоснованно отметивший влияние восприятия человеком конституционных предписаний на возникновение у него определенных психологических реакций в виде эмоций, установок и пр., раскрывающих его отношение к требованиям Основного Закона страны и составляющих часть конституционно-правовой психологии человека, способствующей формированию его мировоззренческих установок [11, с. 31].

Заключение.

Подводя итог изложенному, необходимо сформулировать следующие выводы:

1. Проблема политико-воспитательной работы с личным составом российских ОВД корреспондирует общему пониманию важности воспитания населения страны, изложенному в научных трудах широкого ряда ученых, исследовавших не только назначение воспитания в целом, но и представивших теоретико-правовое обоснование важности учета в процессе воспитания предметных областей политики, морали, права и правосознания, концептуальные положения которых позволяют адаптировать содержание и направленность политико-воспитательной работы к требованиям современного времени, вооружая при этом сознание сотрудников ОВД необходимыми убеждениями и идеологемами, позволяющими им эффективно выполнять свои задачи, с позиций профессионала и патриота своего Отечества.

2. Наряду с отмеченными аспектами конституционно-правовой регламентации участия сотрудников ОВД в защите конституционного строя Российского государства, конституционными предписаниями в решении задачи формирования личности сотрудника ОВД как патриота своего Отечества и соответствующими Федеральными конституционными законами, правовую основу политико-воспитательной работы в ОВД России составляют нормативные правовые акты, условно входящие в два блока:

1) регламентирующие вопросы, связанные с днями воинской славы и памятными датами России, касающиеся Стратегии национальной безопасности государства, Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, национальных целей перспективного развития России, Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения;

2) связанные с регламентацией вопросов, касающихся русского языка, языков народов России и ее национальной политики; Дня коренных малочисленных народов России (30 апреля); Дня языков народов России (8 сентября), и ряд других.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. М. : Мысль, 1971. 630 с.
2. Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Гулыга А.В. Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // Кант И. Сочинения в 8 томах. М. : Издательство «Чоро», 1994. Т. 1. С. 5–50.
4. Кант И. Сочинения : в 8 т. М. : Издательство «Чоро», 1994. Т. 8. 718 с.
5. Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
7. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М. : Юрист, 1994. 288 с.
8. Ильин Ю.И. Правовые основы участия сотрудников полиции МВД России в специальной военной операции // Закон и власть. 2023. № 5. С. 56–65. EDN: XXBXOI
9. Агарзаев С.К. Участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения на современном этапе: теоретические, правовые и организационные аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57). С. 246–253. EDN: DMQCET

© Чимаров С.Ю.

10. Комкова Г.Н. Воспитательная функция Российской Конституции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4(93). С. 105–109. EDN: RSBTAT
11. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Инфра-М, 2011. 544 с. ISBN: 978-5-91768-139-9 EDN: SDQREV

References:

1. Hegel G. Works from different years. In two volumes. M. : Mysl, 1971. Vol. 2. 630 p.
2. Hegel, G. Philosophy of Law. M. : Mysl, 1990. 524 p.
3. Gulyga A.V. Revolution of the spirit: (The life and work of Immanuel Kant) // Kant I. Essays in 8 vol. M. : Publishing house «Choro», 1994. Vol. 1. P. 5–50.
4. Kant I. Essays : in 8 vol. M. : Publishing house «Choro», 1994. Vol. 8. 718 p.
5. On approval of the Regulations on the organization of moral and psychological support for the activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 27, 2024 № 500 // SPS «ConsultantPlus».
6. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. M. : Rarog, 1993. 235 p.
7. Rumyantsev O.G. Fundamentals of the constitutional system of Russia: the concept, content, issues of formation. M. : Lawyer, 1994. 288 p.
8. Ilyin Yu.I. The legal basis for the participation of police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia in a special military operation // Law and Power. 2023. № 5. P. 56–65. EDN: XXBXOI
9. Agarzaev S.K. Participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in ensuring martial law at the present stage: theoretical, legal and organizational aspects // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4(57). P. 246–253. EDN: DMQCET
10. Komkova G.N. The educational function of the Russian Constitution // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 4(93). P. 105–109. EDN: RSBTAT
11. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. M. : Infra-M, 2011. 544 p. ISBN: 978-5-91768-139-9 EDN: SDQREV

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Чимаров С.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-32
УДК 342.9

Attribution
cc by

СИСТЕМА ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Шилов Ю.М.
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация. Основываясь на анализе разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, а также тенденций развития современного российского федерализма, автор приходит к выводу о том, что отношения в сфере предпринимательства выступают в качестве самостоятельного предмета на трёх уровнях публично-правового регулирования: федеральном, региональном и, третьем, совместном – мезоуровне. Обосновано, вся совокупность конституционных полномочий Российской Федерации и её субъектов в области развития предпринимательства образует собой единую систему полномочий органов публичной власти в области развития предпринимательской деятельности, требующую централизованной организации. Несмотря на институциональную самостоятельность реализующих такие полномочия субъектов, в целом эта система полномочий объединена едиными целями и задачами. В таких условиях возрастает роль Президента РФ и возглавляемого им Государственного Совета, как консолидирующей силы, способной преодолеть противоречия, возникающие между разными уровням публично-правового регулирования предпринимательской деятельности. Ввиду различных подходов к публично-правому регулированию предпринимательства и неравномерности регионального экономического развития предложено законодательно предусмотреть формирование рейтинга регионального развития в области поддержки предпринимательства, который необходим высшим органами системы публичной власти для объективной оценки эффективности поддержки предпринимательства и принятия на этой основе управленческих решений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, публично-правовое регулирование, поддержка предпринимательства, федерализм, публичная власть. публичное управление.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THE SYSTEM OF POWERS OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT

Yuri M. Shilov
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract. Based on an analysis of the distinction between the subjects of jurisdiction between the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, as well as the development trends of modern Russian federalism, the author comes to the conclusion that relations in the field of entrepreneurship act as an independent subject at three levels of public law regulation: federal, regional and, third, joint – meso level. It is justified that the totality of the powers of public authorities enshrined in the legislation in the field of business development forms a single system. Despite the institutional independence of the entities exercising such powers, in general, this system of powers is united by common goals and objectives. In such conditions, the role of the President of the Russian Federation and the State Council headed by him as a consolidating force capable of overcoming the contradictions arising between different levels of public legal regulation of entrepreneurial activity is increasing. In view of the different approaches to public-right regulation of entrepreneurship and the unevenness of regional economic development, it was proposed to legislatively provide for the formation of a rating of regional development in the field of supporting entrepreneurship, which is necessary for the highest bodies of the public authority system to objectively assess the effectiveness of supporting entrepreneurship and make management decisions on this basis.

© Шилов Ю.М.

Keywords: entrepreneurial activity, economic activities, public legal regulation, supporting entrepreneurship, federalism, public power, public management.

Funding: Independent work.

Введение.

В соответствии со ст. 34 Конституции РФ, каждый имеет право для свободного использования своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. При этом роль органов публичной власти не сводится только к охране права на свободу предпринимательской деятельности.

Преобразование деловой инициативы российских граждан в социально-экономическую пользу, направление предпринимательства в конструктивное с точки зрения целей социально-экономического развития русло – важнейшая задача государства. Как отметил Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г., «именно частный бизнес на фоне внешних попыток сдержать Россию доказал, что умеет адаптироваться к быстро меняющейся конъюнктуре, в непростых условиях обеспечивать рост экономики. Поэтому каждая деловая инициатива, направленная на пользу стране, должна получить поддержку»[1].

Одна из проблем публично-правового регулирования в предпринимательской сфере состоит в практическом разграничении компетенции и зон ответственности между федеральными органами публичного управления и органами публичного управления субъектов РФ.

Недостаточно чёткое разграничение предметов ведения Российской Федерации и её субъектов на конституционном уровне оставляет широкий диапазон для различных подходов к распределению функций публичного управления в предпринимательской сфере между федеральным центром и регионами. Вышесказанное предопределяет актуальность темы настоящей статьи.

Обсуждение.

Необходимо отметить, что разграничение полномочий по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в действующем законодательстве отнесено к числу основных принципов государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации[2].

Рассматриваемый принцип представляет собой частное проявление конституционного принципа федерализма, который в научной литературе признаётся основным принципом организации государств, основанным на объединении равноправных и относительно самостоятельных составных частей и основой функционирования которых является распределение властных полномочий между центром и составными частями [1, с. 203].

Вместе с тем, предметы ведения между Российской Федерацией и её субъектами разграничены по модели «остаточной компетенции»; то есть, к полномочиям субъектов относится то, что не отнесено к исключительной компетенции РФ и к их совместному ведению. При этом развитие современного российского конституционного правопорядка сопровождается регулярно возникающими противоречиями между федеральным публично-правовым регулированием и публично-правовым регулированием на уровне субъектов РФ. На это указывает практика Конституционного Суда РФ, в рамках которой нередко даётся оценка конституционной правомерности регионального законодательства и разрешается вопрос о том, не вышел ли законодатель за пределы своей компетенции при регулировании предпринимательской деятельности *(см., например: Определение Конституционного Суда РФ от 01 июля 1999 г. № 111-О «По жалобе гражданина Варганова Валерия Витальевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности» и Законом Белгородской области «О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ, 02.08.1999. № 31. Ст. 4039; Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2001 № 82-О «По жалобам граждан С.О. Евсикова, Т.Г. Сибирченковой, Р.К. Исламовой, Л.И. Ленгле, С.В. Рыбакова, А.В. Привалова на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности» и положениями соответствующих законов Республики Марий Эл, Ставропольского края, Нижегородской области и Пермской области» // Собрание законодательства РФ. 11.06.2001. № 24. Ст. 2500).*

Приблизительно с середины 2000-х годов федерализм в России вновь вступил в фазу трансформации, особенность которой заключается в одновременном усиление центростремительных сил, с одной стороны, и сохранение определённой самостоятельности субъектов Российской Федерации – с другой. Данная тенденция предопределила введению в Конституцию понятия «публичная власть», система которой объединя-

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Послание Президента Федеральному Собранию».

[2] См., часть третью ст. 6 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.

© Шилов Ю.М.

ет в себе органы государственной, муниципальной власти, а также иные государственные органы. При этом логичным стало появление в публично-правовом поле и коррелирующего понятия «публичное управление», система которого включает в себя также общественные органы [2, с. 20]. Отчасти согласимся с Ю.В. Кимом, что Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» содержит положения о деэтатизации субъектов РФ и «деконституционализации» начал федерализма, выразившиеся в дальнейшем сужении самостоятельности субъектов РФ и усилении централизации власти [3, с. 29]. При этом сложно не согласиться и с Н.Д. Эриашвили в том, что принципы государственно-территориального устройства должны быть переориентированы на цели устойчивого развития и национальной безопасности государства безотносительно к тому, в какой мере в государственном управлении присутствуют элементы унитаризма и федерализма» [4, с. 85].

Толкование конституционных полномочий в области публично-правового регулирования предпринимательской деятельности между Российской Федерацией и субъектами Российской в логической связи с пределами ведения, установленными статьями 71 и 72 Конституции РФ должно осуществляться в контексте актуальных целей национального и социально-экономического развития.

Анализируя ст. 71 Конституции РФ можно выделить следующие составляющие исключительный предмет ведения Российской Федерации конституционные полномочия, имеющие прямое или косвенное отношение к публично-правовому регулированию предпринимательской деятельности:

– установление правовых основ единого рынка;

– финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики;

– федеральный бюджет;

– федеральные налоги и сборы;

– федеральные фонды регионального развития;

– установление основ федеральной политики и федеральных программ в области государственного, экономического и иных видов развития.

В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации из полномочий, составляющих предмет публично-правового регулирования предпринимательской деятельности, можно выделить установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации, а также административное, административно-процессуальное и некоторые иные виды законодательства. Отдельные полномочия, предусмотренные ст. 72 Конституции РФ, несомненно, относятся к регулированию предпринимательства, но лишь косвенно.

Необходимо отметить, что дефиниции «предпринимательская деятельность» или «предпринимательство» не используются в статьях 71 и 72 Конституции. Из проанализированных конституционно-правовых норм следует, что отношения в сфере предпринимательства выступают в качестве самостоятельного предмета на трёх уровнях публично-правового регулирования: *федеральном, региональном* и, третьем, совместном – *мезоуровне*. Как отмечается в научной литературе, наличие особого мезоуровня управления, активно действующего в рамках единой «вертикали власти» и в обеспечении интересов экономической безопасности страны, выступает одним из преимуществ государства федеративного типа [5, с. 83].

Наличие трёх этих уровней, ввиду их институциональной самостоятельности предполагает и их неизбежную дихотомию, которая может выражаться в разнонаправленности, в том числе и публично-правового регулирования (принятии противоречащих друг другу и принимаемых на разных уровнях нормативных правовых актов, управленческих решений, заключаемых публично-правовых договоров и т.д.).

Публично-правовое регулирование на территории различных субъектов РФ характеризуется неравномерностью, различным уровнем правового и организационного обеспечения поддержки предпринимателей. Как следствие, в целом по России малый и средний бизнес имеет большую региональную концентрацию. На 10 субъектов приходится более 50 % от общего количества субъектов МСП по стране. Большая часть сосредоточена в Центральном ФО, где занято в сфере МСП 43 % экономически активного населения, и в Приволжском ФО – 33 % трудоспособного населения[1]. При этом неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития отнесены представляют собой одну из угроз экономической безопасности[2].

Совокупное толкование статей 9, 10 и 11 Федерального закона «О развитии субъектов малого и среднего предпринимательства» позволяет выделить «равновекторные» полномочия, закрепленные за федеральным, региональным и муниципальным уровнями. В частности, к таковым следует отнести:

[1] Малое и среднее предпринимательство в России: итоги развития, оценка эффективности реализации программы господдержки, вызовы и новые возможности. URL : http://uralfo.gov.ru/media/files/file/UgCf61 U21DQK34LRPL2V0KJYbcODlkKg.pdf

[2] См., подпункт 24 пункта 12 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

© Шилов Ю.М.

– содействие деятельности некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства; пропаганду и популяризацию предпринимательской деятельности;

– поддержку развития программ развития предпринимательства (на федеральном уровне – поддержка программ субъектов, на региональном – поддержка муниципальных программ);

– формирование инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и др.

На наш взгляд, совокупность полномочий органов системы публичной власти (федеральных, на уровне субъектов и муниципальных) отвечает таким системообразующим признакам, как:

1. Наличие общих целей или целенаправленность системы [6, 7, 8] (прежде всего, речь идет о целях социально-экономического развития Российской Федерации, закрепленных в документах стратегического планирования).

2. Делимость системы на подсистемы, компоненты и элементы. На этот признак в той или иной терминологической интерпретации указывает большинство ученых, исследовавших теорию систем в научно-правовом контексте [9, с. 52; 10, с. 18; 11, с. 237].

Всю совокупность полномочий в области развития предпринимательства можно разделить по следующим критериям:

– по принципу разделения властей: законодательные, исполнительные, судебные;

– по уровню субъектов реализации полномочий: федеральный, региональные, муниципальные;

– по содержанию: организационно-управленческие, финансово-экономические, правовые).

Кроме того, можно выделить исключительные (закрепленные только за одним уровнем власти – как, например, полномочия по выработке единой государственной политики в сфере предпринимательства закреплено исключительно за федеральным уровнем) и равновекторные (идентичные для всех уровней публичного управления – например, содействие деятельности некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, и структурных подразделений указанных организаций).

3. К свойствам системы также относится её целостность. Целостной системой будет такая система, «в которой внутренние связи ее частей между собой преобладают над внешним воздействием, а также значительно превышают иные силовые вмешательства, обусловливающие существующее движение этих частей в системе» [10, с. 82].

Целостность всей совокупности полномочий в области развития предпринимательства обеспечивается их консолидацией в рамках Федерального закона «О развитии субъектов малого и среднего предпринимательства», а также единством системы публичной власти. Важное свойство системы, отмечаемое в научной литературе, заключается также в том, что целостность формирует взаимоотношения системы как целого со средой, отличного от взаимодействия с ней отдельных элементов [12, с. 55].

Результаты.

Итак, вся совокупность конституционных полномочий Российской Федерации и её субъектов в области развития предпринимательства образует собой единую *систему полномочий органов публичной власти в области развития предпринимательской деятельности*. Несмотря на институциональную самостоятельность реализующих такие полномочия субъектов, в целом эта система объединена едиными целями и задачами, которые определяются на уровне единой системы публичной власти (единая политика в области предпринимательской деятельности, принципы её поддержки и др.).

Взгляд на публичные полномочия в области поддержки предпринимательской деятельности с системно-институционального ракурса подчеркивает ключевую консолидирующую роль верховной публичной власти, которая объединяет государственную, муниципальную власть с институтами гражданского общества вокруг развития предпринимательства в ракурсе достижения целей национального и социально-экономического развития.

Согласимся с В.А. Авдеевым: «Единство системы публичной власти представляет собой консолидацию деятельности и взаимодействие органов публичной власти различного вида и уровня совместно с институтами гражданского общества в целях обеспечения интересов российских граждан» [13, с. 21].

В таких условиях возрастает роль Президента РФ и возглавляемого им Государственного Совета как консолидирующей силы, способной преодолеть противоречия, возникающие между разными уровнями публично-правового регулирования предпринимательской деятельности.

Публичное управление осуществляется за счет потоков информации, в центральном элементе системы должна происходить аккумуляция таких потоков, анализ информации и подготовка на её основе необходимых управленческих решений. Нижестоящие органы государственной и муниципальной власти, а также иные элементы системы публичной власти в этом смысле выступают в том числе и в качестве объектов воздействия, на которые направлено публичное управление.

© Шилов Ю.М.

Президенту РФ как лицу, возглавляющему систему публичной власти, наделенному широким набором инструментов прямого и опосредованного организационно-управленческого воздействия на региональный и муниципальный уровень регулирования, требуется независимый от какой-либо ветви и уровня государственной власти специализированный канал связи, позволяющий анализировать положение дел в области предпринимательской деятельности.

В этой связи, на уровне федерального законодательства целесообразно предусмотреть формирование рейтинга регионального развития в области поддержки предпринимательства.

Критерии, на основе которых для каждого субъекта РФ будет определяться текущее место в рейтинге, должны устанавливаться и, при необходимости, корректироваться Правительством РФ, а предоставление данных для формирования соответствующего рейтинга следует сделать обязательным для всех органов системы публичной власти, участвующих в поддержке предпринимательства.

Предложенный рейтинг необходим высшим органами системы публичной власти для объективной оценки соответствия региональной политики в области поддержки предпринимательства пределам конституционных полномочий субъектов РФ, эффективности этой политики в контексте её соответствия целям национального и социально-экономического развития.

Заключение.

Таким образом, анализ конституционно-правовых норм о разграничении предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации позволил сформулировать вывод о том, что отношения в сфере предпринимательства выступают в качестве самостоятельного предмета на трёх уровнях публично-правового регулирования: *федеральном, региональном и, третьем, совместном – мезо-уровне*. Наличие трёх этих уровней ввиду их институциональной самостоятельности предполагает и их неизбежную дихотомию, которая может выражаться в разнонаправленности публично-правового регулирования (принятии противоречащих принимаемых на разных уровнях нормативных правовых актов, управленческих решений, заключаемых публично-правовых договоров и т.д.).

Вся совокупность конституционных полномочий Российской Федерации и её субъектов в области развития предпринимательства образует собой *единую систему полномочий органов публичной власти в области развития предпринимательской деятельности*.

Несмотря на институциональную самостоятельность реализующих такие полномочия субъектов, в целом совокупность таких полномочий объединена едиными целями и задачами, которые ставятся на уровне верховной публичной власти.

Взгляд на публичные полномочия в области поддержки предпринимательской деятельности с системно-институционального ракурса позволяет увидеть ключевую консолидирующую роль верховной публичной власти, которая объединяет государственную и муниципальную власть с институтами гражданского общества вокруг развития предпринимательства и ориентирует их на достижение приоритетных целей социально-экономического развития.

Ввиду различных подходов к публично-правому регулированию предпринимательства, неравномерности регионального экономического развития на уровне федерального законодательства, предложено предусмотреть формирование рейтинга регионального развития в области поддержки предпринимательства, который необходим высшим органами системы публичной власти для объективной оценки соответствия региональной политики в области поддержки предпринимательства пределам конституционных полномочий субъектов РФ, эффективности этой политики в контексте целей национального и социально-экономического развития.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Степанова А.А. Федерализм как принцип и как процесс // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 203–206. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_5_203 EDN: PSBSUM
2. Россинский Б.В. Субъекты публичной власти и субъекты публичного управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 17–23. EDN: MHVTTT
3. Ким Ю.В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-6-25-34 EDN: GYTUZQ

© Шилов Ю.М.

4. Нодари Э.Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 9. С. 150–155. DOI: 10.31857/S102694520022228-1 EDN: UYUOYJ
5. Бухвальд Е.М. Макрорегионы и мезоуровень экономической безопасности России // Развитие и безопасность. 2019. № 1. С. 82–91. DOI: 10.46960/74159_2019_1_82 EDN: XPYUMP
6. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. 368 с.
7. Верещагин И.М. Предисловие к книге: Клиланд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. М. : 1974. 279 с.
8. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. М. : 1978. С. 61–64.
9. Зырянов А.В. Системный подход в современных юридических исследованиях // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4(54). 52 с. EDN: YRAGDB
10. Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиции теории систем. М. : 2021. 264 с.
11. Социологические размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 236–248.
12. Елкина О.С. О системной терминологии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 1. С. 53–60. EDN: NAWSCT
13. Авдеев Д.А. Российская форма государственного правления (конституционно-правовое исследование) : дис. … докт. юрид. наук. Тюмень, 2025. 494 с.

References:

1. Stepanova A.A. Federalism as a principle and as a process // Law and the state: theory and practice. 2024. № 5(233). P. 203–206. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_5_203 EDN: PSBSUM
2. Rossinsky B.V. Subjects of public power and subjects of public administration // Actual problems of administrative and administrative procedure law (Sorokin readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 21, 2025. SPb. : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. P. 17–23. EDN: MHVTTT
3. Kim Yu.V. The constitutional model of public-governmental organization in modern Russia // Constitutional and municipal law. 2023. № 6. P. 25–34. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-6-25-34 EDN: GYTUZQ
4. Nodari E.D. Theoretical and legal foundations of the development of federalism in the context of the centralization of state power in the Russian Federation // State and Law. 2022. № 9. P. 150–155. DOI: 10.31857/S102694520022228-1 EDN: UYUOYJ
5. Buchwald E.M. Macro-regions and the meso-level of economic security of Russia // Development and security. 2019. № 1. P. 82–91. DOI: 10.46960/74159_2019_1_82 EDN: XPYUMP
6. Afanasyev V.G. System and society. M. : Politizdat, 1980. 368 p.
7. Vereshchagin I.M. Preface to the book: Cleland D., King V. System analysis and target management. M. : 1974. 279 p.
8. Blauberg I.V. Formation and essence of the system approach / I.V. Blauberg, E.G. Yudin. M. : 1978. P. 61–64.
9. Zyryanov A.V. A systematic approach in modern legal research // The rule of law: theory and practice. 2018. № 4(54). 52 p. EDN: YRAGDB
10. Rossinsky B.V. Problems of public administration from the perspective of systems theory. M. : 2021. 264 p.
11. Sociological reflections: An interview with Professor N. Luhmann // Problems of Theoretical Sociology. SPb., 1994. P. 236–248.
12. Elkina O.S. On system terminology // Bulletin of Omsk University. The Economics series. 2010. № 1. P. 53–60. EDN: NAWSCT
13. Avdeev D.A. The Russian form of government (constitutional and legal research) : dis. ... Doctor of Law. Tyumen, 2025. 494 p.

Информация об авторе

Шилов Юрий Михайлович
кандидат экономических наук,
докторант,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0007-2423-6009
shilov.science@gmail.com

Yuri M. Shilov
Candidate of Economic Sciences,
Doctoral Student,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
ORCID iD: 0009-0007-2423-6009
shilov.science@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Шилов Ю.М.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-2
УДК 332

Attribution
cc by

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ТИПОЛОГИЯ БАРЬЕРОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА МИКРОПРИВОДОВ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Акимов В.Н.
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Аннотация. В статье систематизированы представления о процессе создания предприятий в высокотехнологичных отраслях, выделены ключевые этапы, а также предложена развернутая типология барьеров, возникающих на пути локализации производства сложной продукции на примере микроприводов. Анализ основан на исследованиях российской промышленности в условиях санкционного давления и курса на импортозамещение. Объектом исследования являются организационно-экономические отношения по созданию высокотехнологичных предприятий микроэлектроники, а предметом – этапы их становления и типология барьеров локализации производств. Цель и задачи исследования заключаются в теоретическом обобщении подходов к определению этапов создания высокотехнологичных предприятий, классификации этапов создания предприятий в различной системе критериев оценки, типологизации барьеров развития отрасли. В ходе исследования были применены общенаучные методы, включая сравнительный анализ, системный подход, а также эмпирические методы, заключающиеся в изучении статистических данных и анализе опубликованных научных работ. Научная новизна исследования заключается в разработке классификаций этапов создания высокотехнологичных производств в сфере микроэлектронной продукции и типологизации барьеров на пути развития микроэлектроники в России.

Ключевые слова: микроэлектроника, импортозамещение, этапы создания высокотехнологичных предприятий, микропривод, барьеры локализации, государственная поддержка, инжиниринговые центры, кадры.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

STAGES OF CREATING HIGH-TECH ENTERPRISES AND TYPOLOGY OF LOCALIZATION BARRIERS: ON THE EXAMPLE OF THE PRODUCTION OF MICRODRIVES UNDER IMPORT SUBSTITUTION CONDITIONS

Vladimir N. Akimov
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Abstract. The article systematized the process of creating enterprises in high-tech industries, highlighted key stages, and also proposed a detailed typology of barriers that arise on the way to localize the production of complex products using the example of microdrives. The analysis is based on studies of Russian industry in conditions of sanctions pressure and a course towards import substitution. The object of the study is organizational and economic relations for the creation of high-tech microelectronics enterprises, and the subject is the stages of their formation and the typology of barriers to the localization of production. The purpose and objectives of the study are to theoretically generalize approaches to determining the stages of creating high-tech enterprises, classifying the stages of creating enterprises in a different system of assessment criteria, typologizing barriers to the development of the industry. In the course of the study, general scientific methods were applied, including comparative analysis, a systematic approach, as well as empirical methods consisting in the study of statistical data and the analysis of published scientific papers. The scientific novelty of the study lies in the development of classifications of the stages of creating high-tech industries in the field of microelectronic products and typologizing barriers to the development of microelectronics in Russia.

© Акимов В.Н.

Keywords: microelectronics, import substitution, stages of creating high-tech enterprises, microdrive, localization barriers, state support, engineering centers, personnel.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современная экономика характеризуется стремительным развитием высоких технологий, что делает создание новых высокотехнологичных предприятий одним из основных условий устойчивого развития. Особенно актуальным данный вопрос стал с 2022 г. по настоящее время в связи с политикой импортозамещения, направленной на снижение зависимости от зарубежных поставок технологий и компонентов и развитие отечественного производства.

Настоящая статья посвящена рассмотрению этапов создания высокотехнологичных производств и типологии барьеров, возникающих при их локализации, на примере производства микроприводов. Объектом исследования являются организационно-экономические отношения по созданию высокотехнологичных предприятий микроэлектроники, а предметом – этапы их становления и типология барьеров локализации производств.

Цель исследования заключается в изучении теоретических подходов к определению этапов создания высокотехнологичных предприятий, классификации этапов создания предприятий, типологизации барьеров развития отрасли как элементов стратегии ее развития.

В соответствии с целью, решены следующие задачи исследования:

– выявлена недостаточность теоретического обоснования этапов создания предприятий;

– разработаны этапы создания высокотехнологичных предприятий в сфере микроэлектроники в системе различных критериев;

– сформулированы барьеры развития отрасли.

Материалами исследования послужили научные разработки отечественных исследователей по вопросам импортозамещения, официальная статистика.

Методическую основу исследования составили диалектика, научное абстрагирование, системный и комплексный подходы, сравнительный анализ, экономико-математический анализ.

Обсуждение. Результаты.

Проведенный автором теоретический анализ показал, что стержневым направлением исследований является разрешение проблемы обеспечения технологического суверенитета и экономической безопасности страны, что невозможно без развития собственного промышленного потенциала в сегменте мировой микроэлектроники [1–3].

Исследователи отмечают, что даже наличие стратегических плановых документов развития отрасли электроники, утверждение соответствующих госпрограмм по импортозамещению, наличие «дорожных карт» реализации проектов и реальное финансирование проектов не гарантируют их исполнение.

Исполнительная дисциплина по госконтрактам в микроэлектронике находится на низком уровне [1, с. 820]. А.Л. Литвин, О.В. Боброва показали, что в отечественной микроэлектронике существует дисбаланс между достигнутой локализацией производств и их функциональной значимостью, а именно – по стоимости, технологическому значению доминируют импортные компоненты [4, с. 135].

В теории, этапам создания новых высокотехнологичных производств уделяется недостаточно внимания. В частности, Е.В. Пономаренко, Д.И. Дрожжин провели периодизацию этапов развития промышленно-технологической политики, включающую следующие этапы:

– первый этап с 2001 г. по 2014 г. – разработка и реализация программ импортозамещения в отдельных отраслях (станкостроение, авиастроение, фармация, аграрно-промышленный комплекс) с использованием инструментов локализации, параллельного импорта, протекционизма, ограничения внешнего импорта;

– второй этап с 2015 г. по 2021 г. – масштабное импортозамещение в промышленности, банковской сфере, социальных отраслях на основе расширения перечня критически важных и сквозных технологий, трансфер технологий из ОПК в гражданские сектора;

– третий этап с 2022 г. по настоящее время – достижение технологического лидерства с опорой на внутренние ресурсы [2, с. 764].

И.М. Голова констатировала, что до сих пор в государственной политике практикуется локальный подход к регулированию отдельных звеньев инновационных систем [3, с. 65]. Периодизация этапов создания высокотехнологичных производств не является приоритетным направлением исследований.

Эмпирический анализ исследования представлен изучением основных трендов в производстве микроприводов и взаимосвязанной с ними продукции (табл. 1).

© Акимов В.Н.

Таблица 1

Объем отгруженной продукции собственного производства, удельный вес продукции, темпы роста отгрузки и индексы роста производства в промышленности России, трлн руб./ % / % к пред. году / % к пред. году [5]

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Промышленное производство	68,8/ 100,0/ 121,2/ 103,5	68,9/ 100,0/ 101,5/ 103,4	65,9/ 100,0/ 95,6/ 97,9	90,8/ 100,0/ 137,8/ 106,3	98,5/ 100,0/ 108,5/ 100,7	107,2/ 100,0/ 108,9/ 104,3	124,4/ 100,0/ 116,0/ 105,1	124,4/ 100,0/ 100,0/ 101,3
Производство электродвигателей, генераторов, трансформаторов и распределительных устройств, контрольно-измерительной аппаратуры	0,37 / 0,54/ 98,2/ 105,4	0,36/ 0,53/ 102,6/ 101,3	0,37/ 0,56/ 119,0/ 99,2	0,44/ 0,48/ 118,4/ 107,7	0,52/ 0,53/ 116,4/ 101,1	0,79/ 0,74/ 152,1/ 120,6	0,85/ 0,68/ 107,4/ 109,7	0,95/ 0,77/ 112,3/ 96,2

Отмечалась неравномерность динамики промышленного производства: объем отгрузки промышленной продукции в целом вырос с 68,8 трлн руб. (2018 г.) до 124,4 трлн руб. (2025 г.), однако, темпы роста к предыдущему году сильно колебались от спада в 2020 г. (–4,4 % по индексу производства) до ускорения в 2021 г. (+37,8 %). С 2024 г. рост замедлился до нуля (2025 г. к 2024 г. – 100,0 % по объему, индекс производства был всего 101,3 %).

Постепенно снижалась доля электротехнической отрасли в промышленности. Производство электродвигателей, генераторов, трансформаторов и контрольно-измерительной аппаратуры занимало в 2018 г. 0,54 % от общего объема, а к 2025 г. выросло до 0,77 % (но в 2021 г. было всего 0,48 %). Несмотря на абсолютный рост объемов (с 0,37 до 0,95 трлн руб.), удельный вес остаётся незначительным и меняется неравномерно.

Индекс роста производства в электротехнике в 2023 г. резко вырос до 120,6 %, а в 2025 г. упал до 3,8 % (96,2 %). Это свидетельствует о зависимости отрасли от единичных крупных заказов или импортных компонентов.

Рост стоимости продукции микроэлектроники во многом обусловлен инфляцией цен, а не реальным наращиванием выпуска. Так, объём отгруженной продукции в рублях вырос в 2,6 раза за 7 лет (с 0,37 до 0,95 трлн руб.), но индексы физического объёма показывают замедление и даже падение (2025 г. – 96,2 %).

В электротехнике в 2023 г. наблюдался аномальный рост отгрузки (+52,1 %) при физическом индексе 120,6 %, что отражает как постсанкционное импортозамещение, так и влияние разовых государственных контрактов, не создающих устойчивой базы для роста производства (уже в 2024–2025 гг. темпы снизились).

Таким образом, за видимым ростом промышленности скрывается высокая инфляционная составляющая и неравномерность развития отрасли, ее зависимость от внешних факторов.

Для ускорения понимания сути происходящих трансформаций и прохождения этапов становления технологического суверенитета нужны методологические подходы к организации новых высокотехнологичных производств в России, выражающиеся в определении этапов производства микроэлектронной продукции, в частности микроприводов, которые придется создавать практически с нулевой базы.

По оценкам Д.О. Ямпольской, российские производители собственным производством микроэлектронных компонентов покрывают только 3 % от потребностей внутреннего рынка [6, с. 236]. Микроприводы, по сути – двигатели, являются неотъемлемыми компонентами любой современной техники, от робототехники и высокоточного оборудования до медицинской техники и потребительской электроники. Выведение из производства звена по созданию микроприводов может затормозить развитие целых технологических цепочек в экономике.

В данной статье под этапом создания высокотехнологичного предприятия понимаются периоды в сложном, многостадийном процессе создания нового производства, систематизированные по разным критериям в зависимости от цели исследования.

Наиболее актуальной и жизненно необходимой для российской экономики является цель обретения полного технологического суверенитета, в том числе в критических сквозных технологиях, применяемых во всех отраслях экономики и выводящих экономику на совершенно новый технологический и управленческий уровень.

В наибольшей степени в научной литературе периодизация этапов создания высокотехнологичных производств рассматривается в контексте:

– первоначальной фиксации «точки отсчета» – состояния отрасли;

– выявления «узких мест» в производстве микрокомпонентов;

– комплексной оценки глобальной и внутренней цепочки создания стоимости для целевого продукта (микропривода);

– оценки целесообразности локализации всех компонентов производственного процесса;

– анализа пороговых объемов производства для окупаемости таких проектов;

© Акимов В.Н.

– выборе линейки или отдельных компонентов для производства [7, с. 172; 1].

Дальнейшее проектирование и организация производства требуют параллельного решения задач научно-технологической, кадровой и логистической готовности. Для микроприводов это включает создание или адаптацию линий по производству миниатюрных компонентов (шестерни, валы, корпуса), сборке и тестированию качества. Очень важно синхронизировать процессы доступа к новым знаниям и ноу-хау через исследовательские университеты, передовые инженерные школы, инжиниринговые центры, сотрудничества с инвесторами и целевыми клиентами, создания инновационной экосистемы, бизнес-инкубаторов, технопарков, коммунальной, транспортной, социальной инфраструктуры, обеспечения образовательных и консультационных услуг, гарантии прав интеллектуальной собственности для формирования замкнутых производственных циклов в микроэлектронике.

Охарактеризуем классификацию этапов создания предприятий по критерию охвата жизненного цикла проекта от идеи до выхода на рынок и дальнейшего развития.

В литературе выделяют разное количество этапов, но их суть сводится к следующему:

– на основе заявок потенциальных клиентов, осуществляется разработка идейно-научных основ будущего производства, выбор целевого рынка, подтверждение осуществимости идеи и формирование бизнес-модели;

– создание прототипов продукции (тестирование рынка, доработка параметров продукции, разработка конструкторской документации, патентование продукта);

– строительство или модернизация производственных мощностей, закупка оборудования, обучение кадров, организация производства, вывод на рынок;

– маркетинговое продвижение (расширение ассортимента, выход на новые рынки, массовая продажа высокотехнологичного продукта).

На этом этапе внимание должно уделяться сертификации продукции. Для микроприводов, используемых в ответственных сферах (аэрокосмическая отрасль, медицина), соответствие техническим регламентам и отраслевым стандартам является критическим барьером выхода на рынок, т.к. актуальных проблемы формирования новой системы стандартизации в условиях ухода иностранных компаний.

Успешное прохождение этих этапов для большинства стартапов по западным меркам составляет всего 0,02 % (коэффициент конверсии).

Высокотехнологичные стартапы имеют следующие особенности:

– крайне важна гибкая организационная структура и работающая бизнес-модель продаж;

– лидерство;

– стратегическое управление,

– координация основных компетенций;

– предпринимательская культура;

– управление изменениями;

– доверие партнеров;

– обмен знаниями;

– положительные отзывы клиентов;

– нацеленность клиентов на долгосрочные отношения [8, с. 51].

Изученные научные источники позволили выделить еще одну классификацию этапов создания высокотехнологичных предприятий – по критерию степени интеграции производства в технологическую платформу:

На первом этапе осуществляется локализация отдельных изделий.

На втором этапе происходит модульная сборка, когда формируются отдельные унифицированные узлы (например, контроллеры, приводы, корпуса).

На третьем этапе – переход к локализации технологических платформ как универсальных площадок, на основе которых можно создавать широкую номенклатуру конечных продуктов.

На четвертом этапе создается экосистемная платформа, открытая для внешних разработчиков, поставщиков и клиентов.

Уровень платформенной зрелости является качественным критерием, позволяющим оценить эволюцию предприятия от простого сборщика отдельных изделий до создателя масштабируемой технологической платформы. Важно, чтобы этой периодизации этапов создания высокотехнологичных предприятий соответствовала оценочно-управленческая модель государственного регулирования отрасли.

Н.С. Хорошавина наиболее актуальными отдельными направлениями инвестирования в отрасль считает:

– строительство заводов по производству чипов;

– разработку и производство литографического оборудования;

– обеспечение микроэлектроники необходимым сырьем;

– развитие дизайн-центров, разработчиков интегральных схем [7, с. 178].

© Акимов В.Н.

Д.В. Манушин, Г.Р. Таишева, Ш.И. Еникеев считают, что в России пока нет производственных мощностей под создание всей линейки микроэлектронной продукции. Начинать надо с создания отдельных технологий производства электронных компонентов, которые затем можно объединить на одной производственной базе, создав полноцикловое производство микроэлектроники [1, с. 824]. Конкретно для микроприводов это означает разработку и освоение производства серии базовых двигателей, редукторов и контроллеров с открытой архитектурой, которые могут гибко адаптироваться под требования различных заказчиков.

Концепция платформенных решений рассматривается в работе Н.А. Никитина [9, с. 175].

Приведенный анализ этапов создания высокотехнологичных производств позволил выделить наиболее актуальные барьеры для развития отечественной микроэлектроники:

– финансово-экономические;

– организационно-управленческие;

– технологические;

– институциональные;

– кадровые;

– рыночные.

Так, Н.С. Хорошавина оценила, что для реализации проекта этапности создания предприятий микроэлектроники от производства чипов до развития разработчиков интегральных схем потребуется от 23 млрд руб. до 53 млрд руб., приходящихся на один чип, дизайнерское решение, завод либо отрасль

[7,], что является существенным барьером для локализации производств.

В научной работе Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой была предложена модель крупномасштабных кредитных инвестиций, направленных на строительство нескольких предприятий микроэлектроники.

Согласно данной модели, через один-два года после осуществления инвестиций ожидается достижение положительного макроэкономического эффекта, выражающегося в приросте валового внутреннего продукта на уровне 2 %, а также в снижении общего уровня цен в стране за счет удешевления продукции в отраслях, являющихся потребителями отечественных микроэлектронных компонентов. При этом авторы обосновывают, что краткосрочный прирост инфляции, вызванный столь масштабной кредитной акцией, не превысит 0,5 % в год [10, с. 18].

С точки зрения авторов данного анализа, у Центробанка России отсутствуют непреодолимые финансовые ограничения, препятствующие реализации подобного кредитного механизма. Напротив, по их мнению, в распоряжении регулятора имеются достаточные финансовые резервы, позволяющие запустить кредитование не в рамках единственной отрасли микроэкономики, а одновременно в нескольких отраслях промышленности.

К производственно-экономическим барьерам относятся:

– высокая капиталоемкость создания малотоннажных производств;

– низкая рентабельность производства технологий и компонентов на начальном этапе из-за малых серий;

– логистические разрывы в кооперационных цепочках поставок.

В работе K.V. Simonov, N.A. Girfanova рассмотрены управленческие ограничения в сфере коммерциализации российских стартапов.

Во-первых, высокотехнологичная продукция имеет короткий жизненный цикл, ее постоянное обновление требует большого объема разовых инвестиций. Управленческие навыки и организационный опыт не успевают усваиваться специалистами в условиях технологической гонки, ускоренной применением цифровых технологий [8, с. 48].

Низкий уровень цифровой зрелости предприятий микроэлектроники является серьезным технологическим барьером пока большинство предприятий отрасли внедряют цифровые решения без должной системности и стратегического планирования. Низкий ровень цифровой зрелости в обрабатывающей промышленности 26,6 % [7, с. 179].

К технологическим барьерам при локализации микроприводов относятся:

– отсутствие отечественных производств специализированных материалов, например, высококачественных магнитных сплавов для миниатюрных двигателей;

– дефицит прецизионного оборудования для обработки микрокомпонентов;

– отсутствие полного цикла производства датчиков для сбора обратной связи.

В работе И.М. Головы отмечено, что региональные инновационные процессы смогут оказывать существенное влияние на технико-технологическую конкурентоспособность отраслей, если в инновационная инфраструктура в регионе будет насчитывать не менее 810 институциональных единиц, среди которых должны быть:

– научно-исследовательские институты;

© Акимов В.Н.

– университеты;

– особые экономические зоны;

– технопарки;

– бизнес-инкубаторы;

– производственные и экспериментальные площадки;

– финансовые институты и подобные структуры [3, с. 74].

Институциональные барьеры также включают:

– длительные и нестабильные процедуры получения мер господдержки;

– сохраняющуюся зависимость от иностранного программного обеспечения для проектирования и испытаний;

– недостаточную защищенность прав на результаты интеллектуальной деятельности в рамках кооперационных проектов.

По оценкам Н.С. Хорошавиной, наибольший кадровый голод испытывают производство электрооборудования [7, с. 179]. Кадровый барьер проявляется в остром дефиците инженеров и технологов, обладающих компетенциями в области мехатроники, микрообработки, проектирования механики прецизионных систем и их программирования. Существующие образовательные программы часто отстают от практических потребностей новых производств.

Рыночные барьеры проявляют себя как препятствия к распространению инноваций по каналам продвижения в виде имеющихся крупных конкурентов, контролирующих каналы сбыта [8].

Важным дискуссионным моментом в исследовании является обсуждение перехода от «ценового» роста в микроэлектронике к реальному наращиванию мощностей, особенно в сегменте микроприводов, где зависимость от импорта критична, а собственное производство покрывает менее 3% потребностей рынка.

Результаты.

Анализ статистических данных в аспекте существующих моделей развития в отрасли показывает, что текущий рост в секторе микроэлектроники и электротехники носит преимущественно восстановительный или инфляционный характер.

Несмотря на цели по достижению технологического суверенитета, реальный сектор сталкивается с проблемой: при значительном увеличении стоимостных объемов отгрузки продукции, индексы физического производства остаются нестабильными или демонстрируют спад. Значит, для создания устойчивых производств микроприводов недостаточно разовых финансовых вливаний или точечных закупок. Необходим переход от фрагментарной технологической политики к системной платформенной модели регулирования отрасли, которая позволит преодолеть выявленные капиталоемкие и технологические барьеры через создание открытых архитектур и универсальных технологических площадок.

Применительно к производству микроприводов, к вышеперечисленным барьерам следует добавить специфические трудности:

– высокую зависимость от импортных комплектующих и материалов, которые пока не производятся в достаточном объеме или с нужным качеством в России;

– сложности с передачей и адаптацией зарубежных технологий (если они приобретаются);

– необходимость формирования сложной цепочки поставок; высокие требования к чистоте производственных помещений и контролю качества.

Заключение.

Несмотря на существующие барьеры, развитие производства микроприводов в России имеет значительный потенциал, обусловленный растущим спросом со стороны отечественной промышленности и усиленной государственной поддержкой. Успешная реализация проектов в данной сфере будет способствовать укреплению технологического суверенитета страны и развитию смежных отраслей. Создание высокотехнологичных предприятий, в т.ч. по производству микроприводов, является стратегически важной задачей, решаемой комплексными мерами.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и углублении теоретических положений в части классификации этапов создания высокотехнологичных производств и типологизации барьеров локализации производств микроэлектроники. Исследование дополняет существующие модели управления инновационными проектами, вводя критерии платформенной зрелости и жизненного цикла высокотехнологичных производств, что позволяет глубже понять динамику технологического развития в условиях импортозамещения. Предложенная типология барьеров углубляет теоретическое понимание сложностей локализации производств в микроэлектронике.

Практическая значимость авторского подхода заключается в разработке рекомендаций по локализации производств микроэлектроники на разных этапах создания предприятий и в разных системах критериев, что предоставляет выбор для управляющих проектами наиболее оптимальных и соответствующих их этапу развития рекомендаций.

Выявленные барьеры и предложенные пути их преодоления могут служить основой для разра-

© Акимов В.Н.

ботки государственных и частных программ поддержки высокотехнологичных стартапов, а также для привлечения инвестиций в эту стратегически важную для экономики область.

В целом исследование представляет собой важный информационный ресурс для различных участников процесса создания высокотехнологичных предприятий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Манушин Д.В. Российская микроэлектроника: текущее состояние, логистика, проблемы управления, антикризисные меры / Д.В. Манушин, Г.Р. Таишева, Ш.И. Еникеев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2023. Т. 19. № 5(422). С. 808–842. DOI: 10.24891/ni.19.5.808 EDN: GWLZGY
2. Пономаренко Е.В. Пути достижения технологического суверенитета в Европейском союзе, России, Китае: теория и практика (рус.) / Е.В. Пономаренко, Д.И. Дрожжин // Экономика региона. 2025. Т. 21. № 3. С. 758–772. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-13 EDN: HAQOQR
3. Голова И.М. Согласование региональных инновационных процессов с приоритетом обеспечения технико-технологической конкурентоспособности РФ // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 1. С. 63–75. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-5 EDN: URKVST
4. Литвин А.Л. Методика комплексной оценки удовлетворенности заказчиков при закупках электронной компонентной базы в условиях импортозамещения / А.Л. Литвин, О.В. Боброва // Вестник гражданских инженеров. 2025. № 5(112). С. 131–140. DOI: 10.23968/1999-5571-2025-22-5-131-140 EDN: HAWRWR
5. ЕМИСС. URL : https://www.fedstat.ru/indicators (дата обращения 5.06.2026).
6. Ямпольская Д.О. Электронная промышленность: перспективы развития и сотрудничества РФ с дружественными странами // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 60. С. 235–246. DOI: 10.17223/19988648/60/14 EDN: GSADVG
7. Хорошавина Н.С. Современное состояние и перспективы развития высокотехнологичных производств в условиях становления технологического суверенитета // Вопросы региональной экономики. 2025. № 4 (65). С. 170–180. EDN: IAZMSA
8. Simonov K.V. Managing a high-tech startup: A case of machine vision for the poultry industry / K.V. Simonov, N.A. Girfanova // The Manager. 2023. Vol. 14. № 2. P. 47–61. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-2-4 EDN: UKHQPB
9. Никитин Н.А. Барьеры и возможности продвижения отечественных ит-продуктов через инструменты интернет-маркетинга // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 28. № 12(153). С. 171–177. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.28.021 EDN: SCKWZX
10. Balatsky E.V. Monetary policy on launching new production facilities in Russia: Opportunities in the semiconductor market / E.V. Balatsky, N.A. Ekimova // The Manager. 2023. Vol. 14. № 5. P. 16–28. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-2 EDN: PDQOEZ

References:

1. Manushin D.V. Russian microelectronics: current state, logistics, management problems, anti-crisis measures / D.V. Manushin, G.R. Taisheva, Sh.I. Yenikeev // National interests: priorities and security. 2023. Vol. 19. № 5(422). P. 808–842. DOI: 10.24891 / ni.19.5.808 EDN: GWLZGY
2. Ponomarenko E.V. Ways to achieve technological sovereignty in the European Union, Russia, and China: theory and practice / E.V. Ponomarenko, D.I. Drozhzhin // The economy of the region. 2025. Vol. 21. № 3. P. 758–772. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-13 EDN: HAQOQR
3. Golova I.M. Coordination of regional innovation processes with the priority of ensuring the technical and technological competitiveness of the Russian Federation // The economy of the region. 2024. Vol. 20. № 1. P. 63–75. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2024-1-5
4. Litvin A.L. Methodology for the comprehensive assessment of customer satisfaction in the procurement of electronic components in the context of import substitution / A.L. Litvin, O.V. Bobrova // Bulletin of Civil Engineers. 2025. № 5(112). P. 131–140. DOI: 10.23968 / 1999-5571-2025-22-5-131-140 EDN: HAWRWR
5. EMISS. URL : https://www.fedstat.ru/indicators (date of application 06/5/2026).
6. Yampolskaya D.O. Electronic industry: prospects for the development and cooperation of the Russian Federation with friendly countries // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2022. № 60. P. 235–246. DOI: 10.17223/19988648/60/14 EDN: GSADVG

© Акимов В.Н.

7. Khoroshavina N.S. The current state and prospects of development of high-tech industries in the context of the formation of technological sovereignty // Issues of regional economy. 2025. № 4(65). P. 170–180. EDN: IAZMSA
8. Simonov K.V. Managing a high-tech startup: A case of machine vision for the poultry industry / K.V. Simonov, N.A. Girfanova // The Manager. 2023. Vol. 14. № 2. P. 47–61. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-2-4 EDN: UKHQPB
9. Nikitin N.A. Barriers and opportunities for promoting domestic IT products through Internet marketing tools // Economics and management: problems, solutions. 2024. Vol. 28. № 12(153). P. 171–177. DOI: 10.36871/ek.up.P.R. 2024.12.28.021
10. Balatsky E.V. Monetary policy on launching new production facilities in Russia: Opportunities in the semiconductor market / E.V. Balatsky, N.A. Ekimova // The Manager. 2023. Vol. 14. № 5. P. 16–28. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-2 EDN: PDQOEZ

Информация об авторе

Акимов Владимир Николаевич
аспирант кафедры экономики
в энергетике и промышленности,
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
akim_v_n@mail.ru

Vladimir N. Akimov
Postgraduate Student of the Department
of Economics in Energy and Industry,
National Research University
Moscow Power Engineering Institute
akim_v_n@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Акимов В.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-8
УДК 330

Attribution
cc by

ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ ДАГЕСТАНА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ

Казибекова Н.А.
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Аннотация. Автор в статье рассматривает развитие двух наиболее перспективных отраслей экономики Дагестана: сельское хозяйство, в частности, АПК и туризм. Эти отрасли тесно взаимосвязаны, развитие одной отрасли неминуемо отражается на другой; особенно это касается гастро-туризма и сельского туризма. Республика Дагестан является аграрной, столетиями сельские жители в сложных горных условиях обрабатывали землю и получали урожай, обеспечивая себя и соседние районы продукцией животноводства и растениеводства. На современный агропромышленный комплекс оказывают влияния такие факторы, как природно-географические условия, социально-экономическое развитие региона. Проведенный автором SWOT-анализ выявил сильные и слабые стороны регионального АПК, а также дальнейшие возможности развития и потенциальные угрозы.Туризм – это быстроразвивающаяся и доходная отрасль дагестанской экономики, тесно связанная с сельским хозяйством, так как ежегодно возрастающий поток туристов требует значительного увеличения сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельскохозяйственная продукция, устойчивое развитие, туризм, туристическая инфраструктура, гастро-тур, этно-тур.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SECTORS OF THE DAGESTAN ECONOMY CONTRIBUTING TO THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM IN THE REGION

Naida A. Kazibekova
Dagestan State Pedagogical University named After R. Gamzatov

Abstract. In this article, the author examines the development of two of the most promising sectors of Dagestan's economy: agriculture, particularly the agro-industrial complex, and tourism. These sectors are closely interconnected, and the development of one sector inevitably affects the other, particularly in the case of gastronomic tourism and rural tourism. The Republic of Dagestan is an agrarian region, where rural residents have been cultivating land and producing crops in challenging mountainous conditions for centuries, providing themselves and neighboring areas with livestock and plant products. The modern agro-industrial complex is influenced by factors such as natural and geographical conditions and the socio-economic development of the region. The author's SWOT analysis revealed the strengths and weaknesses of the regional agro-industrial complex, as well as further development opportunities. Tourism is a rapidly developing and profitable sector of the Dagestan economy, closely linked to agriculture, as the increasing number of tourists each year requires a significant increase in agricultural production and related industries.

Keywords: agro-industrial complex, agricultural products, sustainable development, tourism, tourist infrastructure, gastronomic tour, ethno-tour.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Дагестан – республика, расположенная на юге Российской Федерации; в последние годы она переживает довольно сложный период в политической и социально-экономической жизни. Как и вся страна, республика сталкивается с многочисленными вызовами, связанными с процессами глобализации, санкциями, внутренними процессами. Республика Дагестан в состоянии обеспечить себя и соседние регионы продукцией сельского хозяйства, повысить эффективность этой отрасли и значительно увеличить ее вклад в ВРП. Сельское хозяйство традиционно является ключевой отраслью для экономики республики, а туризм – это отрасль, которая стала бурно развиваться в последние несколько лет.

Целью статьи является раскрытие взаимосвязи и сочетания двух этих отраслей, что может со-

© Казибекова Н.А.

здать основу для новых видов туризма, таких как, сельский туризм, агротуризм, гастро-туризм, что может способствовать социально-экономическому развитию сельских и горных территорий.

Для достижения поставленной цели, предполагается решить следующие задачи:

1) охарактеризовать состояние АПК республики, выделить основные отрасли;

2) определить сильные и слабые стороны АПК, проанализировать имеющиеся проблемы;

3) выявить точки соприкосновения сельского хозяйства и туризма, определить предпосылки развития сельского туризма, агротуризма и др.;

4) определить практические рекомендации по развитию сельского и агротуризма через укрепления связей между сельским хозяйством и туристической отраслью республики.

Республика Дагестан традиционно считается аграрной. Развитию агропромышленного комплекса (АПК) способствуют природно-географические особенности региона, погодно-климатические условия, экологическая обстановка.

Агропромышленный комплекс представляет собой совокупность производственных, перерабатывающих, сбытовых сфер аграрной деятельности, а также связанных с ними сопутствующих отраслей экономики.

Обсуждение.

Современный АПК – это комплекс по производству сельскохозяйственной продукции, ее переработке и хранению, реализации готовой продукции, подготовке квалифицированных специалистов для отрасли. Для Республики Дагестан основными направлениями развития комплекса являются животноводство и растениеводство. В свою очередь, эти направления включают в себя более мелкие отрасли: овцеводство, рыболовство, птицеводство, виноградарство, садоводство, овощеводство и другие.

На развитие отрасли оказывают влияние определенные факторы, такие как природно-климатические условия, географическое расположение, наличие сельскохозяйственной техники и рабочей силы, возможности для хранения и переработки продукции, конкурентоспособность перерабатывающих предприятий, система реализации готовой продукции как в республике, так и за ее пределами.

Для выявления сильных и слабых сторон развития регионального АПК необходимо провести SWOT-анализ, который представлен в таблице 1.

Таблица 1

SWOT-анализ развития АПК Республики Дагестан.

Сильные стороны	Слабые стороны
– Разнообразие сельскохозяйственной продукции; – Расположение аграрного сектора Дагестана в разнообразных климатических условиях; – Накопление значительный опыт ведения сельского хозяйства; – Знание и использование специфики местности; – Местное население связано с сельским хозяйством; – Реализация программ поддержки фермерских хозяйств, предоставление субсидий и налоговых льгот; – Экологически чистая, органическая сельхозпродукция	– Низкая производительность сельскохозяйственного производства; – Низкий уровень механизации; – Устаревшие методы ведения хозяйства; – Недостаток современных технологий; – Снижение качества производимой продукции; – Усиление разрыва между крупными и более мелкими производителями из-за высокой стоимости нового оборудования; – Недостаточный уровень квалификации работников; – Недостаток хранилищ и перерабатывающих предприятий сельхозпродукции
Возможности	**Угрозы**
– Реализация экологически чистых и органических продуктов на международном рынке; – Грантовая поддержка отечественных и зарубежных фондов; – Рост интереса на внутреннем рынке к экологически чистым продуктам; – Сотрудничество с предприятиями пищевой промышленности и торговли; – Развитие агро-, гастро-туризма, сельского туризма	– Изменение климата (риск распространения заболеваний растений и вредителей); – Низкий уровень доступности фермеров к технологиям и знаниям, необходимым для эффективного реагирования на климатические вызовы; – Рост конкуренции; – Санкционное давление

Анализ проблем развития АПК в регионе дает возможность определить сдерживающие факторы развития комплекса и найти направления, которые могут преодолеть имеющиеся проблемы.

Остановимся на преимуществах, которые имеются у регионального АПК.

Во-первых, разнообразие производимой продукции, начиная от крупного рогатого скота, овцеводства, производство мяса птицы, добыча и переработка рыбной продукции.

Во-вторых, климатические условия позволяют круглогодично производить продукцию растениеводства благодаря парниковым хозяйствам (зелень, редис, помидоры и огурцы, клубника).

В-третьих, сельскохозяйственная продукция Дагестана является экологически чистой, что благоприятно влияет на приток покупателей и на развитие гастро-туризма.

В-четвертых, экологически чистая продукция конкурентоспособна на российском рынке, это

© Казибекова Н.А.

открывает новые возможности перед аграриями в получении субсидий и реализации продукции на национальном рынке.

Факторы, которые сдерживают дальнейшее развитие агропромышленного комплекса Дагестана являются:

1) устаревшая техника, которая давно изношена и требует замены;

2) экстенсивный способ ведения хозяйства;

3) нехватка хранилищ, что приводит к потери почти половины урожая;

4) недостаточное количество перерабатывающих предприятий и мини-заводов, которые могли бы частично восполнить дефицит крупных предприятий по переработке сельхозпродукции;

5) высокий риск природных катаклизмов, потопов, селей;

6) недостаток высококвалифицированных специалистов – агрономов, ветеринаров, зоотехников и др.;

7) рост конкуренции со стороны Азербайджана, Турции, Китая.

Агропромышленный комплекс Республики Дагестан обладает значительным потенциалом для роста и развития, особенно в контексте экспортных возможностей и грантовой поддержки.

Слабые стороны агропромышленного комплекса в Дагестане:

– низкая производительность труда;

– недостаточное техническое оснащение;

– отсутствие квалифицированных кадров;

– ограниченный доступ к финансированию, требующие тщательного анализа и решения [6].

Выработка стратегий и программ, направленных на преодоление этих проблем, является необходимостью для повышения конкурентоспособности региона и обеспечения устойчивого развития АПК в Дагестане.

Результаты.

На основе проведенного исследования и результатов SWOT-анализа выявлено, что для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства Дагестана необходимо подготовить локальные программы развития отрасли с учетом открывающихся возможностей и факторов, тормозящих развитие.

Принятие решений на основе данного анализа позволит создавать условия для повышения конкурентоспособности и стабилизации агросектора в регионе.

Таким образом, проанализировав условия развития агропромышленного комплекса Республики Дагестан, можно сделать вывод о том, что традиционное сельское хозяйство, в основе которого лежат многообразные агропроизводственные практики, представляет собой одну из ключевых опор для развития региональной экономики.

Вторым флагманским направлением развития экономики региона является туризм. Это самая быстроразвивающаяся и высокодоходная отрасль дагестанской экономики, при этом тесно связанная с сельским хозяйством, так как возрастающий поток туристов требует значительного увеличения количества продуктов питания. Формирование на территории республики туристического кластера приведет к решению ряда социально-экономических проблем (открытие новых рабочих мест, повышение доходов местных жителей, рост объемов налогов и др.) и развитию смежных отраслей (туристической и транспортной инфраструктуры, гостиничного бизнеса, открытие ресторанов и кофеен, инфраструктуры развлечений и сельского хозяйства).

На сегодняшний день Республика Дагестан готова предоставить не только традиционные виды туризма: пляжный отдых, спортивный, альпинистский, лечебный, в частности, стоматологический туризм, но и новые для региона виды – экотуризм, гастрономический, этнотуризм, апитерапия, энотерапия.

Дагестан привлекает туристов и отдыхающих своими живописными горами, недаром Дагестан называют второй Швейцарией, прекрасными древними постройками и историческими памятниками, самобытной культурой и, конечно, неповторимой кухней.

Дагестан обладает уникальными возможностями для развития туристической отрасли. Здесь находятся древнейшие города России, самобытная культура и традиции, заброшенные неповторимые аулы, живописные пляжи и заснеженные горы. Красоты дагестанской природы и архитектуры не оставляют равнодушными никого, жители России по достоинству оценили это направление отдыха [3].

У альпинистов особый интерес вызывают горные вершины, высотой от 2000 м до 4000 м, что предполагает развитие активного отдыха: альпинизма, горное лыжи, катание на санках и ватрушках, сноубординг.

В последние годы возрос интерес к Шалбуздагу – священной горе, высота которой достигает 4142 м. По мнению местных жителей, паломники, которым удается подняться на вершину, могут просить у горы исцеления и исполнения желаний.

Другая гора, притягивающая к себе туристов – Ахульго. Это историческое место в Унцукульском районе Дагестана, связано с именем Имама Шамиля [5].

Стремительному развитию туризма способствует активная инвестиционная политика, гарантированная поддержка руководства республики, создание благоприятных условий для развития отрасли [7].

© Казибекова Н.А.

Постепенно Дагестан превратился в один из самых востребованных для отдыха мест, и вошел в десятку главных направлений турпотока в стране. Объём услуг туристической индустрии только за 10 месяцев 2025 года превысил 20,6 млрд рублей.

Распространение получают новые маршруты, связанные с сельским туризмом и гастро-турами:

– посещение форелевых хозяйств в северной и южной части Дагестана;

– посещение аутентичных гостевых домов и небольших отелей в горной части республики;

– посещение водопадов и горных ущелий.

Появилась возможность познакомиться с традиционными блюдами народов Дагестана, в частности попробовать различные виды хинкала и урбеча, овечий сыр, курзе, чуду, свежайшие фрукты.

Интереснейшими являются этно-туры для желающих познакомиться с историческими памятниками и самобытной культурой местных жителей:

1. Южный Дагестан:

- г. Махачкала;
- г. Дербент;
- с. Ахты;
- Рутул;
- Цахур.

2. Северный Дагестан:

- г. Махачкала;
- Сулакский каньон;
- Пещера «Нохъо»;
- Туристической комплекс «Главрыба».

Следует понимать, что сельский туризм имеет свою специфику, так как он напрямую зависим от местных ресурсов, от транспортной доступности и развития туристической инфраструктуры. Развитие новых видов туризма благоприятно отражается на местном населении:

- появляются новые рабочие места,
- восстанавливаются гостевые дома,
- открываются фермерские хозяйства,
- восстанавливаются традиционные промыслы и ремесленные производства,
- развиваются знаменитые дагестанские бренды («Кикуни», «Гуниб», «Ириб», «КУМК», «Дидо» и др.)

Туризм приводит к положительным эффектам:

1) к росту туристического потока, что приводит к увеличению числа отдыхающих в сельской местности;

2) к развитию традиционных народных промыслов;

3) к снижению миграционных процессов, если раньше молодежь была вынуждена искать работу за пределами республики, то сейчас есть возможность создать рабочие места и закрепить население в сельской и горной местности;

4) к развитию инфраструктуры и повышению транспортной доступности, что снижает изолированность сельских территорий.

Таким образом создается эффект мультипликатора:

© Казибекова Н.А.

Предлагаем авторскую методику определения [1] одного из показателей экономической эффективности развития сельской местности через определение доли стоимости услуг туризма и продукции художественных промыслов в стоимости ВВП *i*-го сельского муниципалитета:

$$Si = \frac{Ti}{Ci},$$

где *Si* – доля стоимости услуг туризма и продукции художественных промыслов; *Ti* – стоимость услуг туризма и продукции художественных промыслов; *Ci* – стоимость ВВП в *t*-ом году *i*-го сельского муниципалитета.

Перед сельским хозяйством и АПК стоит важная задача – обеспечить качественным продовольствием жителей республики и туристов, приезжающих на отдых. Для решения этой задачи необходимо совершенствовать управление АПК (табл. 2).

Таблица 2

Основные направления совершенствования управления АПК

Направления	Содержание
Развитие человеческого капитала для сельской местности	– повышение качества подготовки специалистов сельского хозяйства в образовательных организациях; – совершенствование содержания программ подготовки сельскохозяйственных кадров; – повышение цифровой грамотности сельскохозяйственных специалистов и местного населения
Цифровая трансформация	– расширение применения технологии точного земледелия; – внедрение технологии блокчейн в сельском хозяйстве и логистике; – цифровизация логистики; – создание интегрированных платформ и мобильных приложений; – применение «умных технологий»; – обмен профессиональной информацией
Сотрудничество	– развитие экономических основ кооперации; – формирование производственных и перерабатывающих кластеров; – объединение малого бизнеса на селе; – подписание договоров сотрудничества на поставки продукции в соседние регионы
Проектное управление	– совершенствование методики проектного управления; – развитие проектов государственно-частного партнёрства; – проектное исполнение государственных программ

Создание человеческого капитала для сельской местности позволит повысить эффективность работы и приведет к устойчивому развитию АПК в целом. Внедрение системного подхода к обучению, повышению квалификации и постоянному развитию обеспечит региональную систему АПК квалифицированными кадрами, придаст необходимый уровень гибкости и адаптивности в условиях постоянных изменений внешней среды.

В современном агропромышленном комплексе внедрение цифровизации и новых технологий становится важным условием для повышения эффективности производства и управления. Цифровая экономика открывает новые возможности и для сельского хозяйства.

Современные методы и технологии (точечное земледелие, использование спутниковой навигации, летательные аппараты и др.) позволяют эффективно использовать имеющиеся преимущества и точно оценивать состояние рисовых чеков, садов, полей [4].

В Дагестане сохранилась высокая концентрация исторических и архитектурных памятников, представляющих значительную культурную ценность для развития туризма. При правильной организации и умелом управлении туризмом можно достичь баланса природоохранных, экологических и социальных интересов общества.

Для дальнейшего развития отрасли необходимо преодолеть некоторые факторы, способные тормозить развитие:

1. Неравномерное развитие туристической инфраструктуры в северной части республики (наиболее хорошо развита и привлекает огромное количество туристов) по сравнению с центральной и южной частью республики, где несмотря на большое количество достопримечательностей рост турпотока не велик.

2. Низкое качество оказываемых услуг и невысокий уровень комфортности отелей, пляжей и гостиниц, особенно в летний период, когда существуют перебои с водоснабжением и электроэнергией.

3. Необходимо создать всесезонные курорты и базы отдыха, так как почти весь турпоток приходится на летний период (почти 80%), объекты инфраструктуры простаивают, снижаются доходы, владельцы гостевых домов несут убытки или компенсируют их завышением цен в летний период. Применение гибкой ценовой политики помогло бы решить эту проблему. Формирование

© Казибекова Н.А.

всесезонного отдыха положительно скажется на многих факторах развития туризма в регионе и на повышении эффективности самой отрасли.

4. Многие туристы отмечают, что необходимо создать комфортные условия на пути популярных маршрутов:

- открыть благоустроенные кемпинг стоянки;
- обустроить глэмпинги с Wi-Fi, спортивными площадками, автостоянками и детскими площадками;
- комфортабельные заведения общественного питания и кафе в сельской местности;
- общественные туалеты и душевые кабины;
- обеспечение охраны территорий;
- прокат посуды, самоваров;
- аренда велосипедов и автотранспорта;
- беседки и мангальные (костровые) зоны.

Заключение.

Для эффективного использования взаимосвязи сельского хозяйства и туристической отрасли необходимо разработать региональные программы поддержки сельского и агротуризма (гранты, субсидии, льготное кредитование). Следующим шагом должны стать агро-туристические кластеры в наиболее подходящих, перспективных местах горных районов с живописными видами, экологически чистыми продуктами.

По нашему мнению, необходимо создать единый туристический бренд сельского туризма (брендом может стать горный мед, урбеч, сухофрукты, хинкал и др.) и продвигать этот бренд через интернет, выставки, фестивали, гастрономические мероприятия.

Сельское хозяйство и туризм обладают взаимодополняющим потенциалом, их взаимосвязь может обеспечить устойчивое развитие горных и сельских территорий республики, увеличить рост занятости местного населения и сохранить уникальную природу региона.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алиев М.А. Проблема экономической эффективности развития муниципалитетов горных территорий Республики Дагестан / М.А. Алиев, Н.А. Казибекова // Горизонты экономики. 2020. № 3(56). 37 с. EDN: UZCZES
2. Алтухов А.И. Продовольственная безопасность и импортозамещение – основные стратегические задачи современной аграрной политики / А.И. Алтухов, В.В. Дрокин, А.С. Журавлев // Экономика региона. 2015. № 3. С. 256–266. DOI: 10.17059/2015-3-21 EDN: UISFXF
3. Казибеков И.М. Сравнительные преимущества развития внутреннего туризма в Дагестане // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Социально-политические и экономические проблемы современной России». Махачкала : ДГПУ, 2023. С. 64–67. EDN: GSNGLV
4. Казибекова Н.А. Типология региональных систем АПК / Н.А. Казибекова, П.М. Кислицкий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. М., 2023. № 12. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-12-39-41 EDN: JNIBAE
5. Караханов М.Н. Проблемы обеспечения устойчивого развития туризма в Дагестане / М.Н. Караханов, Т.Я. Яхъяев // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социально-политические и экономические проблемы современной России». Махачкала : ДГПУ, 2024. С. 97–102.
6. Юзбеков З.К. Анализ региональных особенностей социально-экономического развития / З.К. Юзбеков, А.Т. Амиров, Р.А. Амиров // Мониторинг. Наука и технологии. 2020. № 1(43). С. 103–106. DOI: 10.25714/MNT.2020.43.013 EDN: ZEUQEY
7. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма». URL : https: // base.garant.ru/403336467
8. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.». URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648

References:

1. Aliev M.A. The problem of economic efficiency in the development of municipalities in the mountainous territories of the Republic of Dagestan / M.A. Aliev, N.A. Kazibekova // Horizons of Economics. 2020. № 3(56). 37 p. EDN: UZCCES

© Казибекова Н.А.

2. Altukhov A.I. Food security and import substitution are the main strategic objectives of modern agrarian policy / A.I. Altukhov, V.V. Drokin, A.S. Zhuravlev // Economics of the Region. 2015. № 3. P. 256–266. DOI: 10.17059/2015-3-21 EDN: UISFXF
3. Kazibekov I.M. Comparative advantages of domestic tourism development in Dagestan // Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference «Socio-political and economic problems of modern Russia». Makhachkala : DSPU, 2023. P. 64–67. EDN: GSN GLV
4. Kazibekova N.A. Typology of regional agricultural systems / N.A. Kazibekova, P.M. Kislitsky // Economics of agricultural and processing enterprises. M., 2023. № 12. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-12-39-41 EDN: JNIBAE
5. Karakhanov M.N. Problems of ensuring sustainable tourism development in Dagestan / M.N. Karakhanov, T.Ya. Yakhyaev // Materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference «Socio-political and economic problems of modern Russia». Makhachkala : DGPU, 2024. P. 97–102.
6. Yuzbekov Z.K. Analysis of regional features of socio-economic development / Z.K. Yuzbekov, A.T. Amirov, R.A. Amirov // Monitoring. Science and technology. 2020. № 1(43). P. 103–106. DOI: 10.25714/MNT. 2020.43.013 EDN: ZEUQEY
7. Decree of the Government of the Russian Federation № 2439 dated December 24, 2021 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Development of Tourism». URL : https://base.garant.ru/403336467
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019 No. 2129-r «On the Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035». URL : https:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648

Информация об авторе

Казибекова Наида Аликулиевна
кандидат экономических наук,
профессор общеуниверситетской кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова
ORCID iD: 009-005-3127-3321
naida_econom@mail.ru

Naida A. Kazibekova
Candidate of Economic Sciences,
Professor of the General University Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
named After R. Gamzatov
ORCID iD: 009-005-3127-3321
naida_econom@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Казибекова Н.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-16
УДК 332

Attribution
cc by

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ниязова И.М.
Институт общественного здоровья и цифровой медицины
Тюменского государственного медицинского университета
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. В статье исследуется влияние эмоционального интеллекта медицинских работников на удовлетворенность пациентов медицинской помощью в контексте экономической эффективности деятельности медицинской организации. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта персонала и удовлетворенностью пациентов медицинской помощью, а также в обосновании управленческих механизмов повышения результативности учреждения здравоохранения. Удовлетворенность пациентов в контексте настоящего исследования рассматривается как один из ключевых индикаторов качества медицинской помощи. Методологическую основу составили теоретический анализ научной литературы, социологический опрос 300 медицинских работников и 300 пациентов, применение психодиагностических методик «ЭмИн» Д.В. Люсина и Н. Холла, а также корреляционный анализ данных. Результаты проведенного исследования показали, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с более высокой удовлетворенностью пациентов, лучшей коммуникацией, снижением числа жалоб и более устойчивыми кадровыми показателями. Полученные выводы подтверждают, что развитие эмоционального интеллекта может рассматриваться как инструмент снижения организационных издержек и повышения качества медицинских услуг.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, удовлетворенность пациентов медицинской помощью, качество медицинской помощи, медицинская организация, экономическая эффективность, профессиональное выгорание, управление персоналом.

***Финансирование**:* инициативная работа

Original article

EMOTIONAL INTELLIGENCE OF MEDICAL WORKERS AS A FACTOR OF ECONOMIC EFFICIENCY OF A MEDICAL ORGANIZATION

Irina M. Niyazova
Institute of Public Health and Digital Medicine
Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. This article investigates the impact of medical workers' emotional intelligence on patient satisfaction with healthcare services within the context of the economic efficiency of a medical organization. The study aims to identify the relationship between the staff's emotional intelligence level and patient satisfaction with medical care, as well as to justify managerial mechanisms for enhancing the performance of healthcare institutions. Patient satisfaction, in the context of this research, is considered a key indicator of healthcare quality. The methodological basis includes a theoretical analysis of scientific literature, a sociological survey of 300 medical workers and 300 patients, the application of psychodiagnostic methods, specifically D.V. Lyusin's «EmIn» and N. Hall's questionnaire, and correlational data analysis. The results demonstrated that a high level of emotional intelligence is associated with increased patient satisfaction, improved communication, a reduction in the number of complaints, and more stable staffing indicators. The findings confirm that developing emotional intelligence can be considered a tool for reducing organizational costs and enhancing the quality of medical services.

Keywords: emotional intelligence, patient satisfaction with healthcare, healthcare quality, medical organization, economic efficiency, professional burnout, personnel management.

***Funding**:* Independent work.

© Ниязова И.М.

Введение

В современных условиях функционирования системы здравоохранения качество медицинской помощи все в большей степени определяется не только клиническими результатами, но и уровнем удовлетворенности пациентов медицинской помощью [1; 2; 3].

Для экономического анализа данная категория имеет самостоятельное значение, поскольку удовлетворенность пациентов влияет на репутацию учреждения, повторные обращения, уровень жалоб, текучесть кадров и общую эффективность использования ресурсов [4].

Одним из показателей эффективности Национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» является достижение к концу 2030 года уровня удовлетворенности населения медицинской помощью не менее 55 % [5].

По результатам всероссийского мониторинга общей удовлетворенности населения медицинской помощью в Российской Федерации, проведенного ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, ее уровень в 2023 году составил 47,6 %, в 2024 году – 53,9 %. Различный уровень удовлетворенности наблюдается по федеральным округам: наиболее низкое значение наблюдается в Дальневосточном федеральном округе, наиболее высокое – в Северо-Западном федеральном округе [2] (табл. 1).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности населения медицинской помощью в Российской Федерации (среднее значение за 2023–2024 годы)

Федеральный округ	Уровень удовлетворенности (%)	Сравнение с уровнем по РФ (%)
Северо-Западный федеральный округ	53,7	105,9
Южный федеральный округ	53,5	105,5
Северо-Кавказский федеральный округ	52,7	103,9
Приволжский федеральный округ	51,6	101,8
Уральский федеральный округ	51,5	101,6
Центральный федеральный округ	49,6	97,8
Сибирский федеральный округ	47,5	93,7
Дальневосточный федеральный округ	45,4	89,5
Российская Федерация	50,7	100

Существенный вклад в наблюдаемый рост уровня удовлетворенности населения оказанной медицинской помощью за последние годы во многом обусловлен реализацией национальных проектов. Однако достижение дальнейшего повышения удовлетворенности при текущих мерах становится все более затруднительным.

Следовательно, актуализируется задача разработки и имплементации новых методов и инструментов контроля качества медицинской помощи и обеспечения экономической устойчивости системы здравоохранения. Решение данной задачи требует системного, междисциплинарного подхода для достижения устойчивого развития [6].

Одним из таких факторов значимым является эмоциональный интеллект медицинских работников. Под эмоциональным интеллектом понимается умение распознавать, понимать и контролировать как свои собственные эмоции, так и эмоции других людей, использовать эмоциональную информацию в процессе взаимодействия и принятия решений.

В профессиональной деятельности врача, медицинской сестры и младшего медицинского персонала эмоциональный интеллект становится важнейшим ресурсом, влияющим на характер контакта с пациентом, уровень доверия, психологический комфорт и приверженность лечению [7].

С экономической точки зрения, эмоциональный интеллект следует рассматривать не как абстрактную психологическую характеристику, а как управляемый фактор повышения эффективности учреждения. Недостаточная эмоциональная компетентность персонала может приводить к конфликтам, жалобам, снижению лояльности пациентов, росту нагрузки на административные службы и увеличению скрытых издержек, связанных с повторными обращениями и ухудшением качества сервиса [8]. Напротив, развитый эмоциональный интеллект способствует формированию доверительных отношений, уменьшению эмоционального напряжения и повышению общей результативности медицинского обслуживания [7].

В условиях жесткой конкуренции за пациента на рынке медицинских услуг возрастает значение сервисной составляющей, а кадровые и организационные риски требуют более внимательного отношения к человеческому фактору [2].

В этих условиях, изучение влияния эмоционального интеллекта на удовлетворенность пациентов приобретает не только психологическое, но и экономическое значение [9].

Высокий эмоциональный интеллект медицинских работников повышает лояльность пациентов, увеличивает возвратность, защищает персонал от выгорания и предотвращает дорогостоящие конфликты, трансформируя эмпатию во вполне

© Ниязова И.М.

измеримые финансовые показатели медицинской организации [10]. Данные показатели могут быть проанализированы посредством ключевых метрик, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Влияние эмоционального интеллекта медицинских работников на показатели медицинской организации

Показатели и выгоды развития эмоционального интеллекта	Стратегические преимущества и операционная эффективность	Обоснование и примеры применения эмоционального интеллекта
Рост лояльности и доверия пациентов	Увеличение конверсии и повторных визитов	Пациенты оценивают не только профессионализм врача, но и уровень комфорта, безопасности. Эмпатичный медработник снижает уровень тревожности, что повышает приверженность лечению [11]
	Управление нелинейными каналами распространения информации	В медицине отзывы лежат в основе репутации. Врач с высоким эмоциональным интеллектом умеет конструктивно отрабатывать возражения, что уменьшает количество негативных отзывов и привлекает новых клиентов [12]
Снижение прямых финансовых издержек (эмоциональный менеджмент)	Профилактика врачебных ошибок	Стресс и усталость снижают концентрацию. Высокий эмоциональный интеллект выступает защитным буфером от синдрома эмоционального выгорания [13]
	Сокращение судебных издержек	Большинство жалоб и судебных исков связано с грубостью, невнимательностью или нарушением коммуникации между врачом и пациентом. Навыки саморегуляции и социальной адаптации предотвращают эскалацию любых конфликтов [14]
Оптимизация работы коллектива и снижение текучести кадров	Удержание ценных кадров	Дефицит квалифицированных медицинских работников является острой проблемой для многих медицинских учреждений. Эмоционально зрелые руководители клиник и HR-отделы создают здоровую рабочую среду, что снижает текучесть кадров [15]
	Слаженность кросс-функционального взаимодействия	Высокий эмоциональный интеллект обеспечивает комфортный микроклимат при работе в команде, ускоряя внутренние бизнес-процессы [16]

Целью исследования является определение взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта медицинских работников и удовлетворенностью пациентов медицинской помощью, а также управленческого и экономического значение развития эмоциональных компетенций медицинского персонала.

Объект исследования – эмоциональный интеллект медицинских работников, предмет – влияние эмоционального интеллекта на удовлетворенность пациентов медицинской помощью.

Гипотеза исследования заключается в том, что высокий уровень эмоционального интеллекта медицинских работников связан с более эффективными коммуникативными стратегиями и более высокой удовлетворенностью пациентов, а развитая эмпатия и саморегуляция способствуют повышению приверженности лечению и позитивной оценке оказанной помощи.

Обсуждение.

Эмоциональный интеллект в профессиональной среде медицинских работников является многокомпонентным явлением, включающим осознание эмоций, управление ими, эмпатию и социальные навыки.

В зарубежных исследованиях наиболее известны модели Дж. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо, Д. Гоулмана и Р. Бар Она.

В отечественной научной традиции значительный вклад внесли Д.В. Люсин, И.Н. Андреева, Е.А. Сергиенко и другие авторы. Несмотря на различия в подходах, большинство исследователей сходятся в том, что эмоциональный интеллект является важным фактором адаптации, профессиональной устойчивости и эффективного межличностного взаимодействия.

Эмоциональный интеллект сотрудников оказывает существенное влияние на организационные показатели медицинских учреждений. Низкий уровень эмоционального интеллекта ведет к росту конфликтов с пациентами, внутриколлективной декоммуникации, профессиональному выгоранию и текучести кадров, что увеличивает операционные издержки (привлечение и обучение персонала, снижение производительности, ухудшение качества услуг) [17].

На уровень эмоционального интеллекта влияет совокупность факторов:

– профессиональная подготовка;

– личностные особенности;

– опыт;

– организационная среда;

– психологический климат.

© Ниязова И.М.

Частота эмоционально напряженных контактов в медицинской деятельности повышает значимость саморегуляции и эмпатии.

Следовательно, эмоциональный интеллект является управляемым элементом кадрового потенциала, требующим целенаправленного развития.

В ходе исследования для оценки эмоционального интеллекта были применены методика «ЭмИн» Д.В. Люсина [18] и методика Н. Холла [19].

Методика «ЭмИн» направлена на диагностику межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта.

Методика Н. Холла оценивает такие компоненты эмоционального интеллекта, как эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия и способность распознавать эмоции других людей.

Использование двух методик повысило надежность эмпирических результатов и позволило получить более многомерную картину.

В качестве эмпирической базы исследования выступила крупная многопрофильная медицинская организация. Выборочную совокупность составили 300 медицинских работников и 300 пациентов. Такая база исследования особенно ценна для анализа, поскольку крупное учреждение здравоохранения наиболее чувствительно к кадровым рискам, нагрузке персонала и качеству сервисного взаимодействия.

На первом этапе была проведена оценка уровня эмоционального интеллекта различных категорий медицинского персонала по методикам Н. Холла и Д.В. Люсина.

По методике Н. Холла врачи продемонстрировали наиболее высокий уровень эмоционального интеллекта со результатом 68,4 балла, средний медицинский персонал показал результат в 61,7 баллов, младший медицинский персонал продемонстрировал самый низкий результат – 52,3 балла. Полученные результаты по оценочной шкале соответствуют среднему уровню развития эмоционального интеллекта во всех категориях медицинского персонала.

По методике «ЭмИн» Д.В. Люсина врачи также демонстрируют наивысший уровень эмоционального интеллекта (98 баллов), за ними следует младший медицинский персонал (89,5 баллов), а средний медицинский персонал имеет наименьший показатель (85,5 баллов).

Также была изучена выраженность эмоционального интеллекта медицинского персонала по различным шкалам по методике оценки эмоционального интеллекта Н. Холла и Д.В. Люсина.

Результаты исследования по методике Н. Холла представлены в таблице 3.

Таблица 3

Выраженность эмоционального интеллекта у медицинских работников (по методике Н. Холла)

Шкалы эмоционального интеллекта	Категории персонала								
	Врачи (n = 100)			Средний медицинский персонал (n = 100)			Младший медицинский персонал (n = 100)		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Эмоциональная осведомленность*	25	59	16	32	51	17	35	50	15
Управление своими эмоциями*	47	49	4	43	53	4	40	50	10
Самомотивация*	22	63	15	32	51	17	38	47	15
Эмпатия*	29	55	16	28	55	17	40	40	20
Управление эмоциями других*	27	65	8	32	60	8	35	50	15
Интегративный показатель ЭИ**	31	57	12	34	53	13	38	50	12

* Нормативные показатели: 14 и более баллов – высокий уровень, 8–13 баллов – средний, 7 и менее баллов – низкий;
** Нормативные показатели: 70 и более баллов – высокий уровень, 40–69 баллов – средний, 39 и менее баллов – низкий.

Результаты исследования показали, что у большинства медицинских работников преобладает средний уровень эмоционального интеллекта по большинству шкал.

Врачи превосходят другие категории медицинского персонала по уровню эмоциональной осведомленности и самомотивации, что коррелирует с уровнем их образования и профессиональной подготовкой.

Средний медицинский персонал имеет близкие к врачам показатели, в то время как у младшего медицинского персонала отмечается более гомогенное распределение, характеризующееся повышенной долей низких значений эмоционального интеллекта.

Управление эмоциями выступает наиболее проблемной составляющей эмоционального интеллекта для всех категорий персонала, что может быть обусловлено высоким уровнем профессионального стресса.

Шкала «Эмпатия» имеет относительно высокие показатели у всех групп, однако, у младшего

© Ниязова И.М.

медперсонала отмечается неоднородность распределения, требующая развития соответствующих компетенций для обеспечения высокого уровня эмпатии и качества ухода за пациентами. Интегративный показатель эмоционального интеллекта также преимущественно средний, с небольшой долей респондентов (12–13 %) с высоким уровнем, что указывает на значительный потенциал для дальнейшего развития.

Высокие когнитивные и коммуникативные требования к врачам могут объяснять их более высокие показатели эмоционального интеллекта. Проблемы с управлением собственными эмоциями у всех категорий персонала обусловлены стрессовой нагрузкой.

С позиции экономической эффективности, данный вывод важен по нескольким причинам.

Во-первых, эмоциональная саморегуляция персонала является предиктором качества коммуникации, что напрямую коррелирует с удовлетворенностью пациентов и их лояльностью.

Во-вторых, дефицит эмоциональной устойчивости увеличивает риск профессионального выгорания, что ведет к росту текучести кадров и снижению стабильности кадрового состава.

В-третьих, сотрудники развитым эмоциональным интеллектом лучше справляются с конфликтными ситуациями, снижаю тем самым нагрузку на управленческий персонал и уменьшая количество претензий со стороны пациентов.

Результаты исследования по методике Д.В. Люсина представлены в таблице 4.

Таблица 4

Выраженность эмоционального интеллекта у медицинских работников (по методике Д.В. Люсина)

Шкала	Уровень	Врачи	Средний медицинский персонал	Младший медицинский персонал
Межличностный эмоциональный интеллект	Низкий	10	20,4	14,5
	Средний	60,1	57,1	54,5
	Высокий	30	22,5	31
Внутриличностный эмоциональный интеллект	Низкий	7,6	16,3	7,3
	Средний	53,2	51	47,3
	Высокий	40,1	32,7	45,4
Понимание эмоций	Низкий	12	24,5	16,4
	Средний	54	49	50,9
	Высокий	34,7	26,5	32,7
Управление эмоциями	Низкий	6,3	14,3	9,1
	Средний	54	55,1	50,9
	Высокий	40,1	30,6	40
Общий эмоциональный интеллект (нормированные значение)	Низкий	8	20,4	10,9
	Средний	52	51	49,1
	Высокий	40,1	28,6	40

Результаты исследования показали преобладание среднего уровня эмоционального интеллекта во всех категориях медицинского персонала, что свидетельствует о наличии базовых навыков эмоциональной компетентности. Однако наблюдаются существенные различия между категориями персонала.

Врачи демонстрируют наивысшие результаты в сфере эмоционального интеллекта, превосходя прочие категории медицинского персонала по таким показателям, как внутриличностный и общий эмоциональный интеллект, а также умению управлять эмоциями. Это связано с более высоким уровнем образования и профессиональным опытом.

У среднего медицинского персонала определены самые низкие показатели по всем шкалам, что подчеркивает важность развития этой компетенции.

У младшего медицинского персонала результаты по шкалам внутриличностного и общего эмоционального интеллекта приближены к показателям врачей. Этот может быть обусловлена более тесным и прямым взаимодействием с пациентами, которое стимулирует развитие эмоционального интеллекта.

Важной частью исследования являлось определение взаимосвязи между эмоциональным интеллектом медицинских работников и удовлетворенностью пациентов медицинской помощью. Для этого было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 300 пациентов. Были изучены показатели удовлетворенности пациентов медицинской помощью, такие как проявление сочувствия, комфортность общения, распознавание эмоционального состояния, эмоциональная поддержка и контроль эмоционального состояния, которые в последующем были применены при проведении корреляционного анализа.

Анализ показателя «Проявление сочувствия и понимания» (табл. 5) показал, что 77 % пациентов отмечают положительные характеристики взаимодействия. При этом обнаружены различия по половому признаку в восприятии: 42 % жен-

© Ниязова И.М.

щин против 36 % мужчин констатируют постоянное проявление эмпатии со стороны медицинского персонала.

Оценка комфортности общения (табл. 6) продемонстрировала, что 76 % респондентов чувствуют себя комфортно во время взаимодействия с медработниками. Женская часть выборки проявила большую чувствительность к эмоциональному аспекту коммуникации – 47 % женщин отметили очень высокий уровень комфорта против 36 % мужчин.

Таблица 5

Доля проявления сочувствия и понимания

Варианты ответов	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всегда	120	40	80	42	40	36
Часто	110	37	70	37	40	36
Редко	50	17	30	16	20	18
Никогда	20	6	10	5	10	9

Таблица 6

Комфортность общения с персоналом

Варианты ответов	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Очень комфортно	130	43	90	47	40	36
Скорее комфортно	100	33	60	32	40	36
Скорее некомфортно	50	17	30	16	20	18
Совершенно некомфортно	20	7	10	5	10	9

Особый интерес представляют данные о способности медицинского персонала распознавать эмоциональное состояние пациентов (табл. 7). Только 30 % респондентов (с перевесом женских оценок – 32 % против 27 %) констатируют постоянное понимание их эмоций со стороны медработников, в то время как 47 % отмечают лишь частичное распознавание.

Таблица 7

Распознавание эмоционального состояния

Варианты ответов	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Да, всегда	90	30	60	32	30	27
Иногда	140	47	90	47	50	45
Редко	50	17	30	16	20	18
Нет, никогда	20	6	10	5	10	9

В контексте эмоциональной поддержки, выявлено, что 70 % пациентов получают ее в достаточном объеме, с сохранением гендерного дисбаланса в оценках (29 % женщин против 23 % мужчин отмечают постоянную поддержку) (табл. 8). При этом каждый четвертый пациент указывает на дефицит такого рода поддержки.

Таблица 8

Эмоциональная поддержка

Варианты ответов	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Постоянно	80	27 %	55	29 %	25	23 %
Периодически	130	43 %	85	45 %	45	41 %
Редко	70	23 %	40	21 %	30	27 %
Никогда	20	7 %	10	5 %	10	9 %

Данные о способности медицинских работников контролировать свои эмоции (табл. 9) в целом выглядят положительно: 76 % респондентов отметили полный или частичный эмоциональный самоконтроль персонала.

Несмотря на это, наблюдается определенный дисбаланс в оценках респондентов: 37 % женщин считают, что медицинские работники полностью контролируют свои эмоции, в то время, как только 27 % мужчин оценивают ситуацию также.

Результаты исследования показали существенное влияние эмоционального взаимодействия медицинского персонала и пациентов на субъективную оценку пациентами качества лечения и сервисной составляющей.

© Ниязова И.М.

Установлено, что эмпатия и поддержка играют ключевую роль для большинства пациентов, причем женщины предъявляют к ним более высокие требования, что подчеркивает необходимость дифференциации сервисных стратегий с учетом гендерных различий.

Таблица 9

Контроль эмоций медицинским работником

Варианты ответов	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Да	100	33 %	70	37 %	30	27 %
Скорее да	130	43 %	85	45 %	45	41 %
Скорее нет	50	17 %	25	13 %	23	23 %
Никогда	20	7 %	10	5 %	10	9 %

Недостаточная оценка эмоционального компонента помощи частью пациентов открывает возможности для повышения качества сервиса с помощью организационных и кадровых решений, не требующих значительных материальных затрат.

Высокий эмоциональный интеллект сотрудников с точки зрения экономики позволяет снизить косвенные издержки учреждения. К ним относятся уменьшение числа повторных обращений, сокращение жалоб, повышение лояльности пациентов к лечению, снижение конфликтов и расходов, связанных с профессиональным выгоранием и текучестью кадров.

Реализация этих направлений приведет к повышению эффективности работы и уменьшению финансовой нагрузки на организацию.

Таким образом, развитие эмоционального интеллекта выполняет не столько гуманитарную, сколько выраженную ресурсосберегающую функцию.

Результаты.

Количественная оценка установленных закономерностей осуществлялась посредством применения корреляционного анализа с использованием коэффициента Пирсона (табл. 10). Анализируемая выборка была сформирована из 300 сотрудников и 300 пациентов.

Таблица 10

Корреляционная матрица эмоционального интеллекта и удовлетворенности пациентов медицинской помощью

Шкалы эмоционального интеллекта	Показатели удовлетворенности пациентов медицинской помощью	r-Пирсона	p-значение
Эмоциональная осведомленность	Комфортность общения	0,6	0,001
Управление эмоциями	Контроль эмоционального состояния	0,7	0,000
Эмпатия	Проявление сочувствия	0,6	0,001
Самомотивация	Эмоциональная поддержка	0,5	0,005
Межличностный эмоциональный интеллект	Распознавание эмоционального состояния	0,5	0,012

Выявлены статистически значимые положительные корреляции между компонентами эмоционального интеллекта медицинских работников и удовлетворенностью пациентов.

Наиболее сильная связь установлена между управлением эмоциями и контролем эмоционального состояния ($r = 0,7$; $p < 0,001$), что подчеркивает их роль в формировании комфортной атмосферы.

По шкалам эмоциональная осведомленность и эмпатия также определена высокая корреляция ($r = 0,6$, $p < 0,001$), подтверждающая их роль в комфортности общения и проявлении сочувствия.

Умеренная связь определена между шкалой самомотивации и эмоциональной поддержкой ($r = 0,5$), а также шкалой межличностного эмоционального интеллекта и распознаванием эмоций ($r = 0,5$).

На заключительном этапе исследования были рассчитаны корреляционные связи отдельно для каждой категории персонала (врачи, средний и младший медицинский персонал). Результаты представлены в таблице 11.

Таблица 11

Корреляция эмоционального интеллекта по категориям медицинского персонала

Категория персонала	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)	Количественные показатели (по методике Н. Холла)
Врачи	0,7	$p \leq 0,01$	Уровень эмоционального интеллекта, удовлетворенность пациентов
Средний медицинский персонал	0,5	$p \leq 0,05$	Уровень эмоционального интеллекта, качество взаимодействия с пациентами
Младший медицинский персонал	0,4	$p \leq 0,05$	Уровень эмоционального интеллекта, качество ухода за пациентами

© Ниязова И.М.

Выявлена прямая зависимость между эмоциональным интеллектом медицинских работников и удовлетворенностью пациентов с различиями по категориям персонала. У врачей корреляционная связь оказалась сильной ($r = 0,7$, $p \leq 0,01$), у среднего медицинского персонала – умеренной ($r = 0,5$, $p \leq 0,05$), у младшего медицинского персонала – слабой, но все же статистически значимой ($r = 0,4$, $p \leq 0,05$).

Результаты исследования подтверждают важность развития эмоционального интеллекта у медицинских работников с помощью специальных образовательных, психологических и наставнических программ.

Особое внимание следует уделить младшему медицинскому персоналу, чьи низкие показатели указывают на потребность в углубленной психолого-коммуникативной подготовке.

Эмоциональный интеллект следует рассматривать не как абстрактную характеристику, а как действенный инструмент повышения удовлетворенности пациентов, влияющий на их комфорт, эмоциональное состояние и качество медицинской помощи.

Интеграция развития эмоционального интеллекта в систему профессиональной подготовки является научно обоснованной стратегией совершенствования системы здравоохранения.

Заключение.

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о том, что эмоциональный интеллект оказывает влияние на удовлетворенность пациентов медицинской помощью.

Установлена значимая связь между уровнем эмоционального интеллекта и эффективностью профессионального взаимодействия, а также уровнем удовлетворенности пациентов.

Наиболее выраженный эмоциональный интеллект отмечен у врачей, однако дефицит его отдельных компонентов обнаружен у всех категорий персонала, обуславливая необходимость систематического развития эмоциональной компетентности (саморегуляция, эмпатия, коммуникация, управление стрессом).

Полученные результаты позволяют определить ряд перспективных направлений управленческих решений.

Эмоциональный интеллект должен быть интегрирован в систему оценки качества персонала наравне с профессиональными и клиническими компетенциями.

Развитие эмоционального интеллекта персонала способствует снижению конфликтности и, как следствие, текучести кадров, что повысит эффективность управления ресурсами организации. Это открывает возможность рассматривать развитие эмоционального интеллекта как инструмент повышения качества медицинской помощи и укрепления стабильности работы медицинской организации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Удовлетворенность населения как критерий качества медицинской помощи / Е.В. Завалева [и др.] // Вестник Росздравнадзора. 2025. № 5. Ч. 1. С. 60–65. EDN IMRQLX
2. Фисенко В.С. Анализ уровня удовлетворенности населения медицинской помощью в Российской Федерации за 2023–2024 гг. / В.С. Фисенко [и др.] // Вестник Росздравнадзора. 2025. № 2. С. 79–86. EDN KUFCMX
3. Удовлетворенность государственной поликлиникой: интегральная оценка мнений пациентов и медицинского персонала. Пилотное исследование / Е.А. Добрецова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2025. Т. 71. № 3. DOI 10.21045/2071-5021-2025-71-3-16 EDN YYUXXM
4. Исаева Э.Л. Эффективность использования ресурсов в системе здравоохранения на региональном уровне: анализ экономических показателей и пути оптимизации / Э.Л. Исаева, Р.С. Мерскаева // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 13. № 5(158). С. 141–147. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.13.015 EDN IFLHSM
5. Правительство РФ. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». URL : http://government.ru/rugovclassifier/917/about (дата обращения 06.06.2026).
6. Мировой опыт мониторинга удовлетворенности медицинской помощью: аналитический обзор / Д.С. Тюфилин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32. № 2. С. 215–222. DOI 10.32687/0869-866X-2024-32-2-215-222 EDN FONYQX

© Ниязова И.М.

7. Неугодникова Е.В. Эмоциональный интеллект медицинских работников как фактор, оказывающий влияние на качество медицинской помощи // Неделя молодежной науки – 2024: материалы Всероссийского научного форума с Международным участием, посвященного 300-летию РАН (Тюмень, 30 марта 2024 г.). Тюмень, 2024. 271 с. EDN NMCPJT
8. Влияние эмоционального интеллекта руководителя на экономические показатели деятельности компании / А.В. Фетисова [и др.] // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 226–231. DOI: 10.24412/2782-3849-2025-12-226-231 EDN BZEAHZ
9. Бабарико К.Р. Комплексное изучение удовлетворенности пациентов амбулаторной и стационарной медицинской помощью в городе Тюмени / К.Р. Бабарико, Е.В. Бота, Ю.И. Казанцева // Неделя молодежной науки – 2024: материалы Всероссийского научного форума с Международным участием, посвященного 300-летию РАН (Тюмень, 30 марта 2024 г.). Тюмень, 2024. С. 276–277. EDN GPBKGB
10. Федулева Д.А. Оценка удовлетворенности пациентов как инструмент управления качеством в организации здравоохранения // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2025. № 6(87). С. 289–295. EDN JFFXGQ
11. Пациентоцентричный подход в медицинских организациях, оказывающих помощь в амбулаторных условиях, в России: исследование ключевых аспектов удовлетворенности пациентов и восприятия системы здравоохранения / М.В. Велданова [и др.] // Общественное здоровье. 2025. Т. 5. № 1. С. 19–30. DOI 10.21045/2782-1676-2025-5-1-19-30 EDN MXBGCK
12. Как уровень эмоционального интеллекта врачей влияет на внедрение человекоцентричной модели здравоохранения / О.В. Быстрова [и др.] // Инновационное развитие врача. 2024. № 2. С. 39–48. DOI: 10.24412/cl-37091-2024-2-39-48 EDN QACAJL
13. Çubukçu U.E. Assessing the role of emotional intelligence in reducing job stress and enhancing performance of health professionals / U.E. Çubukçu, M. Akbolat, B. Uysal // The Manager. 2025. Vol. 16. № 4. P. 101–117. DOI 10.29141/2218-5003-2025-16-4-7 EDN ZRBKDH
14. Kulkova I. Employee' assessment of conflict factors in the organization: healthcare companies case study / I. Kulkova, I. Niyazova // VIII International Scientific and Practical Conference 'Current problems of social and labour relations' (ISPC-CPSLR 2020): Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, 17–18 декабря 2020 года. Amsterdam : Atlantis Press, 2021. Vol. 527. P. 428–432. DOI: 10.2991/assehr.k.210322.153 EDN ABLNCA
15. Винокурова А.С. Экономические аспекты кадрового дефицита в здравоохранении и пути его преодоления / А.С. Винокурова, Е.С. Лопатина, О.В. Сударева // Дневник науки. 2025. № 11(107). EDN FUQSCJ
16. Эмоциональный интеллект у медицинских сотрудников и его роль в межличностных отношениях на рабочем месте / П.А. Кисляков [и др.] // Пожарная и аварийная безопасность. 2025. № 3(38). С. 31–37. EDN KFXJQX
17. Ниязова И.М. Предупреждение конфликта в организации как фактор повышения финансовой и хозяйственной устойчивости предприятий // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия: Сборник статей XX Международной научно-практической конференции (Пенза, 19–20 февраля 2021 г.). Пенза, 2021. С. 78–82. EDN THCYGS
18. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22. EDN VZMIFN
19. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2010. 784 с. ISBN 978-5-4237-0059-1 EDN SDPWLP

References:

1. Population Satisfaction as a Criterion of Medical Care Quality / E.V. Zavaleva [et al.] // Bulletin of Roszdravnadzor. 2025. № 5. Part 1. P. 60–65. EDN IMRQLX
2. Fisenko V.S. Analysis of the Level of Population Satisfaction with Medical Care in the Russian Federation for 2023–2024 / V.S. Fisenko [et al.] // Bulletin of Roszdravnadzor. 2025. № 2. P. 79–86. EDN KUFCMX
3. Satisfaction with a State Polyclinic: An Integral Assessment of Patients' and Medical Personnel's Opinions. A Pilot Study / E.A. Dobretsova [et al.] // Social Aspects of Population Health. 2025. T. 71. № 3. DOI: 10.21045/2071-5021-2025-71-3-16 EDN YYUXXM
4. Isaeva E.L. Efficiency of Resource Use in the Healthcare System at the Regional Level: Analysis of Economic Indicators and Optimization Paths / E.L. Isaeva, R.S. Merskaeva // Economy and Management: Problems, Solutions. 2025. Vol. 13. № 5(158). P. 141–147. DOI: 10.36871/ek.up.p.r. 2025.05.13.015 EDN IFLHSM
5. Government of the Russian Federation. National Project «Long and Active Life». URL : http://government.ru/rugovclassifier/917/about (date of application 6.06.2026).
6. Global Experience in Monitoring Satisfaction with Medical Care: An Analytical Review / D.S. Tyufilin [et al.] // Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine. 2024. Vol. 32. № 2. P. 215–222. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-2-215-222 EDN FONYQX
7. Neugodnikova E.V. Emotional intelligence of medical workers as a factor influencing the quality of medical care // Youth Science Week – 2024: Proceedings of the All-Russian Scientific Forum with International Participation, dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, March 30, 2024). Tyumen, 2024. 271 p. EDN NMCPJT
8. The influence of the emotional intelligence of the manager on the economic performance of the company / A.V. Fetisova [et al.] // International Scientific Bulletin. 2025. № 12. P. 226–231. DOI 10.24412/2782-3849-2025-12-226-231 EDN BZEAHZ

© Ниязова И.М.

9. Babariko K.R. A comprehensive study of patient satisfaction with outpatient and inpatient medical care in the city of Tyumen / K.R. Babariko, E.V. Bota, Yu.I. Kazantseva // Youth Science Week – 2024: Proceedings of the All-Russian Scientific Forum with International Participation, dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, March 30, 2024). Tyumen, 2024. P. 276–277. EDN GPBKGB
10. Feduleva D.A. Patient Satisfaction Assessment as a Quality Management Tool in a Healthcare Organization // Information and Economic Aspects of Standardization and Technical Regulation. 2025. № 6(87). P. 289–295. EDN JFFXGQ
11. Patient-Centered Approach in Medical Organizations Providing Outpatient Care in Russia: A Study of Key Aspects of Patient Satisfaction and Perception of the Healthcare System / M.V. Veldanova [et al.] // Public Health. 2025. Vol. 5. № 1. P. 19–30. DOI 10.21045/2782-1676-2025-5-1-19-30 EDN MXBGCK
12. How the Level of Physicians' Emotional Intelligence Affects the Implementation of a Human-Centered Healthcare Model / O.V. Bystrova [et al.] // Innovative Development of a Physician. 2024. № 2. P. 39–48. DOI: 10.24412/cl-37091-2024-2-39-48 EDN QACAJL
13. Çubukçu U.E. Assessing the role of emotional intelligence in reducing job stress and enhancing performance of health professionals / U.E. Çubukçu, M. Akbolat, B. Uysal // The Manager. 2025. Vol. 16. № 4. P. 101–117. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-4-7 EDN ZRBKDH
14. Kulkova I. Employee' assessment of conflict factors in the organization: healthcare companies case study / I. Kulkova, I. Niyazova // VIII International Scientific and Practical Conference «Current problems of social and labour relations» (ISPC-CPSLR 2020) : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, 17–18 декабря 2020 года. Amsterdam : Atlantis Press, 2021. Vol. 527. P. 428–432. DOI: 10.2991/assehr.k.210322.153 EDN ABLNCA
15. Vinokurova A.S. Economic Aspects of the Personnel Shortage in Healthcare and Ways to Overcome It / A.S. Vinokurova, E.S. Lopatina, O.V. Sudareva // Science Diary. 2025. № 11(107). EDN FUQSCJ
16. Emotional Intelligence in Medical Personnel and Its Role in Interpersonal Relationships in the Workplace / P.A. Kislyakov [et al.] // Fire and Emergency Safety. 2025. № 3(38). P. 31–37. EDN KFXJQX
17. Niyazova I.M. Conflict Prevention in an Organization as a Factor in Increasing the Financial and Economic Stability of Enterprises // Experience and Problems of Reforming the Management System at a Modern Enterprise: Tactics and Strategy: Collection of Articles from the XX International Scientific and Practical Conference (Penza, February 19–20, 2021). Penza, 2021. P. 78–82. EDN THCYGS
18. Lyusin D.V. A New Methodology for Measuring Emotional Intelligence: the EmIn Questionnaire // Psychological Diagnostics. 2006. № 4. P. 3–22. EDN VZMIFN
19. Ilyin E.P. Emotions and Feelings. 2nd ed. StPb. : Piter, 2010. 784 p. ISBN 978-5-4237-0059-1 EDN SDPWLP

Информация об авторе

Ниязова Ирина Мансуровна
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра общественного здоровья
и здравоохранения,
Институт общественного здоровья
и цифровой медицины
Тюменского государственного медицинского
университета Министерства здравоохранения
Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0002-9350-0797
niyazovai@mail.ru

Irina M. Niyazova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Public Health and Healthcare,
Institute of Public Health and Digital Medicine
Tyumen State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-9350-0797
niyazovai@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Ниязова И.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-18
УДК 336.74, 336.3

Attribution
cc by

ЭМИТЕНТЫ СТЕЙБЛКОИНОВ КАК НОВАЯ КАТЕГОРИЯ ДЕРЖАТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА США

Переседов А.М.[1], Харабадзе Н.В.[2]
[1]Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово Московской области,
[2]Центральный банк Российской Федерации

Аннотация. В условиях динамичного развития области обращения цифровой валюты, эмитенты долларовых стейблкоинов всё больше превращаются в заметную категорию держателей государственного долга США, что закономерно может иметь последствия для долгового рынка и устойчивости долларовой валютной системы. Целью исследования является обоснование выделения эмитентов стейблкоинов в самостоятельный тип держателей суверенного долга, отличный от фондов денежного рынка и официальных держателей, а также построение концептуальной модели, описывающей, как рост эмиссии стейблкоинов и спрос на казначейские векселя усиливают друг друга. Методологической базой исследования выступает анализ отчётности крупнейших эмитентов стейблкоинов, данных о структуре держателей казначейских векселей и оценок Международного валютного фонда и Банка международных расчётов, а также типологизация и концептуальное моделирование. Проведенная работа позволила обосновать, что спрос эмитентов стейблкоинов на казначейские векселя производен от эмиссии квазиденежных обязательств и малочувствителен к доходности базового актива, а также зафиксировать асимметрию влияния притока и оттока средств на доходности векселей; предложить типологию держателей короткого суверенного долга и модель самоподдерживающегося контура.

Ключевые слова: стейблкоины, государственный долг США, казначейские векселя, цифровая долларизация, финансовая устойчивость.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ISSUERS OF STABLECOINS AS A NEW CATEGORY OF HOLDERS OF US GOVERNMENT DEBT

Alexey M. Peresedov[1], Nodar V. Kharabadze[2]
[1]branch of the Russian State University for the Humanities in Domodedovo, Moscow region,
[2]Central Bank of the Russian Federation

Abstract. In the context of the dynamic development of the field of digital currency circulation, issuers of dollar stablecoins are increasingly becoming a significant category of holders of US government debt, which can naturally have consequences for the debt market and the stability of the dollar currency system.The purpose of the study is to substantiate the separation of stablecoin issuers into an independent type of sovereign debt holders, different from money market funds and official holders, as well as to build a conceptual model describing how the growth of stablecoin issuance and demand for treasury bills reinforce each other. The research methodology is an analysis of the reports of the largest issuers of stablecoins, data on the structure of holders of treasury bills and estimates of the International Monetary Fund and the Bank for International Settlements, as well as typologization and conceptual modeling. The work carried out made it possible to substantiate that the demand of stablecoin issuers for treasury bills is derived from the issue of quasi-monetary obligations and is insensitive to the yield of the underlying asset, as well as to fix the asymmetry of the influence of inflows and outflows of funds on the yield of bills; to propose a typology of holders of short-term sovereign debt and a self-sustaining contour model.

Keywords: stablecoins, US government debt, Treasury bills, digital dollarization, financial stability.

***Funding**:* Independent work.

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

Введение.

К сентябрю 2025 года совокупная эмиссия стейблкоинов достигла примерно 300 млрд долл. США. Несмотря на скромность относительно размеров традиционного рынка следует обратить внимание на то, что крупнейшие эмитенты стейблкоинов (Tether и Circle), на токены которых приходится порядка 90 % рынка, размещают резервы преимущественно в краткосрочных казначейских обязательствах США и в сделках обратного РЕПО под их обеспечение; на сектор уже приходится около 2 % рынка казначейских векселей [1]. Иначе говоря, долговой рынок крупнейшего суверенного заёмщика получил нового структурного покупателя, выросшего за пределами банковской системы, индустрии коллективных инвестиций и официального сектора.

Спрос покупателя на государственные бумаги не является результатом инвестиционного решения в привычном смысле: он производен от эмиссии собственных обязательств, которые функционируют как частные квазиденьги. Ни модель институционального инвестора, максимизирующего доходность при заданном риске, ни модель официального держателя, управляющего резервами из соображений политики, такое поведение не описывают.

Между тем, от того, как именно устроен этот спрос, зависит ответ на вопрос, выходящий далеко за рамки криптовалютной проблематики: укрепляет ли цифровая форма долларизации существующую валютную систему или подтачивает её, создавая иллюзию дополнительной опоры.

Ранняя систематизация рисков и регуляторных развилок дана в работе, выполненной ещё до основного цикла роста рынка [2]. Юридико-экономическая линия представлена, прежде всего, G. Gorton и J. Zhang, которые уподобили стейблкоины частным банкнотам эпохи «дикой» банковской свободы XIX в. и на этом основании потребовали распространения на эмитентов банковского регулирования [3].

В докладах Международного валютного фонда (далее – МВФ) [4; 5; 6], Банка международных расчетов (далее – БМР) [7, 8], Совета по финансовой стабильности [9] и Комитета по платежам и рыночным инфраструктурам [10] детально описываются риски и регуляторные подходы, однако вопрос о месте эмитентов в структуре держателей суверенного долга затрагивает скорее попутно.

В отечественной литературе природа и классификация стейблкоинов рассмотрены представителями преимущественно экономической науки, например, Д.А. Кочергиным, Т.А. Горбачевой, В.В. Ивановым, Р.К. Нурмухаметов [11; 12; 13]. Также труды отдельных исследователей посвящены смежным темам: эволюции денежных систем в связи с появлением частных цифровых денег [14], сценариям трансформации мировой валютно-финансовой системы [15]. Связка «стейблкоины – рынок государственного долга – устойчивость долларовой системы» при этом остаётся малоисследованной.

Учитывая изложенное, в настоящей статье ставится цель – определить экономическое содержание и макроэкономические последствия формирования спроса эмитентов стейблкоинов на государственный долг США.

Гипотеза настоящей работы: спрос эмитентов стейблкоинов на казначейские векселя носит структурный, а не конъюнктурный характер, однако, его стабилизирующий вклад в долларовую систему асимметричен – выгоды распределены во времени равномерно, а издержки сконцентрированы в хвостовых сценариях.

Методология.

Доказательная база работы намеренно ограничена проверяемыми первичными данными и охватывает период с 2020 по 2025 годы – от начала заметного роста долларовых стейблкоинов до оформления специальных регуляторных режимов в крупнейших юрисдикциях.

Сведения о структуре обеспечения взяты из аттестованной отчётности двух ведущих эмитентов: заключений аудиторской компании «BDO Global» по резервам Tether [19] и данных консалтинговой компании Deloitte по резервам Circle, агрегированных в докладе МВФ.

Состав держателей казначейских векселей восстановлен по материалам Федеральной резервной системы и Казначейства США, приводимым там же, а оценки трансграничных потоков и эффектов на доходности – по рабочим документам МВФ и БМР.

Опорной аналитической рамкой служат доклады международных организаций – МВФ, БМР и Совета по финансовой стабильности, фиксирующие согласованную картину рисков и регуляторных подходов.

Исследование опирается на типологизацию, концептуальное моделирование и описательно-сопоставительный анализ. Типологизация держателей короткого суверенного долга по мотиву спроса, регуляторной заданности портфеля и триггерам ликвидации позволяет отделить эмитентов стейблкоинов от смежных категорий. Концептуальное моделирование объединяет наблюдаемые связи в единый контур эмиссии и спроса на векселя, сравнительно-правовой анализ режимов США, ЕС, Великобритании и Японии сопоставляет юридический статус инструмента и его эмитента, а описательное статистическое сопоставление готовых показателей служит оценке масштаба явления.

Обсуждение. Результаты.

Для начала отметим, что экономическая идентификация стейблкоина затруднена тем, что он

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

собран из узнаваемых уже ставших традиционными элементов, не совпадая целиком ни с одним из прототипов. Эмитентом выступает частная компания, номиналом служит существующая валюта, стабилизация достигается резервированием обязательств краткосрочными ликвидными активами в соотношении 1:1, прямое вознаграждение держателям отсутствует, а переводимость носит одноранговый характер: токены перемещаются через публичный блокчейн, потенциально в глобальном масштабе [1]. Каждый признак по отдельности встречается у депозитов, электронных денег или паёв фондов денежного рынка. Комбинация не встречается нигде. Сама по себе токенизация при этом не меняет фундаментальных экономических характеристик актива – она меняет инфраструктуру его учёта и передачи [16], поэтому источник своеобразия стейблкоина следует искать не в технологии, а в сочетании платёжной функции с моделью резервирования.

Сопоставление с ближайшими аналогами удобно свести в таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление стейблкоинов со смежными формами денег и квазиденег

Признак	Стейблкоин	Депозит до востребования	Пай фонда денежного рынка (CNAV)	Электронные деньги
Эмитент	Частный (нефинансовая или финансовая компания)	Банк	Управляющая компания	Частный оператор
Механизм стабилизации стоимости	Резервирование 1:1 краткосрочными ликвидными активами; права погашения ограничены	Регулирование, страхование депозитов, доступ к ликвидности центрального банка	Регулирование, инструменты управления ликвидностью	Сегрегация клиентских средств
Вознаграждение держателя	Отсутствует (напрямую)	Возможно	Да	Зависит от регулирования
Переводимость	Одноранговая и через посредников, глобальная	Через банк	Практически отсутствует	Внутри закрытой системы эмитента

***Источник**:* Составлено авторами на основе концептуальной рамки сопоставления форм денег и квазиденег [1].

Из таблицы видно, почему попытки растворить стейблкоин в существующих категориях дают натяжки. Наиболее распространённая в литературе трактовка – «токенизированный фонд денежного рынка»: и тот и другой держат короткие государственные бумаги, поддерживают паритет с долларом США и могут ограничивать погашение. Сходство действительно велико, и сам МВФ признаёт государственные фонды денежного рынка ближайшим экономическим родственником стейблкоинов [1]. И всё же отождествление представляется ошибкой. Пай фонда – инвестиционный инструмент: он приносит доход, практически не переводится между лицами и приобретается ради доходности. Стейблкоин дохода не приносит (что обозначено в законах США [17]), зато переводится мгновенно; его держат ради платёжной и расчётной функции, а доход от резервов целиком присваивается эмитентом в виде маржи, которую уместно назвать сеньоражеподобной рентой. Различие мотивов держания – доходность против ликвидности – определяет принципиально разные профили спроса на базовый актив.

Вторая влиятельная аналогия принадлежит G. Gorton и J. Zhang: стейблкоины как современное издание частных банкнот американской «эпохи свободной банковской деятельности», обращавшихся с дисконтом к номиналу и регулярно становившихся объектом «набегов» (резкого увеличения количества лиц, желающих осуществить обмен стейблкоина на фиатную валюту) [3].

Историческая параллель в части уязвимости к «набегам» работает следующим образом: ограниченные права погашения (минимальные суммы, комиссии, обязательная регистрация на платформе эмитента) создают то самое преимущество первого, которое превращает кризис доверия в самосбывающийся прогноз. Однако вывод G. Gorton и J. Zhang о необходимости полного распространения банковского регулирования на эмитентов выглядит уже спорным. Банкноты частных банков обеспечивались неоднородными и зачастую неликвидными активами; современные регуляторные режимы, напротив, жёстко фиксируют состав резервов краткосрочными казначейскими бумагами [1]. Проблема стейблкоина – не качество обеспечения, а архитектура доступа к нему: даже безупречный резерв не спасает от «набега», если право обменять токен на доллар США по номиналу имеет лишь узкий круг зарегистрированных участников рынка, которые осуществляют деятельность в области арбитража [18]. Регулировать здесь следует, прежде всего, механизм погашения, а не воспроизводить банковскую рамку целиком.

Продуктивнее, на наш взгляд, третья аналогия – евродолларовая. Долларовый стейблкоин, как и

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

евродолларовый депозит 1960-х гг., представляет собой долларовое обязательство, созданное вне юрисдикции эмитента валюты и удовлетворяющее внешний спрос на доллар, который внутренняя финансовая система по разным причинам не обслуживает. Крупнейший эмитент, Tether, зарегистрирован в Сальвадоре [19]; формально это такой же «офшорный доллар», каким был лондонский евродоллар. Совпадает и макроэкономическая функция: расширение долларового оборота за периметром американского регулирования укрепляет сетевые позиции валюты, описанные B. Eichengreen в терминах «непомерной привилегии» [20]. Евродолларовая система строилась на частичном резервировании и мультипликации кредита; фиатно-обеспеченный стейблкоин – на полном резервировании, исключающем кредитную мультипликацию, но требующем постоянного связывания безопасных активов. Евродоллар был оптовым инструментом банков и корпораций; стейблкоин розничен и может проникать в экономики даже через смартфоны, минуя банковскую инфраструктуру [4]. Наконец, евродолларовые обязательства были непрозрачны для статистики по построению, тогда как обязательства эмитента стейблкоинов публично верифицируемы в каждый момент времени – непрозрачна лишь сторона держателей [21].

Сказанное позволяет зафиксировать первый элемент научной новизны: стейблкоины целесообразно рассматривать как самостоятельную категорию – частные офшорные квазиденьги с полным резервированием, у которых спрос на базовый безопасный актив производен от эмиссии собственных платёжных обязательств. Такая идентификация не совпадает ни с «фондовой», ни с «банкнотной» трактовками и, как будет показано далее, лучше объясняет наблюдаемое поведение сектора на долговом рынке.

Количественная сторона вопроса выглядит следующим образом. Совокупная эмиссия стейблкоинов достигла к сентябрю 2025 года порядка 300 млрд долл. США, удвоившись с 2024 года; капитализация двух крупнейших токенов (USDT и USDC), с 2023 года утроилась и составила 260 млрд долл. США [4]. Оборот торгов этими двумя токенами в 2024 году достиг 23 трлн долл., увеличившись на 90 % за год. На долларовые токены приходится 97 % эмиссии; евро-сегмент растёт быстро, но остаётся малым. Показательно при этом, что около 80 % транзакций совершается ботами и автоматизированными системами в целях арбитража и ребалансировки [1]: рынок пока обслуживает преимущественно криптовалютную торговлю, и его платёжная экспансия – дело будущего, хотя трансграничные переводы в стейблкоинах уже в начале 2022 года превысили по объёму переводы в необеспеченных криптоактивах [21].

Структура резервов крупнейших эмитентов за последние годы заметно консервировалась (табл. 2). Резервы USDC на середину 2025 года состояли из краткосрочных казначейских векселей (около 40 %), однодневных сделок обратного РЕПО под обеспечение казначейскими бумагами (около 45 %) и депозитов в финансовых институтах; средневзвешенная срочность портфеля составляет 14 дней при доходности около 4 % годовых [1]. Tether держит около трёх четвертей резервов в краткосрочных казначейских обязательствах, включая позиции через обратное РЕПО, однако сохраняет примерно 20 % резервов в криптовалюте и золоте [19].

Таблица 2

Структура резервных активов USDT и USDC, 2021 и 2025 гг. (доля в резервах, %)

Компонент резервов	USDT, июнь 2021	USDT, июнь 2025	USDC, июнь 2021	USDC, июнь 2025
Казначейские векселя США и обратное РЕПО (прямые и опосредованные вложения)	Около 25	Около 78	Около 15	Около 85
Денежные средства и депозиты	Около 10	Менее 1	Около 45	Около 15
Коммерческие бумаги, корпоративные облигации, прочие краткосрочные активы и обеспеченные займы	Более 50	Около 10	Около 40	Менее 1
Нетипичные активы (биткойн, золото)	–	Около 11	–	–

***Источник**:* Составлено авторами по данным независимых аттестаций резервов: для USDT – отчёты BDO о финансовых показателях и резервах Tether по состоянию на 30 июня 2021 года и 30 июня 2025 года [19]; для USDC – отчётность Circle на те же даты, агрегированная в докладе зарубежных коллег (Adrian T., Bains P., Bechara M., Cerutti E., Forte S., Grinberg F., Gullo A., Hengge M., Jekabsone A., Kao K., Mancini Griffoli T., Martinez Peria S., Miccoli M., Reuter M., Sugimoto N.) [1].

Как уже упоминалось, в структуре держателей казначейских векселей сектор занимает пока скромное место: около 2 % рынка против лидирующих позиций фондов денежного рынка [1]. Но скорость имеет значение: эта доля выросла практически с нуля за пять лет, причём без како-

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

го-либо целенаправленного стимулирования со стороны заёмщика. Сам крупнейший эмитент оценивает свой вес ещё смелее. По аттестации BDO за третий квартал 2025 года, совокупная прямая и опосредованная экспозиция Tether к казначейским обязательствам достигла исторического максимума около 135 млрд долл. США, что, по заявлению компании, соответствует семнадцатому месту среди держателей государственного долга США, выше Южной Кореи, Германии, Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов [19]. К сопоставлению следует относиться с осторожностью: эмитент сравнивает собственную совокупную экспозицию, включающую позиции через обратное РЕПО и фонды денежного рынка, со страновой статистикой Казначейства США, построенной по иной методологии, причём сравнение публикуется в очевидно рекламных целях. И всё же даже с поправкой на несопоставимость рядов факт остаётся красноречивым: частный эмитент квазиденег вошёл в круг держателей американского долга, традиционно состоявший из государств и крупнейших институциональных инвесторов.

Прогнозы дальнейшего роста расходятся в семь с лишним раз: от 0,5 трлн долл. США (консервативная банковская оценка) до 3,7 трлн долл. США к 2030 году, с промежуточными оценками около 1,5–2 трлн долл. США [1]. Однако для целей настоящей работы достаточно констатации диапазона: нижняя его граница консервирует за сектором роль «нишевого» держателя, верхняя – выводит эмитентов стейблкоинов в один ряд с фондами денежного рынка, то есть делает их системно значимой категорией покупателей короткого долга.

Чем же эта категория отличается от существующих? Ответ возможно построить как типологию держателей краткосрочного суверенного долга по четырём основаниям: мотиву спроса, эластичности спроса по доходности, степени регуляторной заданности портфеля и триггерам вынужденной ликвидации. Фонды денежного рынка предъявляют инвестиционный спрос: их пайщики ищут доходность при сохранности, поэтому спрос фондов на векселя эластичен по относительной доходности инструментов и подвижен между сегментами рынка; триггером ликвидации служат изъятия пайщиков, чувствительные к ставкам. Иностранные официальные держатели руководствуются мотивами резервной политики; их спрос малоэластичен по доходности, но определяется соображениями, внешними по отношению к долговому рынку, – от валютных интервенций до геополитики. Банковский спрос задан нормативами ликвидности и залоговыми потребностями, то есть регуляторно, и реагирует на доходность лишь в заданных нормативами пределах. Эмитенты стейблкоинов не похожи ни на одну из этих групп. Их спрос пассивен и производен: вексель покупается не потому, что привлекателен, а потому, что выпущен токен, который чем-то надо обеспечить, причём состав допустимого обеспечения всё жёстче фиксируется регулированием: американский закон GENIUS Act [17] и европейский регламент MiCA [22] прямо ограничивают резервы короткими государственными инструментами, денежными средствами и обратным РЕПО. По доходности базового актива такой спрос практически неэластичен: доход резервов достаётся эмитенту как рента, и при любой положительной ставке бизнес-модель сохраняется. Зато триггер ликвидации у сектора уникален: это «набег» держателей токенов, событие, по своей природе не связанное с конъюнктурой долгового рынка и потому непредсказуемое для него. Эта конфигурация означает, что рынок векселей приобрёл держателя с инвертированным по сравнению с привычным профилем: максимально стабильного в спокойные периоды (спрос растёт механически вместе с эмиссией токенов и не мигрирует в погоне за доходностью) и потенциально самого нестабильного в стрессовые (ликвидация не сдерживается ни нормативами, как у банков, ни политической инерцией, как у официальных держателей). Образно говоря, сектор является тихим покупателем и шумным продавцом.

Эмпирические оценки ценовых эффектов подтверждают именно такую характеристику. По расчётам R. Ahmed и I. Aldasoro, основанных на данных BMP, приток в стейблкоины в размере 3,5 млрд долл. США, сопровождающийся эквивалентной покупкой векселей, снижает доходности казначейских векселей примерно на 2 базисных пункта, тогда как отток того же масштаба повышает их на 6–8 базисных пунктов. Ценовая реакция при этом ограничена сегментом бумаг с ближайшими сроками погашения: на выпусках со сроками обращения от двух до пяти лет эффект практически не прослеживается, а для десятилетних оценивается как слабый и запаздывающий.

Сами авторы предупреждают, что их оценки могут терять надёжность при устойчиво высоких темпах роста сектора [7], и это предупреждение стоит принимать всерьёз: экстраполяция локальных эластичностей на рынок, выросший на порядок, методологически уязвима. Тем не менее сама асимметрия (реакция на отток в три-четыре раза сильнее реакции на приток) согласуется с теоретическим профилем сектора.

Механика стрессового сценария известна по двум эпизодам. В марте 2023 года USDC торговался на 12 % ниже паритета после краха Silicon Valley Bank, где Circle держала около 3,3 млрд. долл. США резервов; котировки оставались ниже номинала около двух суток, и восстановление произошло лишь после того, как Федеральная корпорация страхования депозитов гарантировала все депозиты рухнувшего банка [23]. Годом ранее, в мае 2022 года, кратковременную потерю привязки пережил USDT на волне краха алгоритмического стейблкоина TerraUSD [24]. Оба эпизода остались локальными, поскольку сектор был мал. При капитализации в триллионы долларов США аналогичный кризис доверия озна-

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

чал бы вынужденную продажу сотен миллиардов долларов США в векселях и закрытие позиций обратного РЕПО в горизонте часов, то есть давление на два рынка, образующих первое звено процентного канала трансмиссии денежно-кредитной политики.

МВФ прямо допускает, что серьёзное нарушение функционирования этих рынков потребовало бы вмешательства Федеральной резервной системы по образцу поддержки фондов денежного рынка в марте 2020 года [1]. Получается следующая конструкция: частный сектор присваивает ренту в нормальные времена, а хвостовой риск де-факто перекладывается на эмиссионный институт США. Это классическая асимметрия приватизированной прибыли и обобществлённого риска, хорошо знакомая по банковской истории.

Фискальная сторона вопроса двойственна. Сжатие доходностей на коротком конце снижает стоимость обслуживания долга и создаёт у заёмщика стимул наращивать именно вексельную эмиссию. Но смещение структуры долга к коротким срочностям повышает риск рефинансирования и чувствительность процентных расходов к будущим ставкам. Выгода, иными словами, оплачивается ростом зависимости бюджета от непрерывности спроса того самого сектора, чья надёжность в стрессе сомнительна. Здесь уместна полемика с двумя крайними позициями, оформившимися в дискуссии. Оптимистическая линия, представленная, в частности, казначейскими и рядом банковских прогнозов с ожиданиями рынка в 2-3,7 трлн долл. США [1], рассматривает стейблкоины как новую структурную опору спроса на американский долг и инструмент укрепления доллара. Более пессимистичная версия, восходящая к работе G. Gorton и J. Zhang [3], видит в том же обстоятельстве дестабилизирующий фактор денежной системы. Позиция авторов настоящего исследования состоит в том, что сама дихотомия поставлена неточно: стейблкоины являются опорой, цена которой – новый хвостовой риск, и содержательный вопрос заключается не в выборе между «пользой» и «вредом», а в том, какая регуляторная конструкция сохраняет первое, ограничивая второе.

Внешний контур явления образует цифровая долларизация. Стейблкоины устраняют главное историческое ограничение валютного замещения – потребность в физической наличности или банковском счёте в иностранной валюте: долларовое обязательство теперь доставляется через смартфон, работает круглосуточно и переводится трансгранично за минуты [4]. Потоки направлены преимущественно из Северной Америки в остальные регионы [21]; относительно ВВП использование наиболее заметно в Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, где накопленные запасы стейблкоинов достигли к 2024 году соответственно 1,5 и 2,7 % совокупных депозитов – против практически нулевых значений в 2020 году [1].

Можно предположить, что процесс будет избирательным: спрос концентрируется там, где высока инфляция, слабы институты или неэффективны платёжные системы [5]. Дополнительный канал – трансграничные платежи: на фоне мирового рынка трансграничных расчётов, приближающегося по объёму к квадриллиону долларов в год [25], потоки в стейблкоинах пока малы, но при стоимости отдельных коридоров денежных переводов до 20 % суммы [4] перевод через стейблкоины может обходиться в разы дешевле традиционных рельсов [15], хотя издержки «входа» и «выхода» в фиатную валюту способны съедать значительную часть выигрыша [26]. Известна и теневая сторона: стейблкоины используются для обхода мер управления потоками капитала и как площадка бегства капитала [27; 28], что повышает волатильность потоков именно в уязвимых экономиках.

Теперь можно собрать концептуальную модель, составляющую третье положение настоящей работы, – самоподдерживающийся контур долларовой экспансии.

Звено первое: внешний спрос на долларовую ликвидность (мотивы хеджирования инфляции, платежей, бегства от слабых валют) конвертируется в эмиссию стейблкоинов.

Звено второе: эмиссия механически порождает спрос на казначейские векселя, сжимающий доходности и удешевляющий заимствования суверена [7].

Звено третье: расширение долларового оборота через дешёвую и общедоступную цифровую оболочку усиливает сетевые экстерналии доллара, те самые, благодаря которым доля валюты в международных функциях кратно превышает вес американской экономики в мировом ВВП и торговле [20].

Звено четвёртое: укрепление сетевых позиций доллара повышает привлекательность долларовых стейблкоинов относительно любых альтернатив, замыкая контур на первое звено.

Перед нами «привилегия» в цифровой оболочке: она воспроизводит евродолларовый опыт второй половины XX в., когда офшорный рынок, выросший вне американского регулирования и поначалу воспринимавшийся как угроза, в итоге стал несущей конструкцией долларовой гегемонии.

Принципиальное отличие, однако, в том, где расположено слабое звено. Евродолларовая система опиралась на банки, имевшие доступ, пусть и опосредованный, к кредитору последней инстанции. Контур стейблкоинов опирается на механизм погашения с преимуществом первого и на асимметричную реакцию доходностей [18]: тот же канал, который в спокойное время укрепляет систему, в стрессе работает на разрыв, причём реакция доходностей на отток в разы сильнее реакции на приток [7].

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

Устойчивость контура, таким образом, упирается в регулирование, и сложившаяся к настоящему времени картина не внушает уверенности. В ряде юрисдикций уже действуют или достраиваются специальные режимы:

– американский закон фиксирует состав резервов и требует политики своевременного погашения [17];

– европейский регламент устанавливает количественные пороги значимости, повышенные требования к значимым эмитентам и право надзорных органов приостанавливать погашение в интересах финансовой стабильности [22];

– японская модель ограничивает круг эмитентов лицензированными институтами [1];

– британский проект для системных стерлинговых эмитентов предполагает размещение не менее 40 % резервов на счетах центрального банка [29].

Сравнительный анализ, выполненный МВФ, показывает расхождения по существенным параметрам: допуску иностранных эмитентов, срокам и комиссиям погашения, приоритету требований держателей при несостоятельности.

Для трансграничного, по своей природе, инструмента такие расхождения означают возможность регуляторного арбитража: держатели мигрируют с запросами на погашение в наиболее благоприятные юрисдикции, а эмитенты – с регистрацией в наименее требовательные [1].

Слабое звено контура, иначе говоря, лежит не внутри отдельных национальных режимов, а в зазорах между ними; в этом смысле судьба долларовой цифровой экспансии решается в большей степени международной координацией, чем каким-либо национальным законом в отдельности.

За этими расхождениями стоит более глубокая неопределённость – правовая природа самого инструмента. Требование держателя к эмитенту нигде не приравнено к банковскому вкладу: и американский закон, и европейский регламент выводят платёжный стейблкоин из категорий депозита, ценной бумаги и инструмента коллективного инвестирования [17; 22]. Дальше квалификации расходятся – регламент ЕС делит инструмент на «токены электронных денег» и «токены, обеспеченные активами» [22], японская модель относит его к «электронным платёжным средствам» [1], а в Великобритании вопрос оставался предметом консультаций [29]. Право погашения по номиналу предусмотрено везде, но наполняется по-разному – от безусловного погашения без комиссий по регламенту ЕС до простой обязанности раскрывать его политику по американскому закону [1; 17; 22]. Содержание требования задаётся, таким образом, не природой инструмента, а конкретным режимом, что и оправдывает обособление стейблкоина в самостоятельную категорию.

Положение эмитента очерчено жёстче, и здесь юридические конструкции прямо обслуживают устойчивость контура. Лицензируется он не как универсальный банк, а как специально уполномоченный эмитент, обособленная банковская дочерняя структура или эмитент токенов электронных денег; сквозные требования при этом совпадают – полное резервирование, сегрегация резервов, раскрытие и аудит обеспечения, запрет на прямое вознаграждение держателей [1, 17, 22]. Решающим оказывается то, как право распределяет риск при несостоятельности. Американский закон напрямую изменил законодательство о банкротстве, поставив требования держателей к резервным активам впереди всех прочих необеспеченных кредиторов и даже расходов на саму процедуру [17], а европейский регламент достигает близкого через сегрегацию резервов от конкурсной массы [22]. Различие техники не схоластично: такой приоритет делает держателя привилегированным кредитором и гасит стимул к «набегу», работая амортизатором того преимущества первого, которое иначе подталкивает выходить раньше других. Эти же межюрисдикционные расхождения и образуют правовые зазоры, питающие регуляторный арбитраж.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие результаты в привязке к поставленным задачам.

Во-первых, стейблкоины обоснованы как самостоятельная экономическая категория – частные офшорные квазиденьги с полным резервированием. Распространённые трактовки через аналогию с фондами денежного рынка или частными банкнотами XIX в. схватывают отдельные свойства, но игнорируют определяющее: спрос эмитента на базовый безопасный актив производен от эмиссии платёжных обязательств и потому подчинён логике, отличной и от инвестиционной, и от банковской.

Во-вторых, охарактеризованы масштаб и структура явления: при совокупной эмиссии порядка 300 млрд долл. США и доле около 2 % рынка казначейских векселей сектор остаётся нишевым держателем, однако диапазон официальных и частных прогнозов на 2030 год (0,5–3,7 трлн долл. США) допускает его превращение в категорию, сопоставимую с фондами денежного рынка. Гипотеза настоящей работы в части структурного характера спроса подтверждается: спрос задан регуляторно фиксируемой моделью резервирования, неэластичен по доходности и растёт вместе с эмиссией токенов независимо от конъюнктуры долгового рынка.

В-третьих, предложена типология держателей короткого суверенного долга по мотиву спроса, эластичности по доходности, регуляторной за-

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

данности портфеля и триггерам ликвидации. Эмитенты стейблкоинов образуют в ней особый тип с инвертированным профилем: предельно стабильный покупатель в нормальные периоды и носитель наиболее резкого ликвидационного риска в стрессовые, что согласуется с эмпирически зафиксированной асимметрией реакции доходностей на приток и отток средств.

В-четвёртых, описан самоподдерживающийся контур «внешний спрос на доллар – эмиссия стейблкоинов – спрос на векселя – сетевые экстерналии доллара», воспроизводящий евродолларовую логику укрепления валютной гегемонии, но с иной локализацией уязвимости: слабым звеном выступает механизм погашения с преимуществом первого и регуляторные зазоры между юрисдикциями. Подтверждается и вторая часть выдвигаемой гипотезы: выгоды контура распределены во времени, издержки сконцентрированы в хвостовых сценариях и частично переложены на публичный сектор.

Ограничения работы очерчены её методом: описательные сопоставления не заменяют причинной идентификации, а ненаблюдаемость резидентности держателей токенов делает оценки географии спроса условными. Отсюда вытекают и направления дальнейших исследований: эконометрическая верификация звеньев контура на расширяющихся данных, моделирование стрессовых сценариев при различных масштабах сектора и анализ распределительных эффектов цифровой долларизации для экономик с формирующимися рынками.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Understanding Stablecoins. IMF Departmental Paper / T. Adrian [et al.]. Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. 52 p. DOI: 10.5089/9798229024075.087 EDN: FCGWYR
2. Arner D.W. Stablecoins: Risks, Potential and Regulation / D.W. Arner, R. Auer, J. Frost // BIS Working Papers. 2020. № 905. Basel: Bank for International Settlements. 31 p. DOI: 10.2139/ssrn.3979495
3. Gorton G.B. Taming Wildcat Stablecoins / G.B. Gorton, J.Y. Zhang // University of Chicago Law Review. 2023. Vol. 90. № 4. P. 909–971.
4. Adrian T. How Stablecoins Can Improve Payments and Global Finance / T. Adrian, M. Miccoli, N. Sugimoto // IMF Blog. 2025. 4 December. URL : imf.org/en/blogs/articles/2025/12/04/how-stablecoins-can-improve-payments-and-global-finance
5. International Monetary Fund. Elements of Effective Policies for Crypto Assets // IMF Policy Paper. 2023. № 2023/004. Washington, DC: IMF. 43 p. DOI: 10.5089/9798400234392.007
6. International Monetary Fund, Financial Stability Board. Policies for Crypto-Assets: IMF-FSB Synthesis Paper. Basel; Washington, DC, 2023. 53 p.
7. Ahmed R., Aldasoro I. Stablecoins and Safe Asset Prices // BIS Working Papers. 2025. № 1270. Basel : Bank for International Settlements. 54 p.
8. Bank for International Settlements. The Next-Generation Monetary and Financial System // BIS Annual Economic Report 2025. Basel : BIS, 2025. Part III. 38 p.
9. Financial Stability Board. High-Level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements: Final Report. Basel : FSB, 2023. 24 p.
10. Committee on Payments and Market Infrastructures. Considerations for the Use of Stablecoin Arrangements in Cross-Border Payments // CPMI Papers. 2023. № 220. Basel: Bank for International Settlements. 24 p.
11. Кочергин Д.А. Экономическая природа и классификация стейблкойнов // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 6. С. 140–160. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-140-160 EDN: UCMFJI
12. Горбачева Т.А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет // Финансовый журнал. 2022. № 1. С. 126–139. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-126-139 EDN: GDYMXL
13. Иванов В.В. Содержание и экономическая природа стейблкоинов / В.В. Иванов, Р.К. Нурмухаметов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 1. С. 73–82. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-1-73-82 EDN: EUGQPA
14. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения : учебник / Л.Н. Красавина [и др.]. 5-е изд.; Пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2020. 534 с.
15. On-chain Foreign Exchange and Cross-border Payments / A. Adams [et al.]. 2023. 26 p. DOI: 10.2139/ssrn.4328948

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

16. Tokenization and Financial Market Inefficiencies / I. Agur [et al.] // IMF Fintech Note. 2025. № 2025/001. Washington, DC : IMF. 33 p. DOI: 10.5089/9798400298905.063 EDN: YZJFPZ
17. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act of 2025 (GENIUS Act): Public Law № 119-27. Washington, DC, 2025.
18. Ma Y. Stablecoin Runs and the Centralization of Arbitrage / Y. Ma, Y. Zeng, A.L. Zhang // NBER Working Paper. 2025. № 33882. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 63 p. DOI: 10.3386/w33882
19. Tether Attestation Reports Q1–Q3 2025: Profit Surpassing $10B, Record Levels in U.S. Treasuries Exposure // Tether.io. 2025. 31 October. URL : tether.io/news/tether-attestation-reports-q1-q3-2025-profit-surpassing-10b-record-levels-in-us-treasuries-exposure-accelerating-usdt-supply-amidst-worlds-macroeconomic-uncertainty/.
20. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System. New-York : Oxford University Press, 2011. 215 p.
21. Reuter M. Decrypting Crypto: How to Estimate International Stablecoin Flows // IMF Working Paper. 2025. № WP/2025/141. Washington, DC: IMF. 55 p. DOI: 10.5089/9798229016186.001 EDN: NSNENV
22. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-Assets, and Amending Regulations (EU) № 1093/2010 and (EU) № 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Brussels, 2023.
23. USDC stablecoin depegs 12 % on SVB collapse // etfstream.com/articles/usdc-stablecoin-depegs-12-on-svb-collapse.
24. Anatomy of a Stablecoin's Failure: The Terra-Luna Case / A. Briola [et al.] // Finance Research Letters. 2023. Vol. 51. 17 p. DOI: 10.1016/j.frl.2022.103358 EDN: AYVXHG
25. Cerutti E. Global Cross-Border Payments: A $1 Quadrillion Evolving Market? / E. Cerutti, M. Firat, M. Hengge // IMF Working Paper. 2025. № WP/2025/120. Washington, DC: IMF. 53 p. DOI: 10.5089/9798229013505.001 EDN: HSPROM
26. Bains P., Ismail A., Melo F., Sugimoto N. Regulating the Crypto Ecosystem: The Case of Stablecoins and Arrangements // IMF Fintech Note. 2022. № 2022/008. Washington, DC: IMF. 45 p. DOI: 10.5089/9798400221675.063 EDN: VONWQU
27. Graf von Luckner C.M., Koepke R., Sgherri S. Crypto as a Marketplace for Capital Flight // IMF Working Paper. 2024. № WP/24/133. Washington, DC: IMF. 42 p. DOI: 10.5089/9798400279348.001 EDN: NOJVRA
28. Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets / D. He [et al.] // IMF Fintech Note. 2022. № 2022/005. Washington, DC: IMF. 33 p.
29. Bank of England. Proposed Regulatory Regime for Sterling-Denominated Systemic Stablecoins: Consultation Paper. London : Bank of England, 2025. URL : bankofengland.co.uk/paper/2025/cp/proposed-regulatory-regime-for-sterling-denominated-systemic-stablecoins

References:

1. Understanding Stablecoins. IMF Departmental Paper / T. Adrian [et al.]. Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. 52 p. DOI: 10.5089/9798229024075.087 EDN: FCGWYR
2. Arner D.W. Stablecoins: Risks, Potential and Regulation / D.W. Arner, R. Auer, J. Frost // BIS Working Papers. 2020. № 905. Basel: Bank for International Settlements. 31 p. DOI: 10.2139/ssrn.3979495
3. Gorton G.B. Taming Wildcat Stablecoins / G.B. Gorton, J.Y. Zhang // University of Chicago Law Review. 2023. Vol. 90. № 4. P. 909–971.
4. Adrian T. How Stablecoins Can Improve Payments and Global Finance / T. Adrian, M. Miccoli, N. Sugimoto // IMF Blog. 2025. 4 December. URL : imf.org/en/blogs/articles/2025/12/04/how-stablecoins-can-improve-payments-and-global-finance
5. International Monetary Fund. Elements of Effective Policies for Crypto Assets // IMF Policy Paper. 2023. № 2023/004. Washington, DC: IMF. 43 p. DOI: 10.5089/9798400234392.007
6. International Monetary Fund, Financial Stability Board. Policies for Crypto-Assets: IMF-FSB Synthesis Paper. Basel; Washington, DC, 2023. 53 p.
7. Ahmed R., Aldasoro I. Stablecoins and Safe Asset Prices // BIS Working Papers. 2025. № 1270. Basel : Bank for International Settlements. 54 p.
8. Bank for International Settlements. The Next-Generation Monetary and Financial System // BIS Annual Economic Report 2025. Basel : BIS, 2025. Part III. 38 p.
9. Financial Stability Board. High-Level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements: Final Report. Basel : FSB, 2023. 24 p.
10. Committee on Payments and Market Infrastructures. Considerations for the Use of Stablecoin Arrangements in Cross-Border Payments // CPMI Papers. 2023. № 220. Basel: Bank for International Settlements. 24 p.
11. Kochergin D.A. Economic nature and classification of stablecoins // Finance: Theory and Practice. 2020. Vol. 24. № 6. P. 140–160. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-140-160 EDN: UCMFJI
12. Gorbacheva T.A. The concept of stablecoins and the current state of the stablecoin market // Financial Journal. 2022. № 1. P. 126–139. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-126-139 EDN: GDYMXL
13. Ivanov V.V. The Content and Economic Nature of Stablecoins / V.V. Ivanov, R.K. Nurmukhametov // Corporate Governance and Innovative Development of the Northern Economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2020. № 1. P. 73–82. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-1-73-82 EDN: EUGQPA
14. International Monetary, Credit and Financial Relations : textbook / L.N. Krasavina [et al.]. 5th ed.; Transl. and addition. M. : Yurait Publishing House, 2020. 534 p.

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

15. On-chain Foreign Exchange and Cross-border Payments / A. Adams [et al.]. 2023. 26 p. DOI: 10.2139/ssrn.4328948
16. Tokenization and Financial Market Inefficiencies / I. Agur [et al.] // IMF Fintech Note. 2025. № 2025/001. Washington, DC : IMF. 33 p. DOI: 10.5089/9798400298905.063 EDN: YZJFPZ
17. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act of 2025 (GENIUS Act): Public Law № 119-27. Washington, DC, 2025.
18. Ma Y. Stablecoin Runs and the Centralization of Arbitrage / Y. Ma, Y. Zeng, A.L. Zhang // NBER Working Paper. 2025. № 33882. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 63 p. DOI: 10.3386/w33882
19. Tether Attestation Reports Q1–Q3 2025: Profit Surpassing $10B, Record Levels in U.S. Treasuries Exposure // Tether.io. 2025. 31 October. URL : tether.io/news/tether-attestation-reports-q1-q3-2025-profit-surpassing-10b-record-levels-in-us-treasuries-exposure-accelerating-usdt-supply-amidst-worlds-macroeconomic-uncertainty/.
20. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System. New-York : Oxford University Press, 2011. 215 p.
21. Reuter M. Decrypting Crypto: How to Estimate International Stablecoin Flows // IMF Working Paper. 2025. № WP/2025/141. Washington, DC: IMF. 55 p. DOI: 10.5089/9798229016186.001 EDN: NSNENV
22. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-Assets, and Amending Regulations (EU) № 1093/2010 and (EU) № 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Brussels, 2023.
23. USDC stablecoin depegs 12 % on SVB collapse // etfstream.com/articles/usdc-stablecoin-depegs-12-on-svb-collapse.
24. Anatomy of a Stablecoin's Failure: The Terra-Luna Case / A. Briola [et al.] // Finance Research Letters. 2023. Vol. 51. 17 p. DOI: 10.1016/j.frl.2022.103358 EDN: AYVXHG
25. Cerutti E. Global Cross-Border Payments: A $1 Quadrillion Evolving Market? / E. Cerutti, M. Firat, M. Hengge // IMF Working Paper. 2025. № WP/2025/120. Washington, DC: IMF. 53 p. DOI: 10.5089/9798229013505.001 EDN: HSPROM
26. Bains P., Ismail A., Melo F., Sugimoto N. Regulating the Crypto Ecosystem: The Case of Stablecoins and Arrangements // IMF Fintech Note. 2022. № 2022/008. Washington, DC: IMF. 45 p. DOI: 10.5089/9798400221675.063 EDN: VONWQU
27. Graf von Luckner C.M., Koepke R., Sgherri S. Crypto as a Marketplace for Capital Flight // IMF Working Paper. 2024. № WP/24/133. Washington, DC: IMF. 42 p. DOI: 10.5089/9798400279348.001 EDN: NOJVRA
28. Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets / D. He [et al.] // IMF Fintech Note. 2022. № 2022/005. Washington, DC: IMF. 33 p.
29. Bank of England. Proposed Regulatory Regime for Sterling-Denominated Systemic Stablecoins: Consultation Paper. London : Bank of England, 2025. URL : bankofengland.co.uk/paper/2025/cp/proposed-regulatory-regime-for-sterling-denominated-systemic-stablecoins

Информация об авторах

Переседов Алексей Михайлович
кандидат юридических наук,
филиал Российского государственного
гуманитарного университета
в г. Домодедово Московской области
ORCID iD: 0009-0001-3970-9442
peresedov.alexey@yandex.ru

Харабадзе Нодар Викторович
Центральный банк Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0003-7056-600X
nod200222@gmail.com

Alexey M. Peresedov
Candidate of Legal Sciences,
branch of the Russian State University
for the Humanities in Domodedovo,
Moscow region
ORCID iD: 0009-0001-3970-9442
peresedov.alexey@yandex.ru

Nodar V. Kharabadze
Central Bank of the Russian Federation
ORCID iD: 0009-0003-7056-600X
nod200222@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Переседов А.М., Харабадзе Н.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-20
УДК 338.5

Attribution
cc by

ОПТИМИЗАЦИЯ ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА НОРМИРОВАНИЯ ЗАТРАТ

Рекшня Д.А.
Набережночелнинский филиал Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация. В статье анализируются применяемые в сфере водоснабжения и водоотведения методы государственного тарифного регулирования, определены недостатки и преимущества каждого метода регулирования. По его результатам сформулированы актуальные проблемы тарифообразования ресурсоснабжающих организаций, требующие решения путем изменения подходов формирования тарифов на оказываемые услуги. В качестве эффективного инструмента для устранения выявленных проблем предложен метод нормирования затрат. В статье изложены концептуальные основы и основные принципы данного метода, а также его ключевые подходы к реализации. Отмечается, что внедрение метода нормирования затрат позволит обеспечить устойчивое финансовое положение ресурсоснабжающих организаций и отрасли в целом, повысить инвестиционную привлекательность, а также оптимизировать процесс регулирования тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения.

Ключевые слова: нормирование затрат, тарифообразование, водоснабжение, ресурсоснабжающие организации, методы регулирования.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

OPTIMIZATION OF TARIFF REGULATION IN THE SPHERE OF WATER SUPPLY AND WASTEWATER DISPOSAL USING THE COST-SETTING METHOD

Dmitriy A. Rekshnya
Naberezhnye Chelny branch of Kazan (Volga region) Federal University

Abstract. The article examines in detail the methods of state tariff regulation used in the field of water supply and sanitation, and identifies the disadvantages and advantages of each regulation method. Based on the analysis, current tariff-setting issues for resource suppliers are identified, requiring solutions through changes in their tariff-setting approaches for services provided. Cost-based pricing is proposed as an effective tool for addressing these identified issues. The article outlines the conceptual foundations and key principles of this method, as well as key approaches to its implementation. It is noted that the implementation of cost-based pricing will ensure the financial stability of resource suppliers and the industry as a whole, increase investment attractiveness, and optimize tariff regulation in the water supply and sanitation sector.

Keywords: cost regulation, tariff setting, water supply, resource supply organizations, regulation methods.

***Funding**:* Independent work.

Введение

В настоящее время в России государственная тарифная политика в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) направлена на сдерживание роста тарифов в интересах потребителей услуг. Это касается как сфер водоснабжения и водоотведения, так и сфер электроэнергетики, теплоэнергетики, вывоза мусора (ТКО) и т.д. [12].

Тариф является основным источником дохода ресурсоснабжающей организации (далее – РСО). Поэтому при его формировании должны учитываться все основные расходы, необходимые для сопровождения производственного

© Рекшня Д.А.

процесса (затраты на материалы, спец. инвентарь и спецодежду, электрическую энергию, трудовые ресурсы), поддерживая финансовую стабильной организации с одновременным обеспечением высокого качества оказываемых услуг (ремонт, техническое обслуживание, работы по благоустройству и др.) и реализацией инвестиционных и производственных программ и программ, способствующих росту энергоэффективности и рациональному использованию энергоресурсов.

В связи с изложенным, перед органами, осуществляющими тарифное регулирование, стоит задача проведения детального планирования и высокоточного расчета тарифов на оказываемые организациями услуги.

Дополнительную ответственность на регулирующие органы и ресурсоснабжающие организации накладывает высокий уровень износа парка оборудования [13]. Водоснабжение является одним из капиталоемких секторов ЖКХ и при этом отличается медленным возвратом инвестиций, поскольку отсутствует прямая зависимость между модернизацией и снижением издержек на содержание оборудования.

Что касается возврата инвестиций, то начиная с 2027 г., законодательно вводится условие, исключающее возможность получения реальной доходности по инвестиционным вложениям. Это связано с введением постановлением Правительства РФ от 28.03.2026 г. № 336 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» положений, регулирующих механизм «целевой» амортизации в системах водоснабжения и водоотведения. То есть, амортизация будет учитываться в НВВ только в случае ее инвестирования в модернизацию и реконструкцию объектов коммунальной инфраструктуры [1].

С одной стороны, у РСО появляется обязательный для исполнения инструмент для обновления парка оборудования без существенного давления на тарифную политику и расходы потребителей. С другой стороны, учитывая необходимость сдерживания роста тарифов для потребителей, а также обеспечения качественного предоставления услуг, у ресурсоснабжающих организаций возникают кассовые разрывы, свободное финансирование которых за счет амортизационных отчислений уже не представляется возможным.

Второй причиной их возникновения является учет затрат в составе необходимой валовой выручки (далее – НВВ) не в полном объеме.

В результате, происходит разбалансировка регулируемых сфер в целом, так как проблемы, связанные с недофинансированием одной регулируемой отрасли, влекут за собой проблемы для других, связанных с ней, отраслей [14]. Например, недофинансирование сферы водоснабжения может приводить к неплатежам в адрес энергетических компаний, которые не смогут погасить задолженность за потребленные топливные ресурсы.

Для устранения дисбаланса между утверждаемыми расходами и фактическими затратами организаций предлагается изменение подходов тарифообразования в сфере водоснабжения.

Обсуждение.

Правовую основу тарифного регулирования в сфере водоснабжения и водоотведения формирует постановление Правительства РФ от 13.05.2013 г. № 406 [2]. Оно закрепляет ключевые элементы системы, такие как принципы, методы, правила и общие структуру и процесс регулирования.

Согласно п.3 Основ ценообразования, утвержденных данным постановлением, при расчете тарифов, НВВ и долгосрочных параметров регулирования используют методические указания, утвержденные приказом ФСТ России от 27.12.2013 г. № 1746-э (далее – Методические указания) [9].

Расчет самого тарифа выполняется по достаточно простой формуле – это отношение НВВ к объему поставленных ресурсов. Способы обоснования расходов, учитываемых в составе НВВ [2,9], систематизированы и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Методы тарифного регулирования в сфере водоснабжения и водоотведения

№ п	Наименование метода	Краткая характеристика
1	Метод экономически обоснованных расходов	Учитывает все необходимые экономически обоснованные расходы
2	Метод индексации	Операционные расходы учитываются исходя из базового уровня расходов первого года периода регулирования, скорректированного на коэффициент индексации
3	Метод сравнения аналогов	Определение затрат на основе результатов бенчмаркинга
4	Метод доходности инвестированного капитала	Обеспечивает постепенный возврат средств инвестирования, включая проценты на привлеченный капитал

Рассмотрим каждый метод подробно.

Метод экономически обоснованных расходов предполагает определение тарифа, включая все обусловленные деятельностью организации обоснованные затраты. Такой подход обеспечивает возможность финансовой устойчивости и безубыточного функционирования организации.

© Рекшня Д.А.

Однако использование данного метода предполагает проведение детального анализа фактических и планируемых издержек, а также документации, подтверждающей необходимость включения данных расходов в тариф. Это, в свою очередь, обусловливает значительные трудовые и временные затраты.

Кроме того, поскольку понятие «экономически обоснованные расходы» не имеет четких критериев, то на практике при утверждении тарифов расходы учитываются исходя из субъективного мнения регулятора. Это создает серьезные риски для РСО в части качества оказываемых услуг, а сам процесс установления тарифов становится непрозрачным.

С учетом изложенного, при постоянном применении метода возможно снижение мотивации к повышению производственной и экономической эффективности, ввиду компенсации заявляемых расходов через тарифные источники. В результате, возможен существенный рост тарифных ставок, что негативно скажется на финансовой стабильности потребителей и их платежеспособности.

Тем не менее, при формировании тарифных показателей ряд заявляемых расходов, исключается из расчетов, в результате чего покрываются не все фактические затраты организации. Это объясняется использованием ряда нормативов при определении тарифных показателей. Так, например, при расчете расходов на оплату труда регулирующие органы ссылаются на определение численного состава персонала исходя из положений приказа Минстроя РФ от 23.03.2020 г. № 154/пр. [8], средней заработной платы – из положений Отраслевого тарифного соглашения, действующего в ЖКХ.

Подобный дисбаланс можно также наблюдать при анализе подходов к формированию расходов на арендную плату. Экономически обоснованным уровнем арендной платы считается плата, включающая в себя амортизационные отчисления, налог на имущество и иные обязательные платежи арендодателя. Тем не менее, законодательство не ограничивает арендодателя учитывать маржинальную прибыль при передаче объектов в аренду ресурсоснабжающей организации.

Дополнительной причиной снижения расходов в составе НВВ является экономический подход регулирующих органов, которые при расчете всегда принимают к учету минимальное из двух значений – либо фактические затраты РСО, либо установленный норматив.

Таким образом, расходы, компенсируемые через тарифные источники с учетом нормативных показателей, будут ниже уровня фактических расходов РСО. При этом, предельная величина указанного отклонения законодательно не установлена, поэтому может сильно сказаться на финансово-хозяйственной деятельности организаций.

Что касается метода индексации, то в рамках применения метода расчет строится на применении коэффициента индексации к базовому уровню операционных расходов. Базовый уровень расходов рассчитывается на первый год долгосрочного периода регулирования. А коэффициент индексации применяется каждый последующий год и отражает влияние трех основных факторов: индекс потребительских цен, динамику количества активов и индекс эффективности операционных расходов. Неподконтрольные расходы формируются прямым счетом, учитывая все обосновывающие материалы, распространяющие свое действие на очередной год регулирования.

Метод индексации достаточно прост и прозрачен в применении и оказывает сильное стимулирующее воздействие на организации. Это связано с тем, что РСО заинтересована в оптимизации расходов, так как даже если фактические затраты окажутся ниже плановых (утвержденных), это не приведет к снижению тарифной базы – она остается неизменной в течение всего долгосрочного периода регулирования.

С другой стороны, данное обстоятельство может оказывать негативное воздействие на финансовое положение организации в случае сильного изменения себестоимости приобретаемых товаров и услуг у сторонних организаций. Это связано с тем, что уровень операционных расходов организации определен и органичен базовым уровнем с максимально возможной корректировкой на уровне коэффициента индексации.

По сравнению с методом доходности инвестированного капитала (рассматривается далее), еще одни недостатком метода являются существенно ограниченные возможности привлечения финансирования для реализации инвестиционных программ.

Что касается метода доходности инвестированного капитала, то при его применении операционные и неподконтрольные расходы рассчитываются аналогично методу индексации, за исключением статей затрат, ориентированных на осуществление инвестиционной деятельности. Они формируются исходя из инвестированного капитала, срока использования активов, а также установленной регулятором нормы доходности.

Метод доходности инвестированного капитала (метод RAB-регулирования). Использование данного метода регулирования подразумевает расчет операционных расходов исходя из принципов метода индексации, неподконтрольные расходы – прямым счетом на основании фактических данных. При формировании тарифа предусматривается также включение затрат на инвестиционную деятельность, в том числе величина инвестированного капитала, задействованного в создании производственных активов, прогнозируемый период эксплуатации данных активов, а также фиксированная норма доходности, утвержденная регулятором.

© Рекшня Д.А.

Данный метод, действительно, может помочь в привлечении инвестиционных ресурсов в модернизацию и обновление парка оборудования, но, одновременно с этим, может привести к стремительному росту тарифов для потребителей услуг. Учитывая политику сдерживания, применяемую при тарифном регулировании, метод RAB-регулирования не имеет ни одного примера практического внедрения в отношении РСО, несмотря на нормативное закрепление метода в Основах ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения с 2013 г. (для официального использования доступен с января 2014 г.) [2].

Метод сравнения аналогов направлен на определение коэффициентов для дальнейшего расчета планового уровня тарифных расходов. Расчет коэффициентов основан на анализе данных проведенной процедуры бенчмаркинга.

Метод аналогов достаточно прост в применении, однако требует значительных трудовых и временных затрат для сбора, анализа и сравнения показателей. Область применения метода ограничена исключительно операторами регулируемых видов деятельности, оказывающими услуги по транспортировке питьевой воды и сточных вод с суммарной протяженностью эксплуатируемых объектов менее 10 км [2]. В связи с изложенным, данный подход не получил широкого распространения в масштабах страны.

Большинство ресурсоснабжающих организаций регулируются методом индексации. Среди действующих моделей регулирования модель индексации является наиболее целесообразной: она учитывает операционные затраты в рамках действующего законодательства и определяет нормативные показатели, которые организации необходимо достичь при осуществлении деятельности. В случае недостижения нормативных показателей метод предусматривает ежегодные корректировки НВВ, которые положительную разницу оставляют в распоряжении организации, а отрицательную используют как инструмент для снижения тарифа на очередной период регулирования. Однако в долгосрочной перспективе, данная модель не принесет желаемого экономического эффекта.

Достижение ожидаемого эффекта возможно только при низком уровне инфляции и стремительном промышленном и технологическом развитии организаций, что не соответствует текущим экономическим условиям в стране и текущим возможностям организаций. В результате, организации снова несут убытки и формируют кассовые разрывы. Это подтверждается в том числе и п 12.1 Методических указаний, в соответствии с которым из НВВ подлежат исключению расходы, связанные с приобретением товаров и услуг по завышенным ценам и в завышенных объема [9].

Результаты.

Из-за множества ограничений и условий, присущих текущим методам тарифного регулирования, возникает острая необходимость в создании наиболее оптимального и простого в использовании метода расчета тарифов с высоким уровнем обоснованности учитываемых расходов. По результатам анализа, предлагается разработка нового метода, основанного на нормировании затрат по всем возможным статьям расходов организаций.

Суть метода нормирования затрат предполагает установление такого «потолка» тарифа на оказываемые услуги, при котором организации будет достаточно средств не только для осуществления качественного обслуживания, но и для постепенного обновления парка оборудования и повышения эффективности своей деятельности.

Процесс нормирования затрат заключается в формировании технико-экономических расчетных нормативов, позволяющих провести всестороннюю качественную и количественную оценку различных элементов, используемых на стадиях производства и управления. Разработка структуры затрат, подлежащих нормированию в сфере водоснабжения и водоотведения, должна учитывать классификацию организаций отрасли, параметры сетей и других объектов сферы деятельности.

В рамках реализации функции нормирования затрат, важно уделить внимание не только разработке нормативов, но и разработке нормативных коэффициентов эффективности для повышения эффективности использования ресурсов.

Основой для разработки метода нормирования затрат [11] могут послужить следующие нормативно-правовые акты:

– Приказ Минстроя России от 23.03.2020 г. № 154/пр. «Об утверждении Типовых отраслевых норм численности работников водопроводно-канализационного хозяйства» [8];

– Приказ Госстроя от 22.03.1999 г. № 66 «Об утверждении Рекомендация по нормированию труда работников водопроводно-канализационного хозяйства» [6];

– Приказ Госстроя от 16.08.2000 г. № 184 «Об утверждении Рекомендаций по нормированию труда на установку, обслуживание и ремонт приборов учета и регулирования в ЖКХ» [5];

– Постановление Минтруда РФ от 16.12.1997 г. № 63 «Об утверждении Типовых отраслевых норм бесплатной выдачи работникам специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты» [4];

– Протокол Госстроя РСФСР от 01.06.1989 г. № 13-8 «Об утверждении Положения о проведении планово-предупредительного ремонта на предприятиях водопроводно-канализационного хозяйства» [10];

– Приказ Госстроя РФ от 30.12.1999 г. № 168 «Об утверждении Правил технической эксплуа-

© Рекшня Д.А.

тации систем и сооружений коммунального водоснабжения и канализации МДК 3-02.2001» [7].

В качестве примера для разработки системы нормирования затрат в сфере водоснабжения целесообразно опираться на структуру эталонов затрат, разработанную для сетевых организаций в сфере электроэнергетики. Основные элементы представлены на рисунке 1 [3].

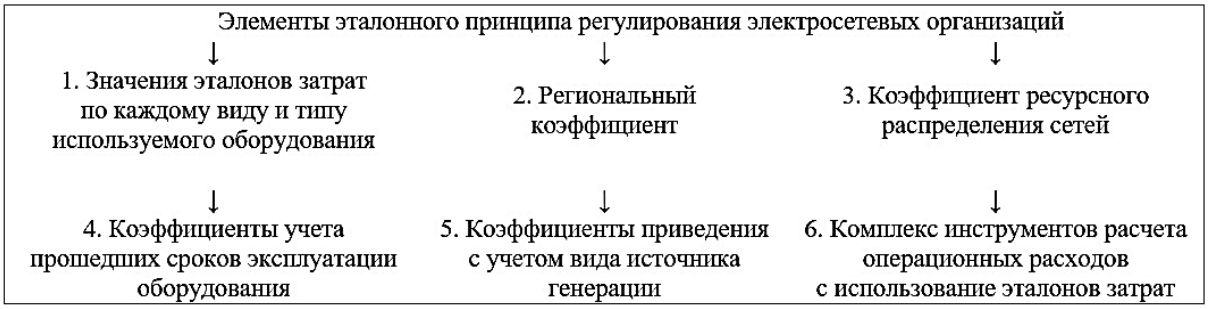

Рисунок 1 – Элементы эталонов затрат электросетевых организаций

С учетом представленных данных, можно обозначить следующие рекомендации по разработке средств унификации тарифных показателей сферы водоснабжения в виде подсистемы эталонных затрат с учетом позитивного опыта практики применения в сфере электроэнергетики инструментов эталонных затрат.

Во-первых, предлагается обобщить опыт практики применения инструментов эталонных затрат в сфере электроэнергетики для учета соответствующих позитивных аспектов и недостатков при разработке подсистемы эталонных затрат для расчета тарифов водоснабжения.

Во-вторых, с целью расчета значения региональных и ресурсных коэффициентов для расчета эталонов затрат, следует определить классификацию водоснабжающих организаций кадрового, линейного, социального, технологического, территориального характера по критериям Минстроя России.

В-третьих, на основе определенной классификации водоснабжающих организаций, целесообразно провести расчет значений региональных, ресурсных, эксплуатационных, источниковых коэффициентов подсистемы эталонов затрат в сфере водоснабжения с учетом схожих инструментов расчета для электросетевых организаций.

В-четвертых, на основе обобщения данных о тарифных показателях классифицированных групп водоснабжающих организаций, предлагается разработать перечень эталонов затрат для таких групп с учетом результатов практического применения инструментов эталонных затрат в сфере электроэнергетики.

В-пятых, предлагается обосновать комплекс инструментов расчета операционных расходов в сфере водоснабжения с использованием разработанного перечня эталонов затрат классифицированных групп водоснабжающих организаций с учетом комплекса схожих инструментов расчета для электросетевых организаций.

Для формирования конечного перечня расходов ресурсоснабжающей организации необходимо, в рамках применения нормированного тарифа, в переходный период от действующей методологии к нормированной, предоставить «свободное» использование финансовых средств, учтенных при утверждении необходимой валовой выручки для самоопределения организаций своих нужд. По истечении переходного периода станет возможным провести оценку действительно необходимых затрат ресурсоснабжающей организации для реализации качественных услуг водоснабжения и водоотведения.

Заключение.

Метод нормирования затрат – это метод формирования затрат, который будет стимулировать ресурсоснабжающие организации к повышению показателей качества и надежности энергоснабжения. В текущих реалиях организации в сфере водоснабжения и водоотведения не стремятся к повышению эффективности деятельности, поэтому переход на нормированный тариф может стать одним из возможных решений.

Кроме того, нормирование затрат позволит:

– оптимизировать процесс утверждения тарифов;

– повысить прозрачность и понятность тарифов, поскольку появится понимание условий и структуры тарифа;

– сдерживать рост тарифов на услуги, что поспособствует снижению финансовой нагрузки на потребителей при долгосрочном планировании;

– обеспечить постепенное обновление и модернизацию оборудования за счет высвободившихся средств в ходе повышения эффективности деятельности организаций;

– создать условия для притока дополнительных инвестиционных средств путем повышения инвестиционной привлекательности сектора.

© Рекшня Д.А.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 28.03.2026 № 336 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 13.05.2013 г. № 406 (ред. от 14.03.2026) «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения».
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.2025 г. № 1635 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу установления и применения эталонов затрат территориальных сетевых организаций».
4. Постановление Минтруда России от 16.12.1997 г. № 63 (ред. от 05.05.2012) «Об утверждении Типовых отраслевых норм бесплатной выдачи работникам специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты».
5. Приказ Госстроя РФ от 16.08.2000 г. № 184 «Об утверждении рекомендаций по нормированию труда на установку, обслуживание и ремонт приборов учета и регулирования в жилищно-коммунальном хозяйстве».
6. Приказ Госстроя РФ от 22.03.1999 г. № 66 «Об утверждении рекомендаций по нормированию труда работников водопроводно-канализационного хозяйства».
7. Приказ Госстроя РФ от 30.12.1999 г. № 168 «Об утверждении «Правил технической эксплуатации систем и сооружений коммунального водоснабжения и канализации».
8. Приказ Минстроя России от 23.03.2020 г. № 154/пр «Об утверждении Типовых отраслевых норм численности работников водопроводно-канализационного хозяйства».
9. Приказ ФСТ России от 27.12.2013 г. №1746-э (ред. от 15.10.2025) «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения».
10. Положение о проведении планово-предупредительного ремонта на предприятиях водопроводно-канализационного хозяйства утв. протоколом Госстроя РСФСР от 01.06.1989 № 13-8.
11. Алексеева Е. Нормирование затрат на предприятии / Е. Алексеева, Н. Иванова // eg-online.ru. URL : https://www.eg-online.ru/article/92047 (дата обращения 15.05.2026).
12. Гембик Ю.С. Основные проблемы практического применения отдельных положений методических рекомендаций по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения / Ю.С. Гембик, С.А. Городкова // Universum: Экономика и юриспруденция: электронный научный журнал. 2017. № 9(42). С. 12–14. EDN: ZEIDDB
13. Тимаков Я. Кажется, что ЖКХ – бездонная яма // Эксперт. 2025.
14. URL : https://expert.ru/mnenie/natalya-trunova-kazhetsya-chto-zhkkh-bezdonnaya-yama (дата обращения 12.05.2026).
15. Щаблыкин М.И. Совершенствование методов регулирования тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения региона // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3. URL : http://www.ivdon.ru/ru/magazine/ archive/n3y2014/2520. EDN: TFXFCF

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/28/2026 № 336 «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation».
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/13/2013 № 406 (as amended on 03/14/2026) «On State regulation of tariffs in the field of water supply and sanitation».
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/23/2025 № 1635 «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the Establishment and Application of Cost Standards for Territorial Network organizations».
4. Resolution № 63 of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated December 16, 1997 (as amended on 05.05.2012) «On Approval of Standard Industry Standards for the free issuance of special clothing, special shoes and other personal protective equipment to employees».
5. Order of the State Construction Committee of the Russian Federation dated 08/16/2000 № 184 «On approval of recommendations on labor rationing for the installation, maintenance and repair of metering and Control devices in housing and communal services.
6. Order of the State Construction Committee of the Russian Federation dated 03/22/1999 № 66 «On approval of recommendations on labor rationing for water supply and sewerage workers».

© Рекшня Д.А.

7. Order of the State Construction Committee of the Russian Federation dated 12/30/1999 № 168 «On Approval of the Rules for the Technical Operation of Municipal Water Supply and Sewerage Systems and Structures».
8. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 03/23/2020 № 154/pr «On approval of Standard Industry standards for the number of water supply and sewerage workers.
9. Order of the Federal Customs Service of Russia dated 12/27/2013 № 1746-e (as amended on 10/15/2025) «On approval of Methodological Guidelines for calculating regulated tariffs in the field of water supply and sanitation».
10. Regulations on carrying out scheduled preventive maintenance at water supply and sewerage enterprises, approved by the Protocol of the State Construction Committee of the RSFSR dated 06/01/1989 № 13-8.
11. Alekseeva E. Cost rationing at the enterprise / E. Alekseeva, N. Ivanova // eg-online.ru. URL : https://www.eg-online.ru/article/92047 (date of application 05/15/2026).
12. Gembik Yu.S. The main problems of practical application of certain provisions of methodological recommendations for calculating regulated tariffs in the field of water supply and sanitation / Yu.S. Gembik, S.A. Gorodkova // Universum: Economics and Jurisprudence: electronic scientific journal. 2017. № 9(42). P. 12–14. EDN: ZEIDDB
13. Timakov Ya. It seems that housing and communal services are a bottomless pit // Expert. 2025.
14. URL : https://expert.ru/mnenie/natalya-trunova-kazhetsya-chto-zhkkh-bezdonnaya-yama (date of application 05/12/2026).
15. Shchablykin M.I. Improving methods of tariff regulation in the field of water supply and sanitation in the region // Engineering Bulletin of the Don. 2014. № 3. URL : http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2520. EDN: TFXFCF

Информация об авторе

Рекшня Дмитрий Александрович
аспирант,
Набережночелнинский филиал
Казанского (Приволжского)
федерального университета
darekshnya@kpfu.ru

Dmitriy A. Rekshnya
Graduate Student,
Naberezhnye Chelny branch
of Kazan (Volga region) Federal University
darekshnya@kpfu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Рекшня Д.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-33
УДК 663.837(338.001.36)

Attribution
cc by

АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЛИКЁРО-ВОДОЧНОГО РЫНКА ПОСЛЕ 2022 ГОДА

Сулейманова К.А.[1], Сулейманов Р.Р.[2]
[1]Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
[2]Высшая школа экономики

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена структурными изменениями российского рынка ликёро-водочных изделий после 2022 года, вызванными сокращением импорта, уходом международных брендов, усилением государственного регулирования и изменением потребительских предпочтений. Цель статьи заключается в определении факторов, влияющих на развитие рынка ликёров, настоек и бальзамов, а также условий, необходимых российским производителям для устойчивого занятия освободившихся рыночных ниш. Задачи исследования включают анализ динамики предложения, конкурентной среды, сырьевых и технологических ограничений, ценового регулирования и новых сценариев потребления. Методологическую основу составляет PESTEL-анализ, дополненный изучением отраслевой статистики и практики российских компаний. Установлено, что наибольшими возможностями обладают средние и крупные производители, имеющие развитую дистрибуцию, технологическую базу и устойчивые цепочки поставок. Сделан вывод о необходимости инвестиций в качество, разработку собственных рецептур, брендинг, ценовую сегментацию и сотрудничество с розничными сетями и HoReCa.

Ключевые слова: ликёро-водочные изделия, ликёры, импортозамещение, алкогольный рынок, PESTEL-анализ, потребительские предпочтения, государственное регулирование.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE RUSSIAN LIQUOR MARKET AFTER 2022

Karina A. Suleymanova[1], Rinat R. Suleymanov[2]
[1]Plekhanov Russian University of Economics,
[2]Higher School of Economic

Abstract. The relevance of the study is determined by structural changes in the Russian liquor market after 2022, caused by declining imports, the withdrawal of international brands, stronger government regulation, and changing consumer preferences. The purpose of the article is to identify the factors affecting the development of the market for liqueurs, tinctures, and balms, as well as the conditions required for Russian producers to occupy the newly available market niches on a sustainable basis. The research objectives include analysing supply dynamics, the competitive environment, raw material and technological constraints, price regulation, and new consumption patterns. The methodology is based on PESTEL analysis, supported by industry statistics and examples from Russian companies. The results show that medium-sized and large producers with established distribution networks, technological capabilities, and stable supply chains have the strongest growth potential. The study concludes that long-term competitiveness requires investment in product quality, original recipes, branding, price segmentation, and cooperation with retail chains and the HoReCa sector.

Keywords: liquor products, liqueurs, import substitution, alcohol market, PESTEL analysis, consumer preferences, government regulation.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

До 2022 года значительная часть ликёров, настоек и бальзамов поступала в Россию из-за рубежа. Импорт играл ключевую роль в формировании ассортимента: шоколадные, сливочные, травяные, кокосовые и фруктовые ликёры, а также премиальные баль замы, в основном, были представлены западными брендами. По оценкам, на 2021 год доля импортного алкоголя в продажах по этому направлению достигала 44 % [1], что подчёркивало существенную роль

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

зарубежных марок в формирова нии ассортимента и вкусовых предпочтений потребителей.

Ситуация резко изменилась после начала Специальной военной операции на Укра ине и введения зарубежных санкций в марте 2022 года. Ряд международных корпораций либо полностью прекратили поставки алкогольных напитков в Россию, либо значительно их сократили. Некоторые бренды были полностью выведены из оборота.

Уход и приостановка деятельности крупных международных игроков привел к ощутимому дефициту хорошо знакомых потребителям марок и спрово цировали запрос на импортозамещение, в результате чего, рынку потребовалось оперативно закрывать образовавшиеся «дыры» на полке, формируя новые предложения в тех категориях, где ранее доминировали иностранные позиции.

После ухода части иностранных производителей российские компании ускорили развитие собственных ликёров, настоек и бальзамов, предложив аналоги ряда зарубежных брендов. Это свидетельствует об активизации процессов импортозамещения и быстром расширении отечественного ассортимента в рассматриваемом сегменте [2].

Следует отметить, что на российский рынок ЛВИ влияют не только санкции, но и государственная политика в сфере регулирования алкоголя. В декабре 2024 года правительство утвердило план мероприятий по реализации концепции сокращения потребления алкоголя в России до 2030 года. Предыдущая концепция, действовавшая в 2009–2020 годах, помогла снизить потребление алкоголя в стране на 51 % [3], и новый план предполагает дальнейшее движение в этом направлении. Первые шаги в рамках актуализированного подхода включают повышение акциза на крепкий алкоголь на 15 % [4], а также увели чение минимальной розничной цены почти на 17 % – с 299 до 349 рублей. Эти меры формируют для производителей и ритейла жёсткие рамки ценообразования и тре буют тщательной работы с себестоимостью и позиционированием, чтобы сохранить для покупателя доступность качественного продукта.

Следует отметить и ощутимый рост стоимости этилового спирта, ключевого для производства ликёро-водочной продукции сырья. Крупнейший игрок рынка, «Росспиртпром» (доля рынка около 30 %), в начале апреля 2024 года перешёл к частной компании «Бизнес Альянс». После завершения сделки производитель начал поэтапно повышать отпускные цены, и остальные участники рынка быстро подтянулись к новому уровню [5]. В итоге, за 2024 год стоимость сырья увеличилась при мерно на 40 %.

Помимо регуляторных факторов, существенное влияние оказывают изменения потребительских предпочтений. В последние годы растёт популярность коктейльной культуры, что повышает спрос на ликёры, настойки и бальзамы как ингредиенты для смешанных напитков и усиливает значение стабильного качества продукции.

Описанные выше изменения, происходящие в структуре предложения и в институциональной среде (акцизы, цены, контроль оборота, ограничения на рекламу), создали ситуа цию, в которой ключевой вопрос для рынка ликёров заключается не в том, «чем заменить» ушедшие позиции здесь и сейчас, а в том, как сформировать устойчивую отечественную альтернативу, которая будет удерживать спрос даже при наличии параллельного импорта и/или частичного возврата иностранных брендов.

Проблема носит структурный характер: ликёры являются категорией, где потребитель сильнее реагирует на вкус и стабильность качества, а конкурентоспособность определяется не только ценой, но и доверяемым позиционированием, доступностью в каналах и способностью бренда закрепиться в сценариях потребления.

Основными проблемами являются:

Воспроизводимость органолептики и контроль качества. Для ликёров ключевое значение имеет стабильность вкусового профиля, поскольку именно она определяет доверие потребителей и повторные покупки. Поэтому качество продукции и стандартизация рецептур являются важнейшими условиями конкурентоспособности.

Компоненты и зависимость от внешних поставок. Конкурентоспособность производителей во многом определяется устойчивостью поставок сырья, ингредиентов и оборудования, а также способностью снижать зависимость от импортных компонентов.

Ценовая архитектура в условиях акцизного давления ценовых ограничений. Рост налоговой нагрузки и себестоимости требует формирования сбалансированной ассортиментной политики, обеспечивающей конкурентоспособность продукции в различных ценовых сегментах.

Доверие и бренд. Ограничения на рекламу повышают значение формирования собственного бренда, обеспечивающего узнаваемость продукции и устойчивый потребительский спрос.

Каналы продаж. Закрепление продукции на рынке требует устойчивого присутствия в розничной торговле и сегменте HoReCa, что является важным элементом конкурентной стратегии производителей.

Цель исследования заключается в анализе структурных изменений, происходящих на российском ликёро-водочном рынке после 2022 года и определении условий, необходимых отечественным производителям для устойчивого занятия освободившихся рыночных ниш в сегменте ликёров, настоек и бальзамов.

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

Для достижения поставленной цели в работе решены следующие задачи: – проанализированы изменения конкурентной среды российского ликёро-водочного рынка после 2022 года;

– исследовано влияние политических, экономических, социальных, технологических, экологических и правовых факторов на развитие рассматриваемого сегмента на основе PESTEL-анализа;

– выявлены ключевые ограничения и возможности импортозамещения в условиях изменения внешней среды; – сформулированы практические рекомендации для российских производителей, направленные на повышение их конкурентоспособности и закрепление на освободившихся рыночных нишах.

Результаты.

Для выявления внешних факторов, влияющих на рыночную конъюнктуру ЛВИ, используется анализ PESTEL:

Политические (P) факторы – санкции, государственное регулирование и антиалкогольная политика.

Экономические (E) факторы – динамика производства, импортозамещение, цены и конкурентная среда.

Социальные (S) факторы – изменение потребительских предпочтений и развитие коктейльной культуры.

Технологические факторы (T) – состояние производственной базы и технологическая независимость.

Экологические факторы (E) – устойчивое производство и экологичные решения в упаковке.

Обсуждение.

Политические факторы в данном анализе – это решения государства и внешнеполитическая обстановка, которые меняют условия работы рынка ликёров: доступность отдельных брендов, степень конкуренции и рамки регулирования.

Первый и самый очевидный политический шок – санкционная среда и разрыв части прямых поставок, который затронул именно ликёрные категории, где до 2022 года импортные бренды играли заметную роль в ассортименте и задавали эталон вкуса и узнаваемости.

Второй блок политических факторов связан с внутренней государственной повесткой по снижению потребления алкоголя и усилению контроля оборота. Утверждённый план мероприятий по реализации концепции сокращения потребления ал коголя до 2030 года задаёт для отрасли долгосрочную рамку: государство будет по следовательно усиливать профилактические меры и формировать среду, в которой избыточное потребление становится менее вероятным [3]. Для произ водителей ликёров это означает, что стратегия закрепления в нишах должна быть совместима с этой рамкой: опора на легальный оборот, прозрачную дистрибуцию и продуктовые решения, которые выдерживают потенциальное ужесточение требова ний, а не «работают» только при временно ослабленной конкуренции.

Третий политический канал влияния – фискальные и ценовые решения государ ства, напрямую влияющие на экономику легального предложения. Законодательные изменения по акцизам повышают издержки производителей и усиливают значимость продуманной ценовой архитектуры (какие SKU выводить, в каких объёмах и как вы страивать линейку по сегментам) [4].

Таким образом, политические факторы формируют благоприятные условия для импортозамещения, однако усиливают регуляторные ограничения и требования к конкурентоспособности отечественных производителей.

Экономические факторы отражаются в том, как после 2022 года меняются объё мы производства и продажи ЛВИ, а также структура предложения на полке. Объёмы производства ЛВИ в России заметно выросли после 2022 года. Так, по данным ЕГА ИС, суммарный выпуск ликёроводочной продукции в 2022 г. увеличился примерно на 29 % по сравнению с 2021 г. [6], компенсируя выпавший импорт. Импорт алкоголя сократился практически во всех категориях крепких напитков, а доля отечественной продукции выросла. Например, доля российских ли кёров на внутреннем рынке поднялась с 56 % в 2021 г. до 69 % к 2024 г. [1].

Рост себестоимости – это ещё один важный экономический фактор. К 2023 году индустрия столкнулась с удорожанием сырья и материалов: акциз на крепкий ал коголь был повышен на 5 % (до 128,6 руб. за литр спирта) одновременно с ростом затрат на логистику, импортную тару и компоненты [4].

По оцен кам Союза производителей алкоголя, совокупные издержки выпуска алкогольной продукции в 2023 г. выросли не менее чем на 10%. Это вынудило отрасль ходатайствовать о повышении минимальных цен.

Социальная среда потребления алкоголя в России претерпевает противоречивые тренды. С одной стороны, заметен общий тренд на снижение употребления алкоголя и более здоровый образ жизни. По данным ВЦИОМ, доля непьющих россиян за по следние 20 лет выросла с 27 % до 48 % [7] – фактически почти половина населения сейчас не употребляет спиртное.

Наблюда ется постепенный уход от потребления крепкого алкоголя «в чистом виде»; вместо этого, растёт культура коктейлей и смешанных напитков. К 2024–2025 гг. коктейльная культура стала массовым явлением, что способствует

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

росту спроса на ликёры как ингредиенты для смешанных напитков [8].

Санкции и разрыв прежних кооперационных связей обнажили ряд технологи ческих ограничений отрасли. Логистические сбои 2022–2023 гг. затронули поставки сырья, оборудования и комплектующих [9].

Многие производители ЛВИ столкнулись с нехваткой оборудования, комплектующих и отдельных ингредиентов, что ускорило локализацию производства и переориентацию цепочек поставок на дружественные страны.

Несмотря на сохраняющийся технологический разрыв в отдельных сегментах, инвестиции в модернизацию производства и разработку собственных рецептур создают предпосылки для повышения конкурентоспособности российских производителей.

Экологическая повестка пока не занимает центрального места на рынке ЛВИ, однако постепенно влияние факторов устойчивого развития усиливается.

Первое ключевое *правовое ограничение* – правила рекламы алкоголя. Статья 21 Федерального закона «О рекламе» существенно ограничивает набор допустимых ка налов и форматов продвижения алкогольной продукции [10]. Для рынка ликёров это особенно важно, поскольку узнаваемость и доверие к бренду (включая восприятие вкуса и качества) являются значимыми драйверами повторной покупки, а «массовые» рекламные инструменты в легальном поле недоступны. В результате, построение сильного бренда в ликёрах вынужденно смещается в сторону тех инстру ментов, которые остаются допустимыми: упаковка и ассортиментная архитектура, работа с полкой и представленностью в сетях, присутствие в HoReCa и другие фор мы коммуникации, не нарушающие рекламное законодательство.

Второй правовой фактор – параллельный импорт. Постановление Правительства РФ № 506 закрепило механизм, при котором в отношении определённых товаров (в рамках перечней) не применяются отдельные положения о защите исключительных прав, что позволяет ввозить оригинальную продукцию без согласия правообладателя [ПП № 506, 2022]. Перечни товаров и их обновления утверждаются приказами Минпромторга [Приказ № 2701, 2023]. Для ликёров это означает, что конкуренция с зарубежными марками может сохраняться даже при прекращении официальных поставок: часть брендов способна присутствовать на рынке через альтернативные легальные каналы. С точки зрения стратегии российских производителей это созда ёт неопределённость ёмкости «освободившейся» ниши и повышает важность долгосрочного бренд-позиционирования.

Ценовая стратегия и ценностное предложение. Компаниям важно оптимизировать издержки и предлагать продукцию с привлекательным соотношением цена/качество. В условиях чувствительности спроса к цене на массовом рынке целесообразно сфор мировать двухуровневый ассортимент: бюджетная линейка и премиальная линейка. Такое «расслоение» ассортимента позволит завоевать широкую аудиторию: бюджетный продукт отберёт у импортера ценовую чувствительность аудито рии, а премиальный не даст обеспеченному потребителю уйти обратно к зарубеж ным брендам, если те вернутся.

В условиях снижения реальных доходов населения важно также рассмотреть варианты меньшего объёма фасовки, чтобы сохранить абсолютную цену покупки низкой. При этом экономию издержек следует искать не за счёт снижения качества спирта (репутационно опасно), а за счёт локального сы рья, оптимизации рецептур и упаковки. Кроме того, активная работа с органами власти может смягчить давление затрат: отраслевые союзы уже добились повыше ния МРЦ [11], в будущем целесообразно лоббировать стабильность акцизной политики и ме ры поддержки отечественных производителей (субсидии на сырьё, льготные кредиты на модернизацию и т.д.), что опосредованно снизит ценовое давление.

Обеспечение сырьём и технологическая независимость. Для снижения зависимости от внешних поставок необходимы диверсификация цепочек поставок, развитие отечественной сырьевой базы, долгосрочные контракты с поставщиками и инвестиции в модернизацию производственных мощностей. Одновременно, важно развивать собственные компетенции в разработке рецептур и совершенствовании технологий производства, что позволит повысить качество продукции и конкурентоспособность российских брендов.

Маркетинг и коммуникация с потребителем. В условиях ограничений на рекламу [10] продвижение продукции должно основываться на развитии бренда, эффективном присутствии в розничной торговле и сегменте HoReCa, а также использовании коктейльной культуры как инструмента формирования устойчивого потребительского спроса.

Конкуренция с параллельным импортом и возвращением брендов. Чтобы занять освободившиеся ниши прочно, мало выпустить продукт, но надо еще и защитить свою долю рынка от давления импортных аналогов. Для этого:

– компании должны строить свои бренды так, чтобы они были юридически защищены: не копи ровать дословно чужие названия и упаковку, а создавать оригинальную айдентику. Это снизит риск судебных претензий со стороны иностранных правообладателей и укрепит доверие покупателей;

– необходимо подготовиться к возможному возвращению западных брендов (через офици-

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

альные каналы или локализацию). В этом случае, отечественным производителям придётся конкурировать качеством и ценой. Поэтому ключевой стратегией является закрепление бренда до возврата кон курентов: занять полку, сформировать привычку у потребителя, добиться повторных покупок.

Если российский ликёр станет «своим» для потребителя, то даже возвра щение оригинала не вытеснит его полностью. Уже сейчас видно, что некоторые им портные ниши удаётся занять: например, доля отечественной продукции в сегменте ликёров достигла 69 % [1].

Стратегия – сделать так, чтобы к моменту возможного возврата иностранцев лидером продаж был уже российский бренд, проч но укоренившийся в потребительском сознании. Это и будет признаком устойчивого успеха на освободившихся нишах ЛВИ-сегмента.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что после 2022 года российский ликёро-водочный рынок претерпел существенные структурные изменения, связанные с сокращением импорта, уходом ряда международных производителей, усилением государственного регулирования и изменением потребительских предпочтений. В совокупности эти факторы сформировали новые условия функционирования рынка и создали возможности для расширения присутствия отечественных производителей в сегменте ликёров, настоек и бальзамов.

Проведённый PESTEL-анализ позволил комплексно оценить влияние политических, экономических, социальных, технологических, экологических и правовых факторов на развитие рассматриваемого сегмента. Установлено, что наибольшее влияние оказывают санкционные ограничения, изменение налоговой политики, рост себестоимости производства, развитие импортозамещения и трансформация моделей потребления, характеризующаяся увеличением интереса к коктейльной культуре и новым вкусовым решениям.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наиболее

благоприятные перспективы для освоения освободившихся рыночных ниш имеют средние и крупные российские производители, располагающие развитой производственной инфраструктурой, устойчивыми каналами поставок и широкой системой дистрибуции.

Вместе с тем, успешное долгосрочное развитие в данном сегменте невозможно только за счёт замещения ушедших зарубежных брендов.

Конкурентоспособность отечественной продукции должна основываться на обеспечении стабильного качества, разработке собственных рецептур, развитии брендов, совершенствовании ценовой стратегии и эффективном взаимодействии с предприятиями розничной торговли и HoReCa.

Практическая значимость исследования заключается в формулировании рекомендаций, которые могут быть использованы российскими производителями при разработке стратегий развития в условиях изменившейся конкурентной среды.

Полученные результаты также могут служить основой для дальнейших исследований, посвящённых оценке эффективности импортозамещения, анализу потребительского поведения и изучению долгосрочных тенденций развития российского рынка ликёро-водочных изделий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Продажи импортного алкоголя упали на 30 % от досанкционного уровня // РБК Вино. 2025. URL : https://www.rbc.ru/wine/news/68380f429a79476a5405a863
2. Рестораторы могут заменить Jägermeister бальзамами «Бугульма» и «Тайга» // Ведомости. 2022. URL : https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/02/948539-mogut-zamenit-jgermeister
3. Что включает план правительства по борьбе с потреблением алкоголя // Ведомости. 2024. URL : https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/16/1081537-chto-vklyuchaet-plan-pravitelstva-po-borbe-s-potrebleniem-alkogolya
4. Закон о повышении акцизов на табак, алкоголь и сладкие напитки принят Госдумой (второе и третье чтения) // Интерфакс. 2024. URL : https://www.interfax.ru/russia/987983

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

5. «Росспиртпром» после приватизации поднял цены на спирт // РБК. 2024. URL : https://www.rbc.ru/business/14/08/2024/66ba52029a794702995fe8f8
6. Производство ликёро-водочных напитков в РФ за год увеличилось на 29 % // Ural Business Consulting (URBC). 2025. URL : https://urbc.ru/1068134090-proizvodstvo-likerovodochnyh-napitkov-v-rf-za-god-uvelichilos-na-29.html
7. Новая эпоха трезвости // ВЦИОМ. 2024. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti
8. Как пьет Россия: тенденции и особенности потребления алкоголя в стране // РБК Вино. 2024. URL : https://www.rbc.ru/wine/news/666c26a09a79476bc80917f8
9. Алкогольный рынок в России в 2024 году: импортозамещение, чем заменят дешёвые вина из Европы // Lenta.ru. 2024. URL : https://lenta.ru/articles/2024/01/19/vina
10. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968
11. Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. 2025. URL : https://fsrar.gov.ru/files/37887

References:

1. Sales of Imported Alcohol Fell by 30 % from the Pre-Sanctions Level. RBK Wine, 2025. URL : https://www.rbc.ru/wine/news/68380f429a79476a5405a863
2. Restaurants Can Replace Jägermeister with Bugulma and Taiga Balms. Vedomosti, 2022. URL : https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/02/948539-mogut-zamenit-jgermeister
3. What the Government's Plan to Reduce Alcohol Consumption Includes. Vedomosti, 2024. URL : https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/16/1081537-chto-vklyuchaet-plan-pravitelstva-po-borbe-s-potrebleniem-alkogolya
4. Law on Increasing Excise Taxes on Tobacco, Alcohol and Sugary Drinks Adopted by the State Duma (Second and Third Readings). Interfax, 2024. URL : https://www.interfax.ru/russia/987983
5. Rosspirtprom Raised Alcohol Prices after Privatization. RBK, 2024. URL : https://www.rbc.ru/business/14/08/2024/66ba52029a794702995fe8f8
6. Production of Liqueur and Spirits in Russia Increased by 29 % over the Year. Ural Business Consulting (URBC), 2025. URL : https://urbc.ru/1068134090-proizvodstvo-likerovodochnyh-napitkov-v-rf-za-god-uvelichilos-na-29.html
7. A New Era of Sobriety. Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), 2024. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti
8. How Russia Drinks: Trends and Characteristics of Alcohol Consumption. RBK Wine, 2024. URL : https://www.rbc.ru/wine/news/666c26a09a79476bc80917f8
9. The Russian Alcohol Market in 2024: Import Substitution and Alternatives to Low-Cost European Wines. Lenta.ru, 2024. URL : https://lenta.ru/articles/2024/01/19/vina
10. Federal Law № 38-FZ of March 13, 2006 «On Advertising». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/
11. Data on the Volume and Share of Retail Alcohol Sales According to EGAIS by the Regions of the Russian Federation. Federal Service for Control over the Alcohol and Tobacco Market, 2025. URL : https://fsrar.gov.ru/files/37887

Информация об авторах

Сулейманова Карина Ашотовна
кандидат экономических наук,
доцент базовой кафедры торговой политики,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
ORCID iD: 0000-0002-2031-8193
suleymanova.ka@rea.ru

Сулейманов Ринат Рустамович
выпускник бакалавриата
Высшей школы экономики, г. Москва
ORCID iD: 0009-0007-1669-4384
rinat_sul@bk.ru

Karina A. Suleymanova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Basic Department of Trade Policy,
Plekhanov Russian University of Economics
ORCID iD: 0000-0002-2031-8193
suleymanova.ka@rea.ru

Rinat R. Suleymanov
Bachelor's Degree Graduate
from the Higher School of Economics, Moscow
ORCID iD: 0009-0007-1669-4384
rinat_sul@bk.ru

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Сулейманова К.А., Сулейманов Р.Р.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-28
УДК 334.7

Attribution
cc by

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРИМЕР КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Хомутов О.В.
Костромская государственная сельскохозяйственная академия

Аннотация. Агропромышленная интеграция – экономическое взаимодействие хозяйствующих субъектов по организационно-технологическому объединению производства, переработки, реализации сельскохозяйственной продукции. Сельскохозяйственные организации вступают в интеграционные связи с целью снижения риска, связанного с сельскохозяйственным производством, а перерабатывающие предприятия обеспечить себе стабильные доходы, благодаря наличию надежной сырьевой базы. В результате агропромышленной интеграции образуется синергетический и экономический эффекты, которые характеризуются увеличением выпуска продукции при неизменных объемах ресурсов, экономией текущих затрат, улучшением качества продукции и сокращением сроков ее поставки потребителю, а в итоге увеличением прибыли и рентабельности. В статье, на примере одного из молокоперерабатывающих предприятий, показана положительное влияние интеграции на объемы производства и реализации молока, устойчивость формирования сырьевой зоны и рынков сбыта, улучшение финансового результата.

Ключевые слова: интеграция, поставщики, переработка молока, себестоимость, цена, платежи, конкуренция, прибыль, рентабельность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF VERTICAL INTEGRATION: THE CASE OF THE KOSTROMA REGION

Oleg V. Khomutov
Kostroma State Agricultural Academy

Abstract. Agro-industrial integration is the economic interaction of economic entities in the organizational and technological integration of production, processing, and sales of agricultural products. Agricultural organizations enter into integration relations in order to reduce the risk associated with agricultural production, while processing enterprises ensure stable income by having a reliable raw material base. As a result of agro-industrial integration, synergetic and economic effects are formed, which are characterized by an increase in output with unchanged volumes of resources, savings in current costs, improvement in product quality, and reduction in the time it takes to deliver products to consumers, resulting in increased profits and profitability. The article uses the example of a milk processing enterprise to demonstrate the positive impact of integration on milk production and sales volumes, the stability of the raw materials and sales markets, and the improvement of financial results.

Keywords: integration, suppliers, milk processing, cost, price, payments, competition, profit, and profitability.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В представленной статье объектом исследования выступает интеграция. По утверждению Н.А. Середы, «прежде чем приступить к исследованию данной экономической категории, определению влияния интеграции на состояние сельского хозяйства и развитие сельских территорий, необходимо сформировать представление о ее генезисе» [1].

Необходимость развития интеграционных процессов в АПК обусловлена целым рядом факторов.

© Хомутов О.В.

Во-первых, современные вызовы требуют от аграрного сектора не только повышения уровня производительности, но и улучшения его устойчивости и адаптивности к современным экономическим вызовам.

Во-вторых, интеграция организаций из различных сфер агропромышленного комплекса, например, производителей сельскохозяйственной продукции, организаций пищевой перерабатывающей промышленности, дистрибьюторов и научного аграрного сообщества – позволяет оптимизировать использование ресурсов, повысить качество производства продовольствия и улучшить логистические цепочки [2].

Ф.К. Шакировым посчитано, что «сельхозтоваропроизводители на каждом этапе движения продукции теряют справедливую долю дохода от реализации продукции и получают лишь 25–30 % дохода от конечной цены, в то время как их затраты составляют 65–70 %» [3].

Подтверждением тому являются расчеты, произведенные Д.В. Ходосом, отметившим, что «сельскохозяйственные организации имеют наибольший удельный вес в общих затратах производства конечного продукта – 61 %. Затраты перерабатывающих организаций составляют 32 %, торговли – 7 %. В распределении же прибыли переработка занимает лидирующее положение – 50 %, сельские производители – 39 %» [4].

Обсуждение.

Мы разделяем точку зрения А.В. Турьянского и В.Л. Аничина, по утверждению которых «необходимость государственного регулирования взаимодействия хозяйствующих субъектов в АПК обусловлена тем, что, недополучая доходы от своей деятельности, отечественный сельскохозяйственный товаропроизводитель уменьшает или ограничивает предложение, что снижает продовольственную безопасность России. В проигрыше оказываются в конечном итоге и перерабатывающие организации, поскольку размеры их сырьевых зон сокращаются» [5].

Различают несколько форм интеграции: горизонтальную и вертикальную.

Горизонтальная предполагает объединение сельхозтоваропроизводителей вокруг наиболее финансово устойчивых хозяйств.

Вертикальная осуществляется посредством объединения производителей сырья с организациями переработки и торговли.

Функции управляющих компаний и интеграторов выполняют экономически-устойчивые организации, располагающие финансовыми ресурсами, прочным производственным потенциалом, возможностями получения кредитов и всех форм государственной поддержки и определяют стратегию развития, как всей корпоративной структуры, так и отдельно взятых участников интеграции.

В состав интегрированных формирований включают экономически несостоятельные сельскохозяйственные организации, что позволит сохранить их юридическую самостоятельность в сочетании с централизованным управлением со стороны головной организации, обеспечивающей перераспределение финансовых ресурсов [6].

Агропромышленный комплекс (АПК) является важной составной частью экономики Костромской области, включающей отрасли по производству сельскохозяйственной продукции, ее переработке и доведению до потребителя, а также обеспечивающие сельское хозяйство и перерабатывающую промышленность средствами производства.

Аграрный сектор Костромской области является одним из наиболее важных секторов экономики региона. Валовой региональный продукт составляет – 276043,9 млн руб., в том числе в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве – 19507,5 млн руб., что составляет 7,1% валового регионального продукта. В общей структуре инвестиций в основной капитал в регионе на долю аграрного сектора приходится – 2,3 %.

Одним из основных критериев деятельности аграрного сектора региона является соответствие, потребляемого продовольствия, рациональным нормам питания и качество питания населения.

По производству молочных продуктов, собственная обеспеченность составляет 68 %. Фактическое производство мяса и молока в регионе не отвечает требованиям Доктрины продовольственной безопасности РФ. Согласно Доктрины продовольственной безопасности РФ критерий собственной обеспеченности по мясу и мясопродуктам – 85 %; молоку и молокопродуктам – 90 %; картофелю – 95 % [7].

В целях диверсификации и повышения эффективности аграрного производства наиболее перспективной формой объединения является вертикальная интеграция, где наряду с производством сельскохозяйственного сырья осуществляется его переработка и сбыт конечной продукции.

Администрация региона и Департаментом АПК Костромской области разрабатывают меры государственной поддержки деятельности сельскохозяйственных организации, обращенные на усиление инновационной и инвестиционной активности субъектов агропромышленного комплекса, к таким мерам относятся:

– господдержка на техническую модернизацию АПК, строительство и (или) модернизацию объектов АПК;

© Хомутов О.В.

– господдержка в рамках реализации регионального проекта экспорт продукции АПК;

– предоставление субсидий на возмещение затрат на приобретение племенного молодняка сельскохозяйственных животных;

– господдержка в области страхования.

Результаты.

В Костромской области ООО «Космол»предприятие полного цикла попереработке молока, входящее в группу вертикальной интеграции предприятий АПК вместе с ЗАО «Агромол» (поставщик сырья в виде сырого молока). ЗАО «Агромол» владеет двумя фермами содержания КРС в с. Подольское Красносельского района Костромской области и с. Головинское Сусанинского района Костромской области. ЗАО «Агромол» не единственный поставщик сырого молока на предприятие ООО «Космол», так как потребность предприятия более 30 тыс. тонн сырого молока в год.

Основными крупными альтернативными (не входящими в интеграцию) поставщиками молока являются ООО МК «Бурмакинский» Ярославской области, СПК Гридино, ООО «Шуваловское молоко» Костромской области. Ценообразование в течение года зависит от текущего квартала и качества молока. В таблице 1 представлены объемы реализации молока, поставляемого на ООО «Космол» г. Кострома

Таблица 1

Объемы молока, поставляемого на ООО «Космол» г. Кострома

Предприятие	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
	Объем, т	Объем, т	Объем, т	Объем, т	Объем, т
ЗАО «Агромол»	19465	21957	31595	30860	20445
ООО Шуваловское молоко	4863	3374	3958	4077	728
СПК Гридино	2279	2184	2306	2963	1781
ОООМК Бурмакинский	3969	7247	1672	1561	3893
ИТОГО	30576	34762	39531	39461	26847

Основным поставщиком молока на ООО «Космол» является ЗАО «Агромол», так в 2020 году от общего объема закупаемого сырья на долю ЗАО «Агромол» приходилось 63,7 %, в 2021 году – 63,2 %, в 2022 году – 80 %, в 2023 году – 78,2 %, в 2024 году –76,2 %. Недостающие объемы сырья ООО «Космол» закупает у сельскохозяйственных организаций, не состоящих в интеграции, так ООО МК «Бурмакино» Ярославской области поставляет наибольшие объемы молока – 14,5 %, СПК «Гридино» – 6,6 %, ООО «Шуваловское молоко» – 2,7 %. Объемы закупаемого молока на ООО «Космол» за 5 лет снизились на 3729 тонн или на 12 %, наибольшее снижение по закупке молока наблюдается в ООО «Шуваловское молоко» на 4135 тонн или на 85 %, в СПК «Гридино» закупки снизились на 498 тонн или на 22 %. Себестоимость 1 ц. молока в ЗАО «Агромол» в 2024 году составила 3024 руб., цена реализации 1 ц. молока 4540,18 руб., по такой цене молоко реализуется на ООО «Космол» рентабельность производства составила 50,1 %. Себестоимость 1 ц. молока в СПК «Гридино» в 2024 году составила 3060,0 руб., средняя цена реализации 1 ц. молока 4077,05 руб., рентабельность производства 33,2 %, но цена реализации 1 ц. молока в ООО «Космол» – 3060 руб., то есть по себестоимости и только покрываются затраты, прибыли нет. В 2023 году в СПК «Гридино» себестоимость молока составляла 2478 руб./ц., средняя цена реализации – 3588,63 руб./ц., рентабельность производства составила 44,8 %, цена реализации молока на ООО «Космол» 3136 руб./ц., рентабельность производства 26,6 %.

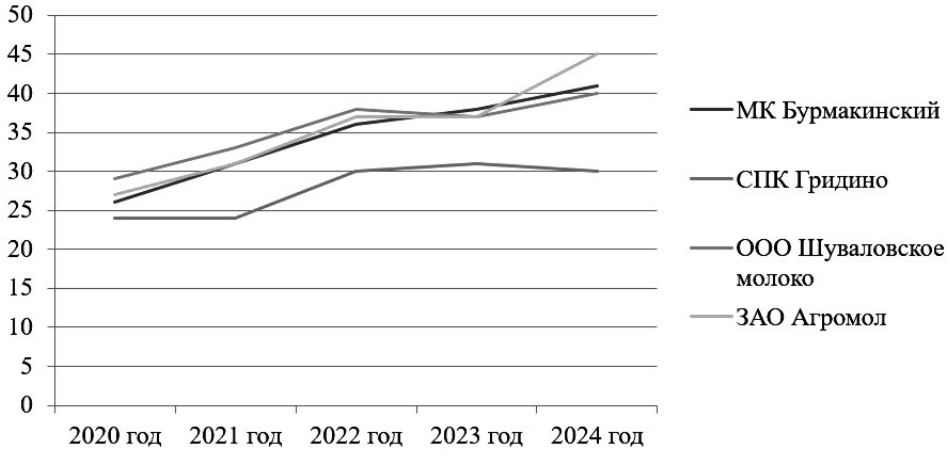

Рисунок 1 – Цены закупки сырого молока за 1 кг/руб.

© Хомутов О.В.

Средняя цена закупки молока у основных альтернативных поставщиков молока за 5 лет возросла на 42 %, объемы закупки молока снизились на 470 тонн или на 42 %. У ЗАО «Агромол» цены реализации выше и возросли за 5 лет на 67 %, объемы реализации молока увеличились на 5 %. Платежи с контрагентами осуществляются либо по факту поставки молока, либо предоставляется отсрочка до 10 рабочих дней. Разница в ценах у поставщиков Костромской области и поставщиков от других областей объясняется тем, что в цену от поставщиков из других областей включены транспортные расходы. На территории Костромской области цена ниже, так как молоко ООО «Космол» забирает своим имеющимся парком молоковозов.

Рыночное ценообразование стоимости сырья лежит в основе ценообразования внутри группы интегрированных формирований. Для того чтобы иметь определенную массу свободных оборотных средств для текущей деятельности, ООО «Космол» закупает у ЗАО «Агромол» сырье на уровне среднерыночных цен или чуть выше среднерыночных цен, с предоставлением от ЗАО «Агромол» отсрочки платежа до 30 рабочих дней, молоко привозится собственным парком молоковозов, но цена за сырье устанавливается с таким расчетом, чтобы ЗАО «Агромол» мог обеспечивать заготовку кормов и обслуживание стада и финансовая деятельность ЗАО «Агромол» не была убыточной, таким образом, ООО «Космол» инвестирует ценой закупки молока в современное обслуживание стада КРС, обеспечивает своевременную заготовку кормов, а ЗАО «Агромол» стремится увеличивать объемы производства и реализации молока.

Выручка ООО «Космол» за анализированный период выросла на 492 млн руб. или на 27,7 %. Предприятие, показывая стабильный рост выручки, является одним из предприятий отрасли, которое активно кредитуют банки, с учетом достаточной залоговой массы, предоставляемой как ООО «Космол», так и ЗАО «Агромол» в рамках финансово-залоговой интеграции предприятий. В целом валюта баланса выросла на 78257 тыс. руб. или на 11 %. Рост основных средств связан с инвестиционной деятельностью предприятия и составил 104 млн руб. или 28,6 %. Объем нераспределенной прибыли ежегодно растет, за 5 лет рост составил 9,7 млн руб. или 21 %.

Инвестировать в собственное производство позволяют следующие факторы:

– предоставление значительной отсрочки до 30 календарных дней от предприятия группы ЗАО «Агромол» за поставку сырого молока, что позволяет вкладывать свободные оборотные средства в модернизацию;

– заемные средства, получение которых так же возможно за счет перекрестной залоговой массы с ЗАО «Агромол»;

– нераспределенная прибыль, которая растет из года в год за счет получения ООО «Космол» ежегодной чистой прибыли

Так, за анализируемый период были осуществлены следующие основные инвестиционные вложения:

– построены и введены в эксплуатацию холодильный камеры для хранения мороженого, сумма инвестиций 300 млн руб.;

– печь для вафельных стаканчиков мороженого – 93 млн руб.;

– покупка 2-х новых молоковозов – 10 млн руб.;

– оборудование для маркировки QR-кодов – 4 млн руб.

Оборудование для маркировки QR-кодов было приобретено в рамках обязательной кодировки отслеживания производства молочной продукции с помощью программного обеспечения «Меркурий». Схема отслеживания и занесения на QR-код выглядит следующим образом:

– ЗАО «Агромол» производит партию сырого молоко и отдает его для проверки качества в ветеринарную лабораторию для получения ветеринарного свидетельства;

– После проверки качества получают ветеринарное свидетельство на поставляемую партию и заводят это свидетельство в программу «Меркурий»;

– ООО «Космол» привозит партию молока на завод и повторно проверяет качество молока в своей лаборатории;

– Если качество молока в лаборатории ООО «Космол» подтверждено, то ООО «Космол» «гасит» ветеринарное свидетельство, выданное ветеринарной лабораторией ЗАО «Агромол», тем самым подтверждая качество молока;

– После этого, молоко идет на переработку, на готовую продукцию с помощью специального оборудования наносится QR-код, на котором записан весть процесс от производителя до переработчика (номер партии молока, когда было получено и погашено ветеринарное свидетельство, когда была переработка, срок годности и друга информация).

Такая процедура происходит с каждым поставщиком сырья на ООО «Космол». Данное кодирование было введено, чтоб улучшить качество молочной продукции, а также отслеживание объемов продаж для контроля налоговыми органами с точки зрения налогообложения.

ООО «Космол» производит следующие виды молочной продукции: молоко, творог, сметана, мороженое, кефир, масло, ряженка, снежок.

В таблице 2 представлены объемы реализации готовой продукции, средняя оптовая цена реализации, выручка.

© Хомутов О.В.

Таблица 2

Показатели реализации готовой продукции ООО «Космол» г. Кострома

Наименование продукции	2021			2022			2023			2024		
	Упаковок/шт	Выручка, млн руб	Ср.опт. цена руб/ шт	Упаковок/шт	Выручка, млн руб	Ср.опт .цена руб/ шт	Упаковок/шт	Выручка, млн руб	Ср.опт. цена руб/ шт	Упаковок/шт	Выручка, млн руб	Ср.опт. цена руб/ шт
Молоко	19946353	738	37	12174648	602	49	12916865	654	51	14819927	857	57
Творог	2379121	142	59	2869203	200	69	3509652	254	72	3343982	259	78
Сметана	3394927	139	40	3326334	163	49	3493557	177	51	3821695	216	56
Мороженое	14409596	363	25	17159999	488	28	20024085	564	28	17427470	554	31
Кефир	6767863	254	37	4554112	220	48	3803214	194	51	3968866	232	59
Масло	1607076	137	85	1557597	178	114	1705275	197	115	1060545	147	139
Итого	–	1773	–	–	1851	–	–	2040	–	–	2265	–

Наибольший удельный вес в выручке приходится на молоко 38 %, на втором месте по выручке является продукция мороженого 24 %.

В Костромской области конкурентов по объему реализуемой продукции у ООО «Космол» нет, конкурентами являются другие молокоперерабатывающие предприятияиз соседних регионов, такие как: ТМ «Волжанка» г. Вологда, АО «Фурмановский гормолзавод» Ивановская область, ООО «Суздальский молочный завод» Владимирская область, АО «Нижегородский завод № 1» г. Нижний Новгород, АО «Озерецкий молочный комбинат» г. Дмитров, Московская область, ООО «Дары молока» г. Москва.

Заключение.

ООО «Комол» с учетом большого объема поставляемой готовой продукции в торговые сети, а от большого объема поставляемой продукции торговые сети делают меньшую розничную наценку, чем от других поставщиков молочной продукции, розничная цена продукции ООО «Космол» в торговых сетях конкурентна по сравнению с другими производителями, а где-то даже ниже цен на аналогичную продукцию, что делает ее более доступной для покупателей, и, следовательно, она быстрее и лучше продается.

Таким образом деятельность сельскохозяйственных организаций в условиях интеграции стимулирует их к росту объемов производства и реализации молока, а предприятие интегратор получит гарантированный объем сырья для стабильной работы. Недостающие объемы сырья ООО «Космол» закупает у других, можно сказать постоянных, поставщиков, но по ценам ниже, чем средние закупочные по предприятию, но для них это тоже надежный рынок сбыта молока.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Середа Н.А. Роль модернизации инфраструктуры и повышения эффективности сельского хозяйства и развития сельских территорий : монография / Н.А. Середа, Р.Р. Шамин. Караваево : Костромская ГСХА, 2019. 158 с. ISBN: 978-5-93222-331-4 EDN: YHKWAL
2. Хайруллин М.Ф. Развитие интеграционных процессов в АПК / М.Ф. Хайруллин, А.Н. Минина, Ю.С. Колесник // Вестник НГИЭИ. 2024. № 10(161). 122 с. DOI: 10.24412/2227-9407-2024-10-120-128 EDN: LRRPCU
3. Цибирев А.А. Механизм регулирования средней прибыли и цены производства в АПК / А.А. Цибирев, Ф.К. Шакиров, С.А. Парвицкий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 11. С. 25–27. EDN: KAWVZV
4. Ходос Д.В. Экономические механизмы функционирования регионального АПК // Электронный научный журнал «Региональная экономика и управление». 2006. № 2. URL : http://region.mcnip.ru. EDN: OOYZNJ
5. Турьянский А.В. Сельскохозяйственная кооперация и агропро-мышленная интеграция : учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. / А.В. Турьянский, В.Л. Аничин. Белгород : Изд-во БелГСХА, 2010. 192 с. EDN: SGCIKF

© Хомутов О.В.

6. Голубева А.И. Стимулирование труда работников сельскохозяйственных организаций в условиях трансформации механизма хозяйствования / А.И. Голубева, Г.В. Фадеева. Караваево : Костромская ГСХА, 2014. 252 с. ISBN: 978-5-93222-262-1 EDN: XAVRNF
7. Костромская область в цифрах (2025): краткий статистический сборник. 2025. 95 с.

References:

1. Sereda N.A. The role of infrastructure modernization and increasing the efficiency of agriculture and rural development : monograph / N.A. Sereda, R.R. Shamin. Karavaevo : Kostroma State Agricultural Academy, 2019. 158 p. ISBN: 978-5-93222-331-4 EDN: YHKWAL
2. Khairullin M.F. Development of integration processes in agriculture / M.F. Khairullin, A.N. Minina, Yu.S. Kolesnik // Bulletin of NGIEI. 2024. № 10(161). 122 c. DOI: 10.24412/2227-9407-2024-10-120-128 EDN: LRRPCU
3. Tsibirev A.A. Mechanism of regulation of average profit and price of production in agriculture / A.A. Tsibirev, F.K. Shakirov, S.A. Parvitsky // Economics of agricultural and processing enterprises. 2008. № 11. P. 25–27. EDN: KAWVZV
4. Khodos D.V. Economic mechanisms of functioning of the regional agro-industrial complex // Electronic scientific journal «Regional Economics and Management». 2006. № 2. URL : http://region.mcnip.ru EDN: OOYZNJ
5. Turyansky A.V. Agricultural cooperation and agro-industrial integration : textbook. 2nd ed. ispr. and add. / A.V. Turyansky, V.L. Anichin. Belgorod : Publishing House of the Belarusian Agricultural Academy, 2010. 192 p. EDN: SGCIKF
6. Golubeva A.I. Stimulating the work of agricultural workers in conditions of transformation of the management mechanism / A.I. Golubeva, G.V. Fadeeva. Karavaevo : Kostroma State Agricultural Academy, 2014. 252 p. ISBN: 978-5-93222-262-1 EDN: XAVRNF
7. Kostroma region in numbers (2025): a short statistical collection. 2025. 95 p.

Информация об авторе

Хомутов Олег Владимирович
аспирант кафедры экономики и менеджмента,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
OL_29@bk.ru

Oleg V. Khomutov
Postgraduate Student of the Department
of Economics and Management,
Kostroma State Agricultural Academy
OL_29@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Хомутов О.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-31
УДК 338.45

Attribution
cc by

РЕФОРМИРОВАНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Чугаева Ю.А.
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. В современных условиях на нефтяную промышленность оказывают влияние различные эндогенные и экзогенные факторы, которые приводят к дестабилизирующему состоянию экономической безопасности России. В статье обозначены ключевые проблемы налогообложения нефтяной промышленности. Выявлено, что действующая система налогообложения в РФ не адаптирована к санкционному давлению и ускоренному энергетическому переходу. Предложено реформирование расчета НДПИ, экспортной пошлины на нефть, демпферных платежей на нефтепродукты и налога на добавленный доход. Предложенный расчет НДПИ будет учитывать фактический нефтяной бенчмарк-индекс; бенчмарк-индекс, заложенный в федеральный бюджет на соответствующий год; индекс-дефлятор, согласно данным Минэкономразвития России, коэффициент эластичности, коэффициент, характеризующий углеродный след, льготный коэффициент, степень выработанности месторождений, качество нефти и географическое расположение. При расчете демпфера предложено использование коэффициента, учитывающего глубину переработку нефти; коэффициента, учитывающего уровень развития инфраструктуры, стоимость логистических операций; коэффициента, учитывающего «углеродный след» при нефтепереработке. В расчете экспортной пошлины будет учитываться доля технологической независимости нефтяных компаний, социальный вклад нефтяных компаний, логистическое направление и уровень углеродного следа. Вместо использования НДД предлагается применение аукциона налоговых вычетов для нефтяных компаний. Предложенные инструменты реформирования налогообложения нефтяной промышленности позволят обеспечить устойчивое развитие нефтяной отрасли и экономическую безопасность России.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивое развитие нефтяной промышленности, угрозы, реформирование налогообложения, налоги, демпфер, экспортная пошлина, налог на добавленный доход, налог на добычу полезных ископаемых

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

TAXATION REFORM IN THE SYSTEM FOR ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE OIL INDUSTRY

Yulia A. Chugaeva
Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. In the current environment, the oil industry is impacted by various endogenous and exogenous factors, which have a destabilizing effect on Russia's economic security. This article identifies key issues related to taxation in the oil industry. It is found that the current taxation system in the Russian Federation is not adapted to the pressure of sanctions and the accelerated energy transition. Reforms are proposed for the calculation of the mineral extraction tax, the export duty on oil, damping payments on petroleum products, and the value-added tax. The proposed mineral extraction tax calculation will take into account the actual oil benchmark index; the benchmark index included in the federal budget for the relevant year; the deflator index according to data from the Russian Ministry of Economic Development; the elasticity coefficient; the coefficient characterizing the carbon footprint; the preferential coefficient; the degree of field depletion; oil quality; and geographic location. When calculating the damper, it is proposed to use a coefficient taking into account the depth of oil refining; A coefficient taking into account the level of infrastructure development and the cost of logistics operations; and a coefficient taking into account the carbon footprint of oil refining. The calculation of the export duty will take into account the share of technological independence of oil companies, their so-

© Чугаева Ю.А.

cial contribution, logistics, and the level of their carbon footprint. Instead of using the additional profit tax (APT), a tax deduction auction for oil companies is proposed. The proposed tools for reforming oil industry taxation will ensure the sustainable development of the oil industry and Russia's economic security.

Keywords: economic security, sustainable development of the oil industry, threats, tax reform, taxes, damper, export duty, value-added tax, mineral extraction tax.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современная система налогообложения нефтяной промышленности не лишена недостатков. Основными налогами, уплачиваемыми нефтяной промышленностью, являются: налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход, акцизы, экспортные пошлины, налог на имущество, земельный налог, налог на прибыль и др. В 2026 г. ставка НДПИ за 1 тонну нефти составит 919 рублей за тонну, которая, в свою очередь, корректируется на ценовой коэффициент, находящийся в зависимости от мировых цен на Urals и курса доллара. При расчете НДПИ применяется коэффициент, учитывающий особенности добычи нефти. Однако следует отметить, что мировые цены на Urals в НДПИ продолжают рассчитываться, согласно данным ценового агентства Argus, несмотря на установленный запрет на использование зарубежных исследований товарных рынков с 1 марта 2026 года.

Для ФНС предоставляет сведения Министерство экономического развития, которое, в свою очередь, получает их от данных Argus. Согласно законопроекту, до 2028 г. в РФ в целях налогообложения можно продолжать использовать котировки данного зарубежного ценового агентства. В современных условиях не создан российский аналог зарубежного ценового агентства, а данные Argus не являются достоверными и прозрачными, однако продолжает использоваться информация этого источника [7].

Следует отметить, что данные зарубежного ценового агентства не являются репрезентативными. Argus фиксирует цену реальных сделок с учетом дисконтов. После усиления санкционного давления в 2022 г. определенная часть сделок стали теневыми, а, значит, они не попадают в выборку Argus. Превалирующая часть экспорта нефти направляется в такие страны, как Китай и Индия, что снижает зависимость от Brent и усиливает зависимость от азиатского эталона Dubai. Следует отметить, что до 2022 г. котировки Argus рассчитывались на базе CIF в европейских портах Роттердам и Аугуста. После усиления санкционного давления в 2022 г. Argus начали использовать при ценообразовании цены на базисе FOB в портах Приморск, Усть-Луга, Новороссийск. Для получения информации используются реальные сделки, заявки на покупку и продажу, экспертные оценки и т.д. Цены на Urals формируются с дисконтом к североамериканскому Brent, а ESPO – с дисконтом к Dubai.

Преобладающими контрактами на рынке экспортной нефти являются внебиржевые контракты, а внутренние цены привязаны к нетбэкам [5]. Таким образом, система ценообразования на российскую нефть не является независимой и транспарентной в современных условиях, что негативно отражается на системе налогообложения и доходной части бюджета РФ.

При формировании бюджетного правила используется цена отсечения для российского сорта нефти Urals, при превышении которой дополнительные нефтегазовые доходы пополняют ФНБ, если же цена ниже данного порога, то золото и валюта продаются из ФНБ. В 2026 году цена отсечения составила 59 долларов за баррель. Вместе с тем, следует отметить, что данное бюджетное правило может привести к реализации долгосрочных рисков [9].

Что касается экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, то их обнулили в рамках завершения налогового маневра. До отмены экспортной пошлины экспортные операции были менее выгодны из-за наличия данного барьера. После обнуления экспортных пошлин основная налоговая нагрузка была переложена на НДПИ. В целом, для нефтяных компаний продажа нефти за рубеж и внутри страны становится равнозначной. Для того чтобы не росли внутренние цены, государство предусмотрело использование демпферного механизма. Данный инструмент способствует тому, чтобы внутренние цены на топливо не увеличивались вслед за ростом мировых цен на нефть.

Кроме того, нефтяные компании выплачивают налог на дополнительный доход, который был введен в 2019 г. В качестве налогооблагаемой базы выступает разница между выручкой и затратами, а налог составляет 50 % [1].

Если нефтяные компании используют НДД, то НДПИ выплачивается по льготным ставкам. Основной целью использования данного налога является стимулирование разработки маргинальных запасов нефти. Вместе с тем, как показали результаты, были отмечены низкие притоки инвестиций, и возникли выпадающие доходы из бюджета [3].

Обсуждение. Результаты.

Для повышения эффективности системы налогообложения предлагается реформирование расчета НДПИ, экспортной пошлины и демпферных платежей. «Предлагаемая формула расчета НДПИ:

© Чугаева Ю.А.

$$НДПИ = БС \times Кц \times Кльг \times Куг, \quad (1)$$

где Бс – базовая ставка; Куг – коэффициент, характеризующий углеродный след; Кц – ценовой коэффициент; Кльг – льготный коэффициент.

Ценовой коэффициент предлагается рассчитывать по формуле 2:

$$Кц = (BI_{факт} – BI_{этал} * I) / (BI_{этал} * I) * K_{эласт} + 1, \quad (2)$$

где $BI_{факт}$ – фактический нефтяной бенчмарк-индекс; $BI_{этал}$ – бенчмарк-индекс, заложенный в федеральный бюджет на соответствующий год; I – Индекс-дефлятор, согласно данным Минэкономразвития России» [9]; $K_{эласт}$ – Коэффициент эластичности. Он определяет, насколько сильно изменение цены влияет на рост налога; 1 – Единица, обеспечивающая то, что при цене, равной базовой (с учетом дефлятора), Кц = 1.

Коэффициент эластичности будет дифференцирован в зависимости от отклонения бенчмарк-индекса от эталонного бенчмарк-индекса. Если отклонение будет больше 0,15, то коэффициент эластичности будет равным 0,3, если данная разница будет соответствовать пределу –0,15 < D < 0,15, то $K_{эласт}$ будет равен 0,5, если эта разница будет меньше –0,15, то коэффициент эластичности будет составлять 0,7.

Кроме того, в современных условиях ускоренного энергетического перехода и ужесточения экологических требований предлагается использовать коэффициент, характеризующий углеродный след (Куг):

$$«K_{уг} = (C_{факт}) / (C_{норм}), \quad (3)$$

где $C_{факт}$ – фактический уровень сжигания попутного нефтяного газа; $C_{норм}$ – нормативный утилизации попутного нефтяного газа, установленный законодательно» [9].

Льготный коэффициент будет учитывать степень выработанности месторождений, качество нефти и географическое расположение (табл. 1).

Таблица 1

Градация льготных коэффициентов при расчете НДПИ

Значительная степень выработанности месторождения нефти	Арктический шельф	Тяжелая нефть	Высокосернистая нефть	Кльгот
				1
V				0,8
	V			0,6
		V		0,85
			V	0,9
V		V		0,65
V			V	0,7
	V	V		0,45
	V		V	0,5
		V	V	0,75
V		V	V	0,55
	V	V	V	0,35
V	V			0,4
V	V	V		0,3
V	V		V	0,3
V	V	V	V	0,3

«Для расчета экспортной пошлины на нефть предлагается использование следующей формулы:

$$ЭП = БС \times (1 – Ксоц) \times (1– d_{техн}) \times Ктр \times КСО2, \quad (4)$$

где БС – базовая ставка; Ксоц – доля прибыли до налогообложения, которая направляется на социальные инвестиции; dтехн – доля российского нефтесервисного оборудования, используемого при добыче нефти; Ктр – коэффициент транспортного направления экспорта; КСО2 – коэффициент, характеризующий углеродный след.

В расчете экспортной пошлины будет учитываться доля технологической независимости нефтяных компаний, социальный вклад нефтяных компаний, логистическое направление и уровень углеродного следа.

Коэффициент транспортного направления экспорта принимает следующие значения:

Ктр – 1,0 – для западного направления, 0,7 – для восточного.

Коэффициент, характеризующий углеродный след, будет рассчитан по следующей формуле:

$$КСО2 = (Сфакт) / (Снорм), \quad (5)$$

где С факт – фактический уровень сжигания попутного нефтяного газа; С норм – нормативный утилизации попутного нефтяного газа, установленный законодательно» [9].

Применение данного метода расчета экспортной пошлины будет направлено на увеличение доли национального оборудования в нефтесервисных технологиях, развитие восточного направления

© Чугаева Ю.А.

экспорта, социальных инвестиций, снижение углеродного следа.

С целью стабилизации внутренних цен на нефтепродукты в РФ используется демпферный механизм, который был введен в 2019 г.

При этом, если экспортная цена на нефтепродукты выше внутренней цены, то государство выплачивает нефтяной компании компенсацию нефтяным компаниям, если, наоборот, то нефтяные компании должны выплачивать средства в бюджет. Таким образом, демпфер используется, когда экспортный нетбэк превышает индикативные внутренние цены на нефтепродукты. Обнуление демферных выплат происходит, если средние цены на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже превышали индикативные цены, которые устанавливались законодательно (на 10 % и 20 % соответственно).

Для расчета демпферных платежей используется нижеприведенная формула:

Демпфер = 0,68 × [экспортный нетбэк на бензин – индикативная цена на бензин] × объем реализации бензина (в т) + 0,65 × [экспортный нетбэк на дизельное топливо – индикативная цена на дизельное топливо] х объем реализации дизельного топлива (6). Источник: [10].

Для обеспечения устойчивого экономического развития предлагается изменить формулу для расчета демпферных выплат:

$$\text{Демпфер} = \text{Базовый} \times$$

$$\times (1 + K_гл + K_лог – K_CO2), \qquad (7)$$

где Кгл – коэффициент, учитывающий глубину переработку нефти; Клог – коэффициент, учитывающий уровень развития инфраструктуры, стоимость логистических операций; КСО2 – коэффициент, учитывающий «углеродный след» при нефтепереработке.

Чем выше будет глубина переработки нефти, транспортные издержки и чем меньше будет объем сжигания попутного нефтяного газа, тем больший размер демпферных выплат смогут получить нефтяные компании. С помощью использования предложенной формулы будет стимулироваться увеличение глубины переработки нефтепереработки и снижение углеродного следа посредством сокращения сжигания попутного нефтяного газа.

Автором предлагается трансформация системы налога на добавленный доход. Вместо использования НДД предлагается применение аукциона налоговых вычетов для нефтяных компаний, которые можно будет использовать для разработки трудноизвлекаемых запасов нефти, проектов, связанных со снижением углеродного следа, активной цифровизации нефтяной промышленности и др.

Заключение.

Предложенные инструменты реформирования налогообложения нефтяной промышленности позволят, с одной стороны, увеличить доходную часть бюджета, а с другой, позволит сократить внутренние цены на нефтепродукты, стимулировать добычу нефти на арктическом шельфе, снижение углеродного следа, активизировать работу с трудноизвлекаемыми запасами нефти и будет формировать устойчивое развитие нефтяной промышленности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671
2. Аннадурдыева Г.А. Правовое обеспечение налоговой, инвестиционной и ценовой политики в нефтегазовом комплексе России / Г.А. Аннадурдыева, И.К. Гапонов // Образование и право. 2023. № 4. С. 268–275. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-268-275 EDN: CKCFTN
3. Богданов Н.С. Анализ эффективности применения инструментов бюджетно-налогового регулирования нефтегазового сектора Российской Федерации // Нефть, газ и право. 2020. № 3. С. 27–34. EDN: HCJQDQ
4. Зайцев А.А. Сравнительный анализ фискального и стимулирующего воздействия налоговых режимов ТЭК России, Индии и Китая в контексте инноваций энергетического перехода / А.А. Зайцев, Е.М. Долгополова, В.А. Дегтерева // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5(61). С. 199–202. EDN: DNBSTK
5. Зельднер А.Г. Налоговый маневр в управлении ростом доходной части бюджета // Экономические науки. 2020. № 189. С. 37–42. DOI: 10.14451/1.189.37 EDN: MUCCKN

© Чугаева Ю.А.

6. Какава Л.О. Налог на добычу полезных ископаемых как одна из основных проблем развития нефтегазового сектора экономики России / Л.О. Какава, Г.Г. Унанов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 6(120). С. 52–55. EDN: FGCIPR
7. Рахматуллина О.В. Особенности применения налога на добычу полезных ископаемых в сфере ТЭК в Оренбургской области // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 32–38. EDN: VMNBQQ
8. Рогинко С. Трансграничные углеродные налоги: риски для российского ТЭК // Энергетическая политика. 2021. № 10(164). С. 38–47. DOI: 10.46920/2409-5516_2021_10164_38 EDN: BQHBMP
9. Чугаева Ю.А. Совершенствование системы налогообложения нефтяной промышленности как фактор обеспечения устойчивого развития отрасли и экономической безопасности России в условиях энергетического перехода и санкционного давления // Экономические науки. 2025. № 251. С. 30–36. DOI: 10.14451/1.251.30 EDN: PEMHKP
10. Официальный сайт РБК. URL : https://www.rbc.ru/base/10/06/2026/6a10453f9a7947fcdff60fa0

References:

1. The Tax Code of the Russian Federation. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671
2. Annadurdyeva G.A. Legal support of tax, investment and pricing policy in the Russian oil and gas complex / G.A. Annadurdyeva, I.K. Gaponov // Education and Law. 2023. № 4. P. 268–275. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-268-275 EDN: CKCFTN
3. Bogdanov N.S. Analysis of the effectiveness of the use of instruments of budgetary and tax regulation of the oil and gas sector of the Russian Federation // Oil, gas and law. 2020. № 3. P. 27–34. EDN: HCJQDQ
4. Zaitsev A.A. Comparative analysis of the fiscal and stimulating effects of the tax regimes of the fuel and energy complex of Russia, India and China in the context of energy transition innovations / A.A. Zaitsev, E.M. Dolgopolova, V.A. Degtereva // Natural sciences and humanities research. 2025. № 5(61). P. 199–202. EDN: DNBSTK
5. Zeldner A.G. Tax maneuver in managing the growth of the revenue side of the budget // Economic sciences. 2020. № 189. P. 37–42. DOI: 10.14451/1.189.37 EDN: MUCCKN
6. Kakava L.O. The tax on mining as one of the main problems of the development of the oil and gas sector of the Russian economy / L.O. Kakava, G.G. Unanov // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2019. № 6(120). P. 52–55. EDN: FGCIPR
7. Rakhmatullina O.V. Specifics of the application of the tax on mining in the fuel and energy sector in the Orenburg region // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2018. № 37. P. 32–38. EDN: VMNBQQ
8. Roginko S. Cross-border carbon taxes: risks for the Russian fuel and energy sector // Energy policy. 2021. № 10(164). P. 38–47. DOI: 10.46920/2409-5516_2021_10164_38 EDN: BQHBMP
9. Chugaeva Yu.A. Improving the taxation system of the oil industry as a factor in ensuring the sustainable development of the industry and economic security of Russia in the context of the energy transition and sanctions pressure // Economic sciences. 2025. № 251. P. 30–36. DOI: 10.14451/1.251.30 EDN: PEMHKP
10. The official website of RBC. URL : Source: https://www.rbc.ru/base/10/06/2026/6a10453f9a7947fcdff60fa0

Информация об авторе

Чугаева Юлия Анатольевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики
и внешнеэкономической деятельности,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
ORCID iD: 0000-0001-6733-007X
yuachugaeva@mail.ru

Yulia A. Chugaeva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economics and Foreign Economic Activity,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
ORCID iD: 0000-0001-6733-007X
yuachugaeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Чугаева Ю.А.

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 7 от 24.06.2026

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
д-р соц. наук, профессор
Хунагов Рашид Думаличевич

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.07.2026
Подписано к публикации 24.07.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e–mail: id-yug@id-yug.com